

НАХИМОВ

Н. Петрова

Наталья
Петрова

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

НАХИМОВ

ЖЗЛ

ЖИЗНЬ®
ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ
ЛЮДЕЙ

Серия биографий

Основана в 1890 году
Ф. Павленковым
и продолжена в 1933 году
М. Горьким

ВЫПУСК

1996

(1796)

Наталья Петрова

НАХИМОВ

МОСКВА
МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ
2019

УДК 94(47)(092)“18”
ББК 63.3(2)521
П 30

знак информационной
продукции **16+**

ISBN 978-5-235-04312-1

© Петрова Н. Г., 2019
© Издательство АО «Молодая гвардия»,
художественное оформление, 2019

ПРЕДИСЛОВИЕ

Четвертого сентября 1943 года Сталин и Молотов встретились в Кремле с тремя оставшимися на свободе архиереями — митрополитами Сергием (Страгородским), Алексием (Симанским) и Николаем (Ярушевичем). С этого дня власть больше не препятствовала деятельности Церкви, начала возрождаться религиозная жизнь страны, на архиерейском соборе был избран патриарх — им стал Сергей.

В том же году в армию вернулись погоны и офицерские звания, исчез институт военных комиссаров, был распущен Коминтерн, по радио зазвучали забытые песни: «Врагу не сдастся наш гордый “Варяг”, пощады никто не желает», вместо «Интернационала» запели другой гимн — А. Александрова на слова С. Михалкова и Эль-Регистана. В самый тяжелый период войны стало ясно, что воспитать любовь к Отечеству на одной идее мировой революции не получится, цементировать общество нужно национальными традициями, придется заново прочесть славные страницы истории русской армии и вспомнить основательно подзабытых полководцев прошлого.

В 1943 году были учреждены ордена в честь Александра Невского, Суворова и Кутузова, в 1944-м — ордена флотоводцев Ушакова и Нахимова. Орденом Нахимова награждались офицеры Военно-морского флота за искусно проведенные боевые операции, смелое и решительное личное руководство, хорошо организованные десанты. В биографии адмирала Нахимова наберется немало примеров подобных действий, как, впрочем, и в биографиях других известных русских флотоводцев. Но сам Нахимов, с его заботой о моряках, скромностью, жертвованием собой во имя долга давно стал национальным символом стойкости и мужества, «душой обороны», как называли его севастопольцы.

Литература о Нахимове обширна, воспоминания о нем стали печататься сразу после его гибели. Особенно много информации появилось после 1867 года, когда в одном из авторитетных журналов были напечатаны без подписи «Записки севастопольца», автор которых представил скорее карикатуру на Нахимова, чем его портрет. Возмущенные моряки и защитники Севастополя начали присылать в журналы и газеты письма с опровержениями, свои воспоминания об адмирале. Словом, нет худа без добра — так собралась большая мемуарная литература о Нахимове.

Первая биография адмирала появилась в 1902 году, к столетию со дня его рождения. Точную дату установил автор книги, историк русского флота П. И. Белавенец, обнаружив в архивах метрическое свидетельство Нахимова. В годы Великой Отечественной войны издательство «Молодая гвардия» выпустило небольшую книжечку «Нахимов» в тонкой обложке, которая легко умещалась в кармане гимнастерки. В ней Е. Тарле рассказывал о двух последних годах жизни Нахимова — сражении при Синопе и обороне Севастополя. После войны эта книга была напечатана в серии «ЖЗЛ». В той же серии в 1970 году вышла биография Нахимова в авторстве Ю. Давыдова.

Огромную работу по изучению, поиску и публикации документов, связанных с Нахимовым, провел В. Поликарпов, автор книги «Павел Степанович Нахимов», опубликованной в 1960 году Воениздатом. Добросовестный исследователь изложил все известные на тот момент факты биографии Нахимова, установил место рождения, уточнил расположение имения его родителей и храма, где был крещен будущий адмирал, нашел остатки фамильного склепа Нахимовых. К двухсотлетию со дня рождения флотоводца Военно-морской архив напечатал двухтомник документов из разных архивов страны, в котором появились новые материалы о Нахимове.

Автору этой книги удалось найти в архивах ранее никогда не публиковавшиеся документы, привлечь малоизвестные материалы, которые позволили узнать новые обстоятельства жизни адмирала и полнее представить его взгляды и суждения. И чем больше автор изучал свидетельства очевидцев и документы о жизни своего героя, чем ближе узнавал его, тем понятнее становилось, почему этот внешне суровый и настойчивый в исполнении обязанностей и одновременно нежный и заботливый в дружбе человек еще при жизни завоевал искреннюю любовь и признание.

Глава первая
ДЕТСТВО И ЮНОСТЬ

Семья

Так уж случилось, что самые знаменитые русские флотоводцы родились не на берегах морей, а в самом что ни на есть сухопутном центре России. И Нахимов не исключение. Он появился на свет 23 июня 1802 года в сельце Городок Вяземского уезда Смоленской губернии.

О корнях Нахимова известно немного. Русская родословная книга¹ называет родоначальником династии, из которой вышло немало моряков, малороссийского казака Тимофея Нахимова. Его сын Мануил Тимофеевич дослужился в казачьем войске до чина сотника. После вхождения Малороссии в состав России на древе рода Нахимовых появляются две ветви — одна продолжила жизнь близ Харькова, другая дала ростки на Смоленщине. В конце XVII — начале XVIII века сын сотника Михаил Мануилович Нахимов купил участок земли недалеко от Вязьмы, где и обзавелся семьей и хозяйством. У Михаила Мануиловича родились четверо сыновей: Михаил, Николай, Иван и Степан — отец будущего адмирала.

Родословная книга указывает, что Степан Михайлович родился в 1754 году, прожил долгую жизнь — умер в 1830-е годы, дослужился до звания секунд-майора, женат был на Федосии Ивановне (по другим данным — Васильевне) Козловской.

Крестили Павла Нахимова 27 июня в церкви Спаса Нерукотворного, в трех верстах от имения Нахимовых. Священник отец Георгий Овсянников крестил там всех детей майора Степана Михайловича: старшую Анну, Николая, Платона, за год до рождения Павла — Ивана, а через

три года после Павла — его младшего брата Сергея. В той же церкви и венчали, и отпевали; хоронили здесь же, на кладбище при церкви, в фамильном склепе.

При крещении Павла воспитателями были его старшая сестра Анна и дядя, отставной поручик Николай Матвеевич Нахимов, двоюродный брат отца². Известно, что Николай Матвеевича, оставшегося сиротой, Степан Михайлович взял под опеку, перевез из Харьковской в Смоленскую губернию, где тот служил, вышел в отставку (в родословной он указывается как прапорщик), стал помещиком — ему принадлежало село Волочек с деревнями. Позже его выбрали предводителем дворянства Сычевского уезда.

Из харьковской ветви, которая продолжала существование, более других был известен Аким Николаевич Нахимов. Родился он в 1782 году в родовом селе в 60 верстах от Харькова, образование получил в пансионе при Московском университете, но жить в старой столице не остался, а вернулся в Харьков. Там он поступил в только что открывшийся Харьковский университет на факультет словесности, после его окончания преподавал русскую грамматику. Еще студентом он начал писать стихи — в основном басни, эпиграммы и эпитафии. Печатали его редко, стихи больше ходили в списках, зато были на слуху у харьковчан. Умер Аким Нахимов рано, в 1814 году, не дожив до 33 лет. После его смерти друзья издали его стихи отдельной книжкой³. Объектами его сатиры становились взяточники, кляузники, льстецы, глупцы и неучи. Вот некоторые из его коротких сочинений:

Просветители

Чтоб мрачную страну наукой озарить, —
Ученых множество в Украину валит.
Сияют здесь они, как в темноте зарницы!
Но что блестит у них? мундирные петлицы.

Жук и пчела

Ну, слава Богу, я пол сота сработала! —
Пчела жуку сказала.
Пол сота! только-то! жук с гордостью вскричал, —
Я целую копну навозу натаскал!
«Навозу, а не меду», —
От пчелки был ответ рогатому уроду.
Клит целую стопу стихами исписал.
Но что! не меду он, навозу натаскал.

Видошность уменская въ земскомъ метрическомъ канцелярии
Евдокимъ Васильевичъ и жена его Анна Степановна Царина Анна
не рожавшая образы съ предвѣдомъ о рождении пресвятыхъ въ
рѣшѣннѣ Свѣтлинѣ Евдокимъ Васильевичъ съ супругою Анною
въ приходѣ какъ въ прошломъ 1809 году не полагаясь въ дѣлѣ
ошибкой родилось дѣтисомъ съ именемъ и именемъ отъ званія
каждѣ сего.

1809

Запись о рождении П. С. Нахимова

1. 23 Мѣсяца июня
Свѣтлинѣ Евдокимъ Васильевичъ и жена его Анна Степановна Царина Анна
какимъ образомъ въ приходѣ какъ въ прошломъ 1809 году не полагаясь въ дѣлѣ
ошибкой родилось дѣтисомъ съ именемъ и именемъ отъ званія
каждѣ сего.

Имя его родилось П. С.

Запись в метрической книге о рождении и крещении П. С. Нахимова.
Государственный архив Смоленской области

Эпитафия высокоученому

Гниет здесь гордая Латынь.
Аминь!

Эпитафией ему самому могли бы стать его собственные строки:

Блеснуть искусством я нимало не искал,
Что сильно чувствовал, то смело написал.

Читал ли Павел вирши своего дяди, неизвестно, но борьбу с мздоимцами и ворами вел на Балтике и в Севастополе нешуточно.

Все братья Павла стали моряками: Николай, Платон, Иван преподавали в Морском корпусе, младший Сергей дослужился до вице-адмирала, был директором Морского корпуса. Платон Степанович, выйдя в отставку, служил инспектором в Московском университете, где терпением и добродушием снискал себе любовь студентов.

«Это была честнейшая, добрейшая и благороднейшая душа, исполненная любви к вверенной его попечению молодежи, — вспоминали о нем бывшие подопечные. — Тихий и ласковый, он был истинным другом студентов, всегда готовый прийти к ним на помощь, позаботиться об их нуждах, защитить их в случае столкновений. Хлопот ему в этом отношении было немало, ибо в то время студенты вовсе не подлежали полиции, а ведались исключительно университетским начальством... Поминутно студентов ловили в каких-нибудь шалостях, и всё это надобно было разбирать, приходилось и журить, и наказывать, но всё это совершалось с таким добродушием, что никогда виновные не думали на это сетовать»⁴. Студенты, конечно, знали, что старый моряк Платон Степанович приходится родным братом знаменитому адмиралу, Синопское сражение произошло в день именин их любимого инспектора. По такому поводу были написаны стихи:

В ноябре, раскрывши святцы,
Вспомним мы Синопский бой.
Наш Платон Степаныч, братцы,
Брат Нахимову родной.

Здравствуй, адмирал почтенный,
Богатырь и молодец!
Дядя, брат твой незабвенный
Был студенческий отец...

Большим достатком семья Нахимовых не отличалась. Степан Михайлович владел селцом Городок и несколькими деревнями в Вяземском уезде Смоленской губернии — всего 1424 десятинами земли. Из них пахотной — 486 десятин, неудобной — 116, остальное под лесом, селениями и дорогами. Нахимовы считались мелкопоместными дворянами, в 1813 году за их отцом значилось 136 крепостных душ, в 1841-м — 121 душа⁵. К деревянному господскому дому прилежали два флигеля на каменных фундаментах, вокруг него был разбит фруктовый сад. Были и хозяйственные постройки — конный и скотный дворы, амбары, сараи, — крытые соломой.

Павел Степанович очень любил приезжать в родовое имение, мечтал пожить там годик-другой после войны, но не довелось. Он и в короткие отпуска зимой выбирался не каждый год. Ни время, ни люди не пощадили его родной дом, в 1990-е годы от него оставался лишь фундамент, но и тот разровняли бульдозером. Не сохранились ни Спасская церковь, ни фамильный склеп Нахимовых, которые разрушили еще в середине XX века.

Смоленская земля не щедра на урожаи, часто случались недороды, так что барскую запашку Нахимовым приходилось порой засеивать крестьянским хлебом — своего не хватало. В 1841 году доход от имения составлял 1200 рублей серебром в год, и эту небольшую сумму братья делили между собой, а потому имение представили в Опекунский совет для получения ссуды. Позже его еще несколько раз закладывали. В 1842 году братья разделили между собой земли и крепостных. «Павлу же поступило во владение из селца Городка 1 душа без земли»⁶. Звали этого единственного доставшегося ему крепостного Фаддей Стрельцов, он жил у барина в Севастополе. После гибели адмирала «дворовому человеку Фаддею Стрельцову» в 1857 году была дарована вольная⁷ — по завещанию ли Павла Степановича, по решению ли его братьев-наследников, майора Николая и контр-адмирала Сергея, неизвестно.

Прожить на доход от такого имения было нельзя, потому все сыновья Степана Михайловича Нахимова служили. «Дворянин — тот, кто служит» — так было установлено в России со времен Петра Великого. Предстояло служить и Павлу, но сначала нужно было выучиться. С отправкой в Морской корпус в Петербурге его детство закончилось — начиналась пора юности.

Корпус

Морской шляхетский кадетский корпус был учрежден приказом императрицы Елизаветы Петровны 15 декабря 1752 года и за время своего существования неоднократно менял и названия, и местоположение*. В годы учебы в нем Павла Нахимова (1815—1818) он именовался Морским кадетским корпусом и располагался на Васильевском острове в Петербурге.

Корпус был преемником Навигацкой школы, созданной по распоряжению Петра I в 1701 году. По мысли создателя школа должна была давать общее и специальное образование, поэтому обучение в ней делилось на три ступени: на первой — *начальной* — полтора-два года обучали чтению и грамматике, Закону Божьему; на второй — *цифрной* — арифметике, геометрии и тригонометрии; на третьей — *высшей* — математической географии, астрономии, черчению, геодезии, навигации и судостроению.

Тот же принцип сохранился и в Морском корпусе. Воспитанников объединяли в три класса по 120 человек, ученики двух младших классов назывались кадетами**, третьего — гардемаринами***. Каждый кадетский корпус представлял собой батальон, делившийся на роты, и воспитанники помимо учебы несли также караульную службу и занимались строевой подготовкой.

Кадет обучали Закону Божьему, арифметике и началам алгебры, грамматике русского языка, иностранному языку, географии, всеобщей и русской истории по сокращенной программе, фехтованию и танцам. Популярны были постановки любительских спектаклей.

Кадеты учились от года до трех лет, в зависимости от успехов, а гардемарины проходили обязательный курс наук,

* В 1802 году из названия исчезло слово «шляхетский», в 1867—1891 и в 1916—1918 годах корпус назывался Морским училищем, в 1891—1906 годах — вновь Морским кадетским корпусом, в 1906—1916 годах именовался Его императорского высочества наследника цесаревича Морским корпусом. В 1918 году на его основе создали курсы подготовки командного состава флота, а в 1922-м их преобразовали в Высшее военно-морское училище, которому позже было присвоено имя М. В. Фрунзе. С 2001 года учебное заведение называется Морской корпус Петра Великого — Санкт-Петербургский военно-морской институт.

** Cadet — младший (*фр.*).

*** Garde-marine — морская гвардия (*фр.*).

рассчитанный на три года и включавший алгебру, геометрию, тригонометрию, «высшие вычисления», астрономию, «опытную физику», географию, историю, русскую грамматику, французский и английский языки. Затем переходили к специальным дисциплинам: геодезии, навигации, механике, теории морского искусства, корабельной архитектуре, артиллерии и фортификации.

«Ленивый кадет мог оставаться кадетом лет шесть, но и все-таки делался гардемарин... попавши в гардемарины, от каждого из нас зависело быть адмиралом»⁸, — говорили выпускники корпуса.

Первый офицерский чин мичмана на выходе из корпуса получали почти все, дальше каждый сам прокладывал себе фарватер, и далеко не все бросали якорь в гавани под названием «Адмиральская», а кто-то и вовсе уходил с флота. Для тех, кто мечтал о море, примером служили прославленные флотоводцы и мореплаватели, окончившие корпус: Ф. Ф. Ушаков, Д. Н. Сенявин, И. Ф. Крузенштерн, Ю. Ф. Лисянский, Ф. Ф. Беллинсгаузен, М. П. Лазарев, В. М. Головнин, Г. А. Сарычев.

У Сарычева, знаменитого исследователя Тихого океана и картографа, Нахимов учился в корпусе, записки Лисянского о кругосветном плавании читал, когда сам отправился в кругосветку, в составе эскадры под командованием Сенявина ушел в первый боевой поход, на корабле Лазарева принял боевое крещение. Так что школа для боевого офицера — это не стены, точнее, не только они, но полученные под началом опытных наставников навыки морской службы.

Самым известным и любимым учителем в корпусе был П. Я. Гамалея. Ученики к нему в класс не шли, а бежали. «С какой любовью и почтительным участием мы смотрели на этого худенького, сгорбленного старика, отвечали смело и слушали со вниманием»⁹, — с теплотой и нежностью вспоминали выпускники. А кто не помнил его упрек ленивцам: «Ах, братец, ты не знаешь, что ты собственный свой палач»? — или его призыв, который кадеты пересказывали друг другу: «Любите науку, братцы, для самой науки, а не для того, чтобы надеть эполеты: невежда офицер похож на того животного — знаете, братцы, о котором говорят в басне... под золотым чепраком с длинными ушами. Ведь самый богатый чепрак длинных ушей не закроет».

Он был не только прекрасным педагогом, составил почти все пособия математического цикла, по которым училось

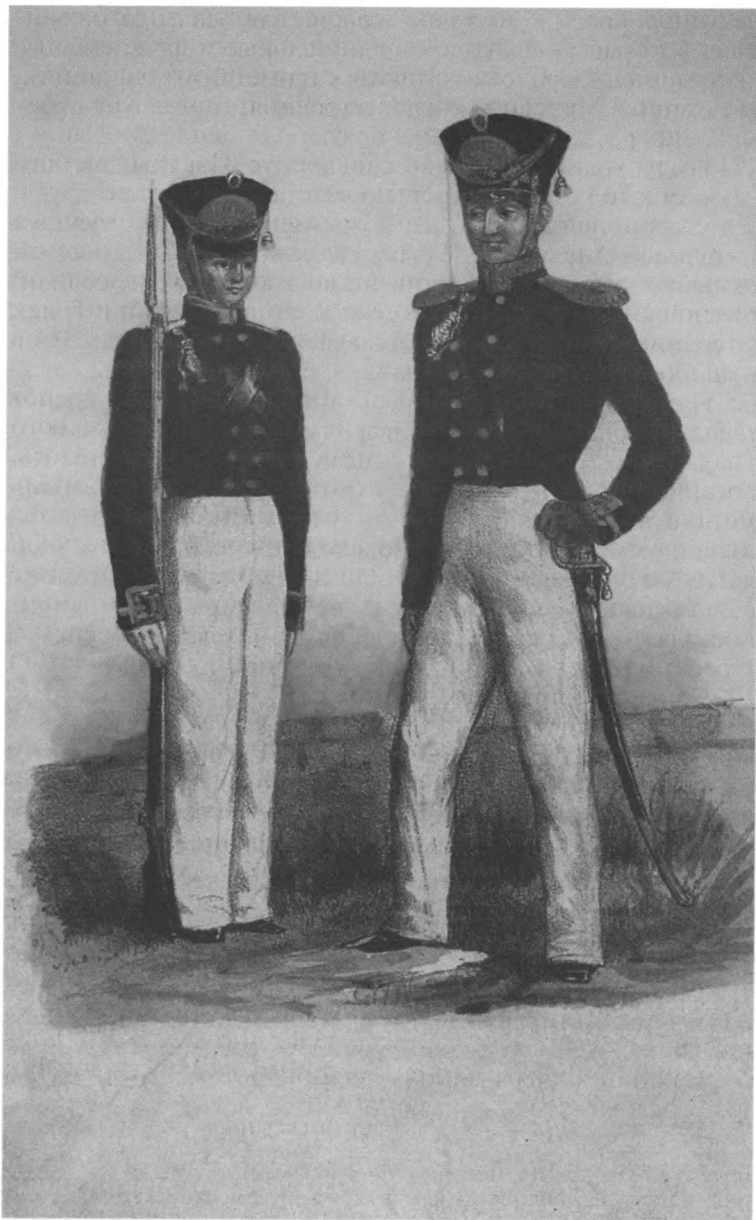
не одно поколение гардемаринов: «1) алгебра с предложением ее к геометрии, 2) дифференциальные и интегральные исчисления, с приложениями их к геометрии и навигации, 3) механика, 4) теория кораблестроения, 5) морская практика»¹⁰.

Ко времени поступления в корпус Павла Нахимова Гамалея уже не преподавал, но дело продолжал его друг и деятельный помощник М. Ф. Горковенко. Нахимов учился у Горковенко математике, физике и химии. Гардемарины вспоминали, как Горковенко создал в корпусе физический кабинет и приложил немало сил к его оборудованию, как по-детски радовался появлению в нем новых инструментов и приборов.

Гуманитарные предметы, по мнению кадет, им преподавали хуже, чем математические. Учитель французского языка итальянец Триполи особенно не старался: считалось, что дворянские дети французский и так знают. Учитель английского Руммель и вовсе не ходил на занятия; кто хотел знать язык, должен был платить за дополнительные уроки. Средства на частные уроки были не у всех, английский же был необходим для моряков: кроме общения в заграничных плаваниях, требовалось умение читать карты и лоции, а самые ходовые из них издавались в Англии. Нахимов учил английский самостоятельно, уже после окончания корпуса.

Учитель русского языка Груздев требовал писать сочинения в несколько листов, в стихах или прозе. Конечно, это вызывало неудовольствие — ну а какие ученики радуются большим домашним заданиям? Однако когда читаешь журналы, которые гардемаринны обязаны были вести в учебных плаваниях, видишь: написаны они грамотно, впечатления и наблюдения изложены хорошим литературным языком, что, несомненно, делает честь учителям корпуса. Уровень общего образования в Морском корпусе был традиционно высок, и если не все его выпускники стали адмиралами, то только потому, что прославили свои имена на другой стезе, как писатель и этнограф В. И. Даль, писатель К. М. Станюкович, композитор Н. А. Римский-Корсаков, художник В. В. Верещагин.

Морской корпус был не единственным учебным заведением для дворянских сыновей. Почему же родители выбрали для Павла именно его? Дело в том, что по традиции в Первый и Второй шляхетские корпуса старались определять своих детей люди состоятельные, аристократических фамилий, их выпускникам легче шагало по карьерной

Кадет и обер-офицер Морского кадетского корпуса в 1812 году.
Литография В. А. Прохорова. 1852 г.

лестнице, двери к высоким должностям для них открывались быстрее. А мелкопоместные дворяне, вроде смоленского помещика Степана Нахимова, предпочитали записывать детей в Морской корпус, который требовал в будущем меньших расходов. Старшие братья уже окончили его, и в 1813 году, когда подошел возраст младших — Ивана и Павла, — они тоже подали прошение на высочайшее имя:

«Всепресветлейший, державнейший великий государь император Александр Павлович, самодержец всероссийский, государь всемилостивейший, просят недоросли из российских дворян греческого исповедания Иван и Павел Степановы сыновья Нахимовы о нижеследующем: Отец наш родной, Степан Михайлов сын Нахимов, в службе в[ашего] и [мператорского] в[еличества] находился в гвардии капитаном и отставлен майором. Ныне нам от роду, первому — 12, а последнему — 11 лет, обучены пороссийски и по-французски читать и писать и часть арифметики, но в службу в. и. в. никуда еще не определены, а желание имеем вступить в Морской кадетский корпус в кадеты»¹¹. К прошению прилагалось свидетельство, что они действительно «помянутому майору Степану Нахимову сыновья родные», испомещены в Бельском уезде Смоленской губернии и крестьян за их отцом значатся 136 душ.

Однако на прошение «недорослей Нахимовых» директор корпуса вице-адмирал П. К. Карцов ответил отказом — «по неимению вакансии». Желających учиться в корпусе было больше, чем мест, и частенько, подав прошение, ждали год-полтора.

В августе того же года последовал приказ министра военных морских сил адмирала И. И. Траверсе о включении пятнадцати желающих вступить в корпус, в том числе Нахимовых 1-го и 2-го, в число кандидатов «по открытии вакансии»¹². А пока, чтобы привыкали к морю и чувствовали вкус морской службы, Нахимовых определили в волонтеры и отправили вместе с гардемаринами в учебное плавание¹³.

Нахимов впервые оказался под парусами летом 1815 года, на бриге* «Симеон и Анна». Всего за годы учебы

* Бриг — двухмачтовое судно с прямыми парусами на фок- и грот-мачтах и дополнительным косым парусом на грот-мачте. Бриг «Симеон и Анна» был построен в 1798 году как царская яхта, затем был передан Морскому корпусу для учебных плаваний. Имел на борту восемь малокалиберных орудий.

он будет трижды ходить в учебное плавание (таких называли «трехкампанейцами»): в первый раз под командой лейтенанта П. И. Харламова, в следующем году на том же бриге, но уже под командой лейтенанта П. Н. Овсова (маршрут оба раза проходил по Финскому заливу, в походе осматривали Кронштадт, Петергоф, Ораниенбаум). В третий морской поход, в 1817-м, он отправился уже за границу: из всего корпуса отобрали лучших гардемаринов для плавания на бриге «Феникс» под командой лейтенанта П. А. Дохтурова из Кронштадта до Стокгольма, Копенгагена и обратно¹⁴.

Финский залив мелководный, и расстояние между портами небольшое, но для первых опытов достаточное. Ведь как бы ни старались учителя в корпусе и как бы усердно ни занимались гардемарины, получить опыт управления кораблем можно только на практике.

В первом плавании новичкам поручалась матросская работа: «делать такелаж*, привязывать, крепить и постановлять паруса, брать рифы (уменьшать площадь парусов при сильном ветре. — *Н. П.*), сниматься с якоря и становиться на оный». В первый же день их расписали на различные корабельные работы. И вот дети из дворянских семей, отпрыски и знатных, и мелкопоместных фамилий, взбирались на мачты, драили палубу, откачивали воду, помогали матросам разносить паруса, обтягивать ванты и шкоты**, выбирать якоря. Это был единственный способ сделать из сухопутного человека моряка, а из матроса — офицера. Так считали учителя Нахимова, так будет считать и сам он, пройдя всю школу обучения полностью, не перепрыгивая через ступени.

Уже в чине контр-адмирала он вносил правку в проект нового Морского устава и в разделе «Обязанности старшего офицера» предложил записать: «Весьма полезно приучать гардемарин исподволь к обязанностям офицера, но еще более необходимо ознакомить их с матросским делом и для того поставить обязанностью командиру и старше-

* **Та к е л а ж** — общее название снастей на корабле (тросов, канатов, цепей), используемых для крепления рангоута (мачт, стеньг, рей и др.), постановки и уборки парусов, грузовых операций. Подразделяется на стоячий, поддерживающий рангоут, и бегучий (фалы, шкоты, гордени, гитовы и др.) для подъема и спуска грузов, парусов, сигналов, трапов, шлюпок.

** **В а н т ы** — стоячий такелаж, поддерживающий рангоут с боков. **Ш к о т ы** — бегучий такелаж для натягивания и удержания парусов в нужном положении.

му офицеру обучать гардемарин и юнкеров брать рифы, крепить и менять паруса; спускать и подымать брам-реи и брам-стенги; бросанию лота и править рулем. Сведения эти трудно приобрести в офицерском звании, и еще труднее, чтоб не имеющий их впоследствии не чувствовал этого недостатка»¹⁵.

Впрочем, матросской работой обязанности гардемарин и кадет не ограничивались: они допускались стоять на вахте рядом с офицером, который объяснял каждый парусный маневр. И конечно, к гардемаринам был приставлен корпусной офицер — он должен был смотреть, «чтоб лазали наверх без торопливости, дабы никто не упал; почему напоминать им, чтоб всегда крепко держались руками за веревки и за реи, когда отдаются или убираются паруса». Обучать стрельбе следовало «со всевозможною осторожностью и без торопливости, чтоб кого не опалило и не убило»¹⁶.

Нахимов, сам прошедший суровую школу воспитания, считал ее совершенно оправданной и, став адмиралом, утверждал на флоте те же порядки. Нарушение порядков приводило к тому, что из корпуса стали выходить не офицеры, а *сахарьи*, как выражался адмирал М. П. Лазарев: «Гораздо приятнее видеть a set of smart and active officers full of spirit and life*, нежели сидней философов, которые только что курят трубки с утра до вечера и рассуждают о пустяках, а ни на какое по службе дело не способны. Я говорю это потому, что много таких из корпуса выходит к общему нашему сожалению, но так как государь сам сего не терпит, то, вероятно, следующие за сим выпуском будут поживее»¹⁷.

В головах многих образованных офицеров, вышедших из корпуса, рождались прекрасные мысли и грандиозные планы, но лишь некоторые смогли воплотить их в жизнь, у кого-то весь запал уходил в слова и рассуждения о будущем. Действовать всегда труднее, чем рассуждать, особенно действовать в соответствии со своими убеждениями. Воспитанное Лазаревым поколение офицеров — Нахимов, Пуятин, Корнилов, Истомин, Бутаков — мерило свою службу и всю жизнь именно такой мерой: делом, а не словом.

Таким образом, Павел сначала ушел в море, а уже потом сел за парту. Может, оно и к лучшему: тем, кто так и не смог обрести «морские ноги», офицеры советовали уйти из корпуса или перевестись в гимназию. Павел же, едва увидев море, полюбил его навсегда и о перемене службы ни-

* ...подвижных и активных офицеров, полных духа и жизни (англ.).

когда не помышлял. Наверное, эта любовь и желание стать офицером помогли ему перенести тяготы первого, самого трудного, года учебы.

Гардемарин Павел Нахимов не оставил воспоминаний о Морском корпусе, он вообще был не большой любитель писать, к немалому огорчению его биографов. А вот его друзья и однокашники много и подробно писали о жизни гардемаринов. Несмотря на различия в деталях, в общих моментах эти воспоминания совпадают и вполне позволяют представить картину жизни юного Нахимова.

В документах сохранилась только дата зачисления Павла в корпус — 24 июля 1815 года; когда же он был переведен из кадет в гардемарины, неизвестно. Однако уже в год зачисления он именуется гардемарином, а значит, в кадетях пробыл недолго — видимо, старшие братья постарались подготовить его и Ивана к экзаменам. Но, несмотря на это, привыкать подростку к суровому военному распорядку было нелегко.

Вместо вольготной домашней жизни — подъем до света, казенная одежда, калош и теплой обуви не положено, ежедневные занятия, караулы. Вместо домашней стряпни — ненавистная гречневая каша-размазня. Правда, порции большие, щи и каша всегда с куском мяса, на обед — жаркое, в праздники — пирожные или оладьи с медом. Да и квас отменный, пей сколько хочешь. А какие белые булки утром и вечером — горячие, в целый фунт весом; во всем городе таких не сыщешь. В общем, жить можно.

Одно плохо: принятое в корпусе обязательное прислуживание младших старшим, то, что в английских школах и университетах называлось «fagging», а у нас — «дедовщина». Правда, насилия к кадетам никто не применял, но новичкам доставалось изрядно. Главное было не расплакаться: разнюнился — пиши пропало, навек «бабой» звать будут, и уже никто не поможет.

Одного новичка любили посылать в соседнюю роту принести книгу «Дерни о пол», другого — «Гони зайца вперед». Понятно, что первый летел на пол, а второй бегал от одного «старика» к другому, пока не выбьется из сил. Кто-то, правда, считал такие порядки полезными и утверждал, что так воспитывался характер. Д. Б. Броневский вспоминал: «...все мы жили в непрерывной междоусобной войне до производства в гардемарины. Достигнув до этого вождельного чина, у кадета прежние дикие замашки смягчались; показывались понятия о чести — и прежде бывший дикарь

стал походить на человека. Впрочем, у этих молодых людей кроме уваженья к силе физической были и свои хорошие свойства. Они не терпели слабодушия, лукавства, похищения чужой собственности и провинившихся в подобных проступках наказывали жестоко. В этой спартанской школе было и свое хорошее: здесь закаливали характер в твердую сталь; здесь получалось омерзение ко всему низкому, и я уверен, что на многих моих товарищей это воспитание благотельно подействовало; утвердительно могу сказать о себе, что оно мне принесло большую пользу»¹⁸.

Конечно, младшие Нахимовы могли бы обратиться за помощью к старшим братьям, которые служили в корпусе офицерами, но такого заступничества им бы не простили. Да и сами Николай и Платон, не так давно окончившие корпус и прекрасно знавшие его традиции, вряд ли стали бы вмешиваться — скорее оказывали моральную поддержку.

Случались и бунты, когда младший выпуск не желал признавать власти старшего, однако они были крайне редки и сурово наказывались. Чаще доставалось корпусному эконому, если его воровство переходило границы. Тогда, по воспоминаниям однокашника Нахимова Дмитрия Завалишина, все находящиеся в столовой ученики мычали, стучали ногами и ножами, выражая протест, и забрасывали эконома бомбами, «состоящими из жидкой каши, завернутой в тонкое тесто из мякиша, так, чтобы ударяясь обо что-нибудь, тесто разрывалось и опачкивало человека кашею»¹⁹, — словом, выражали свое мнение, как могли, всеми доступными способами.

Особенно угнетала новичка необходимость всё делать по команде: в шесть часов утра следовать строем на молитву и завтрак, в семь (зимой в восемь) — в классы. В полдень — также строем на обед, с двух до четырех пополудни — снова в классы. В восемь вечера опять строем шли на ужин, в девять — на вечернюю молитву, в десять отправлялись спать. Свободного времени только и оставалось, что от послеобеденных классов до ужина, но и здесь лениться было некогда — надо заниматься самоподготовкой, выполнять задания на следующий день.

(Заметим, что суровые порядки не обошли стороной и женские учебные заведения. В Смольном институте благородных девиц воспитанниц тоже поднимали ни свет ни заря, заставляли обливаться ледяной водой до пояса, одевали в очень легкую форменную одежду, строго наказывали

за неповиновение классным дамам, кормили весьма умеренно; даже в мороз они спали под тонкими фланелевыми одеялами. Потому мальчишки называли смолянок «кадетами в юбках».)

Несмотря на суровые порядки, проступки в корпусе случались. Гауптвахты и карцера в нем не было, но розгами секли по субботам исправно. Современному читателю может показаться странным, что дворянских отпрысков подвергали порке, однако в XVIII и XIX веках на телесные наказания детей смотрели иначе, чем во времена Конвенции по правам ребенка и ювенальной юстиции. «Лелей дитя — и оно устроит тебя», — предрекали ветхозаветные старцы, и родители резонно полагали, что воспитывать не наказывая невозможно. Поэтому и в гимназиях, и в училищах, и в кадетских корпусах мальчиков обязательно секли — «для их же блага».

Бывшие гардемарины по-разному оценивали корпусные порядки. Например, Владимир Даль, однокашник Нахимова, в автобиографических заметках обрисовал весьма мрачную картину: «...в памяти остались только розги». Однако к заметкам Даля, которые он диктовал уже тяжелобольным, нужно относиться критично. Еще в период их публикации другой однокашник Нахимова, уже упомянутый Дмитрий Завалишин, указал на многие ошибки и несообразности в этих заметках; видимо, в конце жизни память Даля изменила ему*. Сам же Завалишин не только учился в корпусе, но впоследствии и преподавал там математику, механику и астрономию, так что мог судить о нем и как ученик, и как преподаватель. Выслушаем его мнение: «Недостатки, о которых говорит Даль, не были исключительно принадлежностью Морского корпуса, а были общи всем тогдашним... учебным заведениям... если и были действительно темные стороны, то были и светлые и даже такие, к осуществлению коих и ныне еще тщетно стремятся многие заведения»²⁰. Что же касается порки, то Завалишин считает: «...для крупных проступков помимо телесного наказания не было другого исхода, кроме исключения из корпуса, что, однако же, было равнозначительно совершенной потере

* Даль перепутал жену и дочь, места службы отца, указал, что в бытность гардемаринком плавал только по Финскому заливу, забыл о морском походе в Швецию и Данию, хотя в прежние годы с удовольствием вспоминал о нем, рассказывая смешные эпизоды, к тому же сохранился его дневник с подробным описанием этого плавания.

карьеры. Потому не один отец и не одна мать сами упрашивали, чтобы наказали их детей, как хотят, только бы не “губили” выключкой из корпуса, ибо в таком случае дети, воспитывавшиеся даром и обеспеченные в будущем, “легли бы снова им на шею”, что для бедного (почти без исключения) дворянства было бы большой тягостью, часто и вовсе не по силам»²¹.

Вот такими порядками — придирками старших гардемарин, поркой по субботам, хождением строем, жизнью по команде — встретил Павла Нахимова Морской корпус. Картина не из радостных. Если бы не брат Иван, пришлось бы тяжко. Вдвоем всё же веселее, если что — можно и отпор дать вместе. Вскоре у братьев появились друзья: Платон Станицкий, Александр Рыкачев, Иван Бутенев, Дмитрий Завалишин и самый близкий — Михаил Рейнеке.

С Рейнеке Нахимова будут связывать долгие годы дружбы, самой искренней и преданной, которая прервется только со смертью Павла Степановича. Михаил Рейнеке родился в ноябре 1801 года и был седьмым ребенком в очень небогатой дворянской семье обрусевшего немца Франца Рейнеке. Отец служил в Ростовском пехотном полку, участвовал в войнах с турками, где получил тяжелое ранение и вынужденно вышел в отставку, а подлечившись, уехал в Сибирь и поступил на службу в Иркутское губернское правление. В Иркутске он женился на сибирячке Марфе Васильевне Липовцевой, с которой уехал по месту нового назначения — на Камчатку. Пять лет Рейнеке служил на самой дальней окраине России, занимался делами гражданского управления, учил камчадалов сажать картошку и разводить огороды. В 1786 году семейство возвратилось в Иркутск, прожило там 12 лет, а затем переехало в Лифляндию, где и родился Михаил Францевич²².

Когда мальчику исполнилось 11 лет, родители отдали его в пансион в Петербурге, а в 1814 году — в Морской кадетский корпус, в котором учились его старшие братья Адриан, Александр и Павел. Михаил учился хорошо, отличался любознательностью и особенно любил читать. Страсть к книгам и сблизила Рейнеке и Нахимова. Потом оказалось, что у них много общего: и братья их учились здесь же, и семьи не отличались богатством и знатностью, и рассчитывать в будущем они могли только на себя.

Михаил Францевич прославил свое имя на научной ниве, Павел Степанович — на военном поприще, по взглядам и убеждениям они были единомышленники. Рейнеке

говорил о себе, что он «по обруселому отцу и матери-сибирячке в душе чисто русский», пренебрежение чиновников к национальным интересам России воспринимал как личное оскорбление, не жалел сил и здоровья на службе, чурался светских удовольствий и визитов, предпочитая тишину кабинета и удовольствие научных занятий.

Они писали друг другу при каждом удобном случае. Благодаря Рейнеке сохранились многие письма Нахимова. После Синопского сражения Михаил начал бережно собирать и записывать всё, что касалось его друга. Рейнеке всю жизнь вел дневники, его записи, сделанные в Севастополе в 1853—1855 годах, дают бесценный материал о Нахимове и Севастопольской обороне.

Теплые отношения согревали этих офицеров, прошедших всю жизнь на службе, людей одиноких, не имевших семьи и редко видевшихся. Оттого и ценили они превыше всего эти редкие и такие сердечные встречи.

В корпусе друзья по вечерам собирались кружком, читали вслух. Библиотека в корпусе была небогатая, книги передавали друг другу или пересказывали понравившиеся. Привычка много читать и обсуждать прочитанное с друзьями сохранится у Нахимова на всю жизнь. Когда же он войдет в совет директоров Морской библиотеки в Севастополе, то будет самым активным собирателем ее фондов: при нем библиотека приобретет 16 тысяч книг, многие он купит на собственные сбережения.

Выпускники вспоминали суровость порядков и жесткую дисциплину; однако, несмотря на строгости, больных и увечных не наблюдалось. «Лазарет, — пишет Д. Завалишин, — был, однако же, в очень хорошем положении, и во всё время мы помним только один случай смерти, и то от ушиба»²³.

Но вот что дружно отмечали все выпускники, так это чистоту отношений в корпусе, где культивировался дух товарищества, взаимовыручки, бескорыстного служения — качеств, необходимых будущим защитникам Отечества. Поэтому педагоги делали всё, чтобы разница в материальном положении воспитанников не ощущалась: запрещалось шить форму из своего материала, носить часы, приносить из дома лакомства; даже чай можно было пить только в людской, потому что остальные пили воду и квас. «Кадетская спайка всегда основывалась на чувстве абсолютного равенства между кадетами, сын армейского капитана — и сын начальника дивизии, кадет, носящий громкую истори-

ческую фамилию, — и носящий самую обыкновенную, богатый и бедный, русский, грузин, черкес, армянин и болгарин — все в стенах корпуса чувствовали себя абсолютно равными»²⁴, — вспоминали выпускники. Ябедничество, наушничество и доносительство сурово преследовались и карались не только воспитанниками, но и офицерами корпуса.

Конечно, «сахарьями» кадеты всё же не были: если по субботам в дежурной комнате их пороли — значит, было за что. В основном за курение, самовольное нарушение формы одежды и тайное приобретение съестных припасов, в том числе сладостей. Вызвано это было, конечно, не голодом, а своеобразным лихачеством, проявлением «молодечества», как и приобщение к курению.

«Случаи пьянства были очень редки, — вспоминал Завалишин, — во всё время... моего пребывания в корпусе был только один случай воровства из кондитерской конфет, и то, впрочем, не доказанный следствием. Похищение огурцов в огородах составляло более проказы, нежели воровство, потому что главная цель была всегда посмеяться над огородниками и одурачить их»²⁵. Кадеты переодевались в разные мундиры во время набегов на огороды — поди узнай потом, кто из них на самом деле крал огурцы. Исключение из корпуса на памяти Завалишина было только один раз — за оскорбление офицера.

Три года пролетели быстро. Кажется, только вчера недоросли Нахимовы были зачислены кадетами, в первый раз отправились в учебное плавание, а уже пора было готовиться в новый вояж — на сей раз по Балтийскому морю за границу, в Швецию и Данию.

На бриге «Феникс»

В 1817 году было решено отправить лучших гардемарин корпуса в плавание по Балтийскому морю, чтобы дать возможность «обозреть им балтийские наши порты и приобрести сколь можно более практических познаний», а кроме того, стараться «доставить гардемаринам случай» увидеть за границей «предметы, заслуживающие внимания». Кто же были эти 12 человек, лучшие из лучших? Федор Колычев, Павел Новосильский, Дмитрий Завалишин, Владимир Даль, Платон Станицкий, Иван Адамович, Степан Лихонин, Николай Фофанов, Павел Нахимов, Александр

Рыкачев, Захар Дудинский, Иван Бутенев. Их отобрали из всего корпуса! Поэтому можно не задаваться вопросом, как учился гардемарин Павел Нахимов, — включение его в этот список говорит само за себя.

К сожалению, гардемаринский журнал Нахимова не сохранился или пока не найден в архивах, но уцелели аналогичные дневники Лихонина, Новосильского, Даля и воспоминания Завалишина, опубликованные им в «Русском вестнике» в 1874 году²⁶.

Маршрут намечал сам морской министр маркиз де И. И. Траверсе: Швеция — Стокгольм и Карлскрон, Дания — Копенгаген, наши порты — Ревель (Таллин), Гельсингфорс (Хельсинки) и Свеаборг, Роченсальм (Котка) и Рига²⁷.

Для плавания предназначался бриг «Феникс» под командованием Павла Афанасьевича Дохтурова. Сопровождали гардемаринов старший офицер Мардарий Васильевич Милюков и лейтенант князь Сергей Александрович Ширинский-Шихматов. Дохтуров и Милюков были опытными моряками, оба проходили стажировку на британском флоте, в совершенстве владели английским языком. Милюков считался первым знатоком морского дела, по натуре был человеком горячим, отважным, по воспоминаниям гардемаринов, «направлявшим нас на отвагу всякого рода — и военную, и в маневрах, и в гимнастике». Правда, порой это «направление на отвагу» воспринималось подростками как поощрение всякого рода проказ, выполнение которых было сопряжено с риском для жизни. На деле же подобные забавы воспитанников нравиться ему никак не могли — он отвечал за их жизнь и здоровье, как предписывала специальная инструкция:

«1. За практическим учением и поведением гардемарин иметь попечительное смотрение, при входе в порты объяснять им, какие должно иметь румбы...

2. Будучи в иностранных портах... стараться показать гардемаринам всё, заслуживающее внимания, и одних их отнюдь на берег не спускать, а когда будете с ними съезжать, чтобы были чисто и опрятно одеты...»²⁸

Князь Ширинский-Шихматов был личностью примечательной, кадеты называли его «образцом высокой нравственности». Он сам окончил Морской корпус, состоял действительным членом Академии наук, оставил большое литературное наследие — стихи, прозу, статьи духовного и патриотического содержания. Князь был человек очень

набожный и считал своим долгом воспитывать в гардемаринах религиозное чувство. Потому в каждом портовом городе, где бриг вставал на якорь, обязательно посещали церковь, а в воскресные и праздничные дни непременно бывали на литургии. Выйдя в отставку, князь принял постриг в Юрьевом монастыре под Новгородом, был рукоположен в иеромонахи, совершил паломничества в Палестину и на Афон, а окончил свои дни настоятелем храма при Русской миссии в Афинах.

Долгое пребывание вне родины и просто без твердой земли, в ограниченном пространстве корабля поневоле делало моряков, по определению выпускника корпуса Михаила Бестужева, людьми замкнутыми, не расположенными к новым знакомствам. Суровые условия службы тоже не смягчали характер офицеров. Как знать, может быть, уроки любви и добродетели, которые внимательный и заботливый воспитатель Ширинский-Шихматов преподавал юным морякам, смогли наперекор всему дать ростки в душах будущих адмиралов русского флота.

На бриге «Феникс» корпусной воспитатель должен был следить не только за поведением, но и за здоровьем и внешним видом своих подопечных. Он получил порционные деньги на два с половиной месяца из расчета 32 рубля 93 копейки в месяц на каждого и еще 25 червонцев (золотых трехрублевиков) от казначейства на непредвиденные расходы. Самих гардемаринов снабдили необходимым: «двумя куртками и галстуками, брюками: суконными — одними, летними — тремя, кивером, тесаком, фуражкой, шинелью, тюфяком с подушкой и одеялом, бельем: по шести рубаш, по три подштанников, по четыре простыни, на подушку наволоками по три, чулками по четыре пары и сапогами по три пары».

Всё имущество погрузили на один катер, сами гардемарины разместились на втором и в понедельник 20 мая вышли из устья Невы. Сначала шли на веслах, затем поставили паруса. Началась качка. Сильной ее назвать было нельзя, но, может быть, как раз в этом однообразном и ровном покачивании и заключается главная неприятность для страдающих морской болезнью. Многих затошнило. «Ну что же, это пройдет, — утешали товарищи. — Говорят, адмирал Нельсон всю жизнь страдал от морской болезни, однако она не помешала ему побеждать в сражениях». То ли рассказ о Нельсоне помог, то ли качка убаюкала, но кто-то сумел уснуть, а проснулся уже в Кронштадте.

Казалось бы, всё было как в обычном плавании: учебный парусник, знакомый маршрут: Петербург, Стрельна, Лисий Нос, Ораниенбаум, Петергоф. Но когда вошли в гавань Кронштадта и увидели бриг, стало ясно — этот поход запомнится надолго. Бриг «Феникс» — настоящий военный корабль, не чета бывшей царской яхте «Симеон и Анна»; в Отечественную войну он крейсировал в Финском и Рижском заливах, участвовал в бомбардировке Данцига, имел на вооружении 24 пушки. Да и ходок он отличный, на таком не стыдно в иностранные порты заходить.

Пока переносили вещи, рассмотрели бриг со всех сторон — не так уже много военных кораблей им приходилось видеть. Потом спустились в каюту с двенадцатью койками. Разложили тюфяки и подушки, прочую поклажу, поужинали и улеглись спать. Какие сны снились гардемаринам, они в журналах не записали, но волнение было общим: завтра предстояло показать на практике, чему научились за три года. И еще каждому так хотелось, чтобы заметили именно его, выделили среди других!

Утром гардемаринов расписали на три вахты, и Милюков начал обучать команду. И вдруг один из матросов на глазах у всех сорвался и упал на палубу. К счастью, обошлось без серьезных повреждений — падение было с нижнего рея. Зато будущие офицеры поняли, что им придется не только управлять парусами и прокладывать маршруты, но и обучать команду: почти всех матросов набирали из рекрутов, и проходило немало времени, пока они обретали нужную сноровку.

На следующий день отстояли литургию в кронштадтской церкви и вернулись на бриг. Вот тогда-то и начались первые испытания. Сначала на бриг пожаловал сам командир Кронштадтского порта вице-адмирал Ф. В. Моллер, познакомился с каждым и пожелал счастливого пути. Потом показался катер его помощника контр-адмирала М. П. Коробки. А спустя час прибыл катер с посланцем от морского министра И. И. де Траверсе, приказавшим доставить на министерскую яхту гардемарина Владимира Даля. Что же, вот прекрасный случай отличиться!

Однако, по собственному признанию Даля, отправился он туда «с подавленным сердцем». Почему министр остановил свой выбор на нем, неизвестно. Но держать экзамен, по результатам которого будут судить о подготовке всех гардемарин, пришлось именно ему. Остальные, и в их числе Нахимов, сгрудились на борту брига.

Маркиз тем временем приказал принести рупор и начал экзаменовать:

«— Под каким парусом идем?

Я ему сие сказал и думаю, что уже совершенно отделался от экзамена, как он вдруг подает рупор и говорит:

— Повороти на левый галс.

Я сначала оробел, ибо повороты еще худо знал, а особливо на двухмачтовой яхте... и спросил его:

— Фока-шкот прикажете отдать?

— Прежде по местам, — отвечал он мне».

Начал не очень хорошо, продолжил и того хуже: не успел вовремя отдать команду, яхта снова покатила под ветер, и никакого поворота не получилось. Так опозориться! Вот тебе и лучшие из лучших. Пока Даль боролся с яхтой, остальные гардемарины переживали за товарища и представляли себя на его месте. Поворот оверштаг, когда судно пересекает линию ветра носом, нелегко и для опытного моряка, что уж говорить о гардемарине. Но на ошибках учатся.

«Во второй раз он меня опять заставил поворотить, тут я уже поворотил благополучно». И в третий раз гардемарин поворачивал яхту — теперь через фордевинд, когда яхта пересекала линию ветра кормой. Здесь министр уже сам помогал и... в заключение оставил ученика обедать на яхте, а потом отправил на катере обратно²⁹.

На «Фениксе» облегченно вздохнули, как будто не один, а все 12 гардемаринчиков испытание прошли. Наверное, пожимали руку или хлопали по плечу — еще бы, сдал экзамен самому министру!

Впоследствии Даль получит чин мичмана и станет моряком, но офицерскую службу всё же оставит. Его интерес к языку, наблюдательность, чувство слова видны уже в записях в гардемаринском журнале, который легко дает почувствовать атмосферу происходившего в том учебном плавании и понять психологию отношений и мотивы поступков юных моряков.

Между тем занятия шли по расписанию: гардемарины осваивали такелаж, лазали на марсы и салинги*, выполняли обязанности при авральных работах, учились управляться с пушками во время учебной тревоги, стреляли из ружей и фехтовали. Постепенно учились — под наблюде-

* Марс — площадка на мачте. Салинг — рама из брусьев на стеньге (продолжении мачты).

нием офицера — поворачивать судно против ветра и по ветру, ложиться в дрейф под разными парусами, спускать и поднимать стеньги и реи, бросали с кормы лаги для определения скорости брига. А еще — постигали азы навигации: капитан обязан знать местоположение корабля в море. Для этого определяли по звездам координаты якорных стоянок брига, делали вычисления по астрономическим таблицам и докладывали офицеру. Вот где пригодились познания в астрономии и математике!

По всему видно — от безделья в учебном плавании никто не страдал, только успевали поворачиваться: в хорошую погоду учились обращаться с парусами, в плохую — писали журналы, когда всё сделано — учили языки и делали переводы — письменные, по несколько страниц, на оценку. Накануне воскресной всенощной читали вслух Евангелие, князь толковал и объяснял непонятные места.

Зачем же так нагружать детей, спросит иной современный родитель. У корпусных офицеров таких вопросов не возникало, потому что знали: главное в организации времени подростков — не допускать праздности, все беды от безделья. К тому же они не дети, а гардемарины.

Ширинский-Шихматов из каждого порта исправно слал отчеты директору корпуса. Сначала о главном: «...спешу и честь имею донести вашему превосходительству, что все вверенные мне гардемарины здоровы и во всём обстоят благополучно». Затем — о том, где были: в Роченсальмском порту, в Свеаборге, в Риге, в Ревеле, в Стокгольме. Чем занимались: «...стоя на вахте, исправляют они возлагаемую на них по званию их должность. Кроме общего вахтенного журнала, каждый из них ведет свой частный журнал, в котором, сверх главных случаев с судном, помещают свои упражнения и описание всего, что на берегу и в разных портах видели и увидят... сами кидают лаг, берут пеленги, делают счисление... прокладывают путь брига по карте... в ясную погоду для сыскания широты берут секстаном высоту солнца, иногда и пополудни замечая азимут и час для проверки компаса и часов».

Перед тем как сняться с якоря, гардемарины по карте изучали маршрут, заучивали румбы (направления) входов, выходов, маяков, других примечательных мест, а потом, проходя мимо них, сверяли путь по карте с тем, что видели³⁰.

По отчету получается вполне благостная картина. Ну а в жизни за этими мальчишками нужен был глаз да глаз.

Получили приказ осваивать такелаж — есть осваивать! Навверх, кто быстрее! А вот вниз... можно не ногами, а головой!

— Это как?

— Как молодой чухонец Иоганка показывал, видел? Он за гривенник вниз головой спускался, а мы что же?

И началось! Раз-два, раз-два — загорелые руки быстро перехватывают веревки. Получилось!

— А если с салинга?

— Нет, с салинга не получится, братцы, какая верхотура...

— Попробуем?

Получилось, даже с салинга получилось!

— Господа, кто с марса?

— Нет, с марса никак нельзя, разбиться можно. Помните матроса, что в первый день упал?

— Так он не такой ловкий был. Главное, чтобы князь не увидал!

Случались и оплошности. Один раз спускался Завалишин вниз головой, а в это время на палубу князь выходил.

— Князь! Князь! Быстрее! — закричали ему.

Пришлось Завалишину опрокидываться и вниз ногами спускаться, как положено. Успел вроде бы, спустился, да веревкой ногу поранил.

— Друг мой, что это? — князь увидел кровь на штанине гардемарина. Пришлось признаваться.

Или вот еще — переходить с одной мачты на другую по снастям, как канатоходец в цирке. На этом Рыкачев попался: оступился, повис на руке да так сжал веревку, что сам спуститься уже не смог. Пришлось звать на помощь. Деревянную доску, что беседкой называют, под него подвели, вниз спустили, а руку потом спиртом долго оттирали, чтобы разжать. Ничего, обошлось.

И Нахимов тоже попался. Любили гардемарины бегать наперегонки кругом корабля вдоль бортов. Рискованно, конечно, можно было и за борт свалиться. Но как здорово! Однажды Павел бежал по краю борта, а в это время воспитатель на палубу вышел.

— Князь идет! Быстрее!

Хотел соскочить Павел, да ногой за веревку зацепился, упал на палубу и подбородок о железное кольцо рассек. Лицо в крови, а сам кричит:

— Братцы! Князю только не сказывайте! — а князь уже здесь стоит и всё видит.

Наказывали, конечно, как без наказаний? «Мало одних замечаний, — считал Нахимов, став офицером, — с

них надо взыскивать, и чем чаще это будет делаться — тем лучше. Надо, чтоб эти молодые люди для их же пользы поняли с ранних лет всю строгость дисциплины на море. Конечно, наказания должны быть сообразны с воспитанием и летами; так, например, неповоротливого и сонливого надо посылать по нескольку раз на вахту чрез салинг, ленивого ставить не в очередь на вахту, по смене сажать на салинг; в ночное время ставить вместо часового смотреть вперед; на якоре — не увольнять на берег, ставить в караул и проч., и проч.»³¹.

Об одном из таких «проч.» он рассказал, вспоминая свои гардемаринские плавания: «Мы, гардемарины, исполняли все матросские работы. И раз за упущение или непослушание приказано было обрезать выбленки (тросовые ступеньки, по которым взбираются на мачты. — *Н. П.*) на бизань-вантах, и мы, гардемарины, должны были снова идти на марс и продолжать учение»³². Эти самые выбленки они вязали сами, если заставили переделывать — значит, плохо связали. Правда, на бриге, в отличие от Морского корпуса, не пороли.

Самое интересное — стоять вахту вместе с офицерами. Видишь, как завершается день вместе с не спешащим исчезнуть солнцем, блеск золота освещает серую рябь воды. Бриг мягко скользит в полной тишине, впереди лишь закругленность горизонта. Но вот уже и рдеющий закат угас; молча смотришь вдаль, будто вбирая в себя вселенский покой, рождающий ощущение безмятежности; чувствуешь, как страсти утихают, и наполняешься спокойной радостью. Темнота подступает незаметно, размывает и делает неясными очертания берегов, в теплые дни легкий пар поднимается от воды. А утром наблюдаешь, как яркой бусиной загорается на бледном небе солнце и окрашивает розовым сонную зыбь воды.

Павел уже давно приметил: вода имеет разный цвет. В его родном Днепре, что петляет по Смоленской губернии, прячась в густых зарослях ивняка, она зеленоватая, в Неве и Финском заливе — свинцово-серая, а в Балтийском море — то голубиная, то холодно поблескивает сталью, то удивляет яркой зеленью у Готланда. Ему еще предстояло пересечь Атлантический океан, чьи воды блещут синевой на экваторе, словно отражая такое же синее, без единого облачка, небо, и увидеть совсем не Тихий океан, черно-пепельные громады волн которого ужасают во время штормов у берегов Америки. А на берегу он будет любоваться

яркой красотой тропических парков Бразилии и Канарских островов.

Но краски юга утомляют и быстро наскучивают, в отличие от природы равнинной России, окрашенной в полутона, беспрестанно удивляющие новизной. Эти бесхитростные картины среднерусской природы Нахимов часто будет вспоминать во время заграничных походов, как и то, первое плавание по Балтике, которым он начал свое морское образование.

Самым запоминающимся было посещение портов — российских, шведских и датских. Первым был Роченсальм (Котка) на юге Финляндии. Финляндия отошла к России всего восемь лет назад, после проигранной Швецией войны 1808—1809 годов. Начальник порта Федор Власьевич Веселаго принял гардемарин и офицеров как родных, по словам Даля — отнесся к ним так, «как возможно было поступить родителям со своими детьми». Сам показывал город и порт, окрестности, крепость Кюмень в десяти верстах от города и знаменитые пороги на реке Кюмень. «Роченсальм вообще выстроен на граните, но несмотря на сие дерево довольно земли в каждой ущелине себе находит, чтобы расти. Весь город построен промежду соснами и березами».

В первый же день Веселаго пригласил всех гардемарин к себе обедать, для них специально истопили баню. После обеда оставлял у себя ночевать. Конечно, всем остаться воспитатель не разрешил, увез обратно на бриг, но троих хозяин всё же оставил у себя — Завалишина, отца которого хорошо знал, и его друзей Нахимова и Фофанова. На следующий день все снова у него обедали и снова остались ночевать, и еще Станицкий за компанию.

Вокруг дома начальника порта располагался небольшой ухоженный садик, выходящий прямо к морю. По маленькому мостку, переброшенному из сада, можно было пройти на остров, где стояла беседка. В этом садике гардемарин бегали взапуски, купались, потом пили чай в беседке и снова обедали с семьей начальника порта.

Ни классов, ни строя, ни корпусных стен, ни надоевшего распорядка и гречневой каши, а только ширь, простор, новые города, знакомства, впечатления и... море! Стихия, которая покоряется и сама покоряет тебя. Дух захватывает, и голова идет кругом!

Всего неделю провели гардемарин в Роченсальме, а вспоминали потом всю жизнь — так сердечно, по-отцовски

принимал их Веселаго. И выросший на камнях город понравился.

В дорогу радушный хозяин снабдил мальчишек «живностью, убедив... сего усердия его не отринуть», а воспитателю Сергею Александровичу прислал несколько свежих огурцов — в середине июня в Финляндии это была огромная редкость.

Следующая стоянка была в Свеаборге, крепости на острове близ Гельсингфорса. Здесь воспитатель повел своих подопечных на литургию в церковь, потом представил капитан-командору и главному командиру Свеаборгского порта Логину Петровичу Гейдену. Боевой моряк сам изъявил желание познакомиться с будущими офицерами. Пройдет всего несколько лет, и вчерашние мальчишки — теперь уже мичманы и лейтенанты — будут принимать участие в кампании на Средиземном море под его командованием. А пока — «он принимал их весьма ласково и пригласил сегодняшней день поутру съехать на берег, для осмотра как порта, так и крепостей, сколько на сей день успеем, а потом к нему обедать».

Думали простоять в Свеаборге с неделю или даже меньше, а получилось две недели: пополняли провизию, устраняли недоделки, красили бриг, чтобы явиться за границу в лучшем виде. А потом задули противные ветра. Наконец, 27 июня покинули порт и взяли курс на Ригу. 2 июля отдали якорь на рижском рейде. «Стояние наше на сем рейде, небезопасное, в случае ежели задует крепкий от N (норд, то есть северный. — *Н. П.*) ветер, по предположению нашему, должно быть самое краткое; побывав единожды в городе, дабы получить некоторое о нем понятие, немедленно направим мы плавание наше к Стокгольму»³³, — рапортовал воспитатель.

Рига никому не понравилась. Достопримечательности рижане показали, но прием показался сухим, особенно на фоне радушного отношения в финских портах. «Июля 4, в среду. Ярмарка в Риге. Купцы суть по большей части жида, есть также несколько немцев, а русских я только троих видел», — записал Даль в дневнике. Он отметил не только малочисленность русского населения, но и явную нелюбовь к русским. Эту особенность рижан почувствовали все гардемарины и не преминули записать в журналах. Завалишин заключил: «В Риге, в своей земле, явно выказывали недовольство к русским, тогда как, напротив, в чужих государствах, в Швеции и Дании, нас принимали, начиная

от двора и до каждого частного лица, куда нам приходилось заходить, не только как своих, но даже как будто родных, особенно в Дании»³⁴. Так что Ригу покинули без сожаления.

Одиннадцатого июля бросили якорь в Стокгольмском порту. Здесь представились находящемуся при шведском королевском дворе российскому послу инженер-генералу Павлу Петровичу фон Сухтелену. «Его превосходительство исходатайствовал нам представление всей королевской фамилии, — докладывал главному командиру Кронштадтского порта лейтенант Дохтуров. — После представления ее в[еличество] королева и е[го] в[ысочест]во кронпринц сделали нам угощение... Между тем, в продолжении пребывания нашего здесь, делали нам посещения разные значнейшие особы обоего пола и иностранные посланники, для коих делаемы были маневры с парусами, пушечная и ружейная экзерциция и всё, что служит к чести флага и службы е[го] и [мператорского] в[еличества]»³⁵.

Выполняя маневры, никто не осрамился, а во время учебного сражения с абордажем, которое показывали гостям, вододушевленные гардемаринами матросы так увлеклись, что вступили в настоящую драку, и среди них даже были раненные штыком и топориком. В общем, старались, как могли.

На шведском престоле в то время был Карл XIII, человек старый, больной и, по слухам, впавший в детство. Фактически страной управлял кронпринц — наполеоновский маршал Жан-Батист Жюль Бернадот, он и принимал гардемарин.

Королева Гедвига Елизавета Шарлотта дала им аудиенцию в своем дворце. Гардемарины рассмотрели ее со всем вниманием: «...королева была в голубом шелковом платье с кружевами и такой [же] шляпе с белыми перьями». С некоторыми она говорила, однако повезло не всем. «...я опять не был в числе тех», — сетовал Даль. Королева угощала мальчишек лимонадом, который они пили с большим удовольствием.

Видимо, королева лучше разбиралась в воспитании подростков, чем кронпринц: тот очень хотел угодить гостям, в особенности князю Шихматову, и приказал подать не детский лимонад, а настоящий пунш — «разумеется, слабенький». Князь попробовал напиток — он оказался достоин морских волков. Как быть? Не разрешить пить — обидеть принца, разрешить — напоить воспитанников. Опытный воспитатель нашел выход: на французском языке дал разрешение выпить, а по-русски тихонько добавил: «Не

пейте, друзья мои, очень крепко». И ребята только пригубили пунш, чтобы не обижать хозяина дворца. Но с кем-то свобода сыграла злую шутку: «нашлись и такие, которые считали дозволение на французском языке важнее совета на русском и опорожнили стаканы залпом».

Когда сходили на берег, посещали Морской кадетский корпус, знакомились со шведскими кадетами. Говорили на французском, английском и русском — в шведском корпусе обучали русскому языку. И, конечно, сравнивали их подготовку со своей: «Мы видели их гимнастические упражнения, для чего поставлены в саду два шеста, высокие, довольно толстые, представлявшие мачту, и протянутые по оным веревки, по коим они лазали различным образом». Потом обсуждали: у нас в корпусе таких снарядов нет, было бы недурно их иметь, а вот умение с разбегу прыгать на лошадь, которым так гордились шведские кадеты, бесполезное — к чему моряку лошадь?

Зато обед в корпусе всех привел в восхищение: «Сей обед был великолепен, пышен и богат. Всевозможные вина и напитки подавали за столом... По окончании обеда пили за здоровье принца и кричали “ура!”. Потом пошли в сад, в беседку, построенную в виде храма, которого колонны сверху донизу обвиты были лаврами. Здесь пили кофий, а потом пошли смотреть гимнастические упражнения кадет». Но какие упражнения могут получиться после обильного обеда с напитками? «Сей раз вольтижирование их было не весьма искусно», — не без язвительности записал Даль в журнале.

Как бы хорошо ни принимали в Швеции, но самое отрадное впечатление оставила Дания. Здесь, отрапортовал князь Шихматов, «гостеприимство превзошло всякое наше ожидание». Датский король Фредерик VI в то время находился в Голштинии, но перед отъездом выделил средства и поручил директору Морского кадетского корпуса в Копенгагене адмиралу Снедорфу принять гостей. «Для исполнения воли своей он не мог сделать лучшего выбора, ибо сей летами и знаниями почтенный муж каждый день нашего здесь пребывания, удовлетворяя нашему любопытству, старался доставлять нам новые удовольствия, и неутомимое его о том попечение поистине достойно всякой от нас похвалы и благодарности». Русско-датские отношения в этот период переживали свои лучшие времена: Дания была союзницей России в двух предыдущих войнах — против Англии в 1807—1814 годах и против Швеции в 1808—

1809 годах. Во время войны английский десант захватил Копенгаген и уничтожил почти весь датский флот, потому датские моряки горели желанием отомстить Англии, Россию же традиционно надеялись видеть своей союзницей.

Гардемарины осмотрели адмиралтейство, оставшиеся после разграбления англичанами пустые арсеналы и строящиеся корабли. Видели королевскую библиотеку, музей и кунсткамеру, были в театре, смотрели дворец Фридрихсбург, в котором коронуют датских королей, Гельсинор (Хельсингёр) — шекспировский Эльсинор, где разыграли сцену явления принцу Гамлету тени его отца.

Гости посетили загородную королевскую резиденцию Фреденсбург и королевский конный завод. И, конечно, познакомились с датскими кадетами: те демонстрировали свои успехи во французском и английском языках, в рисовании, танцах, гимнастике. Даль раздал датчанам листочки и попросил написать несколько слов на память. Эти листочки со стихотворными экспромтами, старательно написанными аккуратным почерком, до сих пор лежат в гардемариномском журнале Владимира Даля.

Всё было так хорошо! В вольтижировке датчане показали себя искуснее шведов, и вообще, считал Даль, «здешние кадеты гораздо лучше стокгольмских». Это и понятно — Дания была родиной его отца. Владимир даже искал в Копенгагене родню, однако никого не нашел. Когда русских мальчишек представляли наследнику датского престола принцу Кристиану и принцессе Каролине Амалии, то они увидели такое внимание к себе, что были удивлены. Наконец-то сбылись мечты: их высочества говорили с каждым! После угощения принц с братом Фердинандом предложили прокатиться на шлюпках по озеру: «При игрании музыки сам с нами поехал, посадив некоторых из нас с собою, и был правителем и предводителем потешного нашего флота».

Обстановка была такая непринужденная, что некоторые гардемарины и вовсе забыли об этикете. Когда во дворце королева предложила Степану Лихонину варенье, тот, вместо того чтобы взять у нее тарелку, вооружился ложкой и стал как ни в чем не бывало есть варенье и беседовать с королевой, державшей перед ним тарелку. Хохот вокруг, а он и не замечает, знай уплетает. Что тут скажешь: в 15 лет люди вроде бы уже и взрослые, а привычки у них всё еще детские.

С Владимиром Далем оплошность случилась на балу. Каждому гардемарину определили даму, чтобы с ней тан-

цевать и после вести к столу. Как и Нахимов, Даль не относился к числу любителей танцевать. Кое-как отговорился, уединился в саду и... уснул. Там и нашли его после бала. Он очень удивился, когда его разбудили, и рассказывал потом, что видел во сне прекрасный водопад.

Отличились и Федор Кольчев с Иваном Бутеневым: не вняли советам князя соизмерять количество предлагаемых напитков со своими силами и, опьянев, уснули в беседке. Директор датского Морского корпуса посмеялся над незадачливыми русскими. Тогда все решили спасти честь русского гардемаринского мундира — правда, весьма своеобразно: на следующий день в отместку напоили датских гардемарин и живописно расположили их по разным беседкам, предложив директору полюбоваться на своих подопечных.

— Опять кто-то из ваших нализался? — улыбаясь, спросил адмирал.

— А вы зайдите в беседку да посмотрите.

Адмирал потом долго хохотал и рассказывал об «изобретательности русских плутишек».

Принимали датчан у себя на бриге, угощали чаем и «чем могли» (так записали в журналах).

Словом, визит удался. Шесть дней простояли в Копенгагене, дожидаясь попутного ветра, 1 сентября, так и не дождавшись, подняли паруса и при тихом ветре оставили гостеприимную датскую столицу. Выйдя в море и лавируя, миновали острова Борнхольм и Готланд и, наконец, поймав свежий ветер, взяли курс на Дагерорт. 7 сентября прошли остров Нарген и встали на ревальском рейде³⁶. Будущим командирам предстояло не раз ходить этим маршрутом, а потому заучивали румбы, сличали местность с картой, обучались лавированию в море. Пополнив запасы провизии и воды и осмотрев Ревель, поспешили в родной Кронштадт, а оттуда — в Петербург.

Чудесное плавание завершилось, приключения, балы и обеды закончились. Предстояло готовиться к экзаменам на первый офицерский чин.

Экзамены

К экзаменам готовились основательно, повторяли всё, изученное за три года. Проходили испытания в январе — феврале. Собственно, это был не один, а целая череда экзаменов. «Надлежало пройти через несколько комиссий:

свою, домашнюю, флотскую, артиллерийскую, астрономическую, духовную и главную»³⁷, — каждую со своими экзаменаторами.

«Домашняя» комиссия была самой строгой — состояла из корпусных офицеров, но не учителей, если же кто-то из офицеров был и преподавателем, то своих учеников он не экзаменовал; председательствовал помощник директора. Спрашивали по всем предметам, долго и придирчиво. Кто прошел первую комиссию — шел на вторую, флотскую. Там экзаменовали назначенные министром поименно адмиралы, капитаны и кораблестроители. В третью назначались артиллеристы из морского и сухопутного ведомств, в четвертую — астрономы из Академии наук и обсерватории, в пятую — члены Синода и преподаватели Закона Божьего. Наконец, на последнем испытании присутствовали министры и высшие сановники, допускалась и публика.

Баллы для оценивания успеваемости тогда еще не употреблялись, приняты были оценки: «отлично хорошо», «весьма и очень хорошо», «хорошо», «довольно хорошо», «посредственно». «При этом, — отмечает Д. Завалишин, — получивший отметку “посредственно” выпускался так же в мичманы, как и те, кто получал отметку “отлично”, только, разумеется, ставился ниже в выпускном списке, в каком порядке считалось и старшинство при производстве»³⁸.

Каковы же были оценки гардемарина Павла Нахимова? — «Очень хорошо»: Закон Божий, алгебра, высшие вычисления, механика, теория морского искусства, опытная физика, корабельная архитектура, артиллерия, фортификация, русская грамматика. «Весьма хорошо»: арифметика, геометрия, тригонометрия, геодезия, навигация, астрономия, история и география. Практику и эволюции освоил на «хорошо», по-французски «говорит, переводит и сочиняет хорошо».

Ни одной «довольно хорошо» и «посредственно» — только высокие баллы! Общий итог: «...комиссия, рассматривая знания здешних и Черноморского флота гардемарин, составила общий список старшинства по степени ответов их в знании наук, а именно, из первых и лучших... 1-м Платона Станицкого, 2-м Захара Дудинского, 3-м Михайлу Рейнеке, 4-м Василия Соколова, 5-м Андрея Чигирия, 6-м Павла Нахимова»³⁹. Шестой из 109 экзаменованных!

Девятого февраля вышел приказ министра о присвоении выпускникам — и среди них Нахимову — первого офицерского звания мичмана. Конечно, поздравляли друг дру-

га, отмечали, веселились. Особенно радостно было, что оба приятеля, Рейнеке и Нахимов, оказались в списке лучших: один на третьем месте, второй — на шестом.

Однако радость новоиспеченного мичмана была вскоре омрачена. «12 февраля 1818 г. сельца Городка г-на майора Степана Михайловича Нахимова жена Федосья Ивановна умре скоропостижно без покаяния». Успел ли Павел вместе с братом Иваном добраться из столицы до родного Городка, чтобы проводить матушку в последний путь, неизвестно.

Отпевал новопреставленную всё тот же священник Георгий Овсянников в церкви Спаса Нерукотворного, где он крестил ее 11 детей. Похоронили ее в фамильном склепе, рядом с умершими в малолетстве детьми.

Вот так самое радостное и самое печальное события в юности Павла Нахимова соединились. Ему еще не раз предстоит испытать радость побед, омраченную горечью утрат. Но та потеря была самой ощутимой.

Юный мичман Павел Нахимов был назначен во 2-й флотский экипаж и 1818—1819 годы провел в столице — как написано в послужном списке, «при берегу»⁴⁰. В 1820 году его назначили на тендер* «Янус» под команду лейтенанта Александра Дмитриевича Ахлестышева. Отзывы о Нахимове были самые положительные: «поведения благородного, в должности усерден». Назвать интересной службу в Кронштадте было нельзя — всё те же стояние на рейде да плавание до Красной Горки и обратно с мая по октябрь. У Нахимова сохранились прекрасные отношения не только с Ахлестышевым, но и его семьей. В письме брату он передавал приветы и слал поклоны лейтенанту, его супруге и детям.

В 1821 году Нахимова перевели в Архангельск, в 23-й флотский экипаж. В Архангельск получили назначение и его друзья Михаил Рейнеке и Михаил Бестужев. Вот радость! «Время быстро летело в дружеских беседах с ним, — вспоминал Бестужев о Нахимове, — в занятиях по службе и приятных развлечениях, какими был так обилен в то время город Архангельск... Я живо помню бал в клубе и потом ужин. Там мы танцевали и пировали с ним в последний раз»⁴¹. Для троих друзей время, проведенное на берегах Двины, было порой счастливой и безмятежной юности, короткой, как северное лето, но запомнившейся на всю жизнь.

* Тендер — одномачтовый парусный корабль, использовался для посыльной и дозорной службы.

Вскоре Павел ушел в трехлетнее кругосветное плавание на фрегате* «Крейсер», Рейнеке отправился на Белое море, Михаил Бестужев в Кронштадт, а затем на Сенатскую площадь, в Петропавловскую крепость и в Сибирь.

Павел Нахимов и Михаил Рейнеке перед длительной разлукой увиделись еще раз — в Копенгагене, куда зашли корабли кругосветной экспедиции. Встреча была короткой, и при расставании у Нахимова, к его огорчению, слов не нашлось, за что и корил себя в письме другу: «Ах! Как живо помню, когда последний раз в Копенгагене простился с тобой, я был нем, чтоб сказать то, что чувствовал, да и теперь тоже»⁴². Они с Михаилом часто говорили о словах и чувствах, и оба пришли к убеждению: кто сильно чувствует, тот не теряет слов. И вот, пожалуйста, — чувства-то есть, да слов не нашлось. Но Михаил уже хорошо изучил своего друга, знал его сдержанность и нелюбовь к пустым словам. Да и к чему слова, когда и так всё ясно?

* Фрегат — трехмачтовый парусный корабль с вооружением до шестидесяти пушек.

Глава вторая
КРУГОСВЕТНОЕ ПЛАВАНИЕ

Фрегат «Крейсер»

И вот он наступил, этот счастливый миг! Сейчас из толщи воды вынырнут, гремя цепями, якоря, фрегат расправит белоснежное оперение парусов и заскользит при попутном ветре по водной глади кронштадтского рейда в открытое море. А на борту фрегата — счастливики: лейтенанты Иван Куприянов, Михаил Анненков, Федор Вишнеvский, мичманы Иван Бутенев, Ефим Путятин, Дмитрий Завалишин, Александр Домашенко, Павел Муравьев и Павел Нахимов. Что чувствовал он в этот миг, о чем думал? Ведь придется идти не по «маркизовой луже», как в насмешку называли моряки часть Финского залива от устья Невы до Красной Горки, а вокруг света — *в безызвестную*. Начало похода схоже с ожиданием сражения, с той лишь разницей, что первого ждали не только с тревогой, но и с затаенной гордостью, потому что желающих идти в кругосветку было множество, а назначали немногих.

Польза от кругосветных экспедиций была несомненная: здесь и представительство России в самых отдаленных уголках земного шара, в землях, открытых во время этих плаваний, и бесценный опыт для офицеров и матросов, и научные исследования в области гидрографии, географии, этнологии, естествознания. После появления российских колоний на Аляске, Алеутских островах и в Калифорнии — а это около полутора миллионов квадратных километров — экспедиции стали поддержкой в освоении новых земель, Российско-Американская компания (РАК) только в первой половине XIX века организовала 25 экспедиций, из них 13 кругосветных.

В те времена Россия держала в океане не менее трех кораблей, выполнявших крейсерские обязанности: один шел в Тихий океан из Кронштадта, другой находился на Дальнем Востоке, третий возвращался в Балтийское море. На флоте служили матросы, совершившие не один кругосветный поход, а для офицеров кругосветное плавание становилось прекрасной школой — их ждали тайфуны и ураганы Тихого и Атлантического океанов, тропическая жара и снеговые шторма, коралловые рифы и острова с туземцами. Кто из моряков не мечтает об этом? Вот почему те, кто 17 августа 1822 года пришел проводить фрегат «Крейсер», были грустнее отплывающих.

Капитан и его команда

Английские моряки говорят, что в море капитан — первый после Бога. Командиром экспедиции и фрегата «Крейсер» был назначен Михаил Петрович Лазарев, к тому времени уже известный мореплаватель. Лазарев окончил Морской корпус и в числе лучших был откомандирован для практики на британский флот. Пять лет он плавал мичманом на английских кораблях в Средиземном море и Атлантическом океане, получил опыт боевой службы, затем вернулся в Россию, участвовал в русско-шведской войне 1808—1809 годов и в Отечественной войне 1812 года. В 1813—1816 годах он совершил свою первую кругосветку командиром корабля «Суворов», во время которой была открыта группа островов в Тихом океане, названная именем великого полководца. В 1819-м на шлюпах «Восток» и «Мирный» Лазарев и Беллинсгаузен отправились во вторую кругосветку и открыли новый материк — Антарктиду.

Для третьей экспедиции построили фрегат «Крейсер» и переоборудовали военный шлюп* «Ладога». Командиром шлюпа был назначен старший брат Михаила, капитан-лейтенант Андрей Лазарев. Помимо уточнения координат и нанесения на карту целого ряда территорий, экспедиция имела и сугубо практические цели: доставить груз на Камчатку и в поселения Русской Америки. Военный шлюп «Аполлон» — единственный русский корабль у берегов Калифорнии — должен был вместе с «Ладогой» возвратиться домой, а фрегат «Крейсер» — остаться у берегов Америки до прибытия смены.

* Шлюп — военный трехмачтовый парусный корабль.

Перед началом экспедиции М. П. Лазареву была дана подробная инструкция о порядке крейсирования: «Государю императору благоугодно всемерно сохранять наилучшее согласие в сношениях своих с иностранными державами и особенно иметь в виду избегнуть, чтобы между российскими и американскими кораблями не дошло до самоуправства и от того не последовало бы каких-либо неприятных событий». Предписывалось держаться «сколь можно ближе к твердой земле»: «Чтобы сие наблюдение имело предметом недопущение всякой запрещенной торговли и всякого посягания» на права компании, в первую очередь предписывалось не допускать продажи местным жителям огнестрельного оружия «без согласия их начальства»⁴³.

Чтобы попасть в кругосветку, молодые офицеры прикладывали значительные усилия, порой пуская в ход семейные связи и знакомства. К примеру, Путятин был назначен по протекции всесильного управляющего Собственной Его Императорского Величества канцелярии графа А. А. Аракчеева, протекцией воспользовался и Вишневский — офицер элитного Гвардейского экипажа. Но остальных Лазарев отбирал лично, желая видеть на своем корабле дисциплинированных, ответственных и, главное, любящих морскую службу офицеров. Его выбор пал на лучших выпускников Морского корпуса, подающих надежды.

Кстати, в свое время в кругосветку собирался старший брат Нахимова. Лейтенант С. Я. Унковский в записках об экспедиции на корабле «Суворов» поведал такую историю. Первоначально Российско-Американская компания предложила возглавить экспедицию к берегам Америки капитан-лейтенанту Макарову, опытному морскому офицеру. «В июне месяце [1813 года] корабль начали вооружать в Средней гавани [в Кронштадте]; были поставлены новые мачты и весь рангоут приготовлен новый. Капитан-лейтенант Макаров выбрал себе офицеров лейтенанта Нахимова, мичмана Бестужева, штурмана 14 класса Самсонова»⁴⁴. О котором из братьев Нахимовых идет речь, Унковский не пояснил; полагаем, по возрасту и званию более других подходит Николай. В экспедицию, правда, он так и не попал, но не по своей вине: Макаров рассорился с директорами компании, запросив для офицеров сверх оговоренных в контракте 1200 рублей годовых еще по 800 рублей. Он посчитал, что руководству РАК волей-неволей придется принять его условия: на дворе сентябрь, в более позднее время

года в дальние вояжи не выходят, — и потому оставался непреклонен. Однако директора компании разбирались в коммерции явно лучше морского офицера и на шантаж не поддались, расторгли договор и пригласили командовать экспедицией Михаила Лазарева, который и набрал новую команду.

Отношения руководства компании, офицеров флота и главного правителя Русской Америки А. А. Баранова складывались совсем не просто, командирам кораблей приходилось считаться с волей Баранова, который был царь и бог на подвластных ему территориях. В 1815 году Лазарев увел свой корабль от берегов Аляски под огнем пушек, стрелявших по приказанию взбешенного Баранова. Лазареву потом долго пришлось писать оправдательные документы и объяснять причину конфликта.

Вот поэтому в 1822 году, отправляя новую экспедицию к берегам Аляски и Калифорнии, начальник Морского штаба А. В. Моллер напомнил Лазареву о его обязанностях: «...должны принять за правило не вступаться в местные существенные обязанности и распоряжения колониального главного правителя, предоставленные ему одному»⁴⁵.

С мичманом Павлом Нахимовым Лазарев познакомился в Архангельске. Мечтал ли Нахимов о кругосветке? Мечтать-то мечтал, да вот надеяться мог только на себя. Мелкопоместный дворянский род и отсутствие нужных знакомств — не лучшие помощники в продвижении по службе. Но море, как и поле битвы, всех расставляет по своим местам, здесь протекция не поможет — только способности, опыт, труд, иногда везение. Так что у Нахимова был единственный способ продвинуться: служить честно, набираться опыта, а опытность, по его выражению, «что сталь — нуждается в закалке». К такому убеждению он придет после многих лет службы и будет не раз повторять эти слова молодым морякам.

По воспоминаниям товарища Нахимова по Морскому корпусу А. Рыкачева, когда Лазарев предложил Нахимову идти в кругосветку, тот «согласился с восторгом». Еще бы! Служить под началом известного капитана, на военном корабле, признанном за «образец возможного совершенства», — это ли не счастье для моряка?

Адмиралтейств-коллегия утвердила список офицеров, назначенных в кругосветное плавание на фрегате «Крейсер», с указанием годового жалования. Лейтенантам определили по 720 рублей, мичманам Павлу Нахимову, Дмитрию

Завалишину, Павлу Муравьеву, Ивану Бутеневу, Ефиму Путятину, Александру Домашенко — по 600 рублей⁴⁶.

Много это или мало? Можно сравнить с ценами на продукты: пуд (16,3 килограмма) пшеничной муки 1-го сорта стоил в столице в 1822 году 5 рублей 83 копейки, пуд коровьего масла — 20 рублей 38 копеек, ведро молока — 3 рубля 4 копейки, сотня куриных яиц — 4 рубля 85 копеек, пуд говядины — 9 рублей 86 копеек⁴⁷. Но это нам мало что скажет — офицеры хозяйство не вели, квартиру снимали, обедали в трактире. Заметим, что 600 рублей получали в год, в месяц выходило 50 рублей — на эти деньги можно было купить, к примеру, десять бутылок шампанского.

Можно сравнить размер мичманского жалованья с ценами на крепостных, ведь у Нахимова в имении были крепостные: ревизская (мужская) душа стоила тогда 75 рублей, женщины — вполтину дешевле.

Можно еще сравнить с материями иного толка: коллежский секретарь А. С. Пушкин, числившийся по Министерству иностранных дел, за поэму «Кавказский пленник» получил от издателя в 1821 году гонорар в 500 рублей — и был совершенно счастлив, поскольку годового семисотрублевого жалованья ему не хватало.

И Нахимова доходы от имения прокормить не могли, так что жалованье оставалось для него главным средством существования. Если вспомнить лишения и жертвы, с которыми сопряжена морская служба, особенно в дальних походах, то жалованье офицера окажется с ними несоизмеренно. Однажды забавы ради моряки подсчитали, что сумма офицерских окладов на всём флоте равняется затратам на содержание одной гвардейской роты. Было это во времена императрицы Екатерины II. «С тех пор разница поуменьшилась, но вовсе не потому, что моряки стали богаче»⁴⁸, — заметил один из них. Конечно, мичманское звание — это первая ступень служебной лестницы. Но и прослужив 35 лет на море и получив чин контр-адмирала, офицеры имели жалованье, которого едва хватало, чтобы держать пару лошадей и небольшой экипаж. А содержание семьи, обучение детей, наем жилья, лечение? «Серебряные ножи и вилки между моряками большая редкость. Мебель, убранство комнат и образ жизни самые простые и бедные, и нельзя назвать ни одного морского офицера, который составил бы себе на службе состояние, тогда как в других отраслях государственной службы лица и не в генеральских чинах живут в достатке и часто роскошно, наживают дома и

деревни и оставляют имена детям»⁴⁹, — докладывал императору в 1853 году великий князь Константин Николаевич.

Команду фрегата составили 176 человек с общим годовым жалованьем 12 380 рублей 30 копеек. Питание и обмундирование шли за казенный счет. Рулевые матросы 1-й статьи получали по 16 рублей в год, марсовые — по 15, остальные — по 13 рублей; канониры 1-й и 2-й статей — по 13 и 9 рублей соответственно. Входили в экипаж также плотники, парусники, конопатчики, котельщики и другие рабочие. Шлюпочный плотник 2-го класса, к примеру, получал 24 рубля годовых и еще столько же за дальний вояж⁵⁰. По сравнению с офицерским жалованьем это гроши, но рачительные матросы и рабочие успевали за время плавания скопить небольшой капитал, в основном выполняя для офицеров работы на заказ.

В дальнем походе — а собирались идти на три года — в замкнутом пространстве корабля особое значение приобретают отношения в команде. Не только от капитана — от всей команды зависит, достигнет ли экипаж, как говорят моряки, «сплаванности». Поэтому в кругосветку предпочитали брать людей знакомых. Так, для Куприянова и Анненкова это была уже вторая экспедиция под командованием Лазарева. Нахимову повезло: в Морском корпусе он учился вместе с Иваном Бутеневым, Дмитрием Завалишиным и назначенным на шлюп «Ладога» мичманом Николаем Фофановым, гардемаринном ходил вместе с ними по Балтийскому морю. С теми офицерами, кого узнал в кругосветке, Нахимов скоро подружился и в письмах характеризовал всех как людей «отличных» — кроме лейтенанта Кадьяна (о нем речь пойдет особо).

Офицеры, прошедшие под командованием Лазарева школу кругосветки, оставили свои имена в истории флота. Ефим Путятин стал адмиралом, возглавил кругосветную экспедицию на фрегате «Паллада», открыл новые земли, установил дипломатические отношения с Японией, в 1861 году занял пост министра народного просвещения. Иван Куприянов в 1835 году был назначен главным правителем русских колоний в Северной Америке, дослужился до звания вице-адмирала. Иван Бутенев геройски проявил себя в Наваринском сражении.

Самые доверительные отношения сложились у Нахимова с Завалишиным, чья биография могла бы стать сюжетом авантюрного романа. Дмитрий был сыном генерал-майора Ириарха Завалишина, сподвижника Суворова,

сочинителя од и поэм. Прожил Дмитрий Иринархович долгую — 88 лет — и богатую событиями жизнь. Человек разносторонних интересов, он знал девять языков, преподавал в Морском корпусе математику, астрономию и механику (его лекции слушали будущие герои Севастополя Истомин и Корнилов), живо интересовался политикой. Близко знал многих членов и организаторов тайных обществ, в выступлении на Сенатской площади в декабре 1825 года участия не принял, однако это не помешало следственной комиссии осудить его на 20 лет каторжных работ.

Но и там неутомимый нрав не позволил ему сидеть спокойно: он так донимал читинских чиновников обвинениями в казнокрадстве и взятках, что в 1863 году по новому приговору его выслали из Читы. Кажется, это был второй случай в нашей истории, когда выслали сосланного в Сибирь: первым был декабрист Михаил Лунин, которого за обличительные письма и сочинения отправили из Читинского острога в Акатуйскую тюрьму. Завалишина выслали в Казань, а позже разрешили поселиться в Москве⁵¹.

Лазарев хорошо относился к Завалишину и дал высокую оценку его участия в экспедиции, но не забыл упомянуть и о его политических прожектах: «Жалко Дмитрия Иринарховича Завалишина: поехал далеко в Сибирь, пылкая голова, огнедышащая натура. Я ему предсказывал этот путь, я любил его; он был всегда быстрым исполнителем; славный мичман, без искательства и унижения, служил безукоризненно честно в должности ревизора и выторговывал для матросов каждую копейку. Голова его была полна реформ, и я предостерегал его от увлечений, зная, что он душою был чист и любил море».

Завалишин обладал пронизательным умом и несомненными литературными способностями, но при этом часто бывал несдержан, желчен и заносчив. И с этим человеком Нахимов делил каюту в течение двух лет. Поистине ангельское терпение!

Строительство и вооружение

Новопостроенный фрегат назвали «Крейсер», что в переводе с голландского означает «тот, кто пересекает». Фрегату предстояло пересечь не только моря, но и океаны — Атлантический и Тихий. Забот и хлопот было невпроворот, работа предстояла немалая: оснастить фрегат;

сформировать команду, разместить на корабле запасы продовольствия, боеприпасы и другие необходимые в длительном плавании вещи.

Оснащение фрегата началось в Архангельске, на верфи Соломбалы — острова в дельте Северной Двины, а завершиться должно было в Кронштадте. Так что Нахимов, назначенный в 1821 году в 23-й флотский экипаж в Архангельск, мог своими глазами наблюдать за этим процессом и набираться опыта, который так пригодится ему впоследствии — при строительстве линейного корабля «Азов», знаменитого фрегата «Паллада» и линейного корабля «Силистрия», перевооружении трофейного турецкого корабля «Наварин».

Веселая зима 1821/22 года, проведенная Нахимовым в Архангельске вместе с братом Сергеем, друзьями-тезками Михаилом Рейнеке и Михаилом Бестужевым, подходила к концу. В 1821 году фрегат «Крейсер» спустили на воду, а весной 1822-го Бестужев ушел на фрегате из Архангельска вокруг Скандинавского полуострова в Кронштадт.

Молодые офицеры в Архангельске еще живо обсуждали будущий поход, когда в марте 1822 года наконец стало известно, кто назначен в кругосветку. Счастливый Нахимов получил предписание в апреле отправиться берегом из Архангельска в Санкт-Петербург.

Вообще-то посуху моряку передвигаться не с руки, а уж весной да в тех краях — и вовсе скука смертная. Дороги основательно размокали, приходилось не ехать, а тащиться, так что путешествие вышло «не безделица», как написал Павел Степанович своему любезному другу Михаилу⁵².

В те годы в России только начиналось строительство дорог, шоссе в первую очередь прокладывали из Северной столицы в Первопрестольную, протяженностью более 700 верст, а уж о дороге в Крым и не помышляли. Завершатся работы лишь к 1833 году, вот тогда из Москвы в Санкт-Петербург можно будет домчаться за трое суток. А пока о шоссе дорогих приходилось лишь мечтать вместе с героем поэмы Пушкина «Евгений Онегин»:

...лет чрез пятьсот дороги, верно,
У нас изменятся безмерно:
Шоссе Россию здесь и тут,
Соединив, пересекут.

Десять дней ехал Нахимов с берегов Северной Двины до берегов Невы. По гардемаринской привычке взялся было в

дороге вести журнал, да вышло всё «дождь и грязь». Только 2 мая он наконец добрался до Кронштадта. Поселился, по совету братьев Николая и Платона, на квартире Дмитрия Завалишина, их товарища по корпусу и своего хорошего знакомого по плаванию в Швецию и Данию.

Тем временем прибыл в Кронштадт и фрегат.

Военный корабль того времени можно назвать плавающим редутом — столько он имел орудий. Олицетворением морского могущества всех флотов были большие трехмачтовые военные корабли, вооруженные орудиями большого калибра. Они назывались линейными кораблями, потому что во время боя обыкновенно располагались в линию. По размерам и числу носимой ими артиллерии корабли были 120-, 110-, 100-, 90-, 84- и 74-пушечные. Пушки располагались на особых палубах в несколько ярусов. 120-, 110- и 100-пушечные корабли имели четыре яруса батарей, из которых три яруса помещались на закрытых палубах (деках), и назывались трехдечными; при меньшем числе орудий они устанавливались в три яруса, из которых два в деках.

Казалось бы, чем больше пушек, тем мощнее корабль, следовательно, тем лучше. Но орудия большого калибра были очень тяжелы, занимали много места и требовали большого числа артиллерийской прислуги. Например, орудие, стрелявшее ядрами весом 36 фунтов*, весило 4,4 тонны и имело длину 3,10 метра. Обслуживали его 14 человек.

Нижние палубы (гон-деки) вооружались, как правило, двумя двухпудовыми или 68-фунтовыми бомбовыми пушками, четырехпудовыми единорогами и 36-фунтовыми длинными пушками. На средние палубы (мидель-деки) ставились 36-фунтовые короткие пушки, на верхние (опердеки) — 36-фунтовые короткие пушки; на открытой батарее располагались 36- и 24-фунтовые пушки. Некоторые корабли были вооружены однокалиберной артиллерией — 36- и 30-фунтовой.

Хорошие морские качества корабля достигались удачной конструкцией, правильной нагрузкой, вооружением и соответствующей подготовкой экипажа. Российский 124-пушечный корабль мог взять на борт до тысячи человек, 84-пушечный — более семисот. К примеру, 84-пушеч-

* Артиллерийский фунт — весовая единица для измерения калибра гладкоствольных артиллерийских орудий. Русский артиллерийский фунт — 480 граммов — был равен весу чугунного ядра диаметром 2,5 дюйма.

ная «Императрица Мария» во время Синопского сражения имела на борту 733 человека, из которых 40 человек составляли экипаж.

Фрегаты уступали линейным кораблям по величине, но превосходили их в скорости. Они предназначались в основном для крейсирования и разведки, конвоирования транспортов, могли принимать участие в боевых действиях, для чего несли на двух батарейных палубах до шестидесяти орудий.

Новый фрегат строил знаменитый корабельный мастер А. М. Курочкин, на его счету было более семидесяти кораблей, ходивших по Балтийскому и Черному, Северному и Средиземному морям, Атлантическому и Тихому океанам. Лазарев тщательно осмотрел фрегат и в целом остался доволен работой. Но для подготовки к кругосветному плаванию нужно было усилить корпус, улучшить ходовые качества и вооружение:

«1) Фрегат нужно скрепить железными кницами и стандарсами*... 2) При килевании фрегата обшить оный дюймовую обшивкою и переменить рулевые петли... 3) Нижнюю палубу сделать глухою и проконопатить, что немало будет способствовать к скреплению и самого фрегата... 7) Мачты, весь рангоут и стоячий такелаж освидетельствовать и что окажется неблагонадежным — переменить, 8) Паруса сшить из лучшей парусины, 9) Сухого бульону приготовить по примеру, как то сделано было на “Аполлоне”... 10) Восковых свечей отпустить достаточно, 11) Утвердить офицеров и позволить начальникам судов избрать команду из разных экипажей, 12) Приготовить хорошо высушенной пшеничной муки в бочках для печенья иногда служителям хлебов вместо сухарей, 13) Снабдить суда разными вещами для мены с островитянами.

Капитан 2 ранга Лазарев 2-й»⁵³.

Лазарев, за спиной у которого были уже две кругосветки, хорошо знал, что море небрежности не прощает, поэтому позаботился обо всём. Что касается вооружения, то 36-пушечный фрегат превратили в 44-пушечный, пушки поставили самые легкие — короткоствольные каронады**.

* Кница — угольник для жесткого соединения элементов набора корпуса судна. Стандерс — опорная конструкция в виде литой стойки, прикрепляемая к палубе.

** Каронада (карронада) — короткоствольное артиллерийское орудие, заряжаемое ядрами, картечью и книппелями (ядрами, соединенными стержнем или цепочкой); имела калибр 12, 18, 24, 32 и 42 фунта.

Они прекрасно стреляли на близкое расстояние в кабельтов* и требовали меньше усилий в обслуживании. Кроме каронад на фрегате установили орудия для гребных судов и еще мортиры** для гранат, так что пороху требовалось немало. Но места лишнего не было, поэтому появилось еще одно новшество: порох поместили не в бочки, а в медные ящики прямоугольной формы, которые позволяли не только держать его сухим, но и занимали меньше места. На хранение пороха в крюйт-камере — специальном пороховом погребе — всегда обращали особое внимание и принимали самые серьезные меры предосторожности.

Лазарев не считал второстепенным вопросом удобство кают и кубриков, и здесь нужны были некоторые переделки. Первоначально предполагалось, что каждый офицер будет иметь отдельную каюту. Но Нахимов и Завалишин решили разобрать переборки и жить вместе, так что во время похода их каюта стала чем-то вроде малой гостиной, в которой собирались свободные от вахты офицеры.

В то время Кронштадтский порт, где происходила подготовка к экспедиции, представлял собой, по определению Завалишина, «гнездилище беспорядков и злоупотреблений», с коими он не прекращал бороться ни днем ни ночью. (Впрочем, к оценкам Завалишина следует относиться осмотрительно, он обо всём писал в превосходной степени и сам в собственных глазах являл превосходную степень.) «Всякий день открывались мне явления одно возмутительнее другого. О людях не имели ни малейшего попечения, все воровали, — начиная от военного губернатора и до ничтожнейшего лица в управлении»⁵⁴. Торговля краденым флотским имуществом шла в порту в открытую, не только ночью, но и днем. Было известно, что угольный комиссар, получающий оклад в несколько сотен рублей в год, своему сыну, служившему в гвардии, посылал на содержание тысячи. Мачтовый подмастерье мог принимать лечебные ванны, каждая из которых стоила его месячного жалованья. И как-то так получалось, что все, кто входил в соприкосновение с портовыми служащими, немедленно заражались губительной болезнью мздоимства. Затребовать для своих

* Кабельтов — единица измерения расстояний в море, равная 0,1 морской мили или 185,2 метра.

** Мортира — короткоствольное артиллерийское орудие с большим углом возвышения для ведения навесного огня начиненными порохом гранатами и бомбами.

нужд людей, нанятых за казенный счет, было делом обычным и настолько распространенным, что, когда Лазарев запретил отпускать мастеровых с фрегата, это вызвало искреннее недоумение.

В 1826 году некоторые злоупотребления в Кронштадте будут вскрыты. Следствие найдет в лавках краденое казенное имущество на сумму 85 875 рублей, виновные понесут уголовные наказания⁵⁵. Пока же офицерам фрегата приходилось штурмовать не бастионы, а кабинеты портовых чиновников. Мастеровые также были не в восторге от усовершенствований фрегата, считая их «пустыми затеями», так что в порту сложилась поговорка: «Избави нас, Боже, огня, меча и фрегата “Крейсер”».

Не только Завалишин, назначенный ревизором, но и все офицеры по мере прибытия в Кронштадт из отпусков подключались к неусыпному наблюдению за работами. Завалишин в эти два месяца, по его словам, забывал обедать, Нахимов был так занят днем, что на письма братьям и друзьям оставалась только ночь. «Вот уже пятый час утра, а в пять часов мне надобно быть на боте, то я решился всю ночь посвятить дружбе, — пишет он Михаилу Рейнеке. — Тебе, верно, непонятно покажется, какая цель мне писать ночью? А вот какая: что я ранее десяти часов вечера не имею свободной минуты, то с десяти принялся, а к пяти кончу. Не знаю, что со мной будет завтра»⁵⁶. Сохранилось еще короткое письмецо «любезному Мише» с признанием, что в эти летние месяцы его автор стал «похож на сумасшедшего».

Возможно, молодым офицерам и не удалось бы преодолеть нерасторопность мастеровых в порту и сопротивление «портовых деятелей». Но включился главный двигатель всех процессов в России, единственно способный придать ускорение любому начинанию: проводить фрегат в плавание собрался государь. А чтобы в неповоротливом механизме уж точно все винтики и шестеренки заработали, капитан М. П. Лазарев еще и масла подлил — сообщил чиновникам, что не намерен скрывать от императора имена тех, кто мешал доводке фрегата.

Вот тогда-то работа и завертелась: в один день стали делать то, на что прежде требовалась неделя, а то и месяц. Но такой, говоря морским языком, аврал не мог не сказаться на качестве работ, что обнаружится уже во время похода. Все упущения и недоработки потом придется исправлять в доках Англии, там же заменять и поломавшиеся механизмы. Как говорится, столетия идут, а привычки остаются.

И всё же команда Лазарева поработала на славу: «Крейсер» стал образцовым кораблем, а для молодых офицеров, начинавших службу под началом Лазарева, поистине практической школой. Все новшества на фрегате — технические, инженерные, боевые, касающиеся порядка службы и быта, — будут потом распространены на весь Черноморский флот, когда Лазарев станет его командующим. Именно при подготовке фрегата «Крейсер» Нахимов получил первый опыт кораблестроения, а в кругосветке под командованием Лазарева — первый опыт кораблевождения и самой корабельной службы.

Счастлив ученик, имеющий хорошего учителя, но вдвойне счастлив учитель, когда, употребив немалые усилия, видит, что посеянные им семена не только дали всходы, но и принесли обильный урожай. Лазарев был рад, что не ошибся в Нахимове, говорил о нем: «...чист душою и любит море». А Нахимов Лазарева поистине боготворил. Во время обороны Севастополя единственный портрет, который видели в комнате Нахимова, — портрет Лазарева.

Нахимов считал Михаила Петровича идеалом моряка, искренне восхищался тем, что он делал, и по мере сил копировал. В кругосветке это было лишь осваивание прописей; позже он выработает собственный почерк, но всегда из скромности будет повторять, что он лишь ученик. «Я сам прошел тяжелую служебную школу Михаила Петровича Лазарева, — говорил он своему адъютанту в Севастополе, — и за это ему благодарен, потому что стал человеком». «Биография М. П. Лазарева была бы весьма поучительна для наших моряков, если бы нашлись люди, которые ее разработали бы», — сказал как-то Нахимов в беседе с молодыми офицерами. Подаренные ему Лазаревым вещи берёт как зеницу ока, везде возил с собой. Рассказывали забавный случай. Однажды Нахимов попросил матроса принести ему стакан воды: «Да смотри не разбей! Это подарок мне Михаила Петровича Лазарева». Матрос от страха уронить стакан так стиснул его, что нечаянно раздавил.

Итак, фрегат был готов к походу. За несколько дней до выхода из Кронштадта прибыли высокие гости: император Александр Павлович, великий князь Николай Павлович и огромная свита — придворные, адъютанты, камер-юнкеры, молодые офицеры, секретари иностранных посольств. Даже фрейлины императрицы, горевшие желанием попасть на корабль, добрались самостоятельно на двух нанятых рыбацких лодках. Однако вахтенный офицер, не ожидавший

дамского вторжения, отказался пускать фрейлин на фрегат, и только после вмешательства Лазарева им разрешили подняться.

Впрочем, не обошлось без курьезов. Некоторые свитские, кому *прислуживаться* было не тошно, взялись было, чтобы обратить на себя внимание, лазать по вантам и карабкаться по лестницам. Однако накануне ванты просмолили, и многое на палубе было только что покрашено, так что особо рьяные придворные перепачкались в смоле и краске.

Сам фрегат, отдраенный, вымытый, как будто только и ждал высокой оценки. «Государь, — свидетельствует Завалишин, — был очень доволен всем виденным устройством и сам указывал на многое иностранным министрам»⁵⁷. Император не без гордости демонстрировал все новшества. «Особенно понравилось ему устройство так называемой шхиперской каюты, где были расположены в величайшем порядке все запасные вещи, так что всё могло по первому требованию доставаться без затруднения». Сооруженные вдоль всего борта шкафы с выдвижными ящиками хранили инструмент, запасные блоки, гвозди, скобы, а чтобы находить искомое быстро, на каждом ящике сделали надпись. Концы веревок разной толщины выглядывали из отверстий в ящиках, в середине каюты лежали запасные паруса, канаты, большие блоки. Этот склад запасных вещей своими ящичками с надписями напомнил государю косметический магазин, о чем он сказал одному из сопровождавших его посланников. Но шутки шутками, а в условиях качки, шторма или авральных работ устройство этой каюты не раз помогало команде быстро отыскивать необходимое.

В конце посещения по морской традиции кок пригласил императора отведать матросских щей. Щи государю понравились, но он выразил сожаление, что за границей кислой капусты будет не найти. Лазарев тут же доложил, что для «больших плаваний капуста готовится особым способом, так что может сохраниться очень долго, и что у нас взято такой капусты на три года, когда не будет хватать свежих овощей»⁵⁸.

Казалось бы, время цинги, этой напасти дальних походов, которая сопровождала моряков в XVI—XVII веках, давно миновало. Ан нет! Даже в XIX столетии, в 1854 году, в кругосветке на фрегате «Аврора» 35 человек заболели цингой, восемь матросов умерли. Так что предусмотритель-

ность Лазарева оказалась совсем не лишней. По примеру своего командира Нахимов в осажденном Севастополе будет заботиться о свежей или сушеной зелени для матросов, о заготовке квашеной капусты.

Из Кронштадта в Копенгаген

Семнадцатого августа 1822 года фрегат «Крейсер» и шлюп «Ладога» вышли из Кронштадта. Фрегат оказался хорошим ходяком, чего нельзя было сказать о «Ладоге». Бывшее транспортное судно, переделанное в военный шлюп, двигалось так медленно, что на «Крейсере» приходилось всё время убирать паруса, дабы не терять шлюп из виду. А когда миновали остров Наргин, ветер поменялся, и едва вышли в Балтийское море, как попали в шторм. В результате в Копенгаген пришли не через неделю, как планировали, а лишь 5 сентября.

Забота об уравнивании хода со шлюпом вызывала вполне объяснимое раздражение, а потому в письме к Рейнеке Нахимов назвал часть плавания до Ситхи — Новоархангельска (ныне — Ситка) на Аляске, где расстались, наконец, с «Ладогой», «довольно несчастливым». Письмо это он отправил 4 января 1824 года из Сан-Франциско, сделав в нем «маленькую выписку, когда и куда мы заходили»⁵⁹.

С тех пор как они увиделись в Копенгагене, где Рейнеке был по делам службы, Нахимов не писал другу три месяца, так что, по собственному признанию, не знал, с чего начать. Потому и письмо вышло обстоятельным, хотя и сдержанным, как всегда. Немногословность Нахимова с лихвой компенсирует подробный рассказ Завалишина, опубликованный в нескольких номерах журнала «Древняя и новая Россия» в 1877 году. В мемуарах Завалишина, впервые опубликованных в Мюнхене в 1904 году, а в России — в 1906-м⁶⁰, тоже нашлось место кругосветному плаванию, однако тексты, опубликованные в журнале и в книге, существенно различаются. Свои воспоминания Завалишин писал спустя много лет, и, как всегда в таких случаях, их нужно воспринимать с оглядкой.

На страницах его воспоминаний появились язвительные, желчные характеристики всех без исключения членов экспедиции. Больше всех досталось капитану Лазареву: нет такого греха, в котором не обвинил его бывший ученик. Почему? Трудно ответить на этот вопрос. Годы шли, бывшие

сослуживцы Завалишина сделали карьеру, вписали свои имена в историю науки и российского флота. А он? Когда-то подававший надежды, талантливый лейтенант Завалишин после возвращения из сибирской ссылки оказался не у дел. Конечно, он нашел применение своим недюжинным способностям, однако время ушло. Может быть, этим обстоятельством объясняются резкие характеристики и облыжные обвинения своих товарищей.

В той раздате серег досталось и Нахимову: ему вменялись в вину излишнее рвение — якобы исключительно из желания выслужиться перед Лазаревым — и роль простачка, которую он будто бы намеренно разыгрывал.

Слова о *простачке* как-то сразу воскрешают в памяти ерничество А. В. Суворова при дворе. Или же Нахимов действительно был простодушен? Наоборот, по отзыву служившего под его командой В. И. Зарудного, его отличали тонкость ума и «энергия светлой воли». А простота обращения высоко ценилась нижними чинами, и потому его так любили матросы. «Понимая совершенно дух русского простолюдина, он умел сильно действовать на матросов и всеми силами старался вселить в них гордое сознание великого значения своей специальности»⁶¹. Ни в письмах Нахимова, ни в воспоминаниях его друзей и сослуживцев нет и намека на его желание выслуживаться перед кем бы то ни было. А. П. Рыкачев, с которым Нахимов учился в корпусе, а затем воевал с турками в Средиземном море, называл его рвение по службе не иначе как фанатизмом: «Я твердо помню общий тогда голос, что Павел Степанович служил 24 часа в сутки. Никогда товарищи не упрекали его в желании выслужиться тем, а веровали в его призвание и преданность самому делу».

Но все эти разногласия, споры и обвинения возникнут позже, а пока все были молоды, полны сил и надежд. Мимо столицы Дании тогда пролегли все пути кругосветных экспедиций русского флота. Спустя 30 лет этим же маршрутом пройдет фрегат «Паллада», первым капитаном которого был Нахимов. Командовать экспедицией будет ученик Лазарева и сослуживец Нахимова адмирал Е. В. Путятин, а в качестве его секретаря на борту фрегата будет находиться И. А. Гончаров, который опишет свои впечатления в знаменитых очерках «Фрегат “Паллада”». Времена года, места стоянок и маршрут двух экспедиций в основном совпадали, так что позволим себе процитировать Гончарова, чтобы живее представить себе увиденное моряками: «Шведский берег весь гористый. Датский виден ясно. Он нам предста-

вил картину увядшей осенней зелени, несколько деревень. Романтики, глядя на крепости обоих берегов, припоминали могилу Гамлета; более положительные люди рассуждали о несправедливости зундских пошлин, самые положительные — о необходимости запастись свежей провизией, а все вообще мечтали съехать на сутки на берег, ступить ногой в Данию, обегать Копенгаген, взглянуть на физиономию города, на картину людей, быта, расправить ноги после качки, поестъ свежих устриц»⁶².

«Крейсер» и «Ладога» простояли в Копенгагене десять дней — закупали провизию, вино, амуницию для матросов, вплоть до чулок и теплых рубашек — всё здесь было добротнее и дешевле, чем в Петербурге. Конечно, стоянка в Копенгагене да и сам маршрут живо напоминали Нахимову недавнее — всего пять лет назад — плавание на «Фениксе». Но тогда он был гардемаринном, которому мало что доверяли, а сейчас — мичман, стоит вахту.

На другой день после того как бросили якорь в столице Дании, на фрегат явился датский лейтенант Эдвин Диркинг — узнать, нет ли здесь кого из гардемариннов с «Феникса». Увидев Завалишина, Бутенева и Нахимова, обрадовался и тотчас пригласил в гости. Хотя у офицеров было немало забот, пришлось дать согласие. Однако в назначенный день неожиданно оказалось, что Нахимов дежурит и, как ни был сердит на него Завалишин, не пожелал поменяться. Он рад был предлогу, чтобы не ехать, потому как «не знал иностранных языков, не очень любил бывать в обществе иностранцев, а особенно, где мог встретить дам»⁶³, не преминул съязвить Завалишин, сильно преувеличивая нелюдимость Нахимова; что же касается языков, то Нахимов говорил и писал по-французски, на английском читал.

На берег в Копенгагене Нахимов всё же сошел. После утомительного лавирования в тесном Финском заливе, крепких противных ветров и двухдневного шторма побывать в залитом солнцем городе — одно удовольствие. Русские любили бывать в датской столице: «...чрезвычайная дешевизна всего, изобилие фруктов, несмотря на довольно северное положение, чистота и порядок в домах и на улице, тишина и спокойствие, несмотря на отсутствие... часовых и полицейских»⁶⁴.

За прошедшие два века ничего не изменилось; в наши дни Копенгаген так же радуется чистотой и порядком, ухоженностью и аккуратностью и так же удивляет отсутствием полицейских. И всё так же приятно пройтись, не торо-

пьясь, по самой длинной улице в Европе, названной именем Х. К. Андерсена, чтобы встретиться с грациозной русалочкой, с грустью разглядывающей свое отражение в зеленоватой воде. Заглянуть в гавань, где весело качаются на волнах парусники, напоминая о тех временах, когда в нее только под парусом и можно было зайти. Посидеть на набережной, полюбоваться на затейливо изгибающиеся улочки с тесно прижавшимися друг к другу, будто сошедшими со страниц сказок Андерсена, кукольными домиками. Словом, Копенгаген есть за что любить.

Команде выдали деньги в счет жалованья, чтобы все могли сделать покупки перед походом, так что гостеприимный город покидали в самом лучшем расположении духа.

Из Скагеррака в Портсмут

Пройдя проливом Скагеррак из Балтийского моря в Северное, именовавшееся в ту пору Немецким, Лазарев принял решение расстаться на время с тормозившей движение «Ладогой», чтобы прибыть в Англию раньше и заказать всё необходимое для обоих кораблей. Встречу назначили в Портсмуте.

Шестнадцатого сентября, поставив все паруса, пришли в английский Диль, где намеревались остановиться лишь на несколько часов, чтобы купить гичку — легкую шляпку и сразу выйти в море, но... простояли две недели, ожидая попутного ветра. Как заметил Путятин, «на море *непреренно* не бывает». В Диле Лазарев закупил ньюфаундлендских собак для спасения людей из воды на случай нового шторма. Одна из них, по кличке Боцман, так наловчилась в этом деле, что не давала матросам спокойно купаться — непременно кого-нибудь вытаскивала на берег.

Заход в гавань оказался кстати: южный ветер поменялся на юго-западный, начался дождь, за ним шторм. Команда «Крейсера» наблюдала, как не менее двадцати «купцов» пострадали от шторма: кто потерял канаты, кого сорвало с якорей. Сам фрегат едва удержался на четырех якорях.

Когда 1 октября покинули рейд и вошли в Английский канал, как англичане называют Ла-Манш, погода стояла самая благоприятная: небо прочистилось, было так ясно, что офицеры в подозрные трубы разглядывали конные экипажи и прохожих на улицах Дувра. Был прекрасно виден и французский берег. Все были уверены, что на следующий

день «Крейсер» бросит якорь на портсмутском рейде. «Качки не было ни малейшей, — вспоминал Завалишин, — и потому наши денщики не сочли даже нужным привязать стулья в кают-компании к приколоченным по стене планкам, как это обыкновенно делается при ожидании качки»⁶⁵.

Неожиданно опустился туман, ветер начал крепчать, и фрегат стало сносить к французскому берегу, прямо на мель. Потребовалось всё мастерство капитана: непрерывно лавируя, он клал фрегат то на один галс, то на другой. Два дня — 1 и 2 октября — команда не уходила с палубы, однако даже при спущенных верхних парусах корабль с трудом сопротивлялся штормовому ветру. И как знать, не сделай капитан заранее необходимых распоряжений да не поймай вовремя переменившийся ветер — возможно, экспедиция здесь и закончилась бы. Опытные моряки говорили, что становиться на якорь на английском рейде, где всегда или ветра, или прилив, — дело нелегкое и в ясную погоду, а уж в шторм и подавно.

Сам Лазарев причину спасения определил скромно: во время строительства корабля он уменьшил высоту рангоута — еще одно усовершенствование, сделанное на фрегате.

«При сем случае не могу я довольно нахвалиться теми превосходными качествами, которые сказались в фрегате «Крейсер» при отходе от подветренного берега в жестокий сей ветер, продолжавшийся двое суток, — записал М. П. Лазарев в рапорте, — и позволю себе думать, что ни один фрегат с неуменьшенным против обыкновенного положения рангоутом вынести того был бы не в состоянии»⁶⁶. Молодые офицеры получили наглядный практический урок, как соединение верного инженерного расчета и умелого управления кораблем дает блестящий результат. Даже язвительный Завалишин отметил мастерство капитана. В своих воспоминаниях он с дотошностью перечислял траты и расходы во время экспедиции — что естественно, ведь он был ревизором, — и записал, что лоцманам заплатили за ввод на рейд Портсмута 60 фунтов стерлингов. Сумма немалая, если сравнить, например, с ценой заказанного в Англии хронометра — 80 фунтов стерлингов. Но зачем надо было столько платить лоцманам, задается вопросом рачительный Завалишин, если «всеми действиями руководил сам Лазарев».

После сурового испытания корабля на прочность капитан дал всем отдых, и команда проспала целые сутки.

Четвертого октября наконец бросили якорь в акватории порта Портсмута. Через три дня на рейде показалась

«Ладога». Лазарев рассчитывал произвести в Англии необходимый ремонт, закупить астрономические инструменты и карты и спустя месяц выйти в море. Однако задули такие жестокие западные ветра, что фрегат и шлюп простояли в порту еще месяц в ожидании попутного ветра. «Пробовали несколько раз сниматься, но должны были опять ворочаться назад», — сообщил Нахимов в письме другу. Как бы в оправдание Лазарев в рапорте сообщает и о других кораблях, застрявших на рейде: «В том числе был английский фрегат “Forte”, долженствовавший по полученным предписаниям отправиться в Плимут, но после тщетных троекратных покушений принужден был три раза возвратиться обратно чрез Нидельский проход на портсмутский рейд и, наконец, снялся вместе с нами. Сие доказывает, сколь сильно свирепствовали здесь западные ветры, что и одинокий фрегат не мог в продолжении почти двух месяцев выискать случая перейти толь малое расстояние, каково есть от Портсмута до Плимута».

Что ж, скользящий по водной глади на всех парусах фрегат — зрелище романтическое, да только если ветер попутный. Вот здесь и раскрываются главные недостатки парусного корабля: трудно не только рассчитать, когда он прибудет в порт, но и когда покинет его. Порой не одну неделю, а то и месяц приходилось паруснику плясать в бухте под дудку ветров, прежде чем выйти в открытое море.

Нахимов с насмешкой называл пароходы «самоварами», и от этого пошли анекдоты, что он якобы не признавал паровых судов. Рассказывают, как однажды он встретил на Графской пристани Севастополя молодого мичмана, который служил на пароходе: «И не стыдно ли вам, в ваши лета, на самоваре служить?» И пошла гулять сначала по городу, а потом и по страницам книг история о несовременном адмирале с отсталыми взглядами. Но не о преимуществах парусников или недостатках пароходов говорил Нахимов; он устыдил мичмана потому, что на собственном опыте убедился: офицер должен начинать службу на парусном корабле — только в этой колыбели может вырасти настоящий моряк.

На родине порядка и машин

Англия вступала в XIX столетие в клубы пара, изобретение Джеймса Уатта начинали использовать в шахтах, на фабриках, железных дорогах и судах. В 1825 году первый

английский паровоз потянул вагоны с пассажирами и платформы с углем. Не пройдет и четверти века, и уже вся страна будет пронизана железными дорогами, словно венами и артериями, по которым заструится кровь английской промышленности: уголь, металл, хлеб, хлопковые и шерстяные ткани; их будут грузить на английские корабли, чтобы везти в многочисленные колонии. К середине века Англию будут называть мастерской мира и мировой империей, в которой никогда не заходит солнце.

Чтобы иметь связь с колониями и поддерживать владычество на морях, Великобритании нужен был первоклассный и многочисленный флот. В 1814 году британский флот имел 125 линейных кораблей и 145 фрегатов. Для сравнения: французский флот насчитывал 71 линейный корабль и 45 фрегатов, Россия обладала сорока линейными кораблями, пятнадцатью боевыми фрегатами и пятью учебными.

Большинство английских моряков служили на торговом флоте, по законам страны не менее трех четвертей экипажа должны были составлять англичане. Чтобы иметь резерв опытных моряков, власти вели списки всему населению прибрежной зоны, которое было обязано выставлять определенное число лиц для военно-морской службы. Понятно, что матросы торгового флота старались избежать службы всеми способами: причинами тому были суровые порядки на военном флоте, бесконечные войны и половинное жалованье. Поэтому были учреждены специальные вербовочные службы, которые в британских и ирландских портах отлавливали моряков. Как правило, их находили в портовых кабаках, спаивали, подсовывали договор о «добровольном» желании служить, а на следующее утро они обнаруживали себя уже на корабле далеко в море.

В Британии существовала практика отправлять на флот преступников, поставив их перед выбором: тюрьма или корабль. Жизнь на военном корабле, конечно, сурова, но всё же лучше, чем в тюрьме, к тому же матросам платили жалованье. Необходимость управлять преступниками и опасность потерять насильно набранных матросов требовали жесткой и даже жестокой дисциплины, телесные наказания применялись широко и повсеместно. Увольнительные получали только проверенные матросы и только в зарубежных портах. Дезертиров отыскивали, пороли и возвращали на корабль. Кроме того, они лишались призовых денег. Как говорил Уинстон Черчилль, на английском флоте господствовали «содомия, ром и плетка».

Существенным отличием английского флота от русского было то, что матросами там становились в основном моряки, и только в случае крайней нужды сухопутные. Поэтому времени на выучку требовалось меньше, знание морской службы было лучше, хотя их обучали «на ходу». На новые российские корабли команду набирали, как правило, целиком из рекрутов, и пока матрос овладевал навыком бегать по вантам, словно по деревянной лестнице, проходил не один год. Только в 1852-м было принято решение комплектовать флот выходцами из Причерноморья и Прикаспия.

Особый цех в России составляли вольные матросы, но число их было невелико: в 1834 году на Черном море — 1600 человек, на Балтике — 100. В основном они жили в приморье, от Азова до Одессы, нанимались на пять лет, быстро осваивались на военных кораблях, получали профессиональную выучку и служили марсовыми матросами. По окончании срока заводили семьи, покупали дома недалеко от моря и нанимались на торговые суда. Ходили по Черному и Средиземному морям и даже в океаны. Одевались они по-малороссийски: в широкие штаны и рубахи, иные носили жилеты и короткие кафтаны, на голове — бараньи шапки, по местному обычаю брили бороду. В 1854 году 350 таких вольных матросов явились к Нахимову с просьбой определить их в марсовые, чему он был очень рад.

В 1852 году британское правительство ввело новые правила комплектования флота нижними чинами, отменив насильственную вербовку, что, конечно, значительно улучшило состав экипажей; по новому положению нижние чины флота вербовались на пятилетний срок, по истечении которого вербовочный договор мог быть возобновлен; на службу принимались как взрослые, так и юноши пятнадцати-шестнадцати лет — они служили юнгами.

Офицерами военного флота становились преимущественно дворяне, окончившие портсмутский Королевский морской колледж, основанный в 1729 году. Но ими могли стать и выходцы из нижних флотских чинов, которых командиры кораблей на основании древнего закона производили в мичманы.

Слабым местом английского флота считалась артиллерийская подготовка, поскольку Британское адмиралтейство экономило на порохе и практически не выделяло его на учебные стрельбы⁶⁷.

В свой первый, учебный, поход Нахимов в Англии не бывал, так что теперь ему представился случай посмотреть

страну и познакомиться с английским флотом. К тому же выяснилось, что фрегату требуется серьезный ремонт: лопнули гаки — специальные крюки в блоках для подъема грузов, причем не один, не два, а целых семь штук; одним из лопнувших гаков убило унтер-офицера.

На шлюпе «Ладога» тоже нашлось немало повреждений: оказались негодными помпы, треснули лонг-салинги на фок-мачте. А ведь на всей корабельной оснастке в Кронштадтском порту поставили казенное клеймо, удостоверявшее, что она прошла испытания! Особенно заметны были недостатки фрегата в образцовой Англии, где царили аккуратность и размеренность во всем, а не только в корабельном деле.

Пока шел ремонт, офицеры осматривали порт и английские корабли. Больше всего поразила моряков прекрасная сохранность кораблей — срок их службы оказался втрое дольше, чем у российских, строившихся из сырого леса. Конечно, климат Англии и ее незамерзающие порты нельзя сравнивать с отечественными, однако, памятуя о виденном в Кронштадте, Завалишин не преминул высказаться: «...причиной долгого сохранения кораблей в Англии всё-таки был образцовый порядок, соблюдаемый в гаванях»⁶⁸.

Офицеры знакомились с условиями службы английских коллег, сравнивали их с порядками на русском флоте. Оказалось, капитан британского корабля не занимается его вооружением — для этого назначается старший лейтенант, не ведает провиантом и хозяйством — есть специальные комиссары. Статус мичмана английского флота тоже отличался от статуса российского: он не был офицером.

Русским офицерам в Англии понравилось многое: и состояние кораблей, и порядок в портах, и образцовые шоссейные дороги, по которым дилижансы мчались в строгом соответствии с расписанием. Словом, это было время, когда, по ироничным словам Чарлза Диккенса, «мы, британцы, окончательно установили, что и мы сами, и всё в нашей стране — венец творения, а тот, кто в этом сомневается, повинен в государственной измене»⁶⁹.

Увиденное в Англии давало пищу для размышлений, споров, обсуждений, повод для сравнений с русскими порядками и привычками. Наблюдательный и внимательный Нахимов многое замечал, откладывал в памяти и делал для себя выводы: лучшее в самой промышленно развитой стране мира нужно перенимать. Недаром для оснащения своего фрегата «Паллада» он будет заказывать

механизмы в Англии или изготавливать их в России по английским чертежам.

Из Портсмута трое товарищей — Нахимов, Завалишин и Бутенев — отправились в Лондон почтовым дилижансом. Ехали весело, радовались теплоте октября, больше походившему на петербургское лето, оживленно беседовали и смотрели на маленькие городки и деревни, что расположились вдоль дороги, с крошечными садиками и аккуратно выкошенными зелеными лужайками, на поля, словно намеренно сбегавшие с окрестных холмов, чтобы путники полюбовались их цветущим видом.

Еще одной причиной хорошего настроения мичманов было соседство: в шестиместном дилижансе напротив них расположилось английское семейство — отец с двумя хорошенькими дочками. Офицеры галантно уступили им свои, более удобные, места и всю дорогу обменивались между собой замечаниями относительно внешности молоденьких девиц. Каково же было их изумление, когда в Лондоне отец семейства, вручая им свою визитку, заговорил на чистом русском языке! Оказалось, он занимался торговлей, родился и жил в Архангельске. Теперь настала очередь девиц посмеяться над незадачливыми молодыми людьми. Особенно оконфузился Нахимов, когда девушки, постреливая глазками и улыбаясь, напомнили ему, как они встретились с ним в Архангельске на званом вечере. Вот тебе и нелюdim! Об этом эпизоде Нахимов другу не сообщил, зато его живописал Завалишин⁷⁰.

В Лондоне поселились в центре города на квартире, которую нашел и снял для них Лазарев: удобно и относительно недорого — за 22 шиллинга в день с утренним чаем. Чем занимались в Лондоне? — Выполняли поручения Лазарева, в свободное время посещали театры, музеи, Вестминстерское аббатство, Тауэр, парламент — словом, побывали везде, где обычно бывают гости Лондона. Ездили в Оксфорд, Виндзор и Гринвич. В Гринвиче осмотрели обсерваторию, посетили инвалидный дом для моряков, послушали рассказы ветеранов, служивших под началом адмирала Нельсона; обратили внимание на тамошнюю богатейшую библиотеку морской литературы, которая играла роль клуба для моряков и никогда не пустовала. Когда Лазарев задумает создать похожую библиотеку-клуб в Севастополе, он найдет у Нахимова горячую поддержку.

В Лондоне мичманы заказали для казенных нужд морские карты и приборы. Всё было исполнено превосходно,

качества отменного; правда, цены на астрономические инструменты тоже оказались астрономическими. Однако деньги у офицеров имелись, и каждый посчитал необходимым купить еще и лично для себя секстант, карманный хронометр, зрительную трубу и рупор. Многие приобрели двустольные ружья и пистолеты. Нахимов тоже заказал ружье, остался им очень доволен, но стрелял из него недолго — по дороге из Кронштадта в родное имение его украли.

Накопительством никто не занимался, и денег на театры, музеи и покупку необходимых инструментов не жалели. Но и сорить деньгами в игорных домах, ресторанах и увеселительных заведениях у офицеров было не принято. «Зачем мичману жалованье? — впоследствии говорил Нахимов молодым офицерам. — Разве только затем, чтобы лучше выкрасить и отделать вверенную ему шлюпку или при удачной шлюпочной гонке дать гребцам по чарке водки». И поучал: «Всё ваше время и все ваши средства должны принадлежать службе».

Отдавая должное уровню английской промышленности и качеству вещей, он, однако, не приходил в восторг от английской практичности, разделяя мнение И. А. Гончарова, побывавшего в Англии на фрегате «Паллада». В Англии, считал писатель, всё подчинено практичности, и сама жизнь в ней течет, как будто работает одна хорошо отлаженная машина. Что же здесь плохого, спросим мы — и получим ответ писателя: «...не заметно... жизни, то есть ее бурного брожения. Торговля видна, а жизни нет; или вы должны заключить, что здесь торговля есть жизнь, как оно и есть в самом деле... Нет ни напрасного крика, ни лишнего движения, а уж о пении, о прыжке, о шалости и между детьми мало слышно. Кажется, всё рассчитано, взвешено и оценено...»⁷¹

Вот и Нахимов, уже став адмиралом, нелестно отзывался о прагматизме английских моряков. Во время визита на Мальту великий князь Константин Николаевич спросил адмирала Паркера, счастлив ли он. «О, — ответил англичанин, — я считаю себя счастливым с того дня, когда мы после Наполеоновских войн на шпигеле флагманского корабля делили призы и мне достался, на мою долю, полный миллион фунтов стерлингов». — «Что же это за счастье? — заметил Нахимов. — Ежели подумать, сколько пришлось сжечь неприятельских транспортов, сколько погубить людей для того, чтобы одному адмиралу получить плату в

миллион фунтов стерлингов! Что же получили подчиненные его?! Помилуйте! Это мыслимо только в разбойничьем государстве, где все помешаны на богатстве и на роскоши. Я полагаю, что это совсем не прельстило бы русского адмирала, например, М. П. Лазарева. Вот было бы лестно идти драться с неприятелем, когда ваши корабли в боевой готовности, когда вы уверены в своих офицерах и командах. Да, это я понимаю! И когда после одержанной славной победы вы можете с гордостью сказать, что исполнили свой долг»⁷².

В исполнении долга он будет видеть смысл своей жизни, да и сама смерть его в Севастополе есть исполненный до конца долг.

От Канарских островов до Рио-де-Жанейро

Двадцать восьмого ноября вышли, наконец, из Портсмута. Оставив за кормой Францию, Испанию и Португалию, при попутном ветре без происшествий дошли за 12 дней до Канарских островов, где встали на якорь в порту Санта-Крус. Этот быстрый переход вознаграждал команду за проволочку первых месяцев экспедиции.

О Тенерифе, самом крупном острове архипелага, Нахимов читал у Ю. Ф. Лисянского:

«На самом рассвете увидели мы остров Тенериф, находившийся от нас на юго-западе в 45 милях. Но поскольку в это время над высотами носился еще туман, то Пик (вулкан Тейде высотой 3718 метров — высшая точка Испании. — *Н. П.*) показался нам только в 7 часов утра, и потом до самого полудня эта славная гора почти беспрестанно представлялась нашему взору. Покрытая снегом, ее вершина, освещенная солнечными лучами, представляла прекрасное зрелище. Признаюсь, что вид этого огромного исполина привел меня в восхищение. Хотя прежде я и проходил мимо острова Тенериф, но, по причине пасмурной погоды, мало видел его берега.

Город Санта-Крус по всем правам заслуживает имя столицы Канарских островов. В нем имеет пребывание губернатор островов и производится самая большая торговля. Город состоит из каменных строений, лежит у подножия горы и с моря представляет прекрасный вид. Он невелик, улицы в нем весьма чисты. На берегу построены три крепости: Сан-Педро, Сан-Рафаель и Сан-Кристобал. Из последней ядром оторвана была рука у славного лор-

да Нельсона во время его нападения в прошедшую войну. Укрепления весьма исправны и достаточно снабжены медными пушками»⁷³.

За 20 лет, прошедших со времени экспедиции Лисянского, на острове ничего не изменилось: так же процветала торговля, которая привлекала корабли, закупавшие вино, свежие фрукты, овощи, баранов и птицу.

Принимал участие в закупках и Нахимов, а потом вместе с Завалишиным и Бутеневым отправился в долину Оротавы. Здесь неразлучная тройца посетила ботанический сад, впервые увидела цветущий чайный куст, а поднявшись на гору, полюбовалась видом Канарских островов. Осмотрели батарею, о которой писал Лисянский, послушали рассказ о ранении Нельсона и убедились, что испанцы очень гордятся этой историей.

На время стоянки на острове пришелся день рождения императора Александра I — 12 (24) декабря. На русских кораблях отслужили молебен и произвели 101 выстрел из пушек. Испанцы-католики, отмечавшие навечерие Рождества Христова, пригласили моряков на торжество. Площадь перед кафедральным собором была заполнена празднично одетым народом, дома украсили фонарями и по местной традиции беспрерывно палили из петард, устраивая фейерверки даже днем. Ужинали офицеры у начальника национальной гвардии, дочери которого — по определению Завалишина, «первые красавицы города» — услаждали слух моряков пением и игрой на арфе.

Нахимов описал дни, проведенные на острове, кратко: «...купили вина для себя и команды и в четвертый день вступили под паруса».

На пути через Атлантику ветер всё время дул в паруса, штилей не было, так что экватор пересекли без происшествий. Правда, с непривычки перейти второй раз за год из зимы в лето было непросто. «Ах! Как трудно было сначала привыкать к жарким климатам, но теперь благодаря судьбе несколько попривыкли»⁷⁴, — жаловался Нахимов в письме, адресованном Рейнеке.

Но жарко или холодно, штиль или шторм — офицер стоит вахту. Ежедневно час посвящался обучению команды обращаться с парусами, еще час — учению при орудиях (на фрегате артиллерийских офицеров не было, и артиллерией занимались флотские офицеры). А еще в их обязанности входили проверка журналов, которые вели штурманы, определение местоположения корабля, описание берегов,

уточнение карт. Во время кругосветного плавания вели метеорологические наблюдения и записывали их результаты в журнал (в 1882 году их издадут отдельной книжкой⁷⁵).

На фрегате впервые в русском флоте была введена должность старшего офицера — он заведовал общими делами; остальные офицеры несли вахты. Согласно Морскому уставу тех лет, морские сутки начинались не с полуночи, как гражданские, а с полудня и совпадали с вахтами: первую вахту стояли с полудня до шести часов вечера, вторую — до полуночи, третью — с часа пополудни до пяти утра, четвертую — с пяти до девяти утра и пятую — с девяти до полудня. Обычно команду делили на две половины, поочередно несшие вахту. Но в дальних плаваниях это сильно изматывало людей, и Лисянский во время кругосветки одним из первых разбил экипаж на три вахты. «У нас старший офицер с Тенерифа не правит вахтою, а занимает должность капитан-лейтенанта. А с Рио-Янейро стоим на четыре вахты», — писал Нахимов Рейнеке.

Павел Новосильский, товарищ Нахимова по Морскому корпусу, так описывал распорядок дня офицеров в экспедиции 1819 года к Южному полюсу: «В 8 часов утра мы собирались в кают-компанию пить чай. Тут рассказывали новости, если были какие на ночных вахтах... В 10 часов делали солнечные наблюдения, по которым вычисляли время на шлюпе; сравнивая это время с хронометром, получалась долгота места. После полудня все офицеры являлись на палубу брать секстанами полуденную высоту солнца. Особенный звон колокола “рында” возвещал полдень. После чего каждый спешил вычислить широту места шлюпа в полдень. В час сходились к обеденному столу, не роскошному, но всегда хорошо приготовленному; капитан Лазарев обедал и пил чай вместе с нами... Карты (игральные. — *Н. П.*) решительно изгнаны были на нашем шлюпе: капитан Лазарев не мог терпеть их»⁷⁶.

Едва ли порядки на фрегате «Крейсер» сильно отличались от заведенных Лазаревым на шлюпе «Мирный». Свободные от вахты офицеры «Крейсера» и «Ладоги» отправлялись на шлюпках в гости друг к другу, играли в шахматы, беседовали, читали. Книги для экспедиций покупали за казенный счет; в основном это были описания плаваний Крузенштерна, Лисянского, Сарычева, англичан Джеймса Кука, Чарлза Клерка и Джона Гора⁷⁷. У капитана фрегата была своя библиотека, книги из которой на английском языке брали читать офицеры. Завалишин самостоятельно

учил испанский и португальский языки, среди его книг было несколько словарей.

По вечерам и матросы, и офицеры любили слушать музыку. Конечно, музыканты по штату не полагались, но не запрещалось нанять оркестр на собственные средства. Флотские офицеры в большинстве своем были небогаты и жили в основном на жалованье, поэтому Лазарев закупил инструменты за свои деньги. Выбрал 20 наиболее способных к музыке членов экипажа, перед походом нанял для их обучения капельмейстера — и оркестр готов. При заходе в иностранные порты оркестр исполнял марши и гимны. Был на фрегате и матросский хор.

В тропиках устраивали купания для матросов: натягивали большой парус, два конца его крепили к фрегату, два других — к спущенным на воду шлюпкам; получалось что-то вроде бассейна, в котором акулы были не страшны. Особенно всех смешили ньюфаундленды, которые тоже купались и всё норовили вытащить кого-нибудь из воды. Купания устраивались ежедневно не только из гигиенических соображений, но и для профилактики заболеваний и укрепления здоровья. Если на море было волнение или корабль не ложился в дрейф, матросы обливались водой на носу корабля. В холодном климате на берегу устраивали баню в палатке из парусов, вместо каменки нагревали ядра.

Надо заметить, что по распоряжению капитана для сбережения здоровья команды на корабле были введены особые порядки, которые кому-то могли показаться мелочными и ненужными, однако благодаря им на фрегате не было большого числа больных, а цингой не болели вовсе. А ведь в те годы на флоте еще не было ни опреснительных установок, ни консервов, а цинга — главный бич длительных переходов — случалось, выкашивала большую часть команды. Как же Лазарев добивался таких впечатляющих результатов?

Во-первых, везде, где делали стоянку, по возможности закупами птицу, баранов, свиней — благо они хорошо переносят качку; при длительных переходах старались вместе с солониной класть в щи свежее мясо. В постные дни варили горох, добавляли толченые ржаные сухари и масло. Во-вторых, во всех портах покупали фрукты и овощи, чай пили утром и вечером с лимоном или лимонным соком. В холодную погоду команде выдавали ром, «французскую водку» (так называли тогда коньяк), пунш. В жару крепкие напитки заменялись красным портвейном или мадерой, в

случае опасности дизентерии портвейн добавляли в воду, во время тяжелой работы матросы получали винную порцию три-четыре раза в день. Если появлялись тяжелобольные, офицеры старались присылать им еду со своего стола. Раз в неделю всю команду осматривал доктор.

Большое внимание Лазарев уделял экипировке команды; когда не хватало казенных средств, покупали необходимую одежду на пожертвования офицеров и самого капитана. Чтобы не было больных и простуженных, на корабле соблюдали такой порядок: на жилую палубу в мокрой одежде не спускались, ее снимали и развешивали для просушки, а затем переодевались в сухую. С сыростью боролись, устанавливая переносные печи и посыпая палубу горячим песком, который хранили в устроенных на камбузе ящиках. Песком посыпали палубу и во время боя. Печи были необходимы не только для сбережения здоровья людей, но и для предохранения кораблей от гниения.

Такая жизнь матросам, которых рекрутировали из крестьян и мещан, нравилась больше, чем служба на берегу: «Вот так бы всю жизнь и плавали!» Грамотные матросы вели в походе записи, своего рода журналы, и доверяли офицерам читать их. Вот что, например, они писали о посещении Бразилии: «Пришли в город Абразил, владетеля короля португальца. Тут все арапы, это значит невольники, а господа — португальцы. А португальцы не лучше черных, народ грязный, а у них везде вода под боком, да и зимы нет, кажись бы всё так и купался». А вот о посещении Таити: «А были мы в англицкой церкви, англичане поворотили диких в свою веру, а церковь как есть пустая и помолиться не на что, не диво, что дикие ходят тайком молиться на своих болванов, что еще валяются на кладбищах их»⁷⁸.

Ни презрения, ни насмешек! Только подивится матрос чужим обычаям да добродушно воскликнет: «Чудный народ, право, чудный!»

Любили слушать рассказы бывалых, не единожды пересекших экватор моряков, и наблюдать происходившее за бортом. Вот, скажем, поймали акулу и дружно рассматривали, делясь впечатлениями:

— Наша белуга не в пример знатнее будет.

— Астраханцы сказывали, хвостом лодку опрокидывала! А акула что? Только прожорлива больно, да зубы острые.

Или летучие рыбы, во множестве залетавшие на фрегат, — вот невидаль так невидаль, такой у нас нет. И еще диво — Южный Крест на небе. «Матросы давно были пред-

уведомлены, что, подвигаясь на юг, мы увидим это созвездие, и потому беспрестанно спрашивали офицеров о времени появления его, — вспоминал Завалишин. — Наконец, когда по вычислению Южный Крест должен был показаться, между матросами было замечено какое-то особенно торжественное настроение, но именно в тот день вся южная часть неба была покрыта как бы сплошным облаком. Давно уже Южный Крест должен был взойти над горизонтом, но облако мешало его видеть. Вдруг порыв ветра посильнее начал разрывать облака, все взоры устремились в ту сторону, и много голосов одновременно закричало: «глядите, глядите, вот он!» Разом обнажились все головы, и матросы набожно перекрестились». «В *безызвестную* и ходить-то не страшно, — говорили они. — Вся земля Господня, и даже крест на небе».

Переходя из Северного полушария в Южное, встретили календарный Новый год. Впрочем, на кораблях, как и во всей Российской империи, тогда не откупоривали в полночь шампанское, да и елку можно было увидеть только в домах петербургских немцев. В те годы отмечали не Новый год, а Рождество. А вот о пересечении экватора и традиционном празднике Нептуна, к которому матросы готовились загодя, говорили потом долго.

Едва корабли подошли к Рио-де-Жанейро, случилось непредвиденное. «Нас очень удивило — входя в рейд, мы увидели на крепостях вместо португальского флага какой-то новый», — сообщил Нахимов в письме. Капитану было отчего волноваться: если в Бразилии произошел переворот, придется искать другой порт для пополнения запасов воды и провизии, а ближайший — Кейптаун. Но с некоторых пор русским кораблям заход в порты юга Африки, которые принадлежали англичанам, был заказан.

Всё дело было в истории, происшедшей с экспедицией В. М. Головнина. После того как Александру I пришлось заключить с Наполеоном Тильзитский мир (1807) и присоединиться к континентальной блокаде Англии, Россия и Англия находились в состоянии войны. Русский шлюп «Диана» под командованием Головнина, прибывший в южноафриканский порт, где стояли английские корабли, неожиданно оказался в плену. Головнин дал слово офицера не сниматься с якоря и стоял там почти год, после чего бежал на виду у англичан и к их немалой радости, поскольку они и сами толком не знали, что делать с пленным кораблем. Однако слово было нарушено, и с тех пор русские корабли

имели инструкцию обходить юг Африки, который не сулил им добрых надежд.

Увидев в Рио-де-Жанейро неизвестный флаг, Лазарев приказал поставить орудия, убранные с палубы, и приготовиться к бою. Но вскоре всё разъяснилось: в эти дни португальские колонии в Южной Америке объявили о независимости и стали именоваться Бразильской империей во главе с португальским наследным принцем, коронованным под именем Педру I. «Неожиданная сия перемена португальской колонии в империю Бразильскую была причиною и перемены флага на крепостях и военных судах, рисунок коего имел я честь тогда же препроводить в Государственную Адмиралтейств-коллегию...» — сообщил Лазарев в рапорте.

Все португальские корабли после переворота были конфискованы новыми властями, а несогласные с переменой правления и провозглашенной независимостью посажены на купеческие суда и отправлены в Лиссабон. Для командования двумя фрегатами и несколькими мелкими судами пригласили иностранцев, по большей части англичан. К Лазареву новый император отправил своего адъютанта с огромной корзиной фруктов для офицеров, лодкой провизии для матросов и приглашением посетить его резиденцию.

Лазарев попал в щекотливое положение: а что, если русское правительство не признает новую власть и примет сторону Португалии? С испанскими колониями, незадолго до того объявившими о независимости, Александр I именно так и поступил. Посоветоваться было не с кем — русского консула в ту пору в Рио-де-Жанейро не оказалось. И Лазарев принимает решение представиться лично... в качестве путешественника. Так и сделали.

Император оказался доброжелательным и весьма демократичным. Почти ежедневно он, одетый в белую куртку и панталоны, в соломенной шляпе, приплывал на маленькой лодке к тому месту, где русские корабли ремонтировались после длительного перехода. Объезжал фрегат, внимательно осматривал его, беседовал с офицерами. «Мы видели нового бразильского императора Дон-Педро», — поделился Нахимов в письме.

Служба морского офицера предоставляла возможность не только расширить горизонты своих географических познаний, но и окунуться в события мировой истории, стать их свидетелем, а порой и участником. Всё это становилось

предметом обсуждения в кают-компании, давало пищу для размышлений, а кому-то, как Завалишину, и для написания политических проектов.

К русским морякам император с супругой и вообще новые власти проявили самое гостеприимное отношение: балы и обеды чередовались с охотой на ягуаров и тигров. Моряки перепробовали все экзотические плоды. «...бананы сначала никому не понравились, а после их предпочитали всем фруктам: они, как у нас яблоки, никогда не надоели», — вспоминал Завалишин.

Из Рио-де-Жанейро к Вандименовой Земле

В Рио русские корабли простояли 29 дней. «...причиной довольно долгой сей стоянки было то, что фрегат и шлюп требовали быть кругом выконопачены и работу сию должны были производить своими конопатчиками», — докладывал Лазарев. 22 февраля, загрузив ром, сахар и пшено, наконец, покинули рейд. Первоначально Лазарев предполагал взять курс на запад и, обогнув мыс Горн, идти в Тихий океан. О коварности самой южной точки архипелага Огненная Земля Нахимов читал у Лисянского: «Мыс Горн такое место, где случайно можно повстречаться с плохим и хорошим, с обстоятельствами, могущими содействовать успешному плаванию или препятствующими этому. О времени, когда лучше обходить Горн, а также и о расстоянии, на котором при этом держаться от берегов, имеется весьма много различных мнений. Мореплаватели, проходившие этот мыс четыре раза, уверяли меня, что самое лучшее время декабрь или январь».

«Крейсер» подходил к мысу в феврале, и Нахимов обсуждал с офицерами, какое же решение примет Лазарев. Командир приказал следовать на восток, мимо мыса Доброй Надежды, где свирепые западные ветра будут для них попутными.

«В Индейских морях бывают, правда, ураганы, но бывают, следовательно, могут и не быть, — слышится чуть насмешливый голос путешественника Гончарова, — а противные ветры у Горна непременно будут. Это напоминает немного сказку об Иване-царевиче, в которой на перекрестке стоит столб с надписью: “Если поедешь направо, волки коня съедят, налево — самого съедят, а прямо — дороги нет”».

Переход к Вандименовой Земле, как назывался тогда остров Тасмания, оказался долгим — 85 дней, но однообразным не был — море не давало скучать. К тому же матросам было что вспомнить — например, как отмечали переход через экватор.

Распоряжались подготовкой к празднику фельдшер и канонир Воробьев, уже не в первый раз пересекавшие экватор. Артиллерист трижды ходил в кругосветку и был неутомимым изобретателем и рассказчиком. Офицеры в приготовлении к празднику участия не принимали. Само действие выглядело так: на шканцах* была поставлена шлюпка, наполненная водой, — ей предстояло стать купелью для морского крещения тех, кто впервые пересекал экватор. Половина корабля была скрыта занавесом из флагов. Когда офицеры во главе с капитаном заняли свои места в «зрительном зале», раздался голос Нептуна, кричавшего в рупор:

— Что за корабль?! Откуда?! Кто командир?!

Капитан так же в рупор отвечал:

— Здорово, старый знакомец! Ты уже в третий раз жалуешь в мое царство. А нет ли на твоём корабле некрещённых?

— Есть, и много! Большая пожива тебе будет!

После этих слов занавес поднялся, и раздался дружный смех: показался Нептун со своей свитой, восседавшей на колеснице из пушечного станка. Кроме свиты у Нептуна оказалась семья — жена и сын; это добавление к мифологии матросы придумали сами, поскольку холостое и бездетное положение владыки морей казалось им неестественным. Особый восторг вызывала Нептуниха — на эту роль выбрали тучного и рябого матроса, обрядили его в покрывало, сплетенное из веревок наподобие сети, а на голову водрузили жестяную корону. На коленях у Нептунихи сидел Нептуненок — самый маленький по росту матрос, которого супруга владыки непрерывно гладила и ласкала, вызывая хохот у зрителей.

Капитан подал Нептуну список «некрещённых». С офицерами Нептун поступал обходительно — кропил морской водой. Нахимов пересекал экватор впервые, так что он

* Ш к а н ц ы — помост в кормовой части верхней палубы, где находились компас, штурвал и нес вахту офицер; считался самой почетной частью корабля: здесь оглашались перед строем приказы и переговоры, выстраивался караул при встрече командования и почетных гостей.

вместе с другими мичманами подходил под «благословенные» владыки морей.

Главное развлечение началось, когда стали окунать матросов.

— Видишь ли ты Нептуна во всей славе? — спрашивали «крещаемого».

Услышав утвердительный ответ, Нептун советовал вести себя смиренно в его владениях и обещал, если кому случится утонуть, принять его на дне морском как хорошего знакомого. Если же матрос желал покуражиться и отвечал отрицательно, ему советовали промыть глаза морской водой и направляли на него струю из пожарного шланга.

Когда обряд завершился, на столах появилось угощение: сахарные сухари, пряники, финики, инжир, изюм, сладости, горячий пунш. Корзины с подарками и угощением приготовили офицеры. Праздник продолжался почти четыре часа, и что самое удивительное, вспоминал Завалишин, — «хотя пуншу было изобилие, никто не напился пьян». Все были так увлечены подготовкой и самим праздником, что желающих напиться не нашлось. Потом еще долго, до самой ночи, из матросского кубрика доносились хохот и шутки.

Те офицеры, кто служил на английских кораблях, рассказывали, что там начинали встречу с Нептуном еще на подходе к экватору, едва пересекали тропик Рака: «Вина много, водки, джин, портер — целый день пьем. При каждой рюмке вспоминаем какого-нибудь государя. Перепились все, что ежели шквал, паруса некому убрать...»⁷⁹

Землю увидели лишь 17 мая. Но берег встретил негостеприимно: на корабль обрушился шквал ветра со снегом и дождем, не давая войти в гавань. Наконец Лазарев принял решение идти в широкий пролив Д'Антракосто, на юго-востоке Тасмании, позволявший безопасно лавировать и встать на якорь. Губернатор острова, английский полковник, принял русские корабли весьма любезно и предложил свои услуги. Однако, не без гордости рапортовал Лазарев, «ни в чем мы не нуждались, будучи снабжены по всем частям весьма исправно и достаточно, и принужден я был, к немалому его неудовольствию, каждый раз отказываться от учтивых его предложений, происходящих, как казалось мне, единственно от уважения к российскому флагу, развевавшемуся в отдельных местах сих еще в первый раз». Капитан оценил климат острова как «весьма здоровый», погоду нашел прекрасной, проведенные три недели в пор-

ту — необходимыми для поправки здоровья команды и проведения неотложных работ на фрегате, которые происходили ежедневно, и довольно тяжелые.

Нахимову, судя по короткому отзыву в письме, остров не глянулся: «...место почти пустое, да к тому же мы были зимой. За самую дорогую цену можно достать необходимое. Купеческих судов заходит очень мало, а военные наши были первые»⁸⁰.

Девятого июня корабли оставили порт под салют из крепостных орудий — так губернатор острова отдавал им честь; фрегат ответил одиннадцатью выстрелами. «Должен заметить, что англичане никогда сего не делают и своим военным кораблям», — написал Лазарев в рапорте.

Согласно русской морской традиции самый полный салют — 31 выстрел — производился в честь императора; наследнику престола салютовали двадцатью пятью выстрелами, великим князьям, коронованным особам и президентам республик — двадцатью одним; в честь остальных начальствующих лиц производили, в зависимости от чина, от девяти до девятнадцати выстрелов (на русском флоте число выстрелов всегда было нечетное). Так что 11 выстрелов в честь губернатора — вполне в духе традиции.

Теперь путь лежал к Новой Зеландии. На переходе попали в сильный шторм, во время дождя с градом и сильного ветра потеряли из виду тихоходную «Ладогу». Фрегат был вынужден дожидаться ее, подвергаясь сильной опасности, однако «Ладога» так и не подошла. Как выяснилось позже, на шлюпе разбило гичку, висевшую за кормой, выломало кормовые ставни и несколько пушечных портов. Лазареву ничего не оставалось, как в одиночестве следовать к назначенному месту встречи со шлюпом.

Следующей стоянкой был остров Таити в Тихом океане. Якорь бросили в заливе Матавай и первый раз за 35 дней ступили на землю. Пока чинили шлюп, свободные от вахты офицеры осматривали остров. Таити Нахимову понравился: «Народ дикой, но очень доброй и ласковой, ходят совсем нагие; мы у них на безделицы выменивали фрукты, кур и свиней». Островитяне готовы были выполнять любую работу за мизерную плату, причем работали так ловко и споро, что вся команда отдыхала две недели. Гостеприимные туземцы приглашали к себе в гости, и если кому-то из команды случалось задержаться на берегу до позднего вечера, с большой охотой предоставляли ночлег. «Мигом поднималось всё на ноги, приготовлялось угощение, и вместо

сна шел всю ночь пир, на который сбегались все, до кого только могло дойти известие», — вспоминал Завалишин.

Наконец ремонт завершили, свежую провизию загрузили на корабль, связки полюбившихся бананов развесили на палубе для дозревания и, оставив за кормой гостеприимный остров, стали держать путь к северу. Чтобы ускорить продвижение, 24 июля Лазарев приказал «Ладоге» следовать самостоятельным курсом к Камчатке, а «Крейсер» поспешил к берегам Америки, в Новоархангельск.

Русская Америка

Третьего сентября 1823 года фрегат вошел в Новоархангельский порт острова Ситха, названного Лисянским островом Баранова. «Стоя на вершине горы, мы видели себя окруженными самыми величественными картинами, какие только может представить природа. Бесчисленное множество островов и проливов до прохода Креста и самый материк, расположенный к северу, казались лежащими под нашими ногами. Горы же по другую сторону Ситхинского залива представлялись как бы расположенными на облаках, носившихся под нами»⁸¹ — так описывал эти места Ю. Ф. Лисянский.

Теперь Нахимову предстояло увидеть эту картину воочию, сравнить карту с местностью. Реальность оказалась много хуже поэтического описания: «Место очень дурное, климат нехороший, жестокие ветры и дожди беспрестанные». Да еще и продовольствия оказалось мало. «...ничего нельзя почти достать, а ежели что и случится, то за самую дорогую цену. Свежей пищи нельзя иметь, кроме рыбы, да и той зимою очень мало», — описывал он свои впечатления в письме Михаилу Рейнеке. Только в одном он мог согласиться с Лисянским: «Взорам нашим повсюду являлись леса, которыми покрыты все берега. Сколько мне ни случалось встречать необитаемых мест, но они никоим образом не могут сравниться с этими своей дикостью и пустотой». Нахимов делает неутешительный вывод: «зимовать тут очень дурно».

Лазарев после встречи с главным правителем колоний Российско-Американской компании капитан-лейтенантом Матвеем Ивановичем Муравьевым выяснил, что во всей Калифорнии случился неурожай пшеницы, так что засушить сухарей для фрегата и шлюпа на обратный путь

не из чего. Поэтому было принято решение идти в Сан-Франциско.

Но перед выходом из порта команде пришлось основательно поработать, и задали эту работу... крысы. За время перехода их развелось столько, что провизии уже не хватало, и они принялись грызть всё, что попадалось: паруса, канаты, кожаные вещи, прогрызли даже деревянную бочку с ромом — весь вытек (а может, они и выпили). Пришлось матросам выгружать всё имущество с фрегата на берег и окуривать трюмы каменным углем и сушеной морской капустой.

Во время работы офицеры и команда три недели жили на берегу. Тут-то и случились события, о которых по вполне понятным причинам ни в докладе Лазарева, ни в письме Нахимова не говорится. И только Завалишин в мемуарах подробно описал происшествие.

Дело было в старшем лейтенанте Иване Кадьяне. Он собирался с Лазаревым еще в первую кругосветку, однако места для него тогда не нашлось, и Лазарев опрометчиво пообещал (о чем впоследствии не раз жалел) взять его в следующую экспедицию. Когда настало время формировать команду, Кадьян напомнил о себе, и Лазареву ничего не оставалось, как сдержать слово.

Всех офицеров Лазарев отбирал сам, его требования были просты: отличное знание дела и любовь к морю. Исключение составляли лишь те, кого пришлось взять по протекции, однако среди них тоже оказались прекрасные моряки, например будущий адмирал Путятин. А вот с Кадьяном вышла промашка. В походе выяснилось, что офицер он никудышный, с командой обращается жестоко, оскорбляет матросов по любому поводу, а чаще и без повода. Обнаружилась в нем и еще одна не то чтобы редкая, но неприятная особенность — он любил пожить на дармовщину, за счет подчиненных. Среди матросов было немало людей мастеровитых, в свободное от вахты время они столярничали, слесарничали, шили сапоги, платье. Офицеры делали заказы, причем всегда старались заплатить больше, чем на берегу, так что к окончанию похода наиболее экономные матросы скапливали небольшой капиталец. А Кадьян требовал исполнять его заказы бесплатно. Отказать ему нижние чины не смели — он отвечал за работу всей команды, и вскоре его злоба, жестокость и корысть стали вызывать у матросов настоящую ненависть.

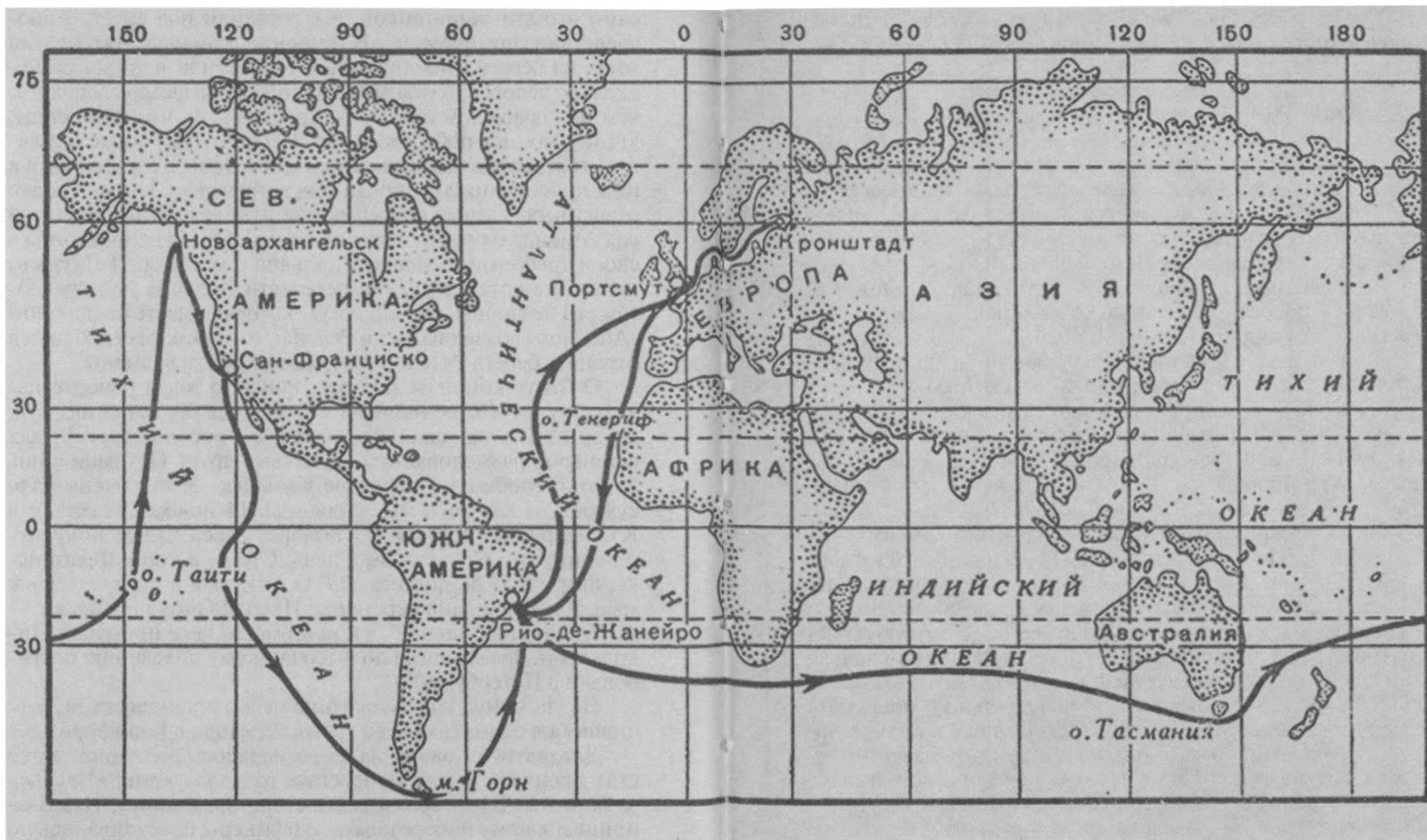
Впервые неповиновение случилось на Тасмании, но в тот раз удалось всё уладить: после переговоров матросы

сами выдали зачинщиков, тех посадили под арест, а впоследствии помиловали. В Америке команда три недели жила на берегу, нижних чинов разместили в домах по несколько человек, и чувствовали они себя гораздо свободнее, чем на корабле. К тому же матросы знали, что иной силы, кроме них, на побережье нет. Немногочисленные служащие торговой компании сами были готовы в случае бунта к ним присоединиться, среди них встречалось немало людей отчаянных — иные в те края и не попадали. Так что на сей раз команда на переговоры не пошла и была непреклонна в своем требовании: удалить Кадыяна с корабля. И Лазареву ничего не оставалось, как перевести Кадыяна под предлогом его нездоровья на «Ладогу», которая вместе со шлюпом «Аполлон» возвращалась в Россию, тогда как фрегат остался охранять берега Русской Америки до прихода смены.

О бунте команды Лазарев, конечно же, в рапорте начальству ничего не написал — началось бы дознание, суд, который мог бы закончиться для матросов каторгой, для офицеров разжалованием. В письме другу Нахимов лишь коротко сообщил о переводе Кадыяна: «У нас очень мало сухарей, и для того мы, снявшись 14 ноября, перешли в Калифорнию, пришли 30 ноября, здесь будем покупать пшеницу, а в Ситке сухари печь. Стоим в порте Франциске, широта 37 N, долгота 239° O, откуда я и пишу теперь к тебе. У нас большие перемены: Иван Иванович (Кадыян. — Н. П.) идет на “Ладоге”, а к нам вместо него поступает Никольской, Завалишина по высочайшему повелению потребовали в Петербург»⁸².

Не упомянул Нахимов в письме и о происшествии, случившемся с ним самим во время перехода в Калифорнию.

Двадцатого ноября на море началось волнение, ветер стал крепчать, когда на фрегате раздался крик: «Человек за бортом!» В это время вахту стоял Завалишин, Нахимов пришел к нему побеседовать, и офицеры прогуливались по палубе, обсуждая эпизод из прочитанной недавно книги «Жизнь английских адмиралов». «Фрегат был в это время на полном ходу, идя более 10 узлов в час (17½ верст), — вспоминал Завалишин. — В одно мгновение полетели за борт... спасительные буйки с флагами». Оказалось, за борт упал канонир Давыд Егоров. «Я стал приводить к ветру, но при быстроте хода фрегата он всё же пробежал значительное расстояние, однако же с марса упавший человек был еще в виду». При таком сильном волнении спускать шлюпку было опасно, и всё же Завалишин отдал приказание, и

Маршрут кругосветного плавания фрегата «Крейсер» и шлюпа «Ладоба» в 1822—1825 годах

шестеро матросов бросились его выполнять. «Павел Степанович, — обратился он к Нахимову, — отправляйся и ты с ними».

В это время на баке стоял подвахтенный мичман, можно было послать его — именно так и полагалось поступить, ведь Нахимов оказался на палубе случайно. Но разбираться с правилами было некогда, и Нахимов, не раздумывая, прыгнул в шлюпку. Обрубили веревки, и она полетела вниз.

Сначала бедолагу-артиллериста видно не было, волны скрывали его, и ветер уносил звуки. Но марсовый матрос с фрегата красным флажком направлял лодку к тонущему, и вскоре Нахимов увидел его. Матросы налегли на весла, оставалось преодолеть несколько саженей — и вдруг несчастный неожиданно выпустил из рук брошенную ему веревку и скрылся в волнах. Судороги ли были тому причиной, акула ли — бог весть, только спасти его не удалось.

Между тем сидевшие в шлюпке сами оказались на волосок от гибели. Фрегат сильно качало, и едва матросы стали поднимать шлюпку, как корабль резко накренился и ее вдребезги разбило о борт. Шестеро матросов и Нахимов чудом спаслись, успев ухватиться за корабельный такелаж. Попытка спасти тонущего едва не унесла жизни семерых членов команды. Но каков Нахимов — не раздумывая бросился на помощь! Как знать, может быть, от смертельно опасных шалостей гардемаринов на «Фениксе» вроде спуска по вантам вниз головой, хождения с одной мачты на другую по натянутой веревке или бега кругом корабля по бортам только один шаг до подвига. Да все ли способны сделать этот шаг?

Матросы, участвовавшие в спасательной операции, получили повышение, Нахимова Лазарев представил к награде. «Сию готовность г-на Нахимова при спасении человека жертвовать собою я долгом почел представить на благоусмотрение гг. членов Государственной Адмиралтейств-коллегии», — писал капитан в рапорте. Но начальство рассудило иначе: вот если бы спасли, скажем, человек десять — тогда другое дело... «Как будто удача или неудача изменяла сущность подвига, — справедливо возмущался Завалишин, — и как будто не было примеров, что спасали и многих, ничем не рискуя».

В послужном списке Нахимова плавание на фрегате отмечено казенной фразой: «Не имел случая отличиться»⁸³. В глазах начальства он не отличился, но многие чины Главного адмиралтейства глаз не казали на море. А вот свидетели этого события сохранили поступок Нахимова в памяти

и не раз потом рассказывали о нем. Были у Павла Степановича и последователи в христианском исполнении долга, готовые «жизнь положить за други своя». При схожих обстоятельствах так же действовал товарищ Нахимова по кругосветке — Александр Домашенко — в 1827 году у берегов Сицилии бросился спасать упавшего за борт матроса и погиб вместе с ним. Его товарищи собрали деньги и установили ему памятник в Кронштадте.

В Новоархангельске состоялась памятная для всей команды встреча: на «Ладог», пришедшей с Камчатки, прибыл к новому месту службы священник Иоанн Вениаминов — будущий просветитель Аляски и Сибири, московский митрополит Иннокентий. 27 лет предстояло провести ему среди народов Восточной Сибири и Америки, неся колошам, якутам и алеутам свет Евангелия, за что он получит прозвание «апостол Аляски и Сибири». Встреча отца Иоанна с командой фрегата оставила след в жизни многих моряков. Он познакомился с будущим главным правителем русских колоний Куприяновым, будущим адмиралом Евфимием Васильевичем Путятиным, с которыми ему придется не раз встречаться в русских колониях в Америке. Иоанн прибыл на Ситху с большой семьей — женой, детьми, родственниками жены. Нужны были средства, а назначенное ему место служения, остров Уналашка, не имел ни храма, ни прихода с паствой. Офицеры переговорили с управителем русских колоний, и отца Иоанна оставили преподавать в школе на Ситхе. Так у него появилась возможность оглядеться в новых краях, познакомиться с обычаями и привычками аборигенов и, что существенно, получить прибавку к жалованью.

Знакомство с отцом Иоанном произвело на моряков сильное впечатление, они даже решили держать Великий пост и причаститься у него на Пасху. В его дневнике 2 апреля 1824 года записано: «Исповедовал некоторых офицеров фрегата “Крейсер” по собственному желанию их и также здешней конторы правителя и приказчика. Имена их: капитан фрегата Михайло Петрович Лазарев — капитан 2-го ранга и кавалер, лейтенант Михайло Дмитриевич Анненков, мичманы Дмитрий Ириархович Завалишин, Павел Матвеевич Муравьев и Иван Петрович Бутенин. Правитель Кирилл Тимофеевич Хлебников и Григорий Иванович Сунгуров»⁸⁴. Как видим, Нахимова среди них нет. В 20 лет, наверное, мало кто из моряков отличался особенным благочестием и стремлением к аскетизму.

В одном из писем отец Иоанн (в то время уже архиепископ Камчатский, Курильский и Алеутский) с горьким сожалением писал: «Я с моряками знаком давно, и более чем с лицами других ведомств. Говоря вообще, они честны по службе в сравнении с прочими и по службе исправны, даже до педантизма. Это известно многим. Но эта самая честность и аккуратность по службе так надмевает их (что так и должно быть в невозрожденном человеке), что они считают себя лучше и выше всех, а также и по самому воспитанию их и по роду службы они привыкли командовать всеми и всем, в высшей степени деспоты, и в самом деле корабль в море есть свой город, свое царство, свой мир, где капитан — царь. И потому подчинение, даже тень подчинения кому бы то ни было из других ведомств для них несносны. А живя отдельно от обществ и вращаясь большею частью в кругу своих совоспитанников, они крайне односторонни и мнения свои, каковы бы они, впрочем, ни были, считают аксиомами, особенно, если одобрили их Нахимовы и Рикорды, а главное — набожных из них так мало, так мало, что из сотен мне известных я могу указать на пять-шесть, и то с натяжкой».

Однако это письмо, посланное в Синод в 1856 году, вовсе не направлено против моряков, как может показаться на первый взгляд. В нем идет речь о взаимоотношениях между архиереем и правителями Российско-Американской компании, которых назначали из флотских. Нам же оно интересно косвенным указанием на высокий авторитет Нахимова, раз в письме святителя он вместе с адмиралом Петром Ивановичем Рикордом (начальником Камчатской области в 1817—1822 годах, членом-корреспондентом Академии наук, позднее — руководителем Кронштадтского порта) выступает олицетворением всего морского, а еще — наблюдениями архиерея о характере моряков. А малочисленность набожных в их среде Иннокентий объясняет «нынешним горько печальным образом мыслей о религии», который никакими постановлениями Синода не изменить.

«Крейсер» находился у берегов Русской Америки с сентября 1823 года по декабрь 1824-го, когда Лазарев получил предписание о возвращении в Кронштадт. Чем же всё это время занимались офицеры? — Крейсировали вдоль берегов, наблюдали за ремонтом фрегата, сверяли хронометры. В свободное время ходили на охоту. Скучную, однообразную жизнь на берегу скрашивали соревнования по стрельбе из ружей между промышленниками и колошами (колюжами),

Своей пищи не взяв иметь хронит рвоты да и
той зыблого оскв мало, Зиповато тутт оскв дур
но, у насъ здѣсь была добшая работа хвѣсь развѣсивъ
удивительное искусство пополнили совершенно все
дѣло разбора или додѣлки были выгружены все фре
гаф, хуратъ и потомъ опять на грузить Это
предсѣдатель три недели, офицеры и команда
шлимъ казасу, У насъ оскв мало бутарей и для
того или спавшимъ 14 ноября перешли въ Комфоро
рис, пришли 30 ноября здѣсь бутарь похупать пше
ницу а въ сѣмѣхъ судари пѣхъ. Стоимъ въ портѣ
Французскѣ широта 37° N. долгота 239° O. отсюда а
и пищу теплѣ къ тебѣ, У насъ добшилъ невиненъ
Нданъ Нважонъ нгоѣ на ладотъ а къ насъ вѣсело
его побуждаютъ Николайской, Завалишина по вѣсо
кашмиру повеленію поребованію въ Петербургъ. —
Вотъ тебѣ наши новости. Вышеватъ добилъ фотъ
сказать что у насъ старшій офицеръ въ трехъ
дѣна не правитъ вафрой а замилася додѣлать
капитанъ лейтенантъ а въ Ренохенро стоимъ на
четыре вафты; командиро офицерамъ матеръ три
ракою, все офицеры и команда Благодари боги
здоровы ии оскв неупастримъ въ продолженіи
Этого времени ии пофарамъ мѣсьхъ каловѣхъ
мѣсьхъ, Я былоя сказать что а оскв вѣсело
врема правесу събѣмъ нехадюка въ шубѣхъ и
кофранамъ расибевисенъ расозофеніе кофрѣхъ
и модѣхъ а вѣсно поплитъ буду. Францаи и надалго
Францаи преданни тебѣ дуче. Навенъ Навинъ

Страница письма Нахимова лейтенанту Михаилу Рейнеке
о плавании фрегата «Крейсер» к берегам Русской Америки.
4 января 1824 г. Сан-Франциско. Российский государственный архив
Военно-Морского Флота

как русские называли индейцев тлинкитов. Особенно любопытна была охота на колибри — пистолеты заряжали песком. Существовал в Ситхе и театр — его устроили промысловики в большой казарме. «В первом ряду были места, разумеется, для офицеров, на стульях, а “дамы” (жены приказчиков и пр.) сидели во втором ряду на скамейках; за ними помещалась уже остальная публика — стоя; музыка была, конечно, с фрегата»⁸⁵, — вспоминал Завалишин. На спектакли можно было прийти не более одного-двух раз, да и репертуар его был небогат. «Со всем прибором сатана, или Сумбурщица жена» — так называлась комическая опера, которую слушали моряки.

Когда заканчивался сезон лова сельди, между матросами фрегата и туземцами проводились гонки на лодках. Моряки выходили на шлюпках, колоши и алеуты — на своих батах, байдарках и байдарках, мичманы судили соревнования.

Однако не всегда отношения с аборигенами были безоблачны и дружелюбны, случались и конфликты. Продовольствия в Ситхе не хватало, пополнить запасы экипажу становилось всё сложнее, и Лазарев приказал устроить на берегу огорода. Матросы вскопали землю, посадили привезенную из Калифорнии картошку, посеяли репу. Колоши очень любили овощи, однако сами выращивать их ленились и решили воспользоваться плодами чужих трудов: ночью они выкопали только что посаженную картошку. На требование Лазарева закопать ее обратно вооруженные индейцы ответили осадой форта и угрожали истребить всё находившееся в нем русское население.

Пришлось Лазареву ввести фрегат в пролив у Новоархангельска и зарядить пушки картечью. Один вид расчехленных и приготовленных к бою орудий охладил колошей и заставил выдать виновных. Впрочем, Лазарев их потом отпустил, но пригрозил туземцам, что в случае повторения подобных действий запретит им ловить сельдь в заливе. На том всё и успокоилось.

Возвращение

Двенадцатого августа 1824 года в Новоархангельск на смену фрегату прибыл шлюп «Предприятие» под командованием капитан-лейтенанта О. Е. Коцебу. Лазарев получил предписание возвращаться в Кронштадт, однако сперва

отправился в Сан-Франциско «для освежения» экипажа перед дальним походом. Попали в жесточайший шторм: в порту корабли срывало с якорей, в городе ветер сносил с домов крыши и вырывал с корнями многолетние деревья. Но фрегат остался цел и невредим. «И я с особенным удовольствием должен сказать, — не без гордости рапортовал Лазарев, — что хорошая конструкция фрегата, крепость рангоута и стоячего такелажа были причиной, что в ужасные сии бури мы находились спокойнее в море, нежели многие суда в лучшем порте»⁸⁶.

Отдохнув и поправив такелаж, 21 декабря отправились в обратный путь тем же маршрутом: пересекли экватор, обогнули мыс Горн, где обычно свирепствуют западные ветры, но с февраля «получили восточные ветры и имели частые штили». 23 марта 1825 года после 93-дневного плавания без всяких приключений прибыли в Рио. К этому времени на фрегате оказалось десять человек больных — сказывались тяготы длительного перехода; доктор Алиман диагностировал «водяную болезнь» и требовал их лечения на берегу. Сняли дом, свезли больных на берег, и вскоре свежий воздух и прогулки по саду помогли им пойти на поправку. Однако двое из нижних чинов, несмотря на все старания доктора, всё же умерли.

Двадцать второго апреля вышли из Рио-де-Жанейро, не собираясь более никуда заходить, но частые штили и противные ветры продлили плавание еще на 72 дня: закончилась провизия — сухари, мясо, пшено, от жары рассохлись некоторые пазы в корпусе, и требовалось их конопатить. Пришлось бросать якорь на портсмутском рейде. Наконец, 5 августа фрегат «Крейсер» вернулся в Кронштадт после похода, продолжавшегося 2 года 11 месяцев и 2 дня. Ни одного заболевшего цингой, фрегат без повреждений. «Каково ныне русачки наши ходят!»⁸⁷

Начальник Морского штаба А. В. Моллер доложил императору, что нашел фрегат «во всех отношениях не только в отличной, но даже необыкновенно превосходной исправности». Офицеры Балтийского флота вспоминали, как специально ездили в гавань смотреть «Крейсер» и удивлялись его хорошему состоянию после столь продолжительного плавания. «Старые балтийские моряки, верно, помнят еще, каким шеголем возвратился в 1825 г. из вояжа фрегат “Крейсер”. Нас, гардемарин, возили тогда смотреть это образцовое судно. Живо помню, как поразили меня развешанные в батарейной палубе расписания и ордонансы

на чертежах фрегата; какая была чистота и всё дышало порядком. Тут показали нам трисель-мачты и триселя* — как новость, впервые введенную на “Крейсере”»⁸⁸.

Так что пребывание флота, по мнению кое-кого, «в упадке» вовсе не исключало замечательных достижений благодаря самой тщательной подготовке к плаванию, заботам капитана об экипаже и хорошей выучке офицеров.

После долгой разлуки Нахимов увиделся с Михаилом Рейнеке и своими братьями. То-то было разговоров! Ведь ни в одном, даже самом длинном письме всего не перескажешь. Да и Рейнеке было что рассказать: он, уже лейтенант, все эти годы вел наблюдения и описание берегов Белого моря.

Нахимов тоже был произведен в лейтенанты во время похода, 23 марта 1823 года, и представлен к награде — удостоился ордена Святого Владимира 4-й степени и «прибавочного жалования 720 руб. в год». Так что можно было отметить с друзьями не только окончание вояжа, но и получение первой награды. Для Нахимова кругосветка стала настоящей школой моряка. Теперь предстояло от копирования прописей переходить к собственным сочинениям.

* Трисель — косой четырехугольный парус, поднимаемый на трисель-мачте, расположенной позади нижней мачты с прямыми парусами.

Глава третья

«АЗОВ»

Четырнадцатое декабря

Первую осень по возвращении из кругосветки Нахимов провел в Кронштадте, а 13 декабря 1825 года, получив отпуск на четыре месяца, уехал в свое имение — за сутки до восстания на Сенатской площади. Совпадение или нежелание присутствовать? Попробуем разобраться.

Известно несколько тайных обществ, образованных моряками: «Морская управа», «Общество Гвардейского экипажа» и «Орден восстановления», который основал друг Нахимова Завалишин. В пору либеральных веяний, особенно в начале правления Александра I, разговоры о свободе были в большой моде. «У нас в Кронштадте одно время где ни соберется молодежь, толковали о свободе и читали стихи, — признавался на следствии один из моряков-декабристов. — Но всё это разговорами и кончилось»⁸⁹.

В действительности разговорами не кончилось. От «толкований о свободе» руководители Северного и Южного обществ перешли к действиям — агитировали офицеров флота захватить Кронштадт и на одном из кораблей вывезти из Петербурга царскую фамилию. Правда, так и не решились, куда именно: одни предлагали доставить августейшее семейство в ближайший иностранный порт, другие — в Америку, третьи — и вовсе в неизвестные края.

Инициатива привлечения офицеров Гвардейского экипажа и флотских Кронштадта принадлежала Кондратию Федоровичу Рылееву. Как правитель канцелярии Российско-Американской компании он водил знакомство со многими морскими офицерами, в его служебной квартире в доме 72 на Мойке часто собирались члены Северного

общества. Рылеев возлагал на моряков большие надежды, особенно после знакомства с Завалишиным, который назвал себя командором полумифического «Ордена восстановления».

Завалишин собирался перенести деятельность ордена на территорию Калифорнии, а саму территорию вместе с тамошним населением включить в состав Российской империи. Как потом выяснилось, в Сан-Франциско он вел активные переговоры с испанскими офицерами, монахами-францисканцами, владельцами поместий, знакомился с вождями индейских племен и намеревался использовать к выгодам России обстановку, сложившуюся в Калифорнии в первой четверти XIX века.

Революции в Испании и Мексике сделали Калифорнию фактически независимой, но лишили бывшие испанские колонии прежних субсидий от метрополии. «Нетрудно было, — вспоминал Завалишин, — доказать им всю неосновательность надежд и заставить также понять и сознаться, что им предстоит одна будущность — сделаться добычей Англии или Соединенных Штатов, и вероятнее всего — последних; а надобно сказать, что они боялись этого пуще всего. Американцы, в их глазах, были еретики, да и образцы граждан Соединенных Штатов, которых им приходилось знать, — авантюристы и мелкие торгаши, — мало рекомендовали нацию. Кроме того, доходили слухи, что Соединенные Штаты ни в Луизиане, ни во Флориде, которая недавно была недобросовестно отнята у Испании, не признали прежних прав на поземельное владение. Чтоб избавиться от грозящей опасности и выйти в то же время из своего бедственного положения, почти единственное средство, как они сами видели, состояло в том, чтобы соединиться с Россией»⁹⁰.

Во время бесед он обещал католическим монахам веротерпимость (в России проживало несколько миллионов католиков), военным — зачисление на службу (в России со времен Ивана Грозного служило немало иностранцев), землевладельцам — сохранение прав на землю; наконец, всей Калифорнии — экономические выгоды от торговли с Российской империей. Для России же обладание Западным побережьем Америки с его незамерзающими гаванями, прекрасным климатом, благодатной почвой, добычей золота, незадолго до того открытого в Калифорнии, — «ключ ко владычеству Великим океаном: подчинение Калифорнии России принесло бы с собою обоюдные значительные выгоды».

Свой чрезвычайно смелый проект Завалишин изложил в письме императору. Именно в это время Россия вела переговоры с Британией и США о границах владений в Северной Америке, так что проект Завалишина привлек внимание императора, и он затребовал офицера в Петербург.

О письме Завалишина на «Крейсере» не знали, и его вызов в столицу вызвал переполох. Еще бы — по распоряжению самого государя из кругосветки отозвали... мичмана. На фрегате выдвигали разные предположения: если бы Завалишина в чем заподозрили, то отправили бы под присмотром, но он не был арестован и ехал один. Спрошенный напрямую, он смутился, что на него было совсем не похоже, и ответил, что, возможно, речь идет о новом назначении. Даже Нахимов, живший с ним в одной каюте, об истинной причине вызова не знал и лишь коротко сообщил о происшедшем в письме Рейнеке.

Капитан Лазарев в сопроводительных документах поспешил дать своему подчиненному самую лестную характеристику. «Пользуясь сим случаем, — писал он в рапорте А. Моллеру, — я обязанностью себе поставляю рекомендовать г. Завалишина, как весьма исполнительного и ревностного к службе офицера, и с сим вместе довести до сведения в[ашего]. пр[евосходительств]ва, что в продолжение более нежели двухлетнего его служения под моим начальством он как благородным поведением своим, так и усердным исполнением всех возложенных на него обязанностей приобрел право на совершенную мою признательность»⁹¹. Знал бы капитан, какую характеристику впоследствии даст ему — и не только ему — Завалишин!

Свой путь в столицу через Сибирь Завалишин подробно описал в мемуарах, там же объяснил, почему не состоялось его свидание с императором — помешало петербургское наводнение 1824 года. Спустя некоторое время государь передал проект Завалишина Аракчееву, которому тот и изложил свои предложения.

К тому времени Россия уже подписала (в апреле 1824 года) конвенцию с США «о дружеских связях, торговле, мореплавании и рыбной ловле». Граница фиксировалась по северной широте 54° 40', при этом рыбная ловля и плавание открывались для судов обеих стран на десять лет. Границей с Британией по конвенции 1825 года служили Скалистые горы.

Совсем не такого результата ожидал Завалишин. «Конвенции эти, — вспоминал он, — предоставляли все выгоды

иностранцам, всю же тяжесть содержания колоний оставляли на Р[оссийско]-А[мериканской] компании. Я написал резкую критику на эти конвенции, разбирая их пункт за пунктом и доказывая невыгоду для России... И так как первая конвенция, т. е. с Соединенными Штатами, была заключена при содействии бывшего нашего посла, тайного советника Полетики, то я и начал свою критику так: «На днях появилось самое уродливое произведение русской политики»⁹².

Что же касается самого Завалишина, то было рекомендовано принять его на службу в Российско-Американскую компанию, однако в колонии не отпускать — дабы не вовлечь «Россию в столкновение с Англиею или Соединенными Штатами».

Тогда же Завалишин знакомится с Рылеевым. На первых порах они симпатизируют друг другу, часто и охотно встречаются, обсуждают планы по Русской Америке, затем переходят к планам восстания. Одновременно Завалишин ведет осторожные разговоры среди офицеров и готовит их в члены своего «Ордена восстановления».

Лейтенант Арбузов показал на следствии, что Завалишин «в преступных разговорах» хвалил Анненкова, о Куприянове говорил и вовсе «как о человеке, им уже приуготовленном». Правда, сам Завалишин во время допросов от этих слов отказался, чтобы, как он объяснял впоследствии, уберечь друзей от ареста. Да и отношения его с Рылеевым, мягко говоря, не сложились. Рылеев на следствии показал, что ни в одно общество Завалишин принят не был, членом же своего таинственного «Ордена» только готовил к вступлению.

Трудно представить, чтобы такой деятельный и целеустремленный человек, каким был Дмитрий Иринархович, не попытался привлечь в «Орден восстановления» Нахимова. Они ведь не только жили в одной каюте, но были вместе и на берегу. Вот что писал об этом Завалишин: «Нахимов стал неразлучным моим товарищем, сопровождавшим меня повсюду. Так как он не знал иностранных языков, то всегда старался участвовать в моих поездках. Я брал его с собою и в Лондон, и в разъездах моих на острове Тенерифе, в Бразилии, в Австралии, в Калифорнии и пр., так что его прозвали наконец моею тенью»⁹³. Ко всем оценкам Завалишина, как мы уже говорили, следует относиться критически, но на неразлучность двух офицеров указывали многие их сослуживцы. Можно предположить, что Завалишин обсуждал с Нахимовым и злоупотребления чиновников Кронштадта, и состояние флота, и жестокость капитана Лазарева, по-

заимствовавшего из английского флота суровую систему наказаний, и недостатки в стране, и необходимость революции, и, конечно, свои планы на Калифорнию. Говорили о многом, взгляды Завалишина Нахимов хорошо знал. Но разделял ли его убеждения?

Завалишин не устал повторять, что полностью открываться нужно только людям «свободного образа мыслей». Как показало следствие, таковых оказалось немного: лейтенанты Н. И. Завалишин (брат), А. М. Трескин, М. Д. Анненков, И. А. Куприянов, П. С. Дурнов, Воейков (его имя и отчество нам неизвестны), А. С. Шушерин; мичманы В. А. Кротов, А. М. Иванчин-Писарев, Ф. С. Лутковский, В. П. Гебауер, братья А. В. и К. В. Осетровы, Н. И. Морозов. Всего 14 морских офицеров, к которым тайные общества проявили интерес.

О степени осведомленности Нахимова в деле 14 декабря судить трудно, сам он никогда об этом не упоминал. Но правительственное следствие, а вслед за ним историческое расследование позволяют говорить определенно: ни на одном из допросов его имя названо не было, и никто в тайные общества его не принимал.

Выходит, Нахимов не относился к людям «свободного образа мыслей» — или мысли его были далеки от плетения заговоров, и вести с ним разъяснительную работу оказалось бесполезно. «Горение свободой» и пафосные словесные излияния вообще были глубоко чужды натуре Нахимова, сдержанно и трезво оценивавшего происходящее. И потому Завалишин нашел в нем не согласного собеседника, а оппонента, с которым разошелся сначала в суждениях, а затем и в жизни. Отсюда и краткость сообщения Нахимова об отъезде Завалишина в Петербург, и резкость высказывания Завалишина о приятеле, якобы «прокладывающем карьеру» и желающем лишь «подслуживаться». Разошедшись с Нахимовым, Завалишин вскоре обрел нового друга, ставшего его единомышленником, — Феопемпта Лутковского, с которым познакомился в Ситхе.

Нахимов был не единственным среди моряков, кто не разделял планы декабристов. Как признавались на следствии сами заговорщики, их агитация в Кронштадте успеха не имела. «Рылеев мне очень часто выговаривал, — писал Н. А. Бестужев, — что я не стараюсь о приобретении в члены общества морских офицеров и особенно в Кронштадте, но я, а равномерно и капит[ан]-лейт[енант] Торсон, зная действительное положение Кронштадта и вместе с тем

нравственные способности офицеров, сие сословие составляющих, всегда доказывали ему ничтожность и невозможность его мысли».

Со временем это признал и сам Рылеев. Осенью 1825 года Николай Бестужев и Константин Торсон убедили Рылеева приехать в Кронштадт. Поводом послужил спектакль, устроенный кронштадтскими моряками. Вполне вероятно, Нахимов тоже видел этот спектакль самодеятельного театра, поскольку уже вернулся из кругосветки и несколько раз навещал Завалишина. Побывав в Кронштадте, Рылеев, по словам Бестужева, «сознался в своем заблуждении»: «Признаюсь... теперь всякое намерение в рассуждении флота должно оставить»⁹⁴.

Кстати, ни один из вышеназванных четырнадцати офицеров к следствию привлечен не был, только мичман Алексей Иванчин-Писарев переведен с Балтики на Белое море, а Лутковский — за дружбу с Завалишиным — на Черное, которое тогда называли «морской Сибирью». Остальные продолжили службу на прежних местах.

Восставшие в 1825 году ничего не добились — разве что «разбудили Герцена». При этом они обманом увлекли за собой на площадь матросов и солдат, которые теряли не титулы и состояния, а жизнь. «Я, барин, записку-то передам, — говорил одному из сидельцев Петропавловской крепости карауливший его солдат. — Только нас за это сквозь строй гоняют». По делу 14 декабря кому-то из солдат и матросов назначили по 12 тысяч шпицрутенов, что по сути означало смертную казнь; кого-то отправили в действующую армию на Кавказ.

Весь последующий ход истории подтвердил правоту позиции Нахимова. И дело не в том, что он не примкнул к тем «ста прапорщикам», которые, по словам А. С. Грибоедова, задумали «перевернуть Россию». Нахимов, хотя вовсе не был склонен закрывать глаза на недостатки и изъяны, занял свое место не среди ниспровергателей и разрушителей, а среди созидателей и служителей и исполнил свой долг до конца, как и сам Грибоедов на избранном им поприще.

Завалишин тоже был уверен в своей правоте и до конца дней сохранил юношескую пылкость и резкость суждений. К сожалению, с годами к его не самым привлекательным чертам добавилось злословие, объектами которого становились все без исключения. «Что же касается до Нахимова, то уж, конечно, никто его не знал так, как я, и справедливость требует сказать, что он был вовсе не то, что из него хо-

тят сделать как апологисты, так и порицатели его после Синопского сражения, без которого он так бы покончил свою карьеру безвестным адмиралом. У него вовсе не было того прямого характера, о котором после протрубили»⁹⁵. Написано это было Завалишиным на склоне лет, когда никого из сослуживцев не осталось в живых, а значит, ответить ему уже никто не мог.

Что сказал бы по этому поводу сам Нахимов? — «Век живи и век учись, любезный друг Михайло Францович! Узнавать людей была всегда самая трудная наука; одно время, одна опытность дают нам настоящее понятие об них»⁹⁶.

Можно было бы ограничиться кратким упоминанием о деле декабристов, если бы в сентябре 1826 года, спустя два месяца после оглашения приговора, Нахимов не был вызван на допрос.

И вновь Архангельск

С декабря 1825 года по март 1826-го Нахимов жил в своем имении под Вязьмой. Зимой в провинции скучно, одно развлечение — ездить в гости к соседям да обсуждать новости из столицы. Брат Иван хлопотал по хозяйству, устраивал дела имения. Сосед Иван Гаврилович Трамбицкий, моряк, также служил в Кронштадте, с ним было о чем поговорить. С ним же можно и письмо передать в Петербург, наверное, будет доставлено быстрее, чем по почте. Кому письмо? С кем можно, не таясь, поделиться радостью, кому поведать печаль, о ком проявить заботу? — Конечно, о любезном друге Михаиле Рейнеке. Ему и пишет Павел 1 февраля 1826 года: «Отъезжая из Кронштадта, я видел твой кошелек, он мне не понравился. Приехавши сюда, я попросил одну мою родственницу, чтоб она связала кошелек для моего друга, она выполнила мое желание, и я посылаю его тебе. Желаю очень, чтоб он понравился и доставил хотя некоторое удовольствие тому, кого истинно люблю и уважаю». Мелочь? Нет, внимание, забота, желание доставить радость — таким мы видим Нахимова в дружбе.

Для семьи Нахимовых зима 1825/26 года принесла новости вроде бы приятные: Сергея произвели в лейтенанты, Павел получил назначение в Гвардейский экипаж. Что и говорить — служить в русской императорской гвардии и почетно, и для дальнейшего продвижения по службе выгодно. Да вот только сам Павел этому назначению был вовсе не

рад. Разве о том мечтал он, чтобы обслуживать придворные яхты и суда? Это ли горизонт для морского офицера? Нет, куда угодно, хоть обратно в Архангельск, только не в Гвардейский экипаж! Кто похлопочет за него, пока он в отпуске? Может быть, старший брат Платон — он уже капитан 2-го ранга, человек в Кронштадте известный.

«Скажи — я — кандидат Гвардейского экипажа, — пишет он о своих переживаниях Михаилу. — Ты знал всегда мои мысли и потому можешь судить, как это для меня неприятно. На этой же почте пишу к брату Платону Степановичу и прошу его употребить все средства перевести меня в Архангельск или куда-нибудь... Итак, прощай все воздушные замки и планы... Жаль мне очень Михаила Петровича, что он болен, я бы написал к нему и тогда, может быть, я бы исполнил мое желание. В следующем письме уведомя, пожалуйста, любезный Миша, о состоянии его здоровья»⁹⁷.

Поскольку к больному Лазареву обращаться было неловко, оставалось надеяться на хлопоты брата. В событиях декабря 1825 года приняли участие почти все офицеры Гвардейского экипажа, даже те, кто не состоял ни в каких обществах. «Я один набрал больше членов, чем они все вместе, да и приготовил их иначе... Всем известно, что Гвардейский экипаж был приготовлен лучше всех других полков и был единственным войском, вышедшим на действие 14 декабря в совершенном порядке и полном составе, со всеми своими офицерами, — со свойственной ему «скромностью» писал о своей деятельности Завалишин. — Кроме того, мои действия отличались еще и тем, что, за исключением действующих на площади и взятых с оружием в руках, никто из других членов общества, которые имели непосредственные сношения только со мною, не был арестован, за мною не вошел в крепость ни один человек»⁹⁸. Вот здесь Завалишин прав — ни Анненков, ни Куприянов действительно не пострадали. Арестованы были лишь те, кого А. П. Арбузов и Н. А. Бестужев вывели на Сенатскую площадь: одно дело разговоры и совсем другое — мятеж с оружием в руках. Среди арестованных оказалось немало знакомых Нахимова, все они вместо морских вояжей отправились на каторгу или, как Федор Вишневский, разжалованный в солдаты, в действующую армию.

Возможно, назначение Нахимова в сильно поредевший Гвардейский экипаж и было связано с необходимостью заполнить образовавшиеся вакансии. Но его нежелание служить там совершенно не было связано ни с восстанием, ни

с арестом его знакомых — просто он мечтал о море и боевых кораблях, а не о «маркизовой луже» и придворной яхте под императорским штандартом.

Вскоре хлопоты брата увенчались успехом, и после отпуска Павел отправился в Архангельск достраивать корабль «Азов», командиром которого был назначен капитан 1-го ранга М. П. Лазарев.

И вот он вновь в Архангельске. Отсюда четыре года назад, полный надежд, уезжал он в Кронштадт. Как на сей раз встретит его суровый край поморов, рыбаков и плотников? Как примет новый экипаж?

В Соломбале мало что изменилось: те же смольни и амбары, кузница, такелажные мастерские, сухой док и канатный завод. За время его отсутствия появились лишь новые казармы и каменный дом для офицеров.

В первой половине XIX столетия архангельская верфь переживала не лучшие времена. За полвека — с 1800 по 1850 год с ее стапелей сошло всего 48 линейных кораблей, в то время как за последнюю четверть XVIII столетия, то есть за вдвое меньший период, — 41 линейный корабль и 27 фрегатов. И всё же командиры предпочитали строить свои корабли в Архангельске — и прочнее они были, и дешевле по сравнению с балтийскими.

Правда, к тому времени лиственницу уже почти всю повывели, и корпус корабля делали из сосны, отдельные детали — из дуба. Главным недостатком русских кораблей по сравнению с английскими продолжала оставаться их недолговечность, связанная с использованием для их постройки сырого леса. Чтобы уменьшить воздействие влаги, в 1823 году решили не сплавлять бревна по рекам, как раньше, а часть корпуса делать по лекалам еще в лесу — он получался суше и обходился дешевле.

Увидел Нахимов и еще одно новшество — только что построенный колесный пароход «Легкий». Ходил он в Архангельске, привлекая внимание горожан и давая морякам повод для обсуждения. И никто не догадывался тогда, что с появлением пароходов закончится эпоха не только парусных судов, но и архангельской верфи.

«Азов» занимал особое место в жизни Нахимова — на нем он принял первый бой и долгие годы хранил память о корабле и боевых товарищах, всегда при случае передавал привет «азовцам».

Что представлял собой «Азов»? Это был линейный корабль длиной 52,4 метра и шириной 14,4 метра, имевший

на вооружении 74 орудия. Сооружал его всё тот же знаменитый корабел Курочкин, строитель фрегата «Крейсер». Так же, как и на «Крейсере», по распоряжению Лазарева в конструкцию «Азова» вносили изменения; в основном они касались рулевого устройства, такелажа, планировки внутренних помещений, усиления артиллерийской мощи — вместо шестифунтовых пушек ставили 32-фунтовые каронады.

Все усовершенствования Лазарев делал с подробным обоснованием. Например, он считал необходимым иметь запасные брам-реи и брамсели*, поскольку «ничего не может быть легче, как потерять брам-рей, и тогда военный корабль, входя в какой-либо порт и особенно в иностранный, много теряет как виду своего, так и достоинства». Особую заботу проявлял капитан о здоровье команды — по его указанию был сделан второй комплект матросских коек: при наличии только одного комплекта, если он вымокнет и к вечеру не высохнет, «служители принужденно будут валяться по палубе». Лазарет на «Азове» расположили тоже удобно — под баком**, чтобы было больше дневного света и теплее — рядом камбуз; к тому же это позволяло в случае необходимости полностью изолировать заболевших от остальной команды.

Капитан учел даже мелочи: «в палубах гвозди осажены глубже и над гвоздями деревянные пробки с белилами» — чтобы палуба меньше гнила; краски для корабля лучше растерты и в них добавлено меньше мела — чтобы дольше держались; чехлы для триселей — для удобства и красоты.

Корабль вышел отменный, один из лучших на флоте. Капитан Лазарев сравнивал его с английскими кораблями — ему ли было не знать об их устройстве и ходовых качествах — и находил, что «Азов» не уступает «ни в каком случае никакому английскому». Когда в 1830 году состоялись маневры в присутствии государя, команда работала прекрасно — быстрее других, при этом, не забывает упомянуть капитан, все смотрели только на «Азов», «чтобы из зависти найти какие-нибудь погрешности в действиях его», — но тщетно.

* Брам — приставка к названиям частей рангоута, такелажа и парусов, означающая их принадлежность к брам-стенге — третьему снизу колену составной мачты парусного судна.

** Ба к — носовая часть верхней палубы, идущая от форштевня до фок-мачты или носовой надстройки.

В ноябре 1826 года комиссия осмотрела корабль, нашла его «отделанным отлично, с отменной удобностью и пользой для флота» и сочла необходимым использовать новшества в его устройстве на всём флоте. Особо подчеркивалось, что внесение изменений приведет к «невеликим издержкам», а потому так «стоит делать и на других судах»⁹⁹.

И всё же Лазарев с прискорбием отмечал: по прошествии всего только четырех с половиной лет даже такой корабль, как «Азов», сгнил и должен был пойти на слом. Причина всё та же — сырой лес. Он сетовал, что к его советам не прислушиваются; значит, как всегда, «деньги в воду»¹⁰⁰.

Капитан сумел подобрать прекрасную команду: лейтенант Нахимов, мичманы Бутенев, Корнилов, гардемарин Истомин. Там, в Архангельске, началось знакомство будущих героев Севастополя. Когда Нахимов отправлялся из Петербурга в Архангельск, Рейнеке подробно описал компанию, в которой предстояло служить другу, каждому дал характеристику — и не ошибся. «С Шеманом на другой день нашего свидания я сделался приятель, он истинно хороший человек, славный офицер», — сообщил Нахимов в письме другу. С князем Ухтомским они стали почти приятелями.

Каково это — новому офицеру поступать в экипаж? Трудно, признаётся Нахимов: «Все уже друг друга знают и смотрят на пришельца довольно странными глазами. Как часто я должен был играть презабавные роли». Со своим уставом не ходят не только в чужой монастырь — в новый экипаж тоже; но офицерам «Азова» только предстояло стать экипажем и добиться *сплаванности*.

Нахимов уже знал привычки капитана и предложил всем офицерам, как на фрегате «Крейсер», пить чай вместе: хороший способ ближе узнать друг друга. Казалось бы, чего проще? Но пришлось приложить усилия: «Одного надо было убедить доказательствами истинной пользы, другого, что капитан этого хочет и он, верно, узнает, отчего расстроился; третьего, что уже все согласились, и неужели он один откажется быть в компании всех». Вот такая дипломатия! «Зато после я уж слишком много был вознагражден, потому что всем понравилось и все единодушно признали, чтобы [в] следующую кампанию иметь чай общий»¹⁰¹.

Пока вооружали «Азов», Нахимов был так занят, что и другу не писал: «...с пяти часов утра до девяти вечера бывал на работе, после должен был идти отдать отчет обо всём капитану, откуда возвращался не ранее одиннадцати часов, часто кидался в платье на постели и просыпал до следующе-

го утра». И так каждый день, и в праздники, и в будни. Что же, не было исключений? Конечно, были. Если оставалось свободное время, он посвящал его, по собственному признанию, «дружбе и любви присутствующих». Дружил с Константином Панферовым, а вот любовь возникла... «Как бы ты думал [к] кому... Едва смею выговорить, к... Да, любезный Миша, если б я несколько более имел времени видеться с ней, тогда прощай твой бедный Павел без сердца и головы. Куда бы был тогда он годен? Вот я, думаю, главная причина, которая меня лишила удовольствия писать к тебе».

Имя возлюбленной *бедный Павел* не написал, но, видимо, его хорошо знал Рейнеке, и потому вместо имени в письме отточие. Познакомился Павел со своей избранницей, скорее всего, в первый приезд в Архангельск, наверное, она жила там. И симпатия возникла тогда же. Но затем три года похода, отпуск — и вот снова увидел и... влюбился всерьез.

Весна в Архангельск приходит позже, чем в Петербург и тем более, чем в родную Вязьму. Но всё же приходит — по-северному неспешно. Еще вчера казалось, что снег никогда не растает и всё будет спать вечным сном, укрытое им надолго, навсегда. Но вот первый луч улыбнулся сквозь облака, и засверкало лазурью апрельское небо. Из равнодушно-бледного и скупого зимнего светила солнце превратилось в ласковое и веселое, щедро разливающее по земле тепло. И вот уже вся природа полнится новой жизнью, и корабельные сосны по берегам Северной Двины согласно шумят в вышине зелеными макушками, и сама река вспухает торосами, гонит обломки льдин на острова, в протоки, в многочисленные рукава и проливы, коих не счесть в дельте, и, наконец, выталкивает мощным потоком в круглый год холодное Белое море.

А на берегу кое-где и травка уже пробивается, на буграх желтые цветочки мать-и-мачехи появились. Хорошо! И птицы поют, и душа вместе с ними, и так тепло на сердце становится! Почему? — Да потому, что ноги сами бегут к ней! И пусть не одни они будут, и разговоры кругом, ну что ж, когда о кругосветке спрашивают, он сам поражается — как говорлив, как находчив в словах становится! Пожалуй, не узнал бы его сейчас Дмитрий Завалишин, а любезный друг Михайло Рейнеке только головой бы покачал. И балы в Англии, и наряды испанцев, и туземцы — всё интересуется архангелогородских дам. Офицеры спрашивают об английском флоте и революции в Бразилии, о переходе через экватор и форте Росс. И говорит он, и на

вопросы отвечает, а видит лишь ее, и рассказы — только для нее. И одна мысль, одна мечта: чтобы так было всегда и никогда не заканчивалось.

А когда наступает пора белых майских ночей и они вы светляют всё вокруг так, что и читать можно, — уже никому в доме не сидится, все будто заражены любовной горячкой, не один Павел Степанович. По набережной Северной Двины фланирует народ, лодки с кавалерами и дамами снуют на Мосеев остров — только успевай у причала их подавать.

Наверное, мы никогда не узнаем, кто была возлюбленная лейтенанта Нахимова. Скрыл застенчивый Павел Степанович ее имя. Может, оно и к лучшему — тем лишил нас, потомков, возможности трепать его. Но признанием своим опроверг досужие вопросы: отчего Нахимов остался холост? Не успел влюбиться, занятый службой? — Да успел, успел, даже голову едва не потерял. И как знать, не выйди «Азов» вскорости из Архангельска, может, и остался бы на берегу, очарованный архангелогородской сиреной. «Кто из нас не был молод? Кто не делал дурачеств?» — как будто не задает он вопросы в письме, а сам на них отвечает — и не одному другу, и нам тоже. Если уж в 24 года не делать глупостей, то когда же еще?..

Не был Нахимов горячим поклонником холостяцкой жизни. Правда, против женитьбы молодых офицеров восставал. «Женатый офицер — не служака», — говаривал впоследствии адмирал. Если же случалось какому мичману влюбиться и высказать намерение жениться, его тотчас отправляли в дальнее плавание — чтобы поостыл¹⁰².

Но когда Нахимов уже был в возрасте, то нигде так часто не бывал, как в доме адмирала Корнилова; там царили покой, семейное тепло, звенели детские голоса — и это влекло Павла Степановича. Да он и сам об этом не раз говорил. Достаточно прочесть его письма из Германии, которые дышат любовью и трогательной заботой о маленькой племяннице Александре: «Здорова ли, весела ли моя несравненная Сашурка? Начала ли ходить, говорит ли, привита ли ей оспа, проколоты ли уши для сережек? Часто ли ее выпускают гулять? Ради неба, держите ее больше на свежем воздухе. Во всей Германии детей с утра до вечера не вносят в комнату, и оттого они все красны, полны, здоровы».

Не одним здоровьем малышки был он озабочен — размышлял и о ее развитии: «С такого раннего времени в милой Сашурке раскрывается так много ума, и если физические силы ее не будут соответствовать умственному, то девятый

и десятый годы возраста будут для нее горестными»¹⁰³. Как будто не капитан 2-го ранга пишет письмо, а опытный педагог начальной школы. Откуда столько знаний о воспитании детей? — Ответ напрашивается сам собой: родился и вырос в большой семье, общение со старшими и младшими братьями и сестрой да природная наблюдательность — вот источники его педагогических познаний.

Да, своей семьи Нахимов не создал. Но разве он один? Вон друг его Рейнеке — тоже остался холост. Причин мы не знаем, и нужды копаться в том нет. Одно известно: семейное тепло и уют большого дома он очень ценил и детей любил. Бывало, в самые тяжелые минуты только одни мечтания о них поддерживали его: «Знаете, что она (племянница. — *Н. П.*) всего более меня занимала в моем горестном и болезненном одиночестве, что она создала для меня новый род наслаждения — мечтать, наслаждение, с которым я так давно разнакомился, и тем привязаннее я стал к ней, что ее жизнь, может быть, сохранила мою». И заботы, и любовь перенес на племянницу — Сашурку.

В письме, адресованном Рейнеке и датированном январем 1827 года, Нахимов оказался разговорчив как никогда — три листа исписал. И морских новостей в нем против обыкновения мало, только в постскриптуме место для них нашлось. Полушутя поведал, как днем, без волнения на море, вдруг сломался грот-марса-рей: «Выхожу я с седьмого до первого (часа) на вахту сменить Шемана, спрашиваю: что сдачи? Он говорит, что шлюп отстает и он по приказанию капитана взял первый риф. Марсафал был не очень туго поднят, я спрашиваю: “Больше ничего?” В это время сломился грот-марса-рей. “А вот вам еще сдача”, — отвечает он». Наверное, кто-то раньше надломил, поднимая паруса, посчитал Нахимов.

В Скагерраке прихватил крепкий северо-западный ветер. В Швеции успел съездить в Гетеборг, истратил денег не меньше, чем в свое время в Лондоне, впрочем, об этом не жалеет: «Пробывши долгое время в море в беспрестанной деятельности, можно ли, ступивши на берег, отказать себе в чем-нибудь, что доставляет удовольствие?» На три дня заходили в Копенгаген. В Кронштадт пришли 19 сентября 1826 года.

Здесь корабль посетил император, и об этом лейтенант Нахимов написал подробнее — не каждый день бывают такие высокопоставленные гости: «Корабль ему очень понравился. Он велел все строящиеся корабли отделявать по

примеру «Азова»». Значит, не зря трудились в Архангельске! И вообще Нахимов остался доволен кампанией, назвав ее *приятной*. И офицерская команда подобралась замечательная, никаких разногласий не случилось. А уж капитан Лазарев! «Надо послушать, любезный Миша, как все относятся о капитане, как все его любят. Право, такого капитана русский флот еще не имел». Поэтому Павел советует другу: «...ты на будущий год без всяких отговорок изволь переходить в наш экипаж, и тогда с удовольствием моим ничто не в состоянии будет сравниться».

Нигде так не открывается человек, как в кругу близких, и ни с кем он так не откровенен, как с друзьями. Рейнеке — не просто хороший знакомый, он живо интересуется всем, что касается Нахимова, в долгой разлуке тоскует о нем, сетует на отсутствие писем, порой выговаривает любя. Потому и замечает то, что, может быть, пока не видят остальные. «В письме твоем к Станицкому ты сказал: вижу, что Павел скоро будет выше нашей сферы. Что ты разумел под этими словами? — спрашивает Нахимов и по скромности своей разуверяет друга. — Если это то, что я понял, то я очень далек от того. Во-первых, потому, что не заслуживаю, во-вторых, что не так счастлив. Но если судьба меня и возвысила, то не всегда ли мысли наши с тобой были одинаковы о таком человеке, который, возвыся свое состояние, забывал тех, которых искал прежде расположения. Не всегда ли такой человек казался нам достойным полного презрения?»

Ответом на размышления Нахимова о поворотах судьбы стали дальнейшие события. Правда, испытание пришлось пройти не славой — она ждала его впереди, — а, наоборот, бесславию.

Едва «Азов» успел бросить якорь на рейде Кронштадта, как всех офицеров, кто ходил в кругосветку, вызвали на допрос.

Допрос

Когда следствие по делу 14 декабря уже было завершено, приговор оглашен и осужденные сидели в крепости, ожидая этапа в Сибирь, на Дмитрия Завалишина поступил донос. Его обвиняли в государственной измене, связях с иностранными правительствами и получении денежных средств «для произведения смут в России». Это обвинение вело уже не в Нерчинские рудники, а прямо на эшафот.

Обвиняемый потребовал очной ставки с автором доноса. К его ужасу, им оказался его младший брат Ипполит. Что же заставило того донести на брата?

Сам Завалишин объяснял так: «...когда я прибыл в Петербург из Америки в 1824 году, то нашел его запутанным в одно из таких дурных дел, которое грозило ему позорным наказанием и выключкою из училища в том случае, если не будет уплачена довольно значительная сумма». Дмитрий выплатил долг брата, простил ему участие в неблагоприятной истории, но потребовал изменить образ жизни и взяться за ум.

Обещание-то «непутевый Ипполит» дал, вот только выполнять его не торопился. Вскоре Дмитрий оказался в крепости. Если он осужден, рассудил младший брат, то любое показание против него следственная комиссия примет за истину и нового расследования не будет, а после казни брата юнкер получит большую часть наследства. В общем, вечная история Каина и Авеля, помноженная на денежные затруднения.

Ипполит часто бывал у брата дома, видел у него на столе бумаги на иностранных языках, счета, векселя — ведь Дмитрий в кругосветке управлял хозяйственной частью, а по окончании экспедиции готовил отчет. Ипполит решил, что для доноса этих документов будет достаточно, разбираться всё равно не станут, и приплел их в качестве доказательства.

Однако разбираться стали, и самым тщательным образом. Цесаревич Константин Павлович после подавления восстания советовал брату Николаю из Варшавы: «Нужно разыскивать подстрекателей и руководителей и, безусловно, найти их путем признаний со стороны арестованных. Никаких остановок до тех пор, пока не будет найдена исходная точка всех этих происков...» Да и сам император, по собственному признанию, собирался «дойти до дна озера»¹⁰⁴. Выступление декабристов Николай считал следствием революционной заразы, навеянной с Запада: «Смерть императора была предлогом, а ни в коем случае не причиной только что подавленного восстания. Замышлялся этот заговор уже давно, покойный император знал и относил его к 1815 году, когда несколько революционеров, зараженных революционными идеями и неопределенным желанием улучшений, стали мечтать о реформах и подготавливать обширную конспирацию. Мой брат Александр, оказывавший мне полное доверие, — часто говорил мне об этом...»¹⁰⁵

1826 года Сентября 28 дня ^{Трет.} лейт-
тенанту Нахимову вопросы следующие.

Место какъ вы находимся на фрегате
Крейсеръ, на какомъ вые мостке бывали с лей-
тенантомъ Дмитриемъ Завалишинымъ, и при какомъ
случае были въ одной каюте, и действительно
были ли при этомъ другой дефинитивъ свиданъ со
срочникомъ — то и предъставьте отъ себя от-
кровенно и опредѣлительно показанія на
предшествующемъ вопросе.

1^е

на 1^е

Вы и Нахимовъ ^{Трет.}
тогда были высланъ въ
Завалишинъ на де-
ше, Нахимовъ и, какъ
онъ говорилъ, захватилъ
его въ каютѣ, — и затѣмъ
на дефинитивъ свиданъ съ
нимъ Завалишинъ такъ, такъ,
пошею и дробились. —
Вопросите: како должно
было быть на баржу? Въ
случае и съ Завалишинымъ
какимъ образомъ? Какое
за рода были отъ? Не
кончили вы отъ отъ
тамъ въ последствии де-
финитивъ свиданъ, отъ
каю, съ Нахимовымъ и чрезъ каю-
— какъ каюте захватилъ ва-
шимъ Завалишинъ въ отъ
въ дефинитивъ Завали-
на въ Нахимовъ

Мы были на берегу у деи, и 5 деи 1826 г.
въ Лондонѣ, употребилъ о свиданьи два
раза, и при этомъ былъ попутно и отъ. Во
всѣхъ случаяхъ свиданья были негласны
отъ Завалишинъ, посылалъ отъ,
трактиръ, и другія нужныя слона,
но съ нами не было свиданья с какою-
бы то ни было свиданья Завалишинъ и каюте
мы въ каюту, или о томъ каюте
отъ получалъ отъ хоро дефинитивъ свиданья;
напротивъ каюте что мы отъ каюте
каю не было. Все свиданья каюте Лондонѣ
были въ свиданьи французомъ, каюте,
но не Завалишинъ свиданья Завали-
шинъ Завалишинъ.

Лейтенантъ Нахимовъ
Полковникъ Дмитрийъ Завалишинъ

Протокол допроса лейтенанта Нахимова по делу декабриста
Дмитрия Завалишина. 28 сентября 1826 г.
Государственный архив Российской Федерации. Публикуется впервые

В этом контексте становится понятен пристальный интерес императора к доносу юнкера Ипполита Завалишина.

Николай I поручил расследование командиру лейб-гвардии Гусарского полка В. В. Левашову — тому, кто вел допросы арестованных декабристов. Предстояло опросить всех, с кем Завалишин был в кругосветке; но на тот момент они оказались в дальних командировках, и расследование затянулось на долгих четыре месяца. По поводу каждого офицера делался запрос в Главное адмиралтейство, где выясняли его местонахождение; едва он сходил на берег, его препровождали на допрос.

Первыми дали показания капитан-лейтенант Никольский и капитан-лейтенант Матвей Муравьев — бывший правитель русских колоний в Америке, находившиеся в Петербурге. 19 сентября 1826 года на кронштадтский рейд прибыл «Азов», и на допрос вызвали лейтенантов Анненкова, Лутковского, Нахимова, мичманов Бутенева, Домашенко, Павла Муравьева, Путятин и, наконец, самого капитана 1-го ранга Лазарева. О содержании доноса уже было известно по слухам, о новом деле против Завалишина тоже, так что у офицеров была возможность сговориться перед допросом. Тем не менее они прекрасно понимали: для них от показаний на допросе зависит дальнейшая карьера, для Завалишина — жизнь. Материалы допросов сохранились в архиве, никогда прежде не публиковались, и о том, что Нахимов был привлечен к следствию по делу декабристов, ранее известно не было¹⁰⁶. Поэтому приводим текст его допроса полностью:

«1826 года сентября 28 дня г-ну лейтенанту Нахимову
2 вопросные пункты:

Так как вы находились на фрегате Крейсер, на коем был также бывший лейтенант Дмитрий Завалишин, и притом жили с ним в одной каюте, и следственно более нежели кто другой должны знать его действия — то и требуется от вас откровенное и определенное показание на нижеследующие вопросы».

С кого начинать допрос, как не с товарища по каюте? Два года бок о бок; не то что действия — намерения известны. Потому следственная комиссия и допрашивала его первым.

«1. Вы и мичман Бутенев были вместе с Завалишиным на берегу Англии и, как он говорит, неразлучны с ним,

следственно должны знать все его знакомства там, сношения и действия. Сколь долго вы были на берегу? С кем и где Завалишин имел сношения? Какого рода были оне? Не получал ли он там или впоследствии денежных сумм, от кого, сколько и через кого? — наконец скажите всё, что знаете в отношении и действиях Завалишина в Англии».

Ох, какое искушение отказаться от *неразлучной* дружбы — ведь Завалишин уже объявлен государственным преступником. Конечно, Нахимову не говорят «ты», как Завалишину, он не обвиняемый — свидетель, но кого хоть раз допрашивали, признается: ощущение не из приятных. А Нахимова допрашивали по делу о государственной измене.

«Мы были на берегу 7 дней, и 5 дней из них в Лондоне, употребив остальные два на путь из Портсмута и обратно. Во всё время мы действительно были неразлучны с Завалишиным, посещали театр, трактир и другие публичные места, но я ничего не мог заметить о каких-либо новых сношениях Завалишина с кем-либо из иностранцев, или о том, чтобы он получал от кого денежные суммы, напротив, кажется, что ни того, ни другого не было. Все сношения наши в Лондоне были с аббатом, французом, которого, по незнанию английского языка, взяли мы за переводчика».

Сдержанно, достойно, нет и попытки отрицать близкую дружбу. Об этом аббате говорили все офицеры. Однако Нахимов ничего не сказал о встречах Завалишина в Лондоне с русским послом графом Семеном Романовичем Воронцовым, хорошо знавшим его отца, о балах, где бывал Завалишин, в частности у зятя Воронцова лорда Пемброка. Много ли храбрости нужно, чтобы скрыть эти сведения? — Кто сомневается, что на допросе можно вести себя иначе, может почитать ответы декабристов во время следствия, опубликованные в двадцати томах: подследственные в подробностях говорили не только о том, что было, но даже о том, чего не было и быть не могло.

О письме с планом присоединения Калифорнии, которое Завалишин отправил из Лондона императору Александру I на Веронский конгресс, Нахимов вряд ли знал. Завалишин и сам оценивал свой поступок вполне трезво, считая, что он «мог стоять мне потери всей карьеры, а может быть, и вечного заточения, если бы меня сочли за сумасшедшего».

«2. Что известно вам о споре Завалишина с капитаном Лазаревым? И о намерении его остаться в Англии?

— Я ничего ни о споре, ни о каких-либо неприятностях между капитаном Лазаревым и Завалишиным не слышал».

Причин для споров было много, в мемуарах Завалишин упоминает о двух случаях, и оба касаются расходования казенных средств. А еще бунт команды, бегство нескольких матросов на берег, неприятности с лейтенантом Кадыаном, да мало ли что наберется за два года похода! О столкновениях между Лазаревым и Завалишиным знали все офицеры, но ни один, как и Нахимов, не свидетельствовал ни против своего капитана, ни против Завалишина.

Что же касается намерения Завалишина остаться в Англии, то на допросе Лазарев вполне определенно высказался на этот счет: «Завалишин никогда не изъявлял желаний остаться в Англии, и даже признаков оного я никогда в нем не замечал. Впрочем, если б он имел желание сие, то легко бы мог оно исполнить, ездив в Лондон». Действительно, возможностей было не счесть. Сам Завалишин объяснил происхождение слухов о намерении перейти на службу в другое государство так: «Во время пребывания нашего в Бразилии случилось одно происшествие, сильно напугавшее моих родных пустыми слухами... У него (бразильского императора Педру I. — *Н. П.*) был недостаток в хороших морских офицерах, и незадолго перед тем лейтенант английского флота Тайлор перешел к нему на службу командиром корвета. Видя отличие, которым я пользовался на фрегате, дон Педро вздумал предложить и мне поступить тем же чином, что и Тайлор, в бразильскую службу. Разумеется, я отказался, но дело огласилось и, дойдя до России в превратном виде, встревожило моих родных, пока полученные от меня письма не разъяснили им, что именно подало повод к слуху...»

«3. Во время пребывания в Бразилии какие и с кем были отношения Завалишина?»

— Завалишин бывал у нашего вице-консула Кильхина и однажды у генерального консула Ламсдорфа. Особых сношений Завалишина с кем-либо в Бразилии я не заметил».

Нахимов называет только всем известные встречи. Но уж если слухи о предложении Завалишину перейти на службу к бразильскому императору достигли Петербурга, то товарищ по каюте, конечно, не мог не знать о них. Знал — но не сказал, чтобы не навредить другу.

«4. В чем состояли связи его с Лилиенгеком, находившимся тогда при Бразильском императоре? Что известно вам о сем Лилиенгеке? Действительно ли он изъявил сильное желание возвратиться в Россию? Не говорили ли вы о нем Завалишину и вследствие какого разговора? Что отвечал он на сие?»

— Лилиенгек приехал в Бразилию в то время, когда мы были там, возвращаясь из Калифорнии, следовательно, Завалишин не видел его (Завалишин был вызван в Петербург, когда фрегат находился у берегов Русской Америки, и возвращался посуху через Сибирь. — *Н. П.*). О Лилиенгеке известно мне, что он был в русской службе и разжалован за делание фальшивых ассигнаций, равно слышал, что он хотел возвратиться в Россию. Впрочем, не зная ни одного иностранного языка, кроме французского — я не говорил сам с Лилиенгеком, и потому мне о нем весьма мало известно. Не помню, сказывал ли я о нем Завалишину, но думаю, что нет, ибо со времени возвращения с похода я виделся с ним всего два раза».

Этот Лилиенгек — личность мутная, известно о нем немного, но на роль вербовщика и иностранного агента он, по мнению следователей, вполне годился.

«5. С кем наиболее Завалишин был в сношениях в Калифорнии?»

— В порте С. Франциска, в коем мы стояли, Завалишин был знаком с комендантом оного Доном Игнацио. Впрочем, он ездил в разные миссии к монахам. Но имел ли он с ними какие связи и в чем они состояли — мне совершенно неизвестно.

6. Какие средства употреблял он к снисканию привязанности войска и народа? Кто способствовал ему в том? Достаточно ли было на сие жалования его, или издержки, деланные им, Завалишиным, превышали оное?»

— Снискание привязанности жителей состояло в подарках, которые он делал им, и на кои слишком достаточно было получаемого им тогда на фрегате содержания. Немало ему способствовало в сем случае и знание испанского языка. Я не заметил, чтобы Завалишин получал откуда-либо денежные пособия».

Смысл вопросов понятен: был ли Завалишин иностранным агентом? И не создан ли заговор 1825 года за границей? Завалишин вспоминал, как во время допроса следователи с торжествующим видом показали ему бумагу «на неизвестном никому языке», содержащую «огромные цифры». «Это

просто трактирный счет, — отвечал я, смеясь, — на провизию, поставляемую для офицерского стола, символические знаки — вывеска трактира, неведомый язык — португальский, а цифры огромны оттого, что в Бразилии счет идет на мариведисы, которых в пиастре считается около тысячи, немного более или менее, смотря по текущему курсу».

Может быть, Завалишина вопросы и развеселили, а вот только что взошедшему на престол императору было не до смеха. Напомним, казненный в июле 1826 года К. Рылеев служил правителем канцелярии Российско-Американской компании, на его служебной квартире часто собирались заговорщики, и отношение императора к РАК было, мягко говоря, настороженным. Известна реплика Николая I: «Тото хороша собралась у вас там компания!» — сказанная, когда он увольнял со службы одного из чиновников РАК.

Офицеры «Крейсера», разумеется, знали о поездках Завалишина по Калифорнии — он ездил за покупками по распоряжению капитана. Знали и о переписке с настоятелем католической миссии Сан-Франциско Х. Альтамирой, комендантом Санта-Барбары Х. А. Нориегой, некими И. Мартинесом и падре Томасом — их имена были названы на допросах. С какой же целью вел Завалишин столь обширную переписку? В статье «Калифорния в 1824 году», напечатанной после возвращения из ссылки, он подробно рассказал о предложении своим адресатам вступить в «Орден восстановления», произвести в Калифорнии переворот, сместить главу провинции Л. Аргуэльо («Дона Лудовика») и присоединить Калифорнию к России.

Анненков, Куприянов и Лутковский наверняка знали об этом плане; возможно, что-то знал и Нахимов. Но ни одной подробности, ни одного имени, кроме коменданта Сан-Франциско, он не назвал. Почему — нетрудно догадаться: чем больше информации получит следствие о кипучей деятельности Завалишина, тем тяжелее будет его участь. И потому так кратки ответы Нахимова:

«7. Не припомните ли какого обстоятельства, по которому бы с большею или меньшею вероятностью можно было предположить о сношении Завалишина с кем-либо из иностранцев, как во время вояжа, так и после?

— Кроме вышесказанного ничего подобного припомнить не могу.

8. Какие из писем иностранцев, и в особенности живущих в Калифорнии, к Завалишину известны вам, и какое

было содержание оных? Чрез кого оне доставлены? Не доставляли вы сами ему подобных писем, какие и от кого?

— Я сам не доставлял Завалишину ни одного письма от иностранцев, но возвращаясь в Россию, слышал от мичмана Муравьева, что он имеет письмо (или письма, сего припомнить не могу) к Завалишину. Содержание оных мне совершенно неизвестно.

Лейтенант Нахимов 2-ой
Генерал-лейтенант Левашов»¹⁰⁷.

Мичман Муравьев рассказал на допросе о трех письмах, которые он доставил Завалишину, и о реакции адресата — тот был очень расстроен, что писем мало и нет от Альтамыри и Нориэги. Значит, план создания «Ордена восстановления» в Америке потерпел крах.

Следователи внимательно прочитали бумаги Завалишина, выслушали его ответы на допросах, сравнили показания капитана Лазарева и всех офицеров фрегата и пришли к выводу: «Завалишин не был ни агентом, ни под влиянием какой-либо иностранной державы или партии... он сделался злодеем уже в России». Приговор государь оставил без изменения, «непутевого Ипполита» осудили за ложный донос на брата и разжаловали в солдаты, но без лишения дворянства.

До сих пор мы говорили только о том, что разделяло Нахимова и Завалишина. Но что-то же, помимо любви к морю и морской службе, объединяло их раньше?

Хранящиеся в архиве допросные листы офицеров фрегата дополнены бумагами, изъятыми у Завалишина при обыске¹⁰⁸, — это статьи и заметки по разным поводам. Вот названия некоторых из них: «Об усилении селения Росс, основанного в 1812 г. Российско-Американской компанией на северо-западном берегу Америки», «О необходимости воспрещения гражданам Соединенных Штатов приближаться к острову Ситхи», «О конвенции России и Англии от 16 февраля 1825 г. о свободном мореплавании, торговле и рыболовстве в Тихом океане», «О необходимости перевести главную факторию наших американских колоний из Новоархангельска в гавань Св. Павла», «О необходимости устройства внутреннего управления северо-американских колоний».

И это только заметки, посвященные Русской Америке. А есть еще «О воспитании флотских офицеров», «О пользе заведения корабельных верфей в Казани и Финляндии» и многие другие — более двадцати листов архивного дела.

Если вынести за скобки амбиции Завалишина и его юношескую любовь к тайным организациям, перед нами предстанет человек горячий, искренне радеющий о флоте и престиже страны. Ведь план, предложенный им Александру I, не сводился к критике, но содержал вполне обоснованные предложения перенести главный вектор внешней политики России из Европы на Дальний Восток и Тихий океан, где, по мнению не только декабристов, но и таких государственных мужей, как адмиралы Мордвинов и Шишков, находилось будущее России. Кроме присоединения Калифорнии Завалишин предлагал занять Амур, Сахалин, а если будет возможно, то и Сандвичевы острова* — только так можно утвердить морскую мощь России.

Вся жизнь этого человека и в ссылке, и по возвращении была проникнута самыми разнообразными общественными заботами; недаром братья Бестужевы в шутку называли его «наш Пик-Мирандоль**» и «l'omniscient*** Завалишин».

Спустя годы он сохранил эти качества и всё так же поражал знавших его широтой интересов. Свои впечатления о встрече с ним в 1860 году записал писатель-народник С. В. Максимов: «...никто, идущий на Амур и обратно, не обходил оригинального и уютного домика». Там Завалишин по-сибирски приветливо принимал знакомых и незнакомых, угощал собственноручно выращенными огурцами, вишнями, дынями и арбузами, потчевал домашними сливками «поразительной густоты и аромата». Внимательно слушал собеседника и сам занимательно рассказывал о жите своих товарищей в Чите и Петровском заводе. Поражал его облик: «...среднего роста, сухой и подвижный старичок, судя по возрасту (уже тогда под 50 лет), по внешним

* Речь идет о Южных Сандвичевых островах в Южной Атлантике. Имя их первооткрывателя неизвестно. В 1775 году Джеймс Кук назвал их в честь Первого лорда Британского адмиралтейства Дж. М. Сандвича. Полностью острова были исследованы в 1819 году экспедицией Ф. Ф. Беллинсгаузена и М. П. Лазарева, установившей, что это архипелаг, и названы Южными Сандвичевыми островами (в отличие от Сандвичевых, как до конца XIX столетия называли Гавайи). Несколько островов были названы именами членов экспедиции — Лескова, Завадовского и Торсона, а архипелаг из трех островов — именем тогдашнего российского морского министра де Траверсе.

** *Джованни Пико дела Мирандола* (1463—1494) — итальянский гуманист эпохи Возрождения.

*** *Всеведущий (фр.).*

приемам и по виду казавшийся нервным юношей. Только глубокие морщины на лице выдавали следы тяжело прожитого прошлого, и русый паричок не скрывал следов долгих лет, проведенных в неустанных умственных занятиях». При этом он сохранил не только стройность фигуры и военную выправку, но и юношеский интерес ко многим вещам: «...сельская жизнь одинаково увлекала его живую натуру, как и книги, и литературные занятия, посвященные на этот раз исключительно Амуру и судьбе выселенных туда забайкальских казаков».

Конечно, от собеседника не ускользнула склонность Дмитрия Иринарховича к хвастовству, но, отмечал он, «рядом с этим, и как заслоняющая ширма, выделяется его и полная отрешенность от всяких личных интересов как черта, ярко рисующая характер всей его деятельности и проходящая красной нитью через всю его жизнь»¹⁰⁹.

Забвение личного ради служения — вот что сближало Нахимова и Завалишина, составляло основу дружбы двух столь непохожих людей. И таким был не один Завалишин — многие ссыльные переживали «за дело общее» и из Сибири внимательно следили за происходящим в стране. Известно, как Николай Бестужев, друг Нахимова и Рейнеке, умирая, всё повторял: «Севастополь, мой бедный Севастополь!» А его брат Михаил называл трех погибших в Севастополе адмиралов — и среди них Нахимова — «высокими образцами» для всех моряков.

Ни Нахимов, ни Рейнеке в тайные общества не вступали, но, как и Завалишин, резко осуждали пренебрежение к национальным интересам России и так же, как он, возмущались казнокрадством и безалаберностью чиновников. Когда в 1843 году была в очередной раз отложена подготовленная Путятиным экспедиция в Китай и Японию, это объяснили недостатком средств. В это же время приглашенному в петербургский театр парижскому басу уплатили десятки тысяч рублей серебром. «Боже мой! Ужели Россия должна страдать от самодержавия! — записал Рейнеке в дневнике. — Деньги эти, сдираемые с бедных русских, бросаются царем на прихоти русских негодяев, вельмож-космополитов... Да! Наш век есть век Людовика XV. Кому-то придется быть XVI и будет ли у нас Наполеон? Эта мысль родилась во мне уже давно!»¹¹⁰

Глава четвертая
НАВАРИН И «НАВАРИН»

В поход!

Письмо, отправленное другу в январе 1827 года, вышло длинным. Вообще-то писать длинные письма было не в обычае у Павла Степановича; видимо, скучна была кронштадтская зима. «Хочешь ли знать, как я провожу время? Начну с того, что я живу один на той самой квартире, где я последний раз расстался с тобой; занимаю те же самые две комнаты, которые убраны просто, но с большим вкусом». Молодые офицеры, жившие, как Нахимов, только на жалованье, квартировали обычно вдвоем или втроем — выходило дешевле. Возможно, эту квартиру Нахимов раньше снимал вместе с Рейнеке.

По воспоминаниям сослуживцев, Нахимов любил порядок и на корабле, и в доме, чистота всегда была «изысканная». Став капитаном, свою каюту он обставлял очень просто, но при этом для других не исключал щегольства. В проекте нового Морского устава в 1851 году Нахимов оставил такое замечание: «...не вижу особенно важных причин, почему бы не дозволить в каютах украшений и некоторой роскоши, не говоря о тех, кто, имея средства, привык к этому на берегу, но, вообще, для всякого, щеголеватого и с возможным удобством убранный каюта, конечно, сделает судовую жизнь более приятною». Его учитель Лазарев, например, держал в каюте модели и чертежи парусников, карты и схемы сражений, редкие инструменты и прочие радующие глаз моряка вещи.

В квартире он оставил всё по-прежнему: «...тут каждое место, каждая вещь напоминает мне тебя, и потому я не хотел ничего переменить». Такие признания в сердечной

привязанности встречаются еще только в письмах родным: «...поторопись утешить своим приездом, вытащить меня из скучного моего уединения, а то я, право, сделаюсь мизантропом».

Распорядок дня офицера был прост: «С семи часов утра до двух после полудня бываю каждый день в должности (я назначен при работах корабля, и, признаюсь, для меня это самое приятное время). В два обедаю, после обеда час положено отдохновению, а остальное время провожу за книгой, никуда не выхожу из дому. Прежде бывал у Стодольского, он в отпуску. Брат едет с партией в Архангельск. Товарищ мой — Бутенев, с которым я жил в отпуску. Итак, видишь, что я совершенно один, очень скучно провожу время...» Значит, лучшая часть дня — та, что посвящена строительству «Азова». А скучать долго не пришлось, и стать мизантропом ему тоже не грозило — надвигалась война.

В мае стало известно, что эскадра под командованием адмирала Д. Н. Сенявина в составе двадцати вымпелов* отправляется из Кронштадта в Портсмут. Среди девяти кораблей — и 74-пушечный «Азов», на грот-мачте которого адмирал поднял свой флаг. Едва молодые лейтенанты узнали в Кронштадте о предстоящем походе, как начали гадать, куда именно пойдет эскадра. Цель похода тщательно скрывалась, что давало простор для предположений. «Молва снаряжает нас в Америку помогать испанцам восстанавливать... упавшее свое могущество», — говорили одни. Другие предполагали, что идут в Средиземное море — это направление было предпочтительнее остальных, поскольку «каждому из нас хочется помогать грекам». Но куда бы ни идти — лишь бы идти. «Плыть хочется!» — любил приговаривать однокашник Пушкина по Лицею Федор Матюшкин.

Запись из дневника Александра Рыкачева, товарища Нахимова: «Наконец-то сбылись наши мечты! Общая радость была невообразимая». А это написал сам Нахимов: «Ты можешь вообразить, каким нетерпением горели мы выйти скорее в море». «Мы» — это однокашники Рыкачева и Нахимова по корпусу и товарищи по гардемаринскому плаванию Новосильский, Станицкий, Лихонин, Бутенев.

* Вымпел — здесь: длинный узкий раздвоенный на конце флаг, поднимающийся на грот-брам-стенге для обозначения национальной принадлежности военного корабля. В переносном смысле число вымпелов обозначает количество кораблей в эскадре.

Не все, как молодые лейтенанты, рвались в бой, женатые офицеры «пригорюнились немного», а кто-то перед походом и отпуск запросил, сославшись на болезнь.

Накануне выхода был проведен смотр кораблям эскадры — и едва не случился скандал: оказалось, паруса слишком тонкие, рвутся. Известие дошло до самого императора, и что же? Начальник Морского штаба Моллер в донесении императору оправдывался, как мог: раньше-де ни один командир корабля на качество парусины не жаловался, парусина та же, что на кораблях, ходивших в кругосветку, и вообще «в российском флоте всегда была употребляема таковая». Император наложил резолюцию: «Стараться впредь лучшей доброты заготовлять...» С тем и вышли 10 июня в поход.

Николай I провожал эскадру и при прощании напутствовал: «Надеюсь, что в случае каких-либо военных действий поступлено будет с неприятелем по-русски»¹¹¹. Это еще больше воодушевило молодежь, сетовавшую, что все великие сражения случились до их рождения и на их век ничего не осталось.

Тринадцатого июня эскадра прибыла в Ревель, 8 июля бросила якоря в порту Копенгагена, где начали устранять повреждения: на одном корабле исправляли крепление якорей, на другом заделывали течь, но это всё были мелочи по сравнению с парусами — те часто рвались «по дурному качеству парусины, нисколько не соответствующей званию своему и настоящей доброте», докладывал Сенявин императору. Высочайшая резолюция была уже иная: «Строжайше расследовать, отчего отпущены паруса худой доброты, нарядив для сего комиссию... и донести немедленно, что открыто». Наверное, комиссия разобралась и даже наказали кого-нибудь, но эскадра-то уже была в плавании...

На переходе из Копенгагена в Англию случилась еще одна неприятность — теперь уже с Нахимовым. О ней известно из приказа по эскадре, отданного Сенявиным 29 июля 1827 года: «Замечено мною, что гг. офицеры употребляют весьма часто во время работы на корабле вовсе неприличные слова, также и то, что на многих кораблях служители употребляют между собой ругательства. Видя, что таковые гнусные изречения нисколько не уменьшаются, для отвращения сего предписываю гг. командирам кораблей, фрегатов и прочих судов приложить всемерное старание, дабы искоренить таковые дурные обыкновения и, в случае неисполнения сего запрещения, взыскивать и наказывать строго. Сверх того, дошло до сведения моего,

что гг. офицеры корабля “Азов”, хотя часто и по усердию к службе, но преступают меры наказания, дозволяя себе, сверх того, в минуту запальчивости ударять людей во время работы своими руками. Поставляя сие на замечание капитану корабля “Азов”, предписываю арестовать на 3 дня капитан-лейтенанта Кутыгина, лейтенанта Нахимова и мичмана Розенберга, сделав им строгий выговор, дабы впредь остерегались подобных поступков»¹¹².

Причиной неприглядного поступка стали, как ни странно, ревностное отношение Нахимова к службе и его исключительная исполнительность. Он ничего не делал равнодушно, полностью отдавался любимому делу, а на «Азове» был сам Сенявин — знаменитый адмирал, герой войны с турками, участник сражения у мыса Калиакрия и штурма крепости Корфу. Как можно перед ним осрамиться? Вот он и старался, как мог...

Морские офицеры в России не только достраивали свой корабль — они должны были вчерашних мещан и крестьян из степной и лесной Центральной России, моря прежде не видевших, превратить в матросов. Привыкание к постоянной качке, обретение устойчивых «морских ног» и сноровки требовали немало времени. Сам Нахимов выучку проходил под начальством Лазарева, жесткое обращение с матросами было в ходу на фрегате «Крейсер». Матросы на «Азове» все были из рекрутов, Нахимов называл их в письме *дурной командой*; грот-марса-рей сломался в безветренную погоду потому, что кто-то прежде его надломил.

При обучении команды каждый офицер проявляет свой характер и темперамент: кто кричит и распекает всех и вся, кто молчит с таким грозным видом, что уж лучше бы кричал. И жесты у всякого свои: «один с досады жмет руками затылок, другой топает ногами, третий швыряет носками кверху, выдeldывая, таким образом, нечто вроде казачка, четвертый с досады натягивает себе фуражку на затылок»¹¹³, а кто-то и руки распускает. За это и получает должное наказание.

Нахимов тяжело переживал происшедшее, даже писать об этом Рейнеке из Англии не стал, только обронил: «...со мной так много случилось на этом переходе неприятного, что письмо мое ничем иначе не могло быть наполнено, как одними огорчениями, и потому я решил не писать». Посоветовал послушать Аполлона Иванова, который «расскажет всё».

Лазарев, видимо, большого значения наказанию своих офицеров не придал — он всегда говорил: «Посидеть на га-

уптвахте не беда». А вот Сенявин, смотревший на воспитание офицеров иначе, написал наставление командующему эскадрой графу Л. П. Гейдену:

«1827 г. 5 августа. Секретно... Весьма важным считаю обратить особенное внимание в[ашего] с[иятельст]ва на обхождение гг. командиров и офицеров с нижними чинами и служителями. Сделанные мною замечания на сей предмет показывают мне, что гг. офицеры имеют ложные правила о рассуждении соблюдения дисциплины своих подчиненных. Нет сомнения, что строгость необходима в службе, но прежде всего должно научить людей, что им делать, а потом взыскивать с них и накладывать [взыскание] за упущение».

Способы обучения известны: ежедневные упражнения, соревнование между матросами, поощрение лучших. Особое внимание Сенявин уделял отношению офицеров к матросам. Если матрос совершил что-нибудь по ошибке, от незнания — иногда следует проявить снисхождение, если умышленно — наказать по уставу. Но ругань и рукоприкладство не красят офицеров и плохо воспитывают команду. Он советует чаще разговаривать с подчиненными, узнавать, чем они живут: кто болен, у кого неприятности, — а не сводить отношения к одному командованию. Если офицеры будут больше знать о жизни матросов, «то сим средством приобретут они к себе их любовь и даже доверенность», которые и в мирное время необходимы, а на войне тем более. «Они должны знать дух русского матроса, которому иногда спасибо дороже всего»¹¹⁴.

Вот такой урок дал опытный моряк Сенявин молодым офицерам. Насколько хорошими учениками они окажутся, покажет будущая война, и оценки будет выставлять неприятель.

Первого августа 1827 года на кораблях зачитали приказ: четыре фрегата и четыре линейных корабля — среди них «Азов» — поступают под командование контр-адмирала Л. П. Гейдена и идут в Средиземное море. Значит, на помощь грекам!

Дипломатическая прелюдия

К тому времени война греков за независимость шла уже шесть лет. Почти каждый день российские газеты печатали новости с Балкан, и они с каждым месяцем станови-

лись всё тревожнее. 10 апреля 1821 года, в праздник Пасхи, константинопольский патриарх Григорий V был повешен на воротах своей резиденции; та же участь постигла в Греции еще семерых митрополитов, обвиненных турецкими властями в организации восстания. «Я предчувствую, что рыбы Босфора будут есть мое тело, но я умру спокойно во имя спасения моей нации», — сказал 75-летний святитель, когда ему предложили бежать из Константинополя.

На следующий год все узнали о чудовищном преступлении турок на острове Хиос. Из 120 тысяч жителей острова были убиты более 25 тысяч православных, католиков и иудеев, младенцев и взрослых, мужчин и женщин, а около 45 тысяч проданы в рабство — в основном молодые женщины и мальчики до двенадцати лет. Примерно 23 тысячи человек бежали с Хиоса, остальных насильно обратили в ислам. Из семисот православных церквей на острове чудом уцелела лишь одна. Эти события потрясли всех, кто сочувствовал борьбе греков за независимость. Француз Эжен Делакруа написал знаменитое полотно «Резня на острове Хиос», в Европе образовывали комитеты в поддержку восставших, собирали деньги, добровольцы из России и других стран отправлялись на Балканы, лорд Байрон на бриге, купленном на собственные средства, прибыл на помощь с вооруженным отрядом. В России только и говорили, что о греках. «Я твердо уверен, что Греция восторжествует, — записал А. С. Пушкин в 1821 году в дневнике, — а 25 000 000 турков оставят цветущую страну Еллады законным наследникам Гомера и Фемистокла».

Восстание распространялось по территории Греции, как пожар в сухом лесу. Особенно успешно греки действовали на море, совершив несколько нападений на турецкие корабли. Пришлось султану Махмуду II обратиться за помощью к своему вассалу, египетскому паше Мухаммеду Али. Оплату за поддержку султан предложил щедрую — территорию Сирии, и Мухаммед Али, не колеблясь, отправил к берегам Греции эскадру под командованием своего приемного сына Ибрахима-паши.

Египетский десант, высадившийся на Пелопоннесе, начал планомерно, город за городом и область за областью, уничтожать греческое население. «От Арты до Лепанта мы не встретили человеческих существ, — свидетельствовали греческие архиепископы, — это обширная пустыня, здесь и там несколько греков, выходящих из скал, представлялись нашим глазам, но они походили скорее на призраки и на

скелеты»¹⁵. Так за короткий срок был опустошен некогда цветущий, густонаселенный край. Все ожидали, что предпримет Россия.

Однако император Александр I не пожелал вмешиваться в греческие дела, считая, что поддержка Греции неизбежно приведет к осложнению отношений с европейскими державами: «...если мы ответим туркам войной, ни одно правительство не устоит на ногах». Османская империя была давним союзником Великобритании и Австрии, и воевать с турками они не собирались, но и позволять России в одиночку помогать грекам тоже опасались, поскольку это могло привести к усилению России на Балканах. Так рассуждали в Лондоне, Париже и Вене; так и сегодня Запад оценивает действия России в XIX веке, называя их «русской экспансией» на Балканах: «Поощряя эти внутренние беспорядки и пытаясь извлечь из них выгоды как политические, так и территориальные, соседние империи — Россия и Австрия — надеялись прибрать к рукам весь Балканский полуостров, а также стратегически важные проливы Дарданеллы и Босфор»¹⁶. Проливы действительно стратегически важные, особенно для черноморских держав. А вот территорий на Балканах Россия никогда не имела — в отличие от Австрии и Османской империи.

Николай I повел более решительную политику в греческом вопросе, чем его брат Александр I, однако и он предпочитал действовать осторожно. В 1826 году в Петербурге Россия и Англия подписали договор, в котором обязались совместно поддержать Грецию и добиваться ее автономии... в составе Османской империи. Конечно, это еще не решение греческого вопроса, но уже первый шаг к нему.

На следующий год к договору присоединилась Франция, новый трактат подписали в Лондоне. При этом было хорошо известно, что Франция энергично помогает союзному Турции Египту, выделяет щедрые субсидии на строительство кораблей, отставные французские офицеры служат в египетском флоте. Имела свои интересы в Египте и Великобритания.

Как пояснял Нахимов в письме, «Лондонский трактат состоит в том, что три двора — русский, английский и французский — согласились восстановить Грецию, избегая, сколь возможно, неприятельских действий с турками, и для того послали свои флоты к берегам Мореи и Архипелага (в то время так называли полуостров Пелопоннес и острова в Эгейском море. — *Н. П.*), чтоб только препятствовать и не

дозволить туркам делать нападений на греков». Офицеры эскадры оказались в самой гуще международных событий. Можно сказать, их руками вершилась история, и потому лейтенант Нахимов живо интересовался происходящим. Его письмо, отправленное Рейнеке 4 ноября 1827 года с острова Мальта, — яркое тому подтверждение: в нем есть и подробности Наваринского сражения, и описание событий ему предшествовавших, что делает документ ценным не только для биографов флотоводца. Собственно, письмо иных сведений и не содержит — и в этом весь Нахимов.

Сражение глазами участников

Когда в июле 1827 года в Лондоне дипломаты подписывали конвенцию, русская эскадра под командованием адмирала Д. Н. Сенявина была уже на пути в английский Портсмут. Как заметил командующий французской эскадрой, «русские опережают дипломатию». Вскоре корабли разделились: часть под командованием контр-адмирала Л. П. Гейдена ушла в Средиземное море, остальные вернулись в Кронштадт. Свой флаг адмирал поднял на «Азове».

В июне Николай I отправил Гейдену предписание: «Вникнув в точный смысл сего (Лондонского. — *Н. П.*) договора... Вы усмотрите, каким образом надлежит Вам измерять поведение и речи Ваши в отношении к Порте и к грекам, так и начальникам эскадр английской и французской». Если миролюбивое понуждение Порты к прекращению истребления греков не увенчается успехом, «соединенным эскадрам предназначено наблюдать строгое крейсирование... чтобы силою воспрепятствовать всякому покушению выслать морем как из турецких владений, так и из Египта какое-либо вспомоществование войсками или судами, припасами противу греческих сил на море или мест, ими занимаемых».

Гейден должен был свои действия согласовывать с командующими двух других эскадр, но при этом негласно оказывать помощь греческому населению — деньгами, порохом и продовольствием. Особо оговаривалось отношение российской эскадры к австрийским кораблям: «...поведение ваше против них должно быть вообще основано на добром согласии»¹¹⁷.

Моряки рассуждали не так, как дипломаты: если объявлен поход — быть войне. Разве можно думать иначе, если ты

молод, горяч и рвешься в дело, чтобы себя испытать? Именно такой настрой легко угадывается в записках участников сражения — лейтенантов Александра Рыкачева и Павла Нахимова, однокашников, вместе плававших гардемаринами на «Фениксе». Первый делал записи непосредственно после боя, позже фрагменты их были опубликованы в газете «Кронштадтский вестник», а к пятидесятилетию сражения изданы отдельной, прекрасно оформленной книгой. Нахимов подробно и обстоятельно рассказал о происшедших событиях в письме, адресованном Рейнеке. Обычно не большой любитель писать, Наваринское сражение он описал в деталях, посвятив ему несколько страниц, что вполне понятно: ведь у берегов Греции он получил боевое крещение.

Для уточнения хода сражения мы использовали также шканечный журнал «Азова», рапорты командующего эскадрой контр-адмирала Логгина Петровича Гейдена и записки его сына Логгина Логгиновича, также участника сражения, лейтенанта на фрегате «Константин»¹¹⁸.

Рыкачев служил на 84-пушечном «Гангуте», но завидовал Нахимову, который был на флагманском «Азове». Впрочем, особо переживать по этому поводу было некогда — теперь обучали матросов у пушек не один, а два раза в день, узнавали друг у друга новости и обсуждали предстоящее сражение. Матросы горели нетерпением — «хотели драться с нехристями».

Первого октября у Ионических островов встретили английские корабли. Командовал эскадрой вице-адмирал Эдвард Кодрингтон, свой флаг он поднял на линейном корабле «Азия». Вскоре выяснилось: пока англичане поджидали союзников, турецкий и египетский флоты успешно соединились у острова Крит (Кандии, как его называли тогда), подошли к западному побережью Пелопоннеса (Мореи), вошли в порт Наварин, где спокойно встали на якоря.

Отчего же англичане позволили египтянам подойти к Пелопоннесу? Во-первых, Лондон отправлял эскадру к греческим берегам не воевать, а подтверждать свое лидерство. Во-вторых, достаточно сравнить силы английского и турецко-египетского флотов: английская эскадра состояла из одиннадцати единиц: три линейных корабля, четыре фрегата, один корвет и три брига. В турецко-египетской эскадре насчитывалось 66 кораблей, вооруженных 2224 орудиями; кроме того, в бухте находилось шесть брандеров, военные

транспорты и торговые суда*. Турецким флотом командовал Тахир-паша, египетским — Мухаррем-бей.

Нахимов уточняет силы турок: «3 линейных корабля, 5 двухдечных фрегатов с 64 пушками, 13 больших фрегатов, от 60 до 36 орудий, 30 корветов, 19 бригов, 31 транспорт с десантом и провизией, которые почти все вооружены (десант, кроме настоящих корабельных команд, до пяти тысяч) и 7 брандеров**».

Принимая во внимание такое соотношение сил и помня об инструкциях Лондона, Кодрингтон решил дожидаться подхода союзников. Однако он не бездействовал — по рассказу Нахимова, «имел переговоры с Ибрагим-пашою, сыном египетского паши, главнокомандующим сухопутными и морскими силами; требовал от него от имени трех дворов в силу Лондонского трактата, чтобы он непременно оставил Наварин и возвратился обратно в Александрию и что в противном случае дойдет дело до неприятельских действий».

Но не для того египтяне и турки объединились, чтобы уходить от берегов Пелопоннеса, учитывая большой перевес в силах. Ибрагим-паша с восточной хитростью ответил, что он без приказа не может решиться уйти из Наварина, «но пошлет бриг в Константинополь испросить разрешения и до тех пор, пока оный не возвратится, не будет высаживать войск на берег, не вышлет ни одного судна в море». Что ему и было дозволено.

Но обещание, данное гяурам («неверным»), можно и нарушить. «...не прошло и трех дней, — сообщает Нахимов, — как коварный Ибрагим изменил своему слову». Англичанам потребовалась свежая вода, и ночью, скрытно от турок, они подошли к острову Занте (Закинфу). Противник не дремал: «Ибрагим, узнавши, сейчас вышел с своим флотом из Наварина и полетел в Патрас (Патры — город на северо-западной оконечности Пелопоннеса. — *Н. П.*)». Там в крепости располагались турецкие войска, которые ждали подкрепления. Едва десант высадился на берег, как снова началось истребление населения. Греки писали, что Ибрагим как будто задался целью опустошить страну; он

* В различных источниках данные о составе сил разнятся. См.: Боевая летопись русского флота. М., 1948. С. 198. Далее данные приводятся по указанному изданию.

** Брандер — судно, нагруженное легковоспламеняющимися либо взрывчатыми веществами, используемое для поджога или подрыва вражеского корабля.

вел войну не только с людьми, но и с самой природой, вырубал виноградники и фиговые деревья. Тактика выжженной земли должна была заставить греков покинуть родные места или подчиниться.

«Кодрингтон, будучи извещен чрез своих крейсеров, немедленно вышел из Занта, догнал его и заставил воротиться обратно в Наварин». Правда, силу англичане не применяли — при численном перевесе турок это было рискованно. Они решили дожидаться подхода французской эскадры, «собраться трем адмиралам, написать к Ибрагиму и требовать от него решительного ответа». Переговоры, требования, обещания... главное — никаких военных действий. Однако подобная тактика не образумила турок, а, наоборот, убедила их в совершенной вседозволенности. Восток хорошо понимает только язык силы.

Второго октября к Наварину пришла французская эскадра из семи кораблей под командованием контр-адмирала Анри Даниеля де Риньи, находившегося на фрегате «Сирена». Российская эскадра состояла из линейных кораблей: 84-пушечный «Гангут», 74-пушечные «Азов», «Иезекииль», «Александр Невский» — и четырех фрегатов: 44-пушечные «Проворный», «Кастор» и «Константин», 36-пушечный «Елена». Даже теперь, когда объединенный союзный флот насчитывал 26 вымпелов с 1298 орудиями, он всё равно уступал противнику и в количестве кораблей, и в боевой мощи.

Едва союзные силы встретились, возник вопрос, кто будет главнокомандующим. По традиции это право должно было принадлежать высшему по чину, то есть вице-адмиралу Кодрингтону. Конечно, Николаю I и французскому королю Карлу X ничего не стоило по такому случаю повысить в звании командующих своими эскадрами, но вопрос решили еще в Лондоне, подписывая договор: оставить командование за английским флотоводцем.

Рыкачев видел Кодрингтона, когда адмиральский катер, доставлявший командующего на совещание, прошел под самой кормой «Гангута»: «Адмирал человек пожилой, высокого роста, имеет фигуру величественную и очень приятное лицо». Кодрингтон имел богатый военный опыт: пришел на флот в 13 лет, отличился уже в первом сражении с французской эскадрой в 1794 году; вместе с Г. Нельсоном участвовал в Трафальгарском сражении, где, командуя линейным кораблем, атаковал испанский флагман; воевал с Наполеоном у берегов Каталонии, в 1814 году во время

англо-американской войны принимал участие в атаке на Вашингтон и Новый Орлеан.

Окончание совещания адмиралов все ждали с нетерпением. «Они, — писал Нахимов, — решили послать ноту к Ибрагиму, в которой упрекали его в вероломном нарушении данного им слова и требовали, чтоб он немедленно оставил Наварин и возвратился обратно в Александрию. Но он не принял ноты под предлогом, будто его самого нет в Наварине, а без него никто не смеет принять оную. Итак, ты видишь, что турки никак не хотели иметь дружеских сношений».

Интересно замечание английского мичмана Гарри Кодрингтона, сына главнокомандующего, о поведении турок при появлении русской эскадры: «Любопытно было наблюдать, как турки удалялись от русских судов и держались нашей подветренной стороны. Когда русские суда приближались к ним, они тотчас же сторонились и бежали в нашу сторону: что-то зловещее виделось им в русских судах»¹¹⁹.

Память о сражениях с русским флотом еще была свежа, зловещим видением для турок могли быть тени адмирала Г. А. Спиридова, моряки которого уже брали крепость Наварин (1770), или грозного Ушак-паши, как они называли Ф. Ф. Ушакова, разбившего османские корабли у мыса Калиакрия (1791).

Между тем офицеры обсуждали возможные сценарии дальнейших событий. Кто-то считал, что вход трех эскадр в бухту — единственный способ заставить турок подчиниться; другие называли эти действия «сумасбродством». «Представь себе вход шириною менее мили, — описывал Нахимов место будущего сражения. — По обеим сторонам оно были устроены крепости, которые имели 125 больших орудий. 30 из оных действовали в центре губы, а остальные обращены на вход; войдя же, ты должен сражаться с гораздо многочисленнейшим флотом, лежащим фертоинг с шпрингами* в виде полумесяца...»

Это давало туркам возможность атаковать немедленно. С запада вход в бухту прикрывал остров Сфактория с береговой артиллерией, с востока — крепость Наварино, защищенная батареей. Таким образом, корабли, входившие

* Бывший моряк Владимир Даль так объяснял в своем словаре положение судна «фертоинг со шпрингами»: «...стояние его на двух якорях для удержания в нужном положении».

в бухту, еще до сближения с противником попадали под перекрестный артиллерийский огонь.

Добавим, что диспозицию турецко-египетского флота в виде полумесяца разработал французский капитан Летелье, который состоял на службе у египтян. В первую линию он поставил большие линейные корабли и фрегаты с обращенными в центр орудиями; во вторую, ближе к берегу — корветы и бриги, интервалы между ними заполнил судами третьей линии — транспортами, на флангах расположил брандеры. При такой диспозиции все входившие в узкую (шириной менее двух километров) бухту корабли противника подвергались массированному обстрелу. Всё это, при численном превосходстве противника, делало план по входу в бухту действительно сумасбродным. Каково же мнение Нахимова? Этого мы не знаем. «Но было решено идти», — лаконично заключил он.

Бесконечно блокировать турецкий флот в Наваринской бухте было нельзя — наступал октябрь, а с ним и пора штормов. Англичане и французы вообще считали, что зимой блокада будет невозможна. Но и уходить тоже было нельзя: стоило эскадре покинуть берега Пелопоннеса, как турки снова продолжили бы истреблять население. Поэтому, докладывая Л. П. Гейден императору, «мы решились единогласно войти в порт Наварино, дабы принудить нашим присутствием Ибрагима-пашу... не предпринимать никакого движения против Греции».

«Сегодня наш капитан (командир линейного корабля «Гангут» капитан 2-го ранга А. П. Авинов. — *Н. П.*) обедал у адмирала и привез нам много приятных новостей: первое, что Кодрингтон, в случае упорства турок, хочет атаковать их в самой губе, где они очень хорошо укрепились, но чем труднее, тем славнее будет дело...» — сообщает Рыкачев. В тоне записей Рыкачева и в письме Нахимова нет и тени сомнения, что сражение должно было состояться, и не потому, что они писали уже после события. Мысль, что можно войти в бухту и не сражаться, похоже, никому из русских моряков не приходила в голову.

Седьмого октября эскадры «крейсировали в виду Наваринской крепости», записано в шканечном журнале «Азова». Там же сообщалось, что «в отдаленности от нас к N (норду, то есть северу. — *Н. П.*) лавирующих австрийских бригав 6». Этот австрийский нейтралитет так сильно походил на разведку в пользу турок, что в конце концов англичане взяли в плен австрийский бриг, а его капитан весь сле-

дующий день вынужденно провел на флагманском корабле «Азия», наблюдая сражение.

«В начале 1-го часа (пополудни. — Н. П.) от нас сигналом было велено всей эскадре поворотить оверштаг». При повороте на левый галс на «Александре Невском» разорвалось два паруса, на «Проворном» и на «Гангуте» треснули мачты; через три часа при повороте на правый галс лопнул марса-шкот на флагманском «Азове». Пришлось устранять повреждения.

Ну как тут не вспомнить скандал с парусиной в Кронштадте! Видно, не только паруса, но и древесина для мачт, и пенька для канатов были поставлены недобросовестными подрядчиками. Злым эхом отзывались теперь казнокрадство и получение взяток при распределении подрядов.

Особенно обидно было нашим морякам видеть, что стоявший здесь же английский флот, делавший такие же повороты при тех же ветрах, не терял ни парусов, ни мачт, их такелаж и рангоут были заметно лучшего качества. Видимо, в Англии бревна и парусина не гнили по десять лет в береговых магазинах, как в Кронштадте, а своевременно обновлялись, чего требовали рачительные капитаны вроде Лазарева.

«У русских были прекрасные большие корабли, смотревшие[ся] с иголочки, — так описывал увиденное моряк с английского корабля «Генуя», — прочно построенные и чисто выкрашенные, но с необыкновенно тяжеловесным такелажем, и это придавало им неуклюжий вид»¹²⁰.

Когда эскадры трех стран «шеголяют маневрами» друг перед другом, офицеры, конечно, сравнивают оснащение кораблей, их внешний вид, но более всего скорость выполнения команд — она свидетельствует об опыте командира и о выучке и сноровке экипажа. Когда в 1794 году русские корабли совместно с английскими действовали в Северном море, будущий морской министр Павел Васильевич Чичагов, в те годы командир корабля, тоже сравнивал их: «Все маневрирования английских кораблей делались лучше наших и требовали не более четвертой доли времени, необходимого для нас. Адмирал Дункан со всем своим флотом был уже под парусами, а мы только еще начали распускать наши и сниматься с якоря... При подаче сигнала все марс-зейли* на всём английском флоте были спущены одновременно...

* Марс-зейль (марсель) — прямой четырехугольный парус, ставящийся на марса-рее под брамселем.

Этот маневр, занявший у нас от пятнадцати до двадцати минут, был окончен на английских кораблях в полторы — или, самое большое, в три минуты. Каждый адмиральский сигнал меня волновал и уничижал, настолько сравнение одного флота с другим было не в нашу пользу»¹²¹.

С тех пор прошло более двадцати лет. Многие русские офицеры прошли выучку на английском флоте, участвовали в военных походах, имели опыт кругосветных экспедиций, и теперь лейтенант Рыкачев сделал такие наблюдения: «Вообще наши команды очень мало уступают в проворстве англичанам, а от французов далеко ушли вперед».

И всё же англичане, несомненно, лидировали. «Я люблю видеть, когда какому-нибудь английскому фрегату делают сигнал... фрегат отдаёт паруса и в минуту уже под лиселями* летит исполнять полученное приказание», — признавал Рыкачев. Помнится, создатель российского флота даже тосты провозглашал в честь своих учителей-шведов, побивших русских под Нарвой. У лучших не грех и поучиться, тем более что Великобритания ныне была союзницей России. «Правда, наши с успехом пользуются уроками и в самое короткое время некоторые из наших судов почти ни в чем не уступают англичанам». *Почти* — это из-за качества парусов и такелажа.

А вот мнение главнокомандующего о русской эскадре: «Русский флот, по-видимому, находится в хорошем боевом состоянии, хорошо управляем и расположен охотно идти с нами в руку повсюду. Граф Гейден точно из наших: скромн, искренен и рад действовать под моим начальством»¹²².

Даже в этой в целом лестной оценке видна высокомерная снисходительность моряка самой мощной в мире морской державы. Пройдет четверть века, и бывшие союзники вновь будут воевать — но уже не вместе с Россией, а против нее. И среди тех, кто будет в 1854 году осаждать Севастополь и вводить корабли в бухту Балаклавы, найдется немало моряков, с кем Нахимов когда-то сражался борт о борт в Наваринской бухте. А пока три державы сообща действовали против турок.

Седьмого октября командующий союзными силами вице-адмирал Кодрингтон отдал приказ о начале операции. Нахимов поместил текст приказа в письме другу — «он покажет тебе все распоряжения насчет атаки», приложив соб-

* Лисель — дополнительный парус, ставящийся при слабом попутном ветре в помощь прямым парусам.

ственноручно начерченный план сражения, чтобы Рейнеке смог лучше понять.

«Правила, коими должен руководствоваться соединенный флот при входе в Наварин. Известно, что те из египетских кораблей, на коих находятся французские офицеры, стоят более на SO (зюйд-ост — юго-восток. — *Н. П.*), а потому желание мое есть, чтобы его превосходительство г-н контр-адмирал и кавалер Риньи поставил эскадру свою против их кораблей».

Дело в том, что на египетских кораблях служили отставные французские офицеры, обучали и готовили команды. Чтобы во время сражения не произошло пролития крови соотечественников, де Риньи довел до сведения французов на неприятельских кораблях:

«Господам Летеллье, Бонпару и прочим французским офицерам на турецком флоте. Господа... вы можете встретиться со своим родным флагом. Вы знаете, чем рискуете. Требуя, чтобы вы покинули турецкую службу в минуту, когда оттоманский флот поставил себя во враждебное положение, которого он должен нести последствия, я даю предостережение, которым вам не следует пренебрегать, если вы остались французами. Имею честь и прочее

де Риньи»¹²³.

Расчет Кодрингтона был прост: французы с египетских кораблей по своим стрелять не будут. Любопытно, что на русском флоте союзникам-французам настолько не доверяли, что, когда раздался первый выстрел с французского корабля, говорили: «Стреляли холостыми»¹²⁴. Казалось бы, такого не может быть; но при многочисленности французских офицеров на египетских кораблях подобное суждение не представляется таким уж нелепым.

Вернемся к приказу Кодрингтона: «...я со своим кораблем “Азия” намерен остановиться против него (де Риньи. — *Н. П.*) с кораблями “Генуя” и “Альбион”. Касательно же российской эскадры, то мне бы желательно было, чтобы контр-адмирал граф Гейден поставил оную последовательно близ английских кораблей. Российские же фрегаты, в таком случае, могут занять турецкие суда вслед за сим; оставшиеся английские фрегаты займут те из турецких судов, которые будут находиться на западной стороне гавани в противоположении английским кораблям, а французские фрегаты займут те из турецких фрегатов и прочих судов, которые находиться будут противу французских кораблей».

В те годы основным боевым порядком продолжал оставаться кильватерный строй: противники выстраивались в колонну по одному, по сигналу колонны сближались на расстояние артиллерийского выстрела и обменивались бортовыми залпами. Кто дольше продержится — за тем и победа. Но господствовавшая в XVIII столетии тактика линейного боя уже устарела, Федор Ушаков и Горацио Нельсон решительно ломали строй, ставили противника между двух огней и вообще предпочитали энергичные действия.

Что касается действий артиллерии, то в предыдущем столетии сложилось две школы: английская и французская. Английские канониры старались пробить корпус противника и потопить корабль, французские целились по рангоуту, чтобы обездвижить неприятеля, затем взять его в плен и использовать корабль на своем флоте. Русские комендоры били и по корпусу, и по рангоуту.

При хорошей выучке канониры успевали за три минуты сделать пять выстрелов. Теоретически дальность стрельбы ядрами такого корабля, как «Азов», составляла почти две тысячи метров, однако реальный ущерб наносили с расстояния примерно 500 метров, то есть максимально приблизившись к неприятелю. К тому же прицельным был только первый выстрел, остальные производили уже в пороховом дыму. Так что известный афоризм Нельсона: «Капитан не ошибется, если поставит свой корабль борт в борт с кораблем противника» — говорил о наиболее эффективной тактике обстрела.

В приказе Кодрингтона подчеркивалось: «Ни одной пушки не должно быть выпалено с соединенного флота прежде, нежели будет на то сигнал. Разве только в таком случае, что откроют огонь с турецкого флота, в таком случае те из турецких судов должны быть истреблены немедленно».

Подчеркнем: пять государств, чьи корабли крейсировали близ берегов Греции, — Австрия, Великобритания, Османская империя, Россия и Франция — не находились в состоянии войны, потому инструкции, данные Кодрингтону и де Риньи, предписывали избегать военных действий. Но дипломатия — для дипломатов, инструкции пишут в Лондоне и Париже, откуда турецкий флот виден не так хорошо, как от берегов Греции. Как пошутил Нахимов, «мы должны были ожидать, что Ибрагим нас примет не совсем ласково». И потому Кодрингтон предусмотрел другой сценарий: «В случае же настоящего сражения и могущего случиться

какого-либо беспорядка советую привести себе на память слова Нельсона: “Чем ближе к неприятелю, тем лучше”». Упоминание Нельсона и его афоризма означало, что в Кодрингтоне моряк победил дипломата.

Командующий российской эскадрой Л. П. Гейден прибавил к приказу: «Мне ничего более не остается желать, как того, в чем я и уверен, что всякий из нас будет стараться исполнить свой долг и соделать честь российскому флагу в виду наших союзников».

Для 25-летнего Нахимова это был первый бой. Что ждет завтра, увидит ли он рассвет следующего дня? Ничего не написал он другу о своих переживаниях накануне сражения. Но, думается, не ошибемся, предположив, что чувствовал он то же, что и все молодые офицеры. «...что-то новое родилось между нами, все были между собою как истинно родные, забыв от души, если у кого между собою были малые неудовольствия», — признался Рыкачев. Команда с воодушевлением готовилась к предстоящему сражению, будто новые силы появились: там, где еще вчера восемь человек поворачивали пушку, теперь это с легкостью делали вчетвером: «Наши матросы живы, веселы и только смотрят в глаза своим офицерам, ожидая их приказаний».

Корабельные священники служили молебны, кропили святой водой экипажи и напутствовали «не бояться смерти за веру православную». В кают-компании вечером выпили по рюмке вина, пожелали друг другу увидеться завтра и разошлись по вахтам и каютам.

Восьмого числа в 12.30 с английского флагмана последовал сигнал «Приготовиться атаковать неприятеля», и эскадры двумя кильватерными колоннами начали спускаться в Наваринскую бухту. Английские корабли входили с правой, наветренной стороны, впереди — флагман «Азия»; за ними должны были следовать французы. Российские корабли с флагманом «Азов» под командой М. П. Лазарева шли с левой, подветренной. «Но мы не могли хорошо построить сего ордера», — заметил Нахимов. Почему? — «...ибо французы, будучи под ветром нашей колонны, стали выстраиваться и входить в наветренную».

Кодрингтон дал «Азову» сигнал лечь в дрейф и пропустить французов, чтобы не терять время. «Французы тем задержали нас очень много, отчего мы более прочих претерпели, как увидишь впоследствии», — пояснял Нахимов. Обратим внимание на этот момент перед боем — он действительно будет иметь последствия.

Между тем «Азия» и следовавшие за ней английские корабли уже выстроились с восточной стороны (правого фланга полумесяца), французы подходили к назначенным местам рядом с ними. Левая — западная — сторона предназначалась для русской эскадры. «В совершеннейшем порядке, среди безмолвия и тишины входили союзные корабли; дикий крик слышен был у противников, и приуготовления к сражению видны были на всём их флоте», — написал лейтенант Гейден¹²⁵.

Когда «Азия» только входила в гавань, к борту подошла турецкая лодка с офицером и переводчиком. Офицер объявил, что у него нет никаких приказов относительно союзной эскадры, на что Кодрингтон ответил, что он пришел не получать, а отдавать приказания и после нарушения Ибрагимом слова может теперь истребить весь турецкий флот, если хоть один выстрел будет сделан по кораблям союзников.

Около двух часов пополудни английские корабли убрали паруса и стали на якоря. «Ни одного выстрела не было сделано по ним ни с крепостей, ни с флота», — отметил Нахимов. Капитан английского «Дартмута» отправил шлюпку к турецким брандерам, требуя отвести их как можно дальше от эскадры, и вот тогда по шлюпке открыли ружейный огонь. Лейтенант Фицрой и несколько членов команды были убиты. С «Дартмута» и проходившего в этот момент мимо него французского флагмана «Сирена» раздались ответные ружейные выстрелы. Один из брандеров загорелся. Был ли это тот самый случай, о котором говорилось в приказе главнокомандующего? Похоже, что нет. Ружейная перестрелка могла и не привести к сражению.

Но когда с египетского передового фрегата открыли пушечный огонь, да не по кому-нибудь, а по французскому флагману, тут уж об инструкциях пришлось забыть. Находились ли на египетском фрегате французские офицеры, читали ли они обращение адмирала де Риньи, неизвестно. Но все явно пошло не так, как хотели в кабинетах Лондона и Парижа. «Сирена» ответила пушками. Вслед за тем весь турецкий флот при поддержке береговой артиллерии открыл огонь по стоящим на якорях английским кораблям, «Сирене» и подходившей к своему месту в строю русской эскадре.

Напротив «Азии» оказался корабль командующего египетским флотом Мухаррем-бея. Ни тот ни другой не открывали огня. Кодрингтон отправил к Мухаррему парла-

ментера с объявлением, что против него союзники никаких действий предпринимать не будут. Однако парламентар был убит, и вслед за тем с египетского корабля выстрелили по «Азии». Пушки «Азии» ответили.

Вскоре положение английского флагмана стало опасным: он оказался под перекрестным обстрелом второй и третьей линий турецких кораблей и египетского флагмана. Когда же на «Азии» сбили бизань-мачту и она, упав, накрыла несколько пушек, которые замолчали, — ситуация стала и вовсе критической.

Из письма Нахимова: «В это время наш корабль был в самом входе против крепостей, с которых и всего турецкого флота был открыт огонь... мы немедленно отвечали, и тогда сражение сделалось всеобщим». Вслед за флагманским «Азовом» в бухту вошли «Гангут», «Иезекииль» и «Александр Невский». За ними следовали «Елена», «Проворный», «Кастор» и «Константин». «Таким образом мы прошли всю левую турецкую линию, коей весь огонь был обращен на нас», — писал Нахимов.

В 14.45 «Азов» сделал первый выстрел с левого борта по стоящим у западного берега неприятельским фрегатам, после чего остальная часть эскадры скрылась в дыму у него за кормой. Спустя четверть часа «Азов» занял место, предназначенное ему по диспозиции, и встал на якорь. Напротив него находились неприятельский линейный корабль и два фрегата — один под турецким адмиральским флагом. По ним открыли огонь теперь уже пушками правого борта. Прицельные, следовавшие один за другим выстрелы «Азова» через полчаса дали блестящий результат: с линейного корабля были сбиты все мачты и перебиты канаты. Когда рухнула последняя — бизань-мачта, — на палубе грянуло дружное «ура!».

Теперь перед «Азовом» открылись стоявшие во второй линии шестидесятипушечный турецкий адмиральский фрегат «Адмирал Тахир-паша» и несколько корветов. По ним дали залп орудиями правого борта. Едва пороховой дым рассеялся, с «Азова» увидели перед собой другой турецкий фрегат, который развернуло к ним кормой. Не теряя времени, мощным залпом пушек левого борта ударили по корме неприятельского корабля.

Нахимов во время боя находился наверху, на баке, руководил действиями комендоров. «В это время мы выдерживали огонь шести судов и именно всех тех, которых должны были занять наши корабли. О, любезный друг! Казалось,

весь ад разверзся перед нами! Не было места, куда бы ни били, ни сыпались кнippели, ядра и картечь». Крики команд, вопли раненых, грохот выстрелов и завеса порохового дыма, палуба, где кровь смешалась с песком, посыпанным перед сражением, — наверное, так выглядит ад. С присущей ему скромностью Нахимов не рассказал, как дважды вместе с командой тушил пожар, когда зажигательные снаряды падали на бак «Азова», — об этом известно из рапорта адмирала.

Интересно замечание Нахимова: «И ежели бы турки не били нас очень много по рангоуту, а били в корпус, то я смело уверен, что у нас не осталось бы и половины команды». «Азов» почти час сражался в одиночку и при этом еще помогал английскому флагману. Нахимов пояснил: «“Гангут” в дыму немного оттянул линию, потом заштилил и целым часом опоздал прийти на место... Когда же “Гангут”, “Иезекииль” и “Александр Невский” заняли свои места, тогда нам сделалось несравненно легче. Вскоре после сего пришел еще французский корабль “Бреславль” («Бреслау». — *Н. П.*), не нашедший в своей линии места, стал на якорь у нас под кормой и занял линейный корабль, совершенно уже избитый нами».

С поддержкой «Бреслау» стало возможно перенести весь огонь на фрегаты: «...мы очень скоро их разбили. Они обрубали канаты, и их потащило к берегу, но вскоре один из них загорелся и был взорван на воздух, другой, будучи в совершенно обитом состоянии, приткнулся к мели и ночью турками сожжен».

Первый и основной удар противника пришелся на флагманский «Азов». Всё это время капитан Лазарев находился в самых опасных местах, руководил действиями артиллеристов, ободрял офицеров и своим невозмутимым спокойствием внушал уверенность экипажу. Из письма Нахимова: «О, любезный друг! Я до сих пор не знал цены нашему капитану. Надобно было на него смотреть во время сражения, с каким благородием, с каким хладнокровием он везде распоряжался... уверен, русский флот не имел подобного капитана».

А это о команде: «Надо было драться с истинным мужеством, чтобы выдержать весь этот огонь и разбить противников, стоявших вдоль правого нашего борта (в чем нам отдают справедливость наши союзники)». Во время боя только один «Азов» потопил два фрегата и корвет, на флагманском фрегате Тахир-паши из шестисот человек

команды пять сотен были убиты или ранены. Фактически канониры «Азова» своими меткими выстрелами спасли английский флагман. Как великодушно заметил Нахимов, «действия нашего корабля можно применить и ко всем другим судам соединенного флота с большею или меньшею разностью».

Случаев помощи в бою было немало. Французский «Бреслау» поддержал «Азов»; когда один из английских бригов потерял все якоря, его взял на бакштов* российский «Константин», он же вместе с фрегатом «Кастор» спас другой английский бриг — «Мускит». «Русские... действовали в бою удивительно»¹²⁶, — оценили английские моряки.

В самый разгар сражения с «Гангута» заметили плывущую в волнах икону. Капитан приказал матросу достать ее, и тот, обвязавшись веревкой, бросился в воду. Поднятая на борт икона оказалась образом Пресвятой Богородицы Одигитрии. Чудесную находку воодушевленная команда приветствовала громогласным «ура!»¹²⁷. После боя судовые священники напомнили, что именно образ Одигитрии был выброшен турками из храма Святой Софии в 1453 году во время захвата Константинополя и разрублен на части.

Надо отдать должное противнику — турки сражались отчаянно. «Судя по тому страшному действию, которое производил каждый наш залп, — признавался английский моряк, — мы ждали, что они скоро спустят флаг, и многие спрашивали: не спустили ли луну со звездой? Но турки были упорны, и никто из них во время действия не спустил флага... Хотя и велико равнодушие британских моряков к опасности, но с храбростию турок ничто не может сравниться»¹²⁸.

Около пяти часов пополудни вся первая линия неприятельских кораблей была уничтожена. Обрубая канаты, турецкие фрегаты и корветы второй линии пытались буксироваться к берегу, но их расстреливали и взрывали. «В исходе 6 часа, не видя противу нас ни одного из неприятельских судов, — читаем в шканечном журнале «Азова», — прекратили бой, а в 6 часов сражение везде окончилось... На корабле «Азов» убито нижних чинов 24 человека, раненых лейтенанты Шеман и Бутенев, шхипер Трифонов и нижних чинов 64 человека». Потери «Азова» среди всех российских кораблей были самыми большими.

* Бакштов — трос, крепящийся за кормой стоящего на якоре судна, для закрепления шлюпок и других мелких плавсредств.

Сражение, длившееся четыре часа, завершилось полным разгромом турецко-египетского флота.

Священники читали отходную по убитым, лекари в мичманских кубриках оперировали, друзья навещали раненых, капитаны подсчитывали потери. Русская эскадра потеряла убитыми двух офицеров, двое были тяжело ранены: лейтенант Шеман получил ранение в голову, а «бедный Бутенев потерял правую руку по самое плечо». Нахимов восторгался стойкостью друга: «Надо было любоваться, с какой твердостью перенес он операцию и не позволил себе сделать оную ранее, нежели сделают марсовому уряднику, который прежде него был ранен». В представлении к награде офицеров, отличившихся в сражении, сказано, что во время ампутации руки Бутенев, услышав громогласное «ура!» матросов, «не вникая ужасной той боли, которую без всякого сомнения он чувствовал, вскочил и, махая оставшеюся рукою, соединил с ними свои восклицания». Можно, конечно, назвать это травматическим шоком, но и спустя несколько часов мужественный офицер поддерживал и ободрял других раненых, которыми был переполнен кубрик.

Всего потери русской эскадры, как представлено в рапорте Гейдена, составили 62 человека убитыми и 139 ранеными. «Я был наверху, на баке, у меня было 34 человека, из которых шестерых убило и 17 ранило», — написал Нахимов. Следовательно, из его подчиненных в строю осталась треть. Это красноречиво свидетельствует, каким кровопролитным было сражение и какой натиск пришлось выдержать «Азову». «Я не понимаю, любезный друг, как я уцелел... меня даже и щепкой не тронуло», — с удивлением признавался он. Что же, судьба явно хранила Нахимова для других, не менее значимых дел.

Нахимов удивлялся, что ни один союзный корабль не сгорел. Однако многие из них были сильно повреждены, и больше всех «Азов»: на нем насчитали 153 пробоины в обоих бортах и корме, из них семь по ватерлинии и ниже. Все мачты, стеныги, брам-стеныги и реи оказались перебиты, повреждено много стоячего и бегучего такелажа, расстреляны паруса.

Потери союзников были примерно такими же: на французской эскадре — 43 убитых и 141 раненый, на английской — 75 убитых и 197 раненых. Турки, по данным из рапорта Гейдена, потеряли от шести до семи тысяч. «По достовернейшим сведениям оказалось, что из 60 военных

судов, турецкий и египетский флот составлявших, остался только 1 фрегат и до 15 мелких судов, но и те в таком положении, что едва ли могут служить им с пользой и когда-либо идти в море»¹²⁹, — докладывал Гейден императору.

Обращает на себя внимание, что во всех отчетах и рапортах Гейден как будто оправдывался: наши действия были оборонительные, и потому «не искал я ни пленных, ни призов». Во время сражения один из турецких фрегат-ов сдался; его потопили, флаг с него доставили императору Николаю I, а команду отправили на берег. Она оказалась интернациональной: турки, греки, евреи, армяне, итальянцы.

Не только Гейден, но и Кодрингтон подчеркивал вынужденный характер своих действий: «Надменный Ибрагим-паша обещался не оставлять Наварин и не препятствовать действиям союзного флота, но бесчестно изменил данному им слову. Союзные же начальники дали обещание истребить турецкий и египетский флоты, ежели хоть один выстрел будет сделан по которому-либо из их флотов... и в полной мере исполнили обещание свое... Таковая победа не может быть одержана без жертвования жизнью многих людей, и главнокомандующий в полной мере соболезнует о потерях некоторых из лучших и храбрейших воинов, флот наш составляющих...» Этот приказ командующего союзными силами Нахимов тоже переписал для «любезного друга» Михаила.

Как писал Нахимов, ночь после сражения была ужаснее самого сражения. Догорали и взрывались турецкие корабли, освещая всё вокруг; вода была усеяна телами убитых, горящие обломки проплывали иногда так близко, что на «Азове» ощущали жар. Никто, кроме раненых, не спускался вниз, все ночевали наверху, около пушек. Береговая артиллерия молчала, но эскадры союзников ожидали нападения.

Из письма Нахимова: «В 12 часов видим большое военное судно, идущее прямо на нас. Окликаем — не подаст голосу. Мы сейчас догадались, что он идет с тем, чтоб сцепиться с нами и зажечь себя. Но что делать? Ни одной не имеем целой шлюпки, которую могли послать абординировать его и потом отбуксировать. Он прошел нас и сцепился с “Гангутом”, с которого вскочили на него, изрубили находившихся несколько человек турок, не успевших еще зажечь оного». Вот такая ночь после битвы.

Утром — снова пожары: турки, не желая, чтобы их ко-

рабли попали в плен, сами сжигали их. Пришлось трем адмиралам писать Ибрагиму-паше, что союзники «получили полное удовлетворение за первый выстрел» и предупреждают: в случае, если турки вновь начнут стрелять, три эскадры сочтут это объявлением войны и истребят оставшиеся турецкие корабли и укрепления Наварина.

Ибрагим ничего не ответил; к Кодрингтону прибыл командующий турецкой частью флота Тахир-паша — как пояснил Нахимов, тот самый, «который дрался против нашего корабля», — и обещал, что никаких действий со стороны турецкого флота не последует, но за сухопутные войска и береговые пушки он не отвечает и потому ручаться за них не может.

До 13 октября союзные эскадры оставались в Наварине. На «Азове» заделывали пробоины, крепили перебитые мачты, ставили новые паруса — и вспоминали все моменты прошедшего сражения. «О, любезный друг! Кровопролитнее и губительнее этого сражения едва ли когда флот имел. Сами англичане признаются, что ни при Абукире, ни при Трафальгаре ничего подобного не видали».

В сражении в заливе Абукир близ египетской Александрии (1798) адмирал Нельсон атаковал на открытом рейде французскую эскадру и уничтожил 11 линейных кораблей и два фрегата. У мыса Трафальгар (1805) английская эскадра под командованием того же Нельсона препятствовала выходу франко-испанских кораблей в Средиземное море. Французы потеряли тогда восемь линейных кораблей, испанцы — девять, в сражении погиб контр-адмирал Нельсон. Этими сражениями английский флот всегда гордился, их считали выдающимися. Наварин превзошел их.

«Ну, вот тебе, любезный Миша, полное описание всего нашего плавания и всех происшествий, случившихся с нами. Очень рад, что успел написать тебе письмо». И одно только сожаление: «Ах, зачем ты не можешь разделить с нами нашей победы? Зачем судьба играет с нами так своевольно, что мы при сильном желании быть вместе бываем всегда так разлучены... письмо мое не показывай никому, потому что я наделал так много ошибок, что самому совестно, а времени имею так мало, что, ей-богу, некогда даже прочесть. Прощай».

За храбрость, проявленную в Наваринском сражении, лейтенант Павел Нахимов был произведен в следующий чин капитан-лейтенанта и награжден орденом Святого Георгия 4-й степени.

Сражение глазами современников и историков

Отклики на Наваринское сражение последовали, едва перестали взрываться турецкие и египетские корабли. Жители Пелопоннеса прислали трем адмиралам благодарственное письмо; граф Иоаннис (Иоанн Антонович) Каподистрия, первый президент еще не признанной страны, высшую награду — орден Спасителя. На одном из Ионических островов воздвигли белокаменную колонну в честь русских моряков. На Мальте, куда корабли трех союзных эскадр пришли устранять поломки, моряков, в особенности русских, встречали овациями.

Когда 6 апреля 1828 года «Азов» — единственный корабль со времен Петра I — награждали по приказу Николая I кормовым Георгиевским флагом, почти всё население мальтийской столицы Ла-Валетты хлынуло в порт. Священники отслужили молебен, офицеры — и среди них Нахимов — в парадных мундирах и киверах произнесли клятву защищать флаг до последней капли крови. Очевидец написал, что «стены, укрепления, вершины домов и купола церквей в Валетте были улеплены зрителями в праздничном платье»¹³⁰.

В России о победе узнали спустя месяц после сражения. 7 ноября 1827 года «Санкт-Петербургские ведомости» сообщали: «По эстафете, присланной сюда из Флоренции, получено официальное известие о большом морском сражении, происходившем между соединенными эскадрами Российской, Английской и Французской, и Турецко-Египетским флотом 8 (26) октября в Наваринской бухте...» 14 ноября «Русский инвалид» напечатал ставшие известными подробности сражения. Между прочим, о начале боя говорилось: когда последовал первый пушечный выстрел по французской «Сирене», «адмирал Риньи приказал каждому держаться на своих местах и не стрелять, но вторым выстрелом с египетского фрегата “Ла-Гарьер”, насупротив которого стояла “Сирена” на расстоянии пистолетного выстрела, ударило в сей же корабль. Не было возможности отлагать битву... Российская эскадра... подоспела вовремя для принятия участия в сражении, успеху которого она имела счастье содействовать беглым огнем, окончившим бой».

Эти сообщения читали в Петербурге друзья и братья Нахимова, в Вязьме — отец, сестра и соседи по имению. И уже позже пришло письмо от самого Павла.

Новости пересказывали друг другу, обсуждали. Вскоре Наваринское сражение обросло своими мифами и легендами, их, случалось, печатали в газетах с добавлением: «Не любо — не слушай, а врать не мешай». Появился даже особый цвет одежды. «В величайшей моде для панталонов цвет Наваринского пепла (серо-мышинный): панталоны делают узкие до колена и широкие ниже колена... фрак суконный, цвета Наваринского дыма, со стальными пуговицами», — рекомендовал модникам популярный журнал «Московский телеграф» в 1828 году. Н. В. Гоголь выбрал этот цвет для героя своих «Мертвых душ». «Ведь я служил на таможне. Так мне высшего сорта, какое есть, и притом больше искрасна, не к бутылке, но к бруснике чтобы приближалось», — просит Чичиков у приказчика. — «Отличный цвет! Сукно наваринского дыму с пламенем».

Николай I отправил Кодрингтону послание с поздравлением: «Господин вице-адмирал Кодрингтон, Вы одержали победу, за которую цивилизованная Европа должна быть Вам вдвойне признательна... Отныне Ваше имя принадлежит потомству» — и награду: орден Святого Георгия 2-й степени¹³¹.

А вот европейские дворы встретили победную весть иначе. Австрия была «взбешена», император Франц II сожалел, что не может немедленно послать армию, чтобы усмирить греческих бунтовщиков, а трех адмиралов назвал «убийцами невинных турок».

Английское правительство было озадачено победой у берегов Греции, которая явно противоречила главному вектору британской политики на Балканах. Король Георг IV не мог скрыть разочарования: «Какое неожиданное событие!» В парламенте начались бурные дебаты: одни обвиняли правительство и писали Кодрингтону, что он «поторопился» уничтожить турецкий флот; другие торжественно называли Наварин «блистательной» и «честной» победой, результатом Лондонского договора трех держав. «Могу лишь скорбеть, — говорил защитник адмирала в парламенте, — об употреблении слова “неожиданность” по поводу Наваринской битвы... Я думаю, напротив, что эта битва содействует освобождению Греции и ускорит его...»¹³²

В результате скандала правительство ушло в отставку, новый кабинет возглавил герцог Веллингтон, герой Ватерлоо (1815). В дипломатических кругах говорили, что трудно определить, кого он ненавидит больше — Россию или Грецию. Его усилиями адмирал Кодрингтон вскоре был

смещен с должности; когда же он спросил о причинах отставки, Веллингтон объяснил: «Вы расходились со мною в истолковании ваших инструкций»¹³³.

Король после долгих колебаний наградил Кодрингтона (как и Риньи, и Гейдена) орденом Бани, но, по слухам, подписывая документ, в раздражении произнес: «Я посылаю ему ленту, хотя он заслуживает веревки».

Во Франции общество рукоплескало героям Наварина скорее в пику властям, которые тоже не ожидали разгрома египетского флота. При этом французский посол в Константинополе поспешил заверить султана, что Франция, как и Англия, не считает себя в состоянии войны с Турцией.

Интересные дискуссии возникли в исторической литературе, посвященной Наварину. В советской историографии долгое время господствовало обвинение Кодрингтона в намеренной задержке русской эскадры, якобы для того, чтобы подставить ее под огонь береговой артиллерии. В качестве доказательства обычно приводили выдержки из «Исторического журнала русской эскадры в Средиземном море»¹³⁴.

Журнал этот составлялся в течение нескольких лет — с 1827 по 1831-й — на основе вахтенных журналов кораблей эскадры; к ним добавлены рапорты и приказы командующего Л. П. Гейдена, описания эскадр союзников. Всю информацию собрал, отредактировал и снабдил собственными выводами и комментариями историограф эскадры. Таким образом, перед нами результат работы редактора, а не первоисточник. Автор журнала — капитан-лейтенант И. И. Кадьян — тот самый, ходивший в кругосветку на фрегате «Крейсер» и списанный Лазаревым по «болезни».

После «Крейсера» Кадьян командовал бригам «Усердие». В 1827 году бриг должен был идти в Средиземное море, однако до Наварина он не дошел — взбунтовалась команда, требуя убрать Кадьяна. Похоже, умение провоцировать бунт на корабле действительно стало его отличительной чертой. Император, узнав о бунте, обозвал начальников Главного адмиралтейства дураками и потребовал тщательного разбирательства.

Чтобы не искушать судьбу, корабль Кадьяну больше не доверили, отрядили писать историю: он получил должность историографа эскадры. При таком послужном списке ему нужно было в новой должности очень постараться, чтобы не выйти до времени в отставку. И он старался как

мог — в самых высокопарных выражениях описал... командующего эскадрой.

Вот флагманский «Азов» вступил в бой под командованием Гейдена — «управляемый благоразумием, опытною и твердою храбростью, невзирая на увеличившуюся дымную темноту, ни на губительный перекрестный огонь неприятеля, шел прямо в глубину залива, туда, куда призывали его и долг, и честь и куда пути ничто преградить не могло». Заметим, командиру корабля Лазареву в этом живописном пассаже места не нашлось.

А вот что пишет новоявленный Гомер о командирах кораблей: «Гг. капитаны кораблей и фрегатов, одушевленные примером начальника и чувствами собственного достоинства... спешно за своим адмиралом становились вплоть неприятелей на якоря. <...> Российский адмирал, вспомоществуемый достойными капитанами, ввел и поставил свою эскадру с таким искусством и такой точностью, что оно принесло бы честь и тогда, если бы это делали в обыкновенное время...»

Сразу приходит на память описание сражения Нахимовым — точное, четкое, без цветистых вывертов, где соседствуют скромность и великодушие к другим; он не забыл никого — ни командира, ни офицеров, ни матросов, ни союзников.

Как еще, кроме откровенного и явного восхваления, мог историограф возвысить командующего? Старым способом: чем труднее победа, тем ярче талант победителя. Реальные трудности Кадыяну показались незначительными, ведь того ада, в котором находились Нахимов и другие участники сражения, он не видел. Зато живописал интриги союзников. Интриги, конечно, были, но уже после сражения, а не во время его.

«Трудно угадать, — пишет Кадыян, хотя на деле совсем не трудно угадать, на что он намекает, — почему адмирал Кодрингтон, решивший единодушно и нераздельно действовать с союзниками, не дождавшись левой колонны, пошел в порт с одною правою... Английский адмирал... подверг российскую эскадру всему огню неприятельской канонады и поставил тем предводителя оной в великое затруднение... Но сие то обстоятельство тем более и показывает отличные таланты нашего адмирала...»

Вспомним письмо Нахимова: он объяснил задержку русской эскадры единственно лавированием французов в маловетренный день. Ни контр-адмирал Гейден, ни лейте-

нанты Нахимов, Л. Л. Гейден и Рыкачев — участники сражения — не подозревали Кодрингтона в злонамеренных кознях. И только измышления историографа, который сам в сражении не участвовал и даже не видел его со стороны, сделали английского адмирала виновником «великого затруднения» русской эскадры.

Уже выйдя в отставку и диктуя на склоне лет мемуары, сам Кодрингтон объяснил отданный «Азову» приказ лечь в дрейф и пропустить французов очень просто: «Я распорядился, чтобы корабли шли в две линии. Моею целью было при этом держать отдельно русских и французов, очевидно не расположенных друг к другу. Между ними такая ревность, что они охотно вцепились бы друг с другом, как и с оттоманскими силами»¹³⁵.

Чему здесь удивляться: всего 15 лет прошло после Отечественной войны, среди российских моряков было немало тех, кто сражался с французами. Да, англичане тоже воевали с ними, но не на территории своей страны. Кто, как Нахимов, по возрасту не успел повоевать с Наполеоном, хорошо помнил французское нашествие в Россию, сожженные и разграбленные города и деревни. Не случайно русские матросы не доверяли «французу» и подозревали, что союзники начали стрелять холостыми. Так что главнокомандующему волей-неволей приходилось учитывать это обстоятельство.

К сожалению, версия несостоявшегося командира и усердного историографа И. И. Кадьяна перекочевывала из книги в книгу и прочно обосновалась в литературе о Нахимове и Наваринском сражении¹³⁶. Как видим, адмиралу Кодрингтону не повезло не только в глазах современников, но и в оценках историков.

Командующие союзными эскадрами не случайно неоднократно подчеркивали в рапортах и приказах его вынужденный характер, ссылались на то, что турки первыми начали стрелять, — Великобритания, Франция, Россия и Порта на тот момент не находились в состоянии войны, а Греция тогда являлась частью Оттоманской империи, и, следовательно, греческие дела были внутренними проблемами последней. Какое же право имели союзники вводить свои эскадры на территорию суверенного государства? Единственным основанием для вторжения был Лондонский трактат, но Турция его не подписала.

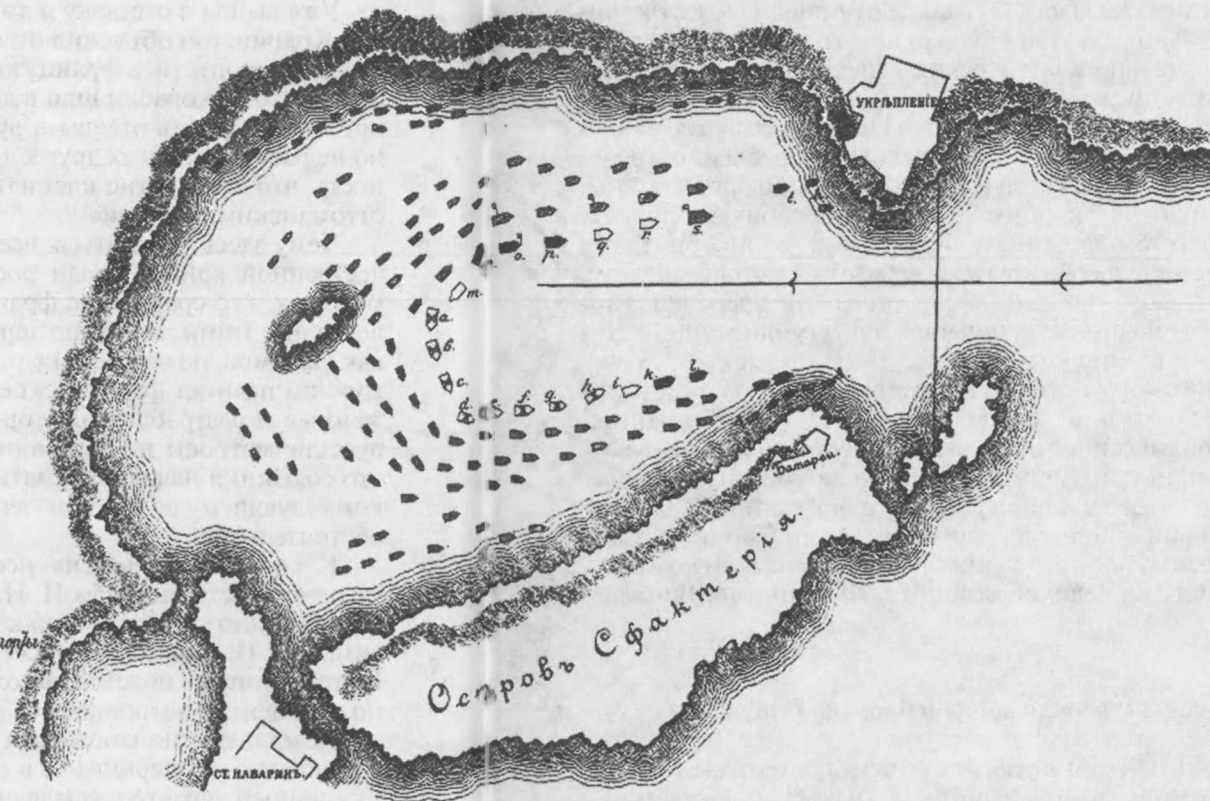
Дискуссия о том, была ли помощь Греции законной или имело место нарушение международного права, полу-

ПЛАНЪ

Сраженія въ Наваринской бухтѣ, Октября 8-го дня 1827 года.

- а.) Корабли Азовъ.
- в. ————— Гангутъ.
- с. ————— Гезекіель.
- д. ————— Александръ Невскій.
- е. Фрегатъ Елена.
- ф. ————— Проворный.
- г. ————— Константинъ.
- н. ————— Касторъ.
- і. ————— Арлида.
- к. ————— Глазгау.
- л. ————— Наибриакъ.
- т. Корабли Бреславъ.
- п. ————— Альбіонъ.
- о. ————— Азія.
- р. ————— Генуя.
- q. ————— Тридентъ.
- г. ————— Сципіонъ.
- с. Фрегатъ Сирена.
- т. ————— Дартмутъ.

Подъ литерою А. Брандербъ.
 ————— В. Австрійскіи транспортъ.

ЗНАЧЕНІЕ	
	Россійскіе.
	Англійскіе.
	Французскіе.
	Турецкіе.

Масштабъ
 0 50 100 150 200 250 Сажени.

Подлинный подписанъ Нептвръ Адмиралъ Графъ Тормасовъ.

Схема Наваринского сражения. Из книги А. П. Рыкачева «Год Наваринской кампании 1827—1828» (1878)

чила новый импульс, когда начались современные события на Ближнем Востоке. Статья американского исследователя «Война без войны: Наваринское сражение, Османская империя и миролюбивая блокада»¹³⁷ начинается словами: «События в Ливии в 2011 году и в Сирии в 2013 году воскресили дебаты о законности и разумности гуманитарной интервенции». Казалось бы, какое отношение имеет к ним Наварин? Автор статьи подчеркивает, что его интересует исключительно юридический аспект, он рассматривает разные позиции в этой дискуссии: одни считают, что блокада турецко-египетского флота в Наваринской бухте была единственным способом прекратить истребление греческого населения и в то же время избежать большой войны; другие, напротив, склонны видеть «миролюбивую блокаду» незаконным изобретением Франции и Великобритании для нанесения ущерба другим, более слабым государствам. Главный вывод: Наварин — юридический прецедент, который дает законное основание для «гуманитарной интервенции» в Ливию и Сирию. Нам кажется, противопоставление «гуманитарной интервенции» и «принципа невмешательства» не может рассматриваться абстрактно, лишь с юридической точки зрения. Необходимо учитывать исторический контекст, и здесь вряд ли уместны параллели между истреблением греческого населения в Османской империи и политическими реалиями Сирии и Ливии в XXI веке, якобы оправдывающими «гуманитарную интервенцию» США, Великобритании и Франции на Ближнем Востоке.

Русско-турецкая война и блокада Дарданелл

После сражения российская эскадра осталась в Средиземном море, чтобы защищать греческое население и помогать ему «жизненными и военными припасами». Командующему предписывалось не обострять отношений с союзниками и стараться сглаживать возможные конфликты.

«Вам предстоит, граф, — писал Гейдену 4 октября 1827 года русский посол в Турции А. И. Рибопьер, — указать им на необходимость строгой бдительности и принятия грозного характера, без чего нельзя надеяться на произведение какого-либо впечатления на Порту. Вам также надлежит примирить разногласные мнения и завистливые расположения, существующие, по-видимому, между г. Ко-

дрингтоном и де-Риньи, и отстранить их опасения насчет влияния и предпочтения, которыми Россия могла бы пользоваться в Греции»¹³⁸.

Нелегкую даже для опытного дипломата задачу утяжелили обязанностью Гейдена писать подробные рапорты, а также извлекать полезную информацию из встреч с Кодрингтоном и де Риньи и сообщать ее в конфиденциальной переписке в Петербург. Моряк Гейден должен был не только стать дипломатом, но и выполнять задачи резидента, при этом от командования эскадрой его никто не освобождал.

Надо сказать, последующие события в Средиземном море и рапорты, которые Гейден отправлял в Петербург, показали его как человека осторожного и исполнительного. Вот что докладывал он министру иностранных дел графу К. В. Нессельроде 28 февраля 1828 года: «В одном из последних наших свиданий с сэром Кодрингтоном мы разговорились довольно откровенно о неприятных обстоятельствах...» Под неприятными обстоятельствами подразумевались отставка английского кабинета министров и назначение Веллингтона главой нового. «Вместо точных и положительных инструкций, которые сэр Кодрингтон потребовал у своего правительства, он получил доселе только вопросные пункты касательно наваринского дела, как это делается при судебном расследовании». Это значит, что честно исполнившего свой долг адмирала собирались привлечь к суду за «чрезмерную» исполнительность. «На эти вопросные пункты он написал весьма замечательный ответ. Несмотря на это, недавно от него потребовали снова излишних и бесполезных объяснений». Мало того, посол Чарлз Стратфорд-Каннинг покинул Константинополь. «Можно полагать, — сообщал Гейден, — что причиной его поспешной поездки в Лондон... то, что он желает оправдаться в советах, которые он писал адмиралу до битвы 8 октября»¹³⁹.

Французскому адмиралу в отличие от английского коллеги были даны инструкции, но тоже весьма обтекаемые: Средиземное море не покидать, но и не вступать в боевые действия, тем более с турками. Так что Риньи вполне понимал Кодрингтона: «Любезный адмирал, понимаю всю затруднительность положения, в которое ставит Вас молчание Ваших министров: Вы и я, мы связаны тем неудобством, что наши поступки могут попасть на обсуждение публики. Гейден может делать, что хочет: русская печать его не тронет»¹⁴⁰.

Действительно, русская печать в те годы не опускалась до травли своих армии и флота. Зато чиновники и дипломаты умело портили жизнь морякам, как говорил Гейден, «своим зловредным влиянием». Как тут не вспомнить меткое определение: «Дипломаты — это честные люди, посланные за границу, чтобы лгать в пользу своего государства»¹⁴¹.

От Нессельроде приходили депеши, противоречащие друг другу. Так, в марте 1828 года он предписывал Гейдену вести себя с турецкой стороной жестко, как с находящейся в состоянии войны с Россией. С посредниками (имеется в виду в первую очередь Австрия), кои будут привозить туркам военные припасы и продовольствие, требовалось поступать «согласно с законами войны»¹⁴². Но не прошло и месяца, как в новой инструкции лишь указывалось на необходимость соблюдать Лондонский трактат и сохранять самые тесные контакты с союзниками. От военных действий против Турции, названных «второстепенными», следовало отказаться. Откуда же дули ветры, заставляя российскую внешнюю политику «менять галсы»?

Еще при Александре I в Министерстве иностранных дел сложилась странная ситуация: его, по сути, возглавляли два человека. Одна часть ведомства подчинялась И. А. Каподистрии, другая — К. В. Нессельроде. Двух выдающихся (правда, каждый по-своему) людей роднило только то, что оба были иностранцами на русской службе. Но как поразному они служили России!

Граф Каподистрия, грек по национальности, был человек энергичный, целеустремленный, абсолютно преданный делу. На русской службе он, по словам историка, «усвоил себе интересы России несравненно глубже и вернее, чем большая часть правительственных лиц, его современников»¹⁴³. Он решительно боролся с исламизацией христианских народов Балкан, поддерживал их национальное освобождение и считал, что Россия в союзе с европейскими державами может этого добиться. После получения Грецией независимости в 1830 году стал ее первым президентом, умело руководил страной, активно восстанавливал экономику и одновременно жестко пресекал междоусобные свары. Он погиб в 1831 году в результате покушения.

Нессельроде, сын немецкого дипломата, послужившего всем дворам Европы, родился на борту английского брига, стоявшего в Лиссабонском порту. По вероисповеданию он был лютеранин, знал несколько европейских языков, только русского до конца своих дней так и не выучил. Кроме

дипломатических успехов прославился удачной женитьбой на самой богатой невесте России — дочери министра финансов Д. А. Гурьева. Любитель застолий, гурман Нессельроде и сам изобрел несколько рецептов: супа, мороженого и пудинга, за что получил от Н. С. Лескова насмешливое прозвище «Кисельвроде».

Он умудрился не покидать министерство 40 лет, послужив трем императорам: Александру I, Николаю I и Александру II. Такое возможно только в одном случае — если собственные взгляды сановника чрезвычайно эластичны. Впрочем, одно личное политическое пристрастие у него всё же было: он боготворил австрийского канцлера Меттерниха и полагал, что Россия непременно должна идти в фарватере австрийской политики, не претендуя на собственные национальные интересы. За Наваринское сражение Нессельроде получил от своего кумира строгий выговор. Его привязанность к Меттерниху была так велика, что даже в Австрии говорили: в русской заграничной дипломатии есть две партии — Каподистрии и Меттерниха¹⁴⁴. Император Николай прислушивался к советам обеих партий и даже пытался примирить их.

Вот почему командующий русской эскадрой получал такие противоречивые указания, отчего ему приходилось не только уклоняться в Средиземном море от встречных ветров и искать в зимние шторма надежные гавани, но и лавировать на дипломатическом поприще, избегая столкновений и опасности наскочить на рифы.

Между тем разногласия недавних союзников по Наваринскому сражению дозрели до явного конфликта, и Порта поспешила использовать его в своих целях. Почувствовав поддержку Лондона и Парижа и опираясь на помощь Вены, Стамбул объявил, что отказывается от всех прежних договоренностей по греческому вопросу и отныне считает главной виновницей греческого восстания (видимо, и главной виновницей Наварина) Россию, а потому запрещает ее подданным вести торговлю на территории Турции, закрывает для российских судов Босфор и объявляет войну. Россия в апреле 1828 года ответила тем же.

За три недели до объявления войны Гейден получил указание из Петербурга начать блокаду Дарданелл, чтобы не пропускать суда с оружием к берегам Греции и продовольствием к Константинополю. В поддержку была прислана эскадра под командованием контр-адмирала П. И. Рикорда в составе четырех линейных кораблей, четырех фрегатов

и двух бригов (на фрегате «Александра» служил брат Нахимова Иван). Таким образом, на тот момент в Средиземном море Россия имела самый мощный флот — 20 выпелов.

Поводом для начала блокады послужила резня христиан, учиненная турками на острове Крит. Формально Франция и Великобритания тоже участвовали в блокаде, но более всего они заботились, чтобы Россия не разгромила Порту. Поздравляя Гейдена с годовщиной Наваринского сражения, Кодрингтон достаточно откровенно написал ему: «Не забывайте, что Россия пугало, которое тревожит значительную часть французов и англичан, что боятся, как бы ваш добрый император не поглотил всю Турцию живьем с костями и мясом», — поясняя, почему война, которую Россия в одиночку ведет с Портой, «возбуждает неудовольствие одних и зависть других»: «Таково всегдашнее следствие уклонения с прямого пути в грязные переулки! В политике, как и на прогулке, никто в таком случае не вправе ожидать, что вернется домой с незамаванными сапогами»¹⁴⁵.

России оставили путь прямой, но чрезвычайно трудный. Блокада Дарданелл проводилась в суровых зимних условиях, крепкие северо-западные ветры несли дожди, метели и морозы, держаться на якорях при сильном волнении было тяжело. Больше трудностей, чем непогода и турки, создавали только бывшие союзники. У Лондона были свои виды на Крит, и присутствие русских кораблей рядом с островом, население которого встречало их с восторгом, какого не знали англичане, их совсем не радовало. Вызывал опасения и теплый прием, оказанный русским морякам на Мальте, где англичан традиционно не любили; даже возникло подозрение, что русские хотят прибрать остров к своим рукам. Когда же капитан И. Н. Бутаков на корабле «Царь Константин» во время крейсирования захватил египетские бриг и корвет, возмущение усилилось. Под дипломатическим нажимом Гейдену пришлось увести эскадру от Крита к Поросу.

Еще большее раздражение французских и английских «друзей» вызывали успехи русской армии на Балканах и флота на Черном море. В этих условиях блокада Дарданелл была действенной мерой против Турции. Порох и ядра, которые провозились на турецких и австрийских судах, изымались и передавались грекам, суда с зерном из Александрии задерживались. К февралю 1829 года только в порту Смирны (по-турецки Измир) скопилось 150 судов с хлебом, которые не смогли пройти к Константинополю¹⁴⁶. Та-

ким образом, эскадра Гейдена в Средиземном море представляла собой правый фланг русских сил, а эскадра Грейга в Черном море вместе с армией Паскевича на Балканах — левый, и они активно поддерживали друг друга.

Конечно, офицеры были далеки от дипломатических эволюций, которые приходилось проделывать их командующему, — но не настолько, чтобы не знать о них. Пока не была объявлена война, чинили корабли на Мальте. «...теперь стоим спокойно здесь, исправляем понемногу повреждения и ожидаем дальнейших приказаний» — так коротко описал Нахимов несколько месяцев, проведенных на острове. Зато его однокашник Рыкачев самым подробным образом рассказал, как проводили время моряки. Музыка гремела в Ла-Валетте до утра, свободные от вахты матросы каждый день сходили на берег, плясали, «дружно покупали платки для своих жен в Россию, пестрые камзолы для себя, чтобы пощеголять здесь». Побывали в церкви Святого Иоанна Иерусалимского, вечером смотрели спектакль в театре. «Наши матросы очень дружны с английскими, в городе они гуляют и пьют вместе. Имя Наварин служит у них приветом и паролем».

Дух победы витал между моряками, общий враг побежден совместными усилиями, что может внести разногласия? Разве только отношение к поверженному врагу. Однажды в театре случился курьез: на сцене английские матросы увидели актера, одетого в турецкий костюм. Что тут началось! Насилу русские матросы и служители уняли англичан, кричавших и бросавших на сцену всё, что попадалось под руку.

Русские офицеры тоже предпочитали общаться с английскими. В Ла-Валетте по вечерам слушали «Севильского цирюльника», танцевали на балах, днем те, кто говорил на иностранных языках, делали визиты знакомым, кто не говорил — брали уроки итальянского и английского. Большим спросом пользовались картины, которые местные художники писали на заказ: «Наваринский бой» или «Корабль “Азов” (“Гангут”, “Александр Невский” и т. д.) после сражения входит в порт Ла-Валетты».

Остальное время проводили в кофейне: пили пунш, ели мороженое, играли на бильярде, спорили, толковали на разных языках, даже порой забывая про театр: «Сегодня приехали к концу пьесы, не могли понять, что играли».

О чем же толковали офицеры? Обсуждали внешнюю политику, в водоворот которой оказались втянуты. «В Англии все министры сменены, Кодрингтоном недоволены за

Наваринское сражение и даже говорят о войне с нами, если государь объявит ее туркам». Вот так: еще вчера союзники и вместе проливали кровь, а завтра, возможно, станут врагами. В случае войны «обещали друг другу не давать пощады и не просить ее», а пока «пили вместе, как искренние друзья».

И всё же главные споры были о достоинствах и недостатках армий, благо история позволяла находить примеры на все случаи.

— Сейчас чума на Балканах свирепствует, — говорили англичане, — и русские, если начнут войну с турками, могут очень пострадать. Как французы в 1812 году.

— Разве тогда в России была чума?

— Нет, в России были морозы. Они и убили французскую армию.

— Господа, — возражали русские моряки. — Если армия побеждает, то она всё побеждает, а ежели разбита, то она ото всего гибнет. Разве не так?

Не соглашались, спорили, мирились, пили за здоровье обеих государей и снова спорили. «В одном только англичане все соглашались: что их новые министры если не ослы, то по крайней мере бараны».

Вот так проводили время на Мальте. А Нахимова вскоре ожидало большое событие — он стал командиром корабля.

Корвет «Наварин»

Едва была объявлена война, как у турок взяли единственный уцелевший в Наваринском сражении корвет «Нессабиз Сабах» («Восточная Звезда»). На корабле, шедшем в Египет, кроме команды оказались греческие мальчики и девочки до двенадцати лет, которых предназначали для гаремов. Их отправили на родину, а призовой корвет присоединили к русской эскадре.

На рапорте Гейдена император Николай I начертал резолюцию: «Корвет считать взятым и переименовать “Наварином”». Так в составе Балтийского флота появился корвет «Наварин».

Корвет внимательно осмотрели и нашли, что он имеет красивый корпус, почти новый, построенный из дуба, длиной 125 футов, в подводной части обшит листами меди. Артиллерия тоже оказалась в хорошем состоянии: 16 каронад восемнадцатифунтового калибра и четыре двенадцатифунтовые пушки, все отлиты в Англии. Нуждались в заме-

не лишь рангоут и такелаж, пострадавшие в Наваринском сражении, да трюм был изрядно загажен. А в остальном — «при должном присмотре корвет сей может служить... еще 25 лет».

Кому отдать корвет в командование? Для приведения корабля в порядок назначили комиссию во главе с И. И. Кадьяном, но вряд ли предполагали сделать командиром его. Известно, что Лазарев как начальник штаба эскадры просил о назначении Нахимова, Гейден согласился: «Командиром на сей корвет я назначил капитан-лейтенанта Нахимова... который по известному мне усердию и способности к морской службе сделает его, так сказать, украшением вверенной мне эскадры»¹⁴⁷.

Так Нахимов в 26 лет стал командиром корабля, что по тем временам не редкость; однако, похоже, среди однокашников и ровесников он был первым. Теперь полученный под началом Лазарева опыт предстояло использовать на своем корабле, создавая свою команду.

Все корабли, прибывающие на Мальту, выдерживали месячный карантин, поскольку в Турции была эпидемия чумы, и Нахимов с нетерпением ожидал его окончания, чтобы принять под командование призовой корвет. Рыкачев записал в дневнике 9 августа 1828 года: «Утром был опять в карантине и говорил с Трамбицким и Нахимовым, последний прислан сюда принять команду пленного корвета “Восточная Звезда”. Ему поручено отделать его сколь можно лучше, и он, как охотник и мастер, исполнит, верно, это на славу».

Как выяснилось при осмотре корвета, в его трюм турки сгружали все найденные в море и собранные после сражения вещи с других кораблей, туда же через отверстия на палубе попадали нечистоты (а команда составляла 600 человек). Неудивительно, что трюм кишел крысами, летучими мышами, саранчой, египетскими тараканами. На небольшом острове пленные турки очистили трюм, имущество сожгли, а все помещения корвета окурили специальным составом.

Наконец, карантин закончился, и 15 августа Нахимов вступил в командование корветом. Не пройдет и полугода, как капитан-лейтенант Нахимов приведет «Наварин» в порт Пороса. Рыкачев описал увиденный корвет: «...вооружен со всевозможною морскою роскошью и щегольством на удивление англичан, знатоков морского дела». Еще недавно загаженный до безобразия корабль, на котором оби-

тали, как живописал Кадьян, «тьмочисленные рои гадов», теперь мог считаться образцовым на любом флоте.

Командующий не ошибся в Нахимове — тот проявил и усердие, и любовь к морскому делу. Сослуживцы говорили, что он всегда относился к кораблю как к существу одушевленному и «труженик был неутомимый». «Я твердо помню, — писал Рыкачев, — общий голос тогда, что Павел Степанович служит 24 часа в сутки». У такого командира и команда поработала на славу: «...подчиненные его всегда видели, что он работает более их, а потому исполняли тяжелую службу без ропота и с уверенностью, что всё, что следует им, или в чем можно сделать облегчение, командиром не будет забыто...»¹⁴⁸

Перед лицом эскадры командующий объявил Нахимову благодарность, нижним чинам «за понесенные ими труды» пожаловал сверх обычной нормы «чарку вина или джину».

Два года — 1829-й и 1830-й — «Наварин» крейсировал в составе эскадры в Средиземном море. Корвет оказался хорошим ходоком, и его часто использовали для передачи сообщений; именно «Наварин» привез командующему эскадрой известие, что 2 сентября 1829 года Россия и Порта подписали в Адрианополе мирный договор. Греция, Сербия, Молдавия и Валахия получали автономию, Турция безоговорочно присоединялась к Лондонскому трактату, к России отходили побережье Черного моря от Анапы до Поти и дельта Дуная с островами. Австрия была в отчаянии: кто владеет устьем Дуная — тот владеет дунайской торговлей. Это был серьезный успех России, но Николай I смотрел на него лишь как на первый шаг в решении Восточного вопроса. Следующие действия можно было предпринимать лишь в союзе с Британией или Австрией либо с обеими¹⁴⁹.

Моряки не зря провели эти два года в Средиземном море. Наваринская победа и блокада проливов в зимнее время еще раз доказали необходимость иметь сильный флот. 14 марта 1830 года в вахтенном журнале корвета «Наварин» появилась запись: «В 6 часов пополудни с корабля “Азов” сигналом велено... приготовиться к походу»¹⁵⁰. Эскадра возвращалась домой.

Казалось бы, вернуться из Средиземного моря домой — не велика мудрость, однако поход оказался непростым. Во-первых, отношения с Англией к концу блокады оказались настолько натянутыми, что опасались начала боевых действий, а потому спешили домой и ни в один английский

порт не заходили. Но Лазарев заметил: «...главного-то хозяина... не спросили: как Он расположит к тому времени льдами и ветрами?» Оказалось, лед на Балтике не только не растаял, но и скопился глыбами от Дагерортского маяка до острова Готланд. Эскадра буквально пробивалась сквозь него, да еще при свежем ветре и в мрачную погоду. В результате каждый из кораблей потерял около двухсот листов меди с днища, некоторые даже повредили обшивку¹⁵¹. «Наварин» послали вперед посмотреть корабли из Кронштадта, чтобы спросить, есть ли лед в Финском заливе.

К счастью, Финский залив уже очистился ото льда, и 13 мая 1830 года эскадра вернулась на родной кронштадтский рейд. Сражение у берегов Греции, двухлетняя блокада Дарданелл и поход с Мальты на Балтику длиной 59 дней были окончены. Нахимов в числе других офицеров, возвратившихся из Средиземного моря, был награжден орденом Святой Анны 2-й степени. В представлении к награждению Лазарев написал: «Отличный и совершенно знающий свое дело морской капитан». Награжден был и Иван Нахимов. Корвет ввели для ремонта в док, а Павел Нахимов 19 декабря 1830 года отправился на три месяца в отпуск в родное имение, где не был более четырех лет. Есть сведения, что в октябре он приезжал на свадьбу брата Платона^{151a}.

Глава пятая
**ФРЕГАТ «ПАЛЛАДА»
И КОРАБЛЬ «СИЛИСТРИЯ»**

«Скучный поход»

Сколько встреч, новостей, разговоров в родном имении! Сколько вопросов о войне, о турках, о наших кораблях, о союзниках, больше похожих на противников, о турецком и египетском флоте! Словом, три месяца отпуска пролетели, как один день, настала пора возвращаться в Кронштадт.

С весны по осень 1831 года Нахимов ходил на корвете в Свеаборг, Ревель, конвоировал купеческие суда с провизией в Либаву, где стояла эскадра под командованием Ф. Ф. Беллинсгаузена. На корвет было любо-дорого посмотреть, за год его командиру трижды объявляли «высочайшее благоволение» за «отличную опрятность в одежде нижних чинов, исправность караула, хорошую выправку людей, отличное уравнение рангоута и чистоту крепления парусов»¹⁵².

Эти два года — 1830-й и 1831-й — запомнились современникам эпидемией холеры и восстанием в Польше. Если второе волновало по большому счету только поляков, то первая навела ужас на всю страну. Началась эпидемия на Кавказе, вскоре перекинулась в южные губернии и к лету 1830 года дошла до центральных районов. В Москве больницы были переполнены, в день умирали до двухсот человек — не успевали отпевать и хоронить. Эта непрошенная гостья заходила в крестьянские избы и городские квартиры, в матросские и солдатские казармы, купеческие дома и дворцы знати. В Витебске умер брат императора великий князь Константин Павлович, во время похода в мятежную Польшу скончался командующий армией фельдмаршал И. И. Дибич-Забалканский.

Медицина уже имела в своем арсенале набор средств для борьбы с эпидемией и успешно их применяла. Но крестьяне и горожане не понимали, зачем врачи хлорируют колодцы и дезинфицируют дома заболевших, а власти выставляют кордоны и не позволяют ездить в город на ярмарку. Поползли слухи, что врачи не лечат, а намеренно травят людей в больницах, «злодеи» подсыпают отраву в колодцы. Непонимание приводило к недовольству, недовольство перерастало в бунт, благо подстрекателей всегда хватало — был бы повод.

Первыми против холерных запретов взбунтовались флотские экипажи в Севастополе, от моряков бунты перекинулись в военные поселения. В Тамбове, Старой Руссе и даже в Петербурге, на Сенной площади, бунтовщики громили больницы и аптеки, убивали врачей, грабили дома офицеров, городских начальников и губернаторов, сажали их под арест, а вместо них назначали новых. Император лично отправлялся умирять восставших.

В тот год Нахимов не поехал в отпуск по двум причинам. Во-первых, из-за «несносной» холеры: она хотя и «не всех уморила у нас в деревне, то, по крайней мере, навела на них такой страх, что я никоим образом не могу добиться оттуда ни одного слова о наших домашних обстоятельствах». Вторая причина была не менее важна. «...финансы мои в довольно плохом состоянии», — писал он 5 ноября 1831 года Рейнеке из Кронштадта. Павел жил практически на одно жалованье, денег всегда не хватало.

Свое плавание по Балтике в 1831 году он назвал «самым несносным»; по собственному признанию, этот поход даже лишил его «способности думать о предметах самых любезных». И только письмо друга «могло вывести меня из усыпления и прервать апатический сон мой». Чем же был так несносен поход?

Когда корвет после ремонта вышел из дока, он был «с неполной командой, без камбуза*, парусов и прочего». Но это еще полбеды. Беда была в том, что в это время в столице началась эпидемия холеры, и корвет встал на карантинную брандвахту** в гавани Кронштадта. «До шестисот судов стояло в карантине, можешь вообразить себе, каково мне было возиться с людьми, не имеющими ни малейшего понятия,

* Камбуз — здесь: чугунная плита для приготовления пищи.

** Брандвахта — здесь: пост контроля за соблюдением правил на рейде.

что такое карантин». На самом корвете холера тоже похозяйничала: из 160 человек команды 40 заболели, 11 умерли. И всё-таки «возня» приносила плоды — вскоре эпидемия холеры пошла на убыль.

В январе 1832 года капитан-лейтенанту Нахимову «за отличное усердие к прекращению холеры» было объявлено очередное высочайшее благоволение.

Осень 1831 года запомнилась еще потерей нескольких кораблей на Балтике, о чем Нахимов подробно рассказал в письме Рейнеке. Во время ночного шторма корабли сорвало с якорей, снесло по течению и они нанесли повреждения себе и другим судам: почти все потеряли гички, многие получили пробоины в бортах, у некоторых были повреждены мачты и сломаны бушприты. «Я, благодаря судьбе, отстоялся на одном якоре и невредим». И брат Михаила Рейнеке, Александр, командир фрегата «Венус», тоже «не потерял ничего».

Однако на этом беды в тот год не закончились. «Несчастье, как говорят, кого начнет преследовать, никогда не кончится одним ударом! Так и для нашего бедного флота».

Сначала узнали о пропаже шхуны «Стрела», на ее поиски отправили бриг «Феникс» — тот самый, на котором ходил в первое заграничное плавание гардемарин Нахимов. Бриг разбился. К счастью, все спаслись. Затем взорвался корабль на малом рейде Кронштадта. Как выяснилось, артиллерийский офицер отправил людей очистить пороховую камеру от остатков пороха, они вошли туда с ручными фонарями, начали камеру скоблить; порох, осевший в щелях, вспыхнул... Командир корабля, находившийся в это время на берегу, был отдан под суд. «Вот тебе, любезный Миша, все наши горестные новости».

Но были и радостные события: построенные на Охтинской верфи бриг, тендер и шхуна — «отличные суда... отделаны в таком виде, в каком русский флот мало имел судов».

Они ни в чем не уступали, а кое-чем даже превосходили корвет «Князь Варшавский», построенный в Америке. Нахимов, как и его учитель Лазарев, находил суда, построенные за границей, очень дорогими; к тому же иностранцы часто строили еще не обкатанные модели, то есть экспериментировали за русские деньги. Вот мнение Нахимова об американском корвете: «Прекрасное судно, отлично отделано, но, по моему мнению, не стоит заплаченных денег, тем более что у него внутренняя обшивка гнила, ее необходимо переменить. Рангоут также не совсем исправен, фок-

мачта гнила». Словом, получилось, переиначивая пословицу, «дорого да гнило». А что же хорошо? «Говорят, что он отлично ходит, до 13 узлов в бейдевинд; если сие справедливо, то это одно выше всякой цены».

Нахимов не из праздного любопытства рассматривал корвет; вскоре ему предстояло снова строить корабль — на сей раз знаменитый фрегат «Паллада».

«Флот идет к опасности»

«Насчет слухов о назначении моем на новостроящийся фрегат в Архангельске — несправедливо», — писал Нахимов Рейнеке в ноябре 1831 года. Осенью он был болен — простудился, однако ни на что не жаловался: «Поистине, я сим весьма доволен». А через месяц слухи подтвердились: в самый канун 1832 года его назначили командиром строящегося фрегата и перевели в 4-й флотский экипаж.

Император приказал отделать фрегат «с особенным тщанием и с применением способов для удобнейшего и чистейшего вооружения оногo».

К моменту назначения Нахимова на «Палладу» на стапелях стоял лишь остов будущего корабля, который строил англичанин на русской службе полковник В. Ф. Стоке. Нахимову предстояло составить ведомость материалов и оборудования для фрегата «сколь можно поспешнее». К маю 1832 года ведомость из двадцати одного пункта была готова, а уже 1 сентября фрегат сошел со стапелей Охтинской верфи. За отличную работу Нахимову объявили высочайшее благоволение. Дальше — отделка и вооружение. Менее чем через полтора года — в августе 1833-го — он докладывает о выполнении работ, рядом с каждым пунктом ведомости стоит короткое: «Исполнено». Но сколько времени он провел в доке, сколько порогов обил, сколько бумаги исписал, чтобы добиться результата в столь короткий срок!

В тридцатые годы XIX века срок постройки корабля в России был определен в два года с перерывом на одно лето для того, чтобы набор на стапеле успел просохнуть. Даже в Великобритании, морской державе, полный цикл строительства корабля занимал в военное время четыре-пять лет, а в мирное — еще больше. Кстати, и там, несмотря на огромный опыт судостроения, нужен был глаз да глаз. Серия из сорока кораблей «Сервейер» («Surveyor») вошла в историю под названием «40 воров», поскольку вскрылось

большое число случаев воровства и коррупции, корабли построили из сырой древесины, подряды на выполнение работ распределяли за взятки.

Кораблестроительная деятельность Нахимова еще ждет своего исследователя. Автор одной из немногочисленных статей на эту тему так оценил новый фрегат: «...процесс его постройки не менее примечателен, чем вся судьба “Паллады”, запечатленная в бессмертных очерках Гончарова. При создании фрегата были использованы многие достижения в области судостроения того времени. К таким новшествам, в частности, относились: усовершенствованный брендспойт, удобный как при пожаре, так и при повседневном использовании; железные румпеля* со шкивами; кожаные штуртроты; аксиометр** к штурвалу; железные тумбои (поплавки, служащие для указания места якоря), а также многие усовершенствования по части рангоута. На “Палладе” впервые в практике русского кораблестроения применили медные полубортики с иллюминаторами, выходящими на жилую палубу, а также помпы для подачи воды на камбуз и в лагуны для питьевой воды. Эти и другие новшества сделали “Палладу” совершенным кораблем, который свыше двадцати лет с честью носил русский флаг»¹⁵³.

Нахимов не ограничивался общим наблюдением за работами — он вникал в детали, его предложения были всегда продуманные и обоснованные. Когда выяснилось, что у корабельного инженера нет планов фрегата, Нахимов подал рапорт: «...не имея плана, я не могу приступить к правильной нагрузке фрегата». Не прошло и трех дней, как план предоставили, а на рапорте появилась помета: «Исполнено».

Он писал об увеличении числа гребных судов, о необходимости построить «полубарказ длиною 32 фута, который с большою удобностию будет служить для сбережения самого барказа, ибо, не имея оно, за всякою незначашею тяжестью должно непременно посылать барказ, отчего оный весьма скоро приходит в негодность»¹⁵⁴.

Не всё шло гладко, и не всем Нахимов остался доволен. Так, новым абордажным оружием фрегат не снабдили — дали старое, да и то «в дурном виде». Полупортики в жи-

* Румпель — рычаг для поворота руля.

** Аксиометр — часть рулевого устройства, прибор, показывающий положение руля относительно диаметральной плоскости корабля.

Stabell's Highness

Родина Павла Степановича Нахимова

Здесь стояла церковь Спаса Нерукотворного Образа,
в которой был крещен Павел Нахимов

Усадьба в Волочке (ныне Нахимовское), принадлежавшая дяде Павла Нахимова Николаю Матвеевичу. *Фото 1908 г.*

Усадебный парк

Вид островов в Санкт-Петербурге. *Т. Васильев. После 1815 г.*

Морской кадетский корпус. *Литография В. А. Прохорова. Не позднее 1852 г.*

Петр
Кондратьевич
Карцов руководил
корпусом
во время учебы
Павла Нахимова.
Литография
В. А. Прохорова.
Не позднее 1852 г.

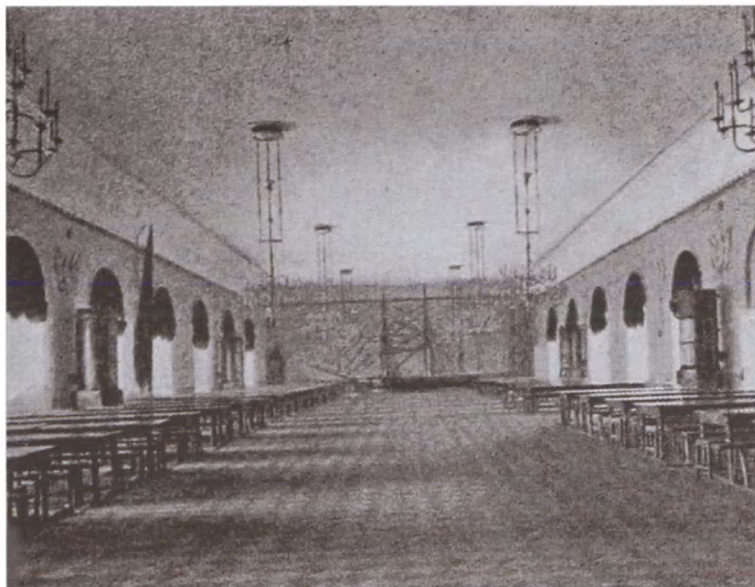
Зал Морского
корпуса

Платон Яковлевич
Гамалея — любимый
учитель кадетов.
Литография
В. А. Прохорова.
Не позднее 1852 г.

Столовая Морского
корпуса

Михаил
Францевич
Рейнеке —
лучший друг
Нахимова
со времен учебы
в корпусе.
Литография
В. А. Прохорова.
1840 г.

В Кронштадте
кадеты
и гардемарины
начинали
постигать азы
морского дела.
Большой рейд
в Кронштадте.
И. К. Айвазовский.
1836 г.

Дмитрий Иринархович Завалишин и Владимир Иванович Даль — товарищи Нахимова по первому учебному плаванию на бриге «Феникс»

Бриг «Феникс». Рисунок из книги П. И. Белавенца «Нужен ли нам флот и значение его в истории России» (1910)

Министр военных
морских сил маркиз
Иван Иванович
Траверсе

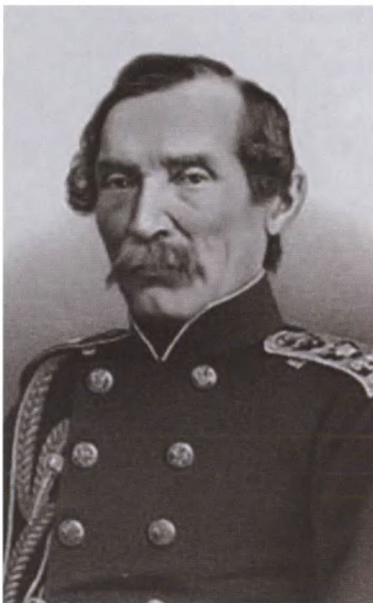
Ревель — один
из пунктов плавания
по Финскому заливу
(«маркизовой
луже»).

Ревель с рейда.
И. К. Айвазовский.
1844 г.

Михаил Петрович Лазарев,
руководитель кругосветного
плавания 1822—1825 годов.
Р. Г. Шведе. 1840 г.

Участник кругосветного
плавания Евфимий Васильевич
Путятин. *Литография
Ф. С. Пашенного. 1857 г.*

Фрегат «Крейсер» и шлюп «Ладога» в кругосветном плавании.
Литография XIX в.

Участник кругосветного плавания, впоследствии главный правитель российских колоний в Северной Америке Иван Антонович Куприянов

С митрополитом Иннокентием (в то время отцом Иоанном Вениаминовым) Нахимов (в то время отцом Иоанном Вениаминовым) Нахимов познакомился на Аляске. *Гелиогравюра 1894 г.*

Столица Русской Америки Новоархангельск (Ситха) в середине XIX века

Командующий русской эскадрой
в Наваринском сражении
Логин Петрович Гейден.
Й. Д. ван Вихерен.
Первая половина XIX в.

Командующий объединенными
морскими силами в Наваринском
сражении сэр Эдвард Кодрингтон.
Гравюра Ч. Тернера по оригиналу
Т. Лоуренса. 1830 г.

Морское сражение при Наварине. *А. Л. Гарнере. 1827 г.*

Командующий французской эскадрой Анри Даниель де Риньи.
Ф. Г. Леполь. 1836 г.

Командующий турецко-египетскими сухопутными и морскими силами Ибрагим-паша.
Ш. Ф. Ларивьер. 1846 г.

В Наваринском сражении Нахимов получил боевое крещение на борту крейсера «Азов» (изображен слева).
Морское сражение при Наварине 2 октября 1827 г. *И. К. Айвазовский. 1846 г.*

В 1831 году Нахимов руководил строительством и вооружением фрегата «Паллада», а в 1834-м командовал им. *Акварель А. П. Боголюбова. 1847 г.*

Форт Святого Духа на Черноморской береговой линии. *Рисунок 1869 г.*

Начальник
Черноморской
береговой линии
Н. Н. Раевский.
*Рисунок
И. К. Айвазовского.
1840 г.*

Десант
Н. Н. Раевского
у Субаши.
*И. К. Айвазовский.
1839 г.*

Вице-адмиральские эполеты Нахимова и его чернильный прибор.
Севастополь. Музей Черноморского флота

люю палубу сделали по чертежам, привезенным из Англии, но «нехорошо, так что вода попадает в оные, да и самые полупортики сделаны дурно». В круглый люк и над каюткомпанией он требовал вставить стекла той же толщины и крепости, как кормовые; сделали, но в запас не дали ни одного, «хотя об оном и требовано было мною от управления конторы Кронштадтского порта». То же и с канатами: требовал прислать запасные — прислали, но не той длины. И снова Нахимов писал о недоделках и требовал их исправления.

Конечно, Нахимов был не одинок, М. П. Лазарев внимательно следил за деятельностью своих оперившихся птенцов, разлетевшихся по собственным кораблям, помогал советом и делом. Пересказывали забавный эпизод, случившийся при строительстве фрегата. «Во время отсутствия по делам службы капитан-лейтенанта Нахимова, вооружавшего на Охте назначенный в его командование фрегат “Палладу”, М. П. Лазарев посетил этот фрегат и заметил, что команда фрегата неправильно перевязывала выбленки на вантах; не сказавши ни слова, он немедленно сбросил с себя мундир, засучил рукава рубашки и принялся перевязывать выбленки, объясняя команде, как следует это делать. В это время Нахимов подходил на катере к фрегату и крайне был удивлен, увидя адмирала на вантах, работавшего с командой»¹⁵⁵.

Да, у Лазарева были жесткие методы воспитания — он перенял их на английском флоте и считал вполне оправданными. Но не одной строгостью он действовал — молодым мичманам, пришедшим к нему на фрегат «Крейсер», он еще и любовь к морской службе прививал, которую невозможно воспитать, если сам ее не имеешь. Адмирал, который не гнушался скинуть мундир и показать матросам, как вязать выбленки, беззаветно любил и море, и службу, и этому Нахимов научился у него.

Командовал «Палладой» Нахимов всего одну кампанию, но за это время произошло событие, которое на Балтике помнили долго.

В августе 1833 года эскадра под командованием вице-адмирала Ф. Ф. Беллинсгаузена крейсировала у восточного берега Балтийского моря. Ночью усилился ветер, небо заволокло облаками, начался дождь, и никто на эскадре не заметил, что, возвращаясь домой, сбились с курса.

Нахимов на «Палладе», увидев Дагерортский маяк, уточнил свое местонахождение и понял: эскадра шла прямо

на камни. Что делать? Курс эскадры определяет флагман, задача остальных командиров — следовать строго за ним. Однако с флагмана никаких сигналов не подавали. Может быть, он ошибся? Нахимов перепроверил свои расчеты — нет, всё верно, курс необходимо изменить, иначе последует катастрофа, гибель целой эскадры.

Из шканечного журнала фрегата «Паллада»: «...В 17 день августа 1833 г., крейсируя под парусами в эскадре, случаи. В 1 часу ветр риф-марсельный, свежий; темно, облачно, высота барометра 29, 28; по термометру теплоты 7° (в XIX веке использовали шкалу Реомюра. 7 градусов по Реомюру соответствовали 8,75 градуса по Цельсию. — *Н. П.*). В начале 1 часа для уменьшения хода положили грот-марсель на стеньгу; в 1/2 2-го часа мы ночным сигналом известили адмирала, что флот идет к опасности...»¹⁵⁶

Вспышка сигнального огня прочертила ярким белым светом ночное небо. Несмотря на непогоду, сигнал должны были заметить. Однако флагман «Император Александр I» не отвечал. Тогда Нахимов понял, что придется самому принимать решение — медлить нельзя.

«Поворот через фордевинд!» — прозвучала его команда. Фрегат лег на левый галс и вышел из корабельного строя — только так командир мог спасти свой корабль.

Произошла вещь неслыханная: командир корабля без команды с флагмана самолично изменил курс и покинул ордер. Самое удивительное, что на «Императоре Александре I» и этого не заметили. И только когда «Паллада» произвела два пушечных выстрела и сожгла еще один фальшфейер, флагман, наконец, дал сигнал об изменении курса. Но идущий первым «Арсис» уже успел наскочить на мель и получил серьезные повреждения, однако остальные корабли эскадры благодаря действиям Нахимова были спасены.

Поступок Нахимова — случай на флоте редкий, можно сказать, исключительный. В 1923 году, например, флотилия США из семи эскадренных миноносцев наскочила на камни и разбилась в проливе Санта-Барбара. Как потом выяснилось, флагман ошибся в счислении на 20 миль и этим ошибочным курсом привел всю флотилию к гибели. Остальные шесть командиров кораблей целиком положились на него, хотя Морской устав и предписывает командирам самостоятельно проверять свое местоположение¹⁵⁷.

Нахимов действовал в соответствии с уставом. Однако если бы он ошибся и его сигнал оказался ложным, быть бы ему судимым и как минимум разжалованным. Так что его

поступок свидетельствует об уверенности в себе и способности действовать хладнокровно.

А что командующий эскадрой? В журнале флагмана записано: «...из числа находящихся у нас на ветре судов одно сделало ночной сигнал, которого мы по причине дождя и большого волнения рассмотреть не могли»; однако о том, что сигнал об опасности неоднократно подавал командир «Паллады», — ни слова. Не упомянут Нахимов и в рапорте Беллинсгаузена о происшествии. Признавать свою вину всегда непросто, и чем выше положение виновного, тем сложнее. Обсуждал ли командующий с Нахимовым это событие, неизвестно; расследование об «Арсисе» закончилось быстро, и дело замяли.

В Кронштадте ходили упорные слухи, что якобы Николай I поблагодарил Нахимова со словами: «Ты мне спас флот». В сентябрьском указе император пожаловал нижним чинам «Паллады» «по рублю, по фунту говядины и по чарке вина на человека»; но в формулярном списке Нахимова никаких наград в том году не значится.

О происшествии на Балтике знали все, даже спустя много лет его живо обсуждали и в порту, и в чайных, и в офицерском собрании. «Старики наши до сих пор рассказывают необыкновенный случай, наделавший в свое время много шума, как молодой капитан “Паллады”, плавая в эскадре адмирала Беллинсгаузена, поднял своему адмиралу сигнал — флот идет к опасности — и в то же время повернул, не ожидая приказаний; пока адмирал проверил свое место и сделал сигнал флоту — повернуть, корабль “Арсис” был уже на камнях»¹⁵⁸.

Так имя Нахимова стало известно всем морякам Балтики. Вскоре его услышали и на Черном море.

На Черном море

В 1830—1840-е годы восточное направление было основным во внешней политике России. Это связано и с обострением противоречий европейских государств в Восточном вопросе, и с войной на Кавказе. Оба эти обстоятельства делали жизненно необходимым для России иметь свой флот и базу на Черном море.

Не так давно присоединенный Крым и еще не освоенный Кавказ с его непокоренными горскими племенами были линией соприкосновения, на южных рубежах кипела

война. О ней, конечно, знали в центре России, но как далеко она была от Петербурга и Кронштадта, от Москвы и Вязьмы, где текла мирная жизнь!

Книг о Крыме и Кавказе в те годы еще не написали, путеводителей не было, и все, кто приезжал в те края, должны были довольствоваться собственными наблюдениями. Ходили в списках стихи А. С. Пушкина, плененного красотой Тавриды, все зачитывались его «Бахчисарайским фонтаном» и ездили смотреть ханский дворец. Из-под пера первого поэта России вышли не одни лирические напевы о южных окраинах империи, эта земля была для него «славой русскою полна»; недаром его поэма «Кавказский пленник», напечатанная в 1822 году, заканчивалась покорением Кавказа:

...Но се — Восток подьмлет вой!..
Поникни снежною главой,
Смирись, Кавказ: идет Ермолов!

И смолкнул ярый крик войны:
Всё русскому мечу подвластно.
Кавказа гордые сыны,
Сражались, гибли вы ужасно;
Но не спасла вас наша кровь,
Ни очарованные брони,
Ни горы, ни лихие кони,
Ни дикой вольности любовь!
Подобно племени Батыя,
Изменит прадедам Кавказ,
Забудет алчной брани глас,
Оставит стрелы боевые.
К ущельям, где гнездились вы,
Подъедет путник без боязни,
И возвестят о вашей казни
Преданья темные молвы.

Наверное, читал поэму и Нахимов, может быть, думал о переводе на Черное море. Особенно когда в 1833 году вице-адмирала М. П. Лазарева назначили главным командиром Черноморского флота и портов.

В ту пору перевод с Балтийского моря на Черное приравнивали к ссылке в Сибирь; случалось, офицеры подавали рапорты с просьбой перевести их обратно «по состоянию здоровья». На одном из таких прошений Николай I написал резолюцию: «С юга на север за здоровьем обыкновенно не переводят. Желая видеть медицинское освидетельствование».

Черноморский флот, созданный трудами Ф. Ф. Ушакова и Д. Н. Сенявина, находился в запущенном состоянии. Каким его увидел Лазарев в сентябре 1832 года? Единственный док, в котором ремонтировали старые и строили новые корабли, находился в Николаеве, и хотя строевого леса на восточном побережье Черного моря хватало, но «никто не обращает на сие внимания», и новых кораблей не строили. Севастопольский порт — главную базу флота на юге — по его местоположению Лазарев определил как «чудный»: «Кажется, что благодатная природа излила на него все свои щедроты и даровала всё, что только нужно для лучшего порта в мире». Но и этот «лучший порт в мире» командование флота умудрилось довести до самого плачевного состояния: «Не имея дока... для разломки кораблей, ломали оные только до воды, а днища, одно за другим, тонули и засаривали тем лучшее место гавани!! Адмиралтейство беднейшее, состоящее более из мазанок, магазины тоже, казарм только две, в которых можно жить, а остальные без полов и потолков...»

Корабли он оценил как неплохие — но лишь снаружи: «...внутри всё худо, расположение дурное, рангоут сделан дурно, паруса тоже, а вооружены еще хуже, гребные суда никуда не годятся». И главное: «Вот уже третий год, как флот здесь не ходил в море, и Бог знает, от каких причин! <...> Гарнизоны наши в местах сих сожаления достойны, а особенно в Потти и Гаграх, где люди, так сказать, гниют, ибо кругом болота и нет казарм»¹⁵⁹.

Одной из причин такого плачевного состояния была нехватка людей. Если корабли можно было привести в порядок довольно быстро, то для обучения людей требовалось время. Команды к тому времени, по выражению Лазарева, «совершенно перевелись», матросов теперь набирали исключительно из рекрутов, да и тех не хватало; даже с учетом поступления на флот двух тысяч поляков после расформирования польской армии* всё равно ощущалась острая

* После победы над Наполеоном (поляки воевали на его стороне) часть польских земель с Варшавой по решению Венского конгресса (1815) вошла в состав Российской империи под названием Царство Польское на условиях широкой автономии: с собственными конституцией, парламентом-сеймом, армией и т. п. В 1830 году, вдохновленные революцией во Франции, поляки подняли восстание, намереваясь восстановить Польшу в границах Речи Посполитой 1772 года (от Балтики до Черного моря). В результате кровопролитных боев мятеж был подавлен; польские земли становились провинцией Российской империи (1832), сейм и армия упразднились.

нехватка в людях. По подсчетам Лазарева, требовалось, и срочно, еще как минимум 2400 человек. «[Можно] вообразить себе, каков будет здесь народ, долженствующий укомплектовать Черноморский флот!» — восклицал адмирал.

Почему же так запустили дела? 57-летний командующий флотом адмирал А. С. Грейг служил на Черном море уже 16 лет. Начал он довольно деятельно: благоустраивал адмиралтейство и сам город Николаев, где благодаря ему появились тротуары и уличное освещение; разрабатывал проекты новых кораблей, усовершенствовал технику кораблестроения, внедрил на кораблях металлические крепления; по его приказу подводная часть кораблей обшивалась медью.

Но сослуживцы стали замечать, что с годами командующему всё наскучило. К тому же он уже не первый год находился в ссоре с начальником Морского штаба князем А. С. Меншиковым: они всё никак не могли выяснить, чье положение выше, а пока не выяснили, приказы друг друга не выполняли. Лазарев шутил, что Грейг, наверное, намеренно довел флот до такого состояния, чтобы «после увидели разность между тем временем, когда командовал он, и временем, в котором будет управлять его преемник».

Еще одной бедой стало воровство в интендантстве, о котором по всей стране ходили уже не слухи — легенды. В 1836 году прогремело дело о краже в Севастополе меди, железа и прочих материалов для строительства кораблей. Оказалось, что вывезли металлы не втихую, а совершенно открыто, да еще в фургонах Виленского егерского полка! «...не думайте, в[аша] с[ветлос]ть, — писал Лазарев Меншикову, — чтобы воровство здесь увеличивалось или чтобы менее за оным было наблюдение, нежели прежде; напротив того, я смею уверительно сказать, что присмотра за похищением казенных вещей прежде почти вовсе не было и от того самого привычка к оному так укоренилась, что уничтожить ее трудно. Надзор по всем частям увеличен до возможной степени, и от того самого чаще в воровстве попадаются»¹⁶⁰.

Все дела в Николаеве вершил кружок чиновников во главе с обер-интендантом Критским, имевших покровительство на самом высоком уровне — в лице жены адмирала, «прелестной Юлии Грейг», в девичестве Лии Сталинской. Когда-то она привезла на продажу в Николаев корабельный лес, добилась аудиенции у адмирала да так ему приглянулась, что стала его женой. С тех пор и адмирал, и

снабжение Черноморского флота, и сам флот всецело находились в ее прелестных ручках.

Когда Лазарев начал приводить в порядок корабли, Критский принялся чинить ему всевозможные препятствия, потому что они с Юлией Грейг решили: «Он наших кораблей не знает, он ничего не смыслит...» Вот, оказывается, от кого зависело перевооружение Черноморского флота!

Взятки за распределение подрядов исчислялись не сотнями — тысячами рублей. «Все их доходы зависят от неразрывной дружбы между собой, — докладывал Лазарев Меншикову. — Критский в сентябре месяце, выпросив пароход, ходил в Одессу и, положив в тамошний банк 100 000, хотел подать в отставку, но министр двора здешнего Серебряный и прелестница наша уговорили его переждать, рассчитывая, что по окончании всех подрядов он должен получить 65 000»¹⁶¹.

В Петербурге знали о происходящем в Николаеве и даже пытались пресечь воровство, время от времени отправляя проверки. Одним из инспекторов император назначил героя войны с турками, знаменитого капитана брига «Меркурий» Александра Казарского, в 1828 году одержавшего победу в неравном бою с двумя турецкими линейными кораблями.

В Николаеве Казарский рьяно взялся за дело и собирался вывести на чистую воду казнокрадов. Однако внезапно 36-летний, полный сил офицер скончался, выпив кофе в гостях. По городу поползли слухи, что Казарского отравили мышьяком: он сам прямо говорил о том лекарю, и все симптомы были налицо. Но едва начавшееся расследование было закрыто: следствие постановило, что Казарский умер от... гриппа. Вот как бывает: можно одолеть в бою два турецких корабля и умереть на родном берегу, в главном городе Черноморского флота, угостившись кофе.

Пострадал от тамошних начальников и Владимир Даль, которого пытались судить за слишком вольные стишки о Юлии и Критском. Правда, не осудили, но добились его перевода в Кронштадт. А вот его родной брат Карл, который был близок к адмиралу Грейгу, похоже, разделил участь Казарского — внезапно скончался в Николаеве в 26 лет.

Раскрывая «тайны николаевского двора», Лазарев в одном из писем мечтательно восклицал: «А хорошо бы, если бы государю вздумалось (подобно тому, как в Кронштадте) прислать сюда генерала Горголи или равного ему в способностях, который взял бы к допросу министра Серебряного и некоторых других; многие бы тайны сделались известными!»

Достаточно взглянуть на портрет Ивана Саввича Горголи, сенатора и отставного генерала, чтобы убедиться: этот человек мог довести дело о взятках в Кронштадтском порту до суда. Но где же взять столько генералов, чтобы вскрыть все хищения в России?

И потому Лазарев, сидя в захолустном Николаеве и выезжая время от времени в еще более захолустный Севастополь, решил не ждать и начать воссоздание Черноморского флота — точнее, создание его заново.

Более всего он испытывал недостаток в честных и деятельных людях, хороших командирах, проверенных кругосветными плаваниями, испытанных в сражениях, а потому позвал на Черное море своих учеников и единомышленников. Недоброжелатели называли их «камарильей Лазарева», доброжелатели и ценители — «оркестром, составленным из одних виртуозов». Вот их имена: Корнилов, Нахимов, Путьин, Метлин, Панфилов, В. Истомин. На Балтике, рядом с Главным адмиралтейством, где выше всего ценились хорошее содержание корабля и выправка экипажа, все они могли быстро и легко сделать карьеру. Рядом с Лазаревым предстояла огромная работа, и фронт на Черном море ценился менее всего.

Вот как рассказал об этом В. Даль, приехавший служить на Черное море после окончания корпуса, в автобиографическом рассказе «Мичман Поцелуев»: «Сказывают, что когда барон наш для первого опыта вздумал сделать по обязанности своей одному экипажу баталионное учение, то в последнем взводе не оказалось даже двух человек, которые шли в ногу, да сверх того еще штыки над головами крестились и цеплялись один за один, и благородный барон в неукротимом порыве отчаяния, заломив руки, воскликнул: “Боже мой! Это что за народ?” — то крайний матрос в задней шеренге, порываясь попасть в ногу и стоптав уже трем передовым все закаблучья, придерживая левою рукою приклад ружья, снял фуражку и, оборотившись к вопрошающему, отвечал с незлобною улыбкою: “Мы с глубокой пристани, Очаковские, ваше благородие!”».

Очаковских, николаевских, луганских и екатеринославских мужиков предстояло сделать российскими моряками, что требовало немало сил и времени.

Нахимов хорошо знал характер Лазарева, который не любил сидеть без дела, и предвидел, что рядом с адмиралом скучать не придется. Современник вспоминал:

«...в Черноморский флот отправились люди, хотя и мо-

лодые, но более привязанные к морской службе, и, вместе с тем, с оттенком моряков старого времени. Павел Степанович был в числе последних. Его очень ценили и в Балтийском флоте. Я помню толки о том, поедет ли он в Черное море или нет, т. е. к каким он себя припишет — к любящим или не любящим выправку. Помню, с каким уважением и почетом все моряки принимали его у себя в домах как гостя, приехавшего из Черного моря в Петербург, в Кронштадт, в отпуск, хотя он тогда был еще совсем молодым штаб-офицером. <...> Русский флот и русские моряки давно его знали, давно отдавали полную справедливость его высоким личным достоинствам ума, сердца, души, характера и его высоко нравственным правилам»¹⁶².

Все уехавшие вслед за Лазаревым в Николаев работали не покладая рук. Немудрено, что после года службы на Черном море Корнилова, Истомина, Путятина было не узнать: «Я рекомендую их (речь идет о представлении к награждению. — *Н. П.*) не как адъютантов, но единственно за сделанную ими пользу... Черноморскому флоту. Если бы в[аша] с[ветлос]ть взглянули теперь на... сих молодых офицеров, то не узнали бы их, так они переменялись от беспрестанных трудов и занятий по адмиралтейству. Занятия их далеко превосходят обыкновенную службу линейных офицеров...»¹⁶³

Перспектива выглядеть, как адъютанты Лазарева всего через год службы, наверное, испугала бы кого-то, но только не Нахимова. Даже наоборот: там, где затевается настоящее дело, где готовятся походы к берегам Греции и на Босфор, где кипит войной Кавказ, — там его место. И он выбирает Черное море.

Николаев

В январе 1834 года Нахимова перевели в 41-й флотский экипаж и сразу назначили командиром строящегося в Николаеве корабля «Силистрия». Предстояла длинная — в две тысячи верст — дорога из Петербурга в Николаев с томительным ожиданием лошадей на станциях, сомнительным угощением в трактирах и ночлегами на постоянных дворах с клопами, а потом поиски квартиры в Николаеве.

Николаев в те годы хотя и назывался главным городом Черноморского флота, но больше походил на заштатный. Основал его в конце XVIII века князь Г. А. Потемкин, про-

ектировал И. Е. Старов, архитектор Троицкого собора Александро-Невской лавры и Таврического дворца в Петербурге, Потемкинского дворца в Екатеринославе и Екатерининского собора в Херсоне. Город с прямыми, будто расчерченными по линейке улицами и кварталами, названный именем святителя Николая, начинался от порта на реке Ингул, где теснились перед разгрузкой корабли; звал на Адмиральский бульвар — со временем его украсили бюсты знаменитых моряков России, оставивших след в истории Черноморского флота; по праву гордился величаво спускавшейся к порту лестницей, которая могла бы соперничать со знаменитой Потемкинской в Одессе; манил в жаркий полдень в каштановый сквер.

Сегодня в Николаеве по-прежнему ярко светит солнце сквозь широкие листья старых, темнеющих корой деревьев, оставляя на газоне и асфальте затейливые узоры, сотканые из света и тени, играют в шахматы старички на лавочках в парке, и бабушки выгуливают по аллеям внуков. Не видно лишь кораблей в порту да непривычно тихо в доках судостроительного завода, где уже четверть века ничего не строят, лишив Николаев права называться городом корабелов.

Нахимов увидел Николаев небольшим городком, где единственными развлечениями, по словам его однокашника В. Даля, были «прогулки по знаменитому бульвару позади Адмиральской улицы над Ингулом... спуск нового корабля да театральное представление штурманских учеников».

Лазарев задумал расширить Николаевское адмиралтейство, соорудить канатный и литейный заводы, механическую кузницу, артиллерийскую, шляпочную, конопатную и мачтовую мастерские, новые казармы на три тысячи человек и главное — каждый год строить по одному кораблю.

В 1834 году Черноморский флот состоял из двенадцати линейных кораблей и девяти фрегатов, большая часть которых, по оценке Лазарева, должна была неминуемо прийти в негодное состояние уже в течение ближайших трех лет. При Лазареве к 1851 году было построено 15 линейных кораблей, и среди них «Силистрия». «В Кронштадте я плакал от безделья, — признавался Нахимов в письме другу, — боюсь, чтобы не заплакать здесь от дела...»¹⁶⁴

Заложен двухдечный корабль был в декабре 1833-го, строил его мастер А. С. Акимов. На вооружении у корабля были 84 усовершенствованные пушки, конструкция которых впервые была испытана на фрегате «Паллада». Лазарев

предложил прибавить по три пуда веса к казенной части орудий, «дабы они при выстреле не наклонялись дульной частью». На нижнем деке стояли длинные 36-фунтовые пушки, на верхнем деке и на шканцах — 24-фунтовые, на баке — 24-фунтовые каронады¹⁶⁵. Отливали их там же, на Александровском литейном заводе, снаряды — на Луганском.

Это были не только новые темпы строительства, но и иные, чем на Балтике, корабли — по внешнему виду, внутреннему устройству, вооружению. Большие — первый из построенных, «Варшава», имел в длину 207,5 фута, «Силистрия» — 192 фута; широкие, с новой, округлой кормой, продуманным и удобным расположением внутренних помещений. Чертежи брали самые лучшие; например, образцом для одной из строящихся шхун послужила знаменитая «Бабелина» греческих пиратов, которую в Средиземном море не мог догнать ни один корабль.

Несмотря на большие размеры, все николаевские корабли ход имели легкий, были остойчивы, балласта для них требовалось намного меньше. «Скажу, что рангоут, делавшийся до сего времени дурно и весьма непрочно, делается теперь лучшим и самым пропорциональным образом; гребные суда, никогда наборными здесь не строившиеся, могут теперь рядом стать со всякими английскими, и гички такие, что не ударят лицом в грязь и в Диле. Парусину начали получать прекраснейшую с Александровской мануфактуры, на первый раз выписали разных номеров 200 000 аршин, и надеюсь, что года через два прежней парусины более на флоте не останется — так была редка, что сквозь парус можно было брать высоту солнца, и так слаба, что беспричинно рвалась. Покрой парусов также переменялся, и черноморский корабль под парусами от английского не узнаешь...»¹⁶⁶ — писал Лазарев.

Когда Лазарева назначили на Черное море, многие были убеждены, что ему не удастся справиться с береговым управлением, а точнее, прекратить воровство. Но они ошиблись. Лазарев не стал растрчивать силы на то, чтобы влить молодое вино в старые мехи; он окружил себя преданными и деятельными учениками и начал новое дело. И такая стратегия вскоре дала результат. Корабли сходили со стапелей, как и было задумано адмиралом, — по одному в год. Но что особенно согревало его «закоренелое в море сердце», так это то, что корабли строили его ученики: «...суда наши, построенные и отделанные при мне и коман-

дурные моими pupils*, отличаются теперь между англичанами и французами в Греции, это утешительно, признаюсь!»¹⁶⁷

В Николаеве ученики Лазарева жили тесной компанией, первое время даже останавливались в доме адмирала. Панфилов, Нахимов, Истомин, Богданов, Корнилов, Путьтин, Матюшкин, писал Лазарев, «составляли одно семейство, как бывало мы жили прежде, и весь разговор был об одной лишь морской службе»¹⁶⁸.

Едва вскрывался лед, в Ингул входили транспорты и пароходы, пришедшие из разных портов Черного моря. Они проходили под горой адмиральского сада, убирали паруса и становились на якорь, а с берега за всем происходившим на них наблюдал в подзорную трубу адмирал или, убрав ее под мышку, молча смотрел на гавань. Среднего роста, коренастый, с седыми, коротко остриженными волосами, Лазарев замечал каждое движение, ничто не ускользало от его глаз. Вот так же и Нахимов будет прогуливаться с подзорной трубой по Графской пристани Севастополя, наблюдать корабли, ведомые его учениками, сравнивая себя с наседкой, выгуливающей цыплят.

Энергичное строительство русского флота на Черном море не могло не обратить на себя внимание англичан. В 1835 году британский посол Джон Джордж Лэмбтон лорд Дарем (1792—1840) осмотрел Николаев; бывший с ним капитан Дринкуотер увидел строящуюся «Силистрию», похвалил отделку рангоута, ковку железных вещей, гребные суда. Многие еще вызывало снисходительную улыбку бывших союзников, при виде канонерских лодок Дринкуотер даже расхохотался. Но к кораблям он присматривался внимательно, выпросил у Лазарева чертеж «Трех святителей», пообещав в обмен прислать из Англии чертеж парохода «Медея»¹⁶⁹.

В августе 1834 года Нахимов был произведен в капитаны 2-го ранга, а 1 ноября 1835-го «Силистрия» спущена на воду. «Вверенный мне 84-пушечный корабль “Силистрия” сего числа со стапеля на воду спущен благополучно», — докладывал Нахимов обер-интенданту Черноморского флота генерал-майору А. Н. Васильеву. Десять лет командовал этим кораблем Нахимов, сравнивая его на первых порах с неопытным юношей, которого еще предстоит многому научить. Когда же П. М. Юхарин принял его под свое командование, то был немало удивлен отличному состоя-

* Учениками (англ.).

нию корабля: «...во время плавания замечено, что во всех отношениях корабль имеет весьма хорошие и удовлетворительные результаты, доказательством сему то, что корабль, прослужа 14 лет... не теряет ходкости, можно сказать, почти равной с прочими кораблями, и при значительном изменении дифферента* действие руля остается правильным и корабль послушен...»¹⁷⁰

К этому времени относится словесный портрет нашего героя: «П. С. Нахимов был большого роста, несколько сутуловатый и не тучный; всегда опрятный, он отличался свежестью своих воротничков, называвшихся у черноморцев “лиселями”»; наружная чистота, любимая им во всём, соответствовала его высоким нравственным качествам; скуластое, живое лицо выражало всегда состояние духа, а мягкие голубые глаза светились добром и смыслом...»¹⁷¹

Нахимов и «Силистрия» осваивали Черное море, ходили в Феодосию, Одессу. За успешную проводку корабля из Николаева в Севастополь командиру было объявлено высочайшее благоволение.

Участвовала «Силистрия» и в «практическом плавании судов», во время которого команды упражнялись в поднятии и креплении парусов, взятии рифов, в перемене парусов и некоторой части рангоута, а также в пушечной и ружейной пальбе, приемах абордажа¹⁷².

На учениях в 1842 году экипаж «Силистрии» показал прекрасные результаты: два рифа у марселей брали за 2 минуты 25 секунд (ту же скорость показала только команда линейного корабля «Султан Махмуд» во главе с капитаном 2-го ранга В. А. Власьевым).

Нахимов добился слаженной работы экипажа не только в управлении парусами — его комендоры стреляли быстрее других. На тех же учениях замеряли скорость стрельбы: было приказано палить из одной и той же пушки пять раз без ядра, сначала с нижней палубы, затем с верхней. На «Силистрии» со среднего дека сделали пять выстрелов за три с половиной минуты — лучший результат среди пяти линейных кораблей, с нижнего — за 4 минуты 45 секунд, уступив только артиллеристам «Султана Махмуда».

Во время практических плаваний устраивали учебные сражения, в которых учились занимать места по диспозиции, держать строй, перестраиваться, выполнять команды

* Д и ф ф е р е н т — угол продольного наклона судна, разность в осадке носа и кормы.

флагмана, атаковать в бою. В 1843 году «Силистрия» принимала участие в таком учении. Сохранились его описание, схема диспозиции судов, где обозначено и место «Силистрии» в подветренной колонне. Благодаря активным и решительным действиям эта колонна выиграла бой, а значит, «одержала бы в действительном сражении» несомненную победу¹⁷³.

Во время этого учебного боя случилось происшествие: с двух кораблей — «Силистрии» и «Гавриила» (командир — капитан 1-го ранга Н. Ф. Метлин) — за борт упали люди. Первый был скоро спасен, второй утонул. Нахимов, наверняка помнивший печальный опыт во время кругосветки, когда ему не удалось спасти упавшего за борт матроса, теперь мог порадоваться благополучному исходу дела и хорошей выучке своей команды.

В Севастопольском архиве хранится несколько писем Нахимова митрополиту Агафангелу (Типальдо) с просьбой прислать на корабль священников¹⁷⁴. Обычно на корабли Черноморского флота присылали иеромонахов из балаклавского Георгиевского монастыря по выбору настоятеля, но Нахимов сам писал митрополиту, указывая имена конкретных священников. Да, командир корабля — это царь для своих подчиненных, сказал святитель Иннокентий (Вениаминов), корабль — его царство, а команда — подданные. Но владыка может быть тираном, внушающим ужас и трепет, а может стать отцом родным. В 1840-е годы Нахимов был уже опытным командиром и воспитателем и знал, как важен хороший священник, как много от него зависит для создания нравственной атмосферы на корабле. Что уж говорить, священники тоже бывают разные. Завалишин описал иеромонаха, бывшего с ними в кругосветном плавании, как человека необразованного, из простых казаков, сильно склонного к употреблению горькой. Потому офицеры, наверное, и отправились на исповедь и причастие не к корабельному священнику, а к отцу Иоанну Вениаминову. Но недостойное поведение отдельного человека вовсе не умаляет необходимости пребывания иерея на корабле. Нахимов видел духовный подъем команды перед боем, который создавали молебен и речь батюшки, и понимал важность последнего причастия для смертельно раненных и отпевания погибших: это утешение живым, надежда, что и они упокоятся по-христиански, хотя и далеко от родной земли. Служили на «Силистрии» направленные туда по личной просьбе Нахимова иеромонахи Ксенофонт,

Климент и Феокист, отец Иосиф Ревизский, «которого усердием и примерной нравственностью я совершенно доволен», писал Нахимов митрополиту.

«Корвет “Наварин”, фрегат “Паллада”, корабль “Силистрия” были постоянно теми образцами, на которые все указывали и к которым все стремились, — вспоминал служивший на Черном море вице-адмирал А. Б. Асланбегов. — Кто... встретясь в море с кораблем “Силистрия” и входя на рейд, где он красовался, не осматривал себя с ног до головы, чтобы показаться в возможно лучшем, безукоризненном виде зоркому капитану “Силистрии”, от которого не скроется ни один шаг, ни малейший недостаток, так точно, как и лихое управление? Одобрение его считалось наградой, которую каждый старался заслуживать, — так велико было нравственное влияние этого человека»¹⁷⁵.

В одном из писем Меншикову в 1837 году Лазарев, характеризуя своих учеников, о Нахимове сказал: «...служит здесь образцом для всех командиров кораблей». Когда старинный друг Лазарева отставной капитан-лейтенант А. А. Шестаков просил за своего сына Ваню, адмирал пообещал отправить его на корабль «к Нахимову или Путятину, где он, кроме хорошего, ничего не увидит; первый из них командует лучшим кораблем, а последний — лучшим фрегатом»¹⁷⁶.

Лазарев был скуп на похвалы, терпеть не мог выскочек и желающих выслужиться, его оценка дорогого стоила. Тех, кто служил, не жалея себя, адмирал поощрял. В декабре 1837 года Нахимов был произведен в капитаны 1-го ранга. Подход Лазарева к повышениям и наградам был прост: они нужны не для того, чтобы отличать хороших от плохих — тех следует просто выгонять со службы, но чтобы отличать «весьма хороших от обыкновенных». Его ученики и были совершенно необыкновенными.

К слову, Лазарев считал необходимым поощрять не только офицеров, но вообще всех дельных людей. Вот, к примеру, как он хлопочет перед князем А. С. Меншиковым о писаре, этаким «акакии акакиевиче» адмиралтейства: «...представлявшийся к награде чином 14-го класса писарь Петров не получил оногo, потому что не выслужил 20 лет, но он исправляет должность столоначальника в Корабельной экспедиции лучше всех других и потому только не сделан начальником отделения, что не имеет офицерского чина; он столько привык к делу и так хорошо знает оногo, что Кораблестроительная экспедиция, можно сказать, им

держится, и учетный комитет ни по какому делу заключения не делает без него, Петрова! Чем же он виноват, что голова его умнее многих других вместе?»¹⁷⁷

Вот так же Нахимов будет хлопотать в Севастополе о Петровых, Ивановых и Сидоровых.

Морской Суворов

О том, каким командиром и наставником был Нахимов, увлекательно, достоверно и остроумно поведал в рассказе «Фрегат “Бальчик”» вице-адмирал В. И. Зарудный. Он был хорошо знаком с Рейнеке и Нахимовым: с первым проводил промеры Балтийского и Черного морей, под командованием второго служил лейтенантом на фрегате «Кулевчи». Публикуя свой рассказ в «Морском сборнике» в 1856 году, Зарудный сделал примечание: «Автор считает долгом предупредить читателей, что имена, фамилии, названия судов, обстоятельства — никого и ничего не обозначают в этом вымышленном рассказе. Одна личность адмирала Нахимова со всеми его монологами изображена здесь с такою добросовестностью, которая зависела от памяти рассказчика; всё остальное служит общей обстановкой того человека, которому посвящается этот рассказ»¹⁷⁸. Знавшие Нахимова подтверждали правдивость описания характера адмирала.

Вот как выглядит в рассказе парусное обучение под руководством Нахимова, который в эти годы командовал 1-й бригадой 4-й флотской дивизии.

«Фрегат в буквальном смысле затрещал от беготни матросов, которые через несколько секунд были на своих местах. Когда я выбежал наверх, марсовые бежали уже по вантам...

— Мухи! — кричал на вялых матросов Павел Степанович Нахимов, стоявший на правой площадке, облокотившись о борт локтем правой руки, — зачем по путинь-вантам* не бегут? Не бойся падать, вниз упадешь, а не вверх! <...>

— Что же там, на крьюселе делается? — крикнул командир фрегата Абасов.

* Путинь-ванты (путенс-ванты) — тросовые связи между боковыми кромками марса и мачтой, служащие для того, чтобы марс не выгибался наружу.

— Ведь это вот что такое-с, — заметил ему Павел Степанович, — этот Корчагин с Набардюком завели себе малороссийский хутор на крьюселе, а нас с вами, как русских, знать не хотят.

— Новая беда! — думал я. — Теперь недели две нужно будет отшучиваться в кают-компани.

Так и случилось. Шутка Павла Степановича тотчас была принята к сведению каждым из офицеров. Все прозвали крьюсель на “Бальчике” Малороссией. Название это было усвоено вследствие стечения двух неблагоприятных обстоятельств: во-первых, мичман и старший унтер-офицер на крьюселе были хохлы; во-вторых, по небольшому числу парусов работ у нас было меньше, чем на других марсах».

Шутки шутками, но чтобы добиться высокой скорости, упражнялись по несколько раз в день. Артиллерийское учение тоже проходило под наблюдением Нахимова. В эти годы на флоте обсуждали переведенную Корниловым книгу об артиллерийском учении, которую он привез из Англии. Весной 1849 года по распоряжению Лазарева перевод размножили, экземпляры разослали по кораблям, чтобы проверить правила на практике¹⁷⁹. Нахимов прочитал, нашел английское учение «несравненно удобнее», а дальше перечислил «некоторые недостатки» — девять пунктов на двух листах. Общий вывод: «...учение, принятое на корабле “Двенадцать апостолов” и испытанное мною на двух судах, весьма близко к предлагаемому, но удобнее и лучше его, будучи проще и более применено к понятиям и образованию наших людей»¹⁸⁰. Здесь Нахимов изложил главный принцип педагогики: учить нужно в соответствии с возможностями ученика. В то время вошло в моду обучение при помощи вопросов и ответов, которые матросы должны были заучивать на манер катехизиса и отвечать, как на экзамене. Павел Степанович этого очень не любил.

«— Что за вздор-с, — говорил он офицерам, — не учите их, как попугаев, пожалуйста, не мучьте и не пугайте их; не слова, а мысль им передавайте.

— Муха! — сказал Павел Степанович одному молодому матросу, имевшему глуповатое выражение лица. — Чем разнится бомба от ядра?

Матрос дико посмотрел на адмирала, потом ворочал глазами во все стороны.

— Ты видал бомбу?

— Видал.

— Ну, зачем говорят, что она бомба, а не ядро?

Матрос молчал.

— Ты знаешь, что такое булка?

— Знаю.

— И пирог знаешь что такое?

— Знаю.

— Ну вот тебе: булка — ядро, а пирог — бомба. Только в нее не сыр, а порох кладут. Ну что такое бомба?

— Ядро с порохом, — отвечал матрос.

— Дельно! Дельно! Довольно с тебя на первый раз».

«Никто так не мог приохотить к службе, как Нахимов», — говорил Зарудный. При этом ничего назидательного и нравоучительного, чего так не любит молодежь, в его обучении не было. Он не ставил себя в пример и не говорил: будьте такими, как я; наоборот, он не боялся выставить себя порой в самом невыгодном свете, так сказать, в педагогических целях. Он говорил офицеру: я когда-то делал то-то и то-то дурно и хотел бы, чтобы вы так не делали.

Офицер, по его мнению, не имел права быть наблюдателем на корабле, он должен уметь найти причины происходящего:

«На юте ставили бизань, матросы разбежались с бизань-шкотом, дернули его, и он лопнул. Павел Степанович, увидя это, рассердился и накричал на меня. Мне сделалось досадно. Чем, думаю себе, виноват я, что бизань-шкот лопнул, не я же его делал...

— Г-н Корчагин, — сказал мне Павел Степанович, — у нас лопнул бизань-шкот-с!

— Как же-с, лопнул сейчас. — Как, думаю себе, забыть такое важное происшествие.

— Вы мне должны сказать, почему он лопнул?

— А Бог его знает, — отвечал я равнодушно. Павел Степанович посмотрел на меня с удивлением.

— Во-первых, г-н Корчагин, подобные ответы как-то странны; ежели бы я имел право, то посадил бы вас за это на покаяние на два года, а во-вторых, кому же знать причину такой простой вещи, как не нам с вами, г-н Корчагин! Царям много дела-с; им есть о чем думать: во Франции революция, в Германии также; о бизань-шкотах ближе всего позаботиться мичманам».

Его главными способами воспитания были убеждение и личный пример. Именно так — в воспитательных целях — он поступил однажды даже с риском для жизни.

В одном практическом плавании корабль «Адриано-поль», шедший близко к кораблю «Силистрия», сделал такой неудачный маневр, что столкновение было неминуемо. В результате ошибки капитана «Адрианополя» повреждения обоих кораблей и жертвы были бы неизбежны, если вовремя не принять мер. Что же сделал Нахимов?

— С крьюселя долой! — раздалась его команда. И в ту же минуту замелькали загорелые руки по вантам, мгновение — и матросы прыгнули на палубу.

— Все на шкафут за грот-мачту! — скомандовал Нахимов. Вовремя — еще миг, и на «Адрианополе» затрещал утлегарь — продолжение бушприта — и колом вошел в борт «Силистрии». Ну а вслед за этим стали рваться ванты на грот, потом на бизань-мачте, с треском полетели в воду катер и шлюпка, закачалась бизань-мачта, крьюс-стенга рухнула вниз, сломав марс и бегин-рей. Во время столкновения только один человек оставался на месте — Нахимов. Он не ушел с юта, даже когда посыпались осколки рангоута и падающая мачта едва не придавила его.

— Отчего же вы не сошли с юта и подвергли себя верной опасности? — спрашивал его на другой день старший офицер.

— Такие случаи предоставляются редко, и командир должен ими пользоваться. Надо, чтобы команда видела присутствие духа в своем начальнике; тогда она будет вполне уверена в нем и в критические минуты будет спокойна¹⁸¹.

Нахимов стремился развить в молодых офицерах наблюдательность, внимательность к подчиненным, советовал присматриваться к матросам: выяснять, из какой они губернии, — это поможет в воспитании команды. Нельзя действовать одним страхом, «необходимо поощрение сочувствием, нужна любовь к своему делу-с, тогда с нашим лихим народом можно такие дела делать, что просто чудо». Если кто-то трусил — спокойно убеждал, что этот недостаток можно искоренить, находчивость можно возбудить и развить. Самой большой похвалой в его устах было «бравый офицер»; по словам Зарудного, «этот титул был для меня выше самого почетного сана в государстве».

Были у него суждения совершенно в традициях суворовской «Науки побеждать»: «Матрос есть главный двигатель на военном корабле, а мы только пружины, которые на него действуют. Матрос управляет парусами, он же наводит орудие на неприятеля; матрос бросится на abordаж, ежели понадобится; все сделает матрос, ежели мы, начальники,

не будем эгоистами, ежели не будем смотреть на службу как на средство для удовлетворения своего честолюбия, а на подчиненных как на ступени для собственного возвышения». Не следует, впрочем, искать в характере Нахимова показного демократизма, отдающего лицемерием. Павел Степанович «всегда превозносил достоинство дворянина», высоко ставил обязанности благородного сословия в государстве. Увлечение части дворянской интеллигенции западными идеями и образом жизни Нахимов не разделял: «Удивляют меня многие молодые офицеры: от русских отстали, к французам не пристали, на англичан также не похожи; своим пренебрегают, чужому завидуют и своих выгод не понимают».

Он обладал редкой способностью располагать к себе: «Кто говорил с ним хоть раз, тот его никогда не боялся и понимал все мысли его и желания». Мог погорячиться, даже накричать; впрочем, замечаниями никогда не задевал за живое, а остыв, спокойно разбирал возникшую проблему и всегда сглаживал неприятную ситуацию шуткой. И поскольку от его замечаний веяло добродушием, выговоры его не были тягостными.

Зарудный описывает эпизод, когда герой рассказа впал в уныние, получив, по его мнению, незаслуженное наказание, и даже просил перевести его на другой корабль эскадры.

«— Зачем-с?

— После вчерашнего происшествия я не могу служить на фрегате с охотою и усердием.

— Вы читали историю Рима?

— Читал.

— Что было бы с Римом, если бы все патриции были так малодушны, как вы, и при неудачах, обыкновенных в тех столкновениях, о которых вы, вероятно, помните, бежали бы из своего отечества?»

В другой раз в воспитательных целях он призывал на помощь авторитет адмирала Нельсона:

«— Как же это, г-н NN, у вас сегодня брам-шкоты не были вытянуты до места? Это дурно; вы никогда не будете хорошим адмиралом. Знаете ли, почему Нельсон разбил французско-испанский флот под Трафальгаром?

— Артиллерия у него была хорошая.

— Мало того что артиллерия была хороша; этого мало-с. Паруса хорошо стояли, всё было вытянуто до места. Брам-сели у него стояли, конечно, не так, как у вас сегодня. Французы увидели это, оробели, вот их и разбили»¹⁸².

Даже знаменитый словоерс*, который он так часто использовал в речи, не столько свидетельствовал о верности традициям, принятым в дворянской среде, сколько смягчал напряженность разговора, придавал сказанному несколько ироничный оттенок.

Как признавался Зарудный, не все понимали приемы Нахимова, считали его, мягко говоря, простаком и делали героем анекдотов. «Я имел несчастье принадлежать к числу подобных молодых людей, — со стыдом признавался Зарудный. — Это, конечно, несчастье, потому что похвала, отдаваемая человеку после смерти, есть ничто в сравнении с огорчениями, сделанными ему при жизни его».

Нахимов видел такое отношение к себе, но от своей методы не отступал. Отчего? — Думается, от внутренней убежденности в своей правоте.

История болезни

Тяготы морской службы не способствуют укреплению здоровья; ревматизм, артроз, невралгия, лихорадка, бронхит даже самых крепких моряков заставляли съезжать на берег и порой на недели укладывали в постель. Занемог и Павел Степанович.

В то время было модно лечиться минеральными водами, лучшими докторами считались немецкие, и потому Нахимов, взяв 23 марта 1838 года отпуск, выехал на лечение в Германию.

Три дня морем на пароходе «Геркулес», затем посуху до Штеттина (современный польский Щецин); наконец, в середине мая он прибыл в Берлин.

Как он жил и лечился за границей, Нахимов подробно рассказал в письмах¹⁸³. Обычно не большой любитель писать, из Германии он писал часто, подробно. К счастью, большую часть его писем бережно сохранил в своем дневнике М. Рейнеке. Есть в них и размышления о жизни, которые Нахимов чуть иронично называет «философией», и суждения о службе и событиях на флоте. Благодаря письмам Нахимова раскрываются его взаимоотношения с родными и друзьями, ярче проступает его характер.

* Словоерс — частица «-с», прибавляемая к концу слов в знак почтения к собеседнику, сокращение от слова «сударь», заменяющее его: «да-с», «извольте-с».

Лечиться в Германии ему посоветовал флотский лекарь Э. Шиле, он же порекомендовал и врачей. Да они и без того были известны во всей Европе: Руст, Диффенбах, Грефе — эти имена вошли в историю медицины. Руста называли «оракулом», Диффенбаха именовали «великим», к Грефе обращались «маэстро». Это к ним в 1833 году приехал учиться из России начинающий хирург Николай Иванович Пирогов.

Нахимов и Пирогов познакомятся в Севастополе во время войны и придутся друг другу по душе. У них был общий друг Владимир Даль, который вместе с Нахимовым учился морскому делу в кадетском корпусе, с Пироговым — медицине в Дерптском университете. С Нахимовым Даль плавал гардемаринем на «Фениксе», с Пироговым стажировался в Германии, а потом, по выражению Пирогова, «переседлал в литераторы». Возможно, в осажденном Севастополе они вспоминали и общих немецких знакомых, у которых один лечился, а второй учился.

Начинающий, но уже известный своими операциями и анатомическими изысканиями Пирогов сделал для себя в Германии неприятное открытие: практическая медицина в Берлине полностью изолирована от анатомии и физиологии, более того, практикующими врачами анатомия откровенно презирается, и словосочетание «хирург-анатом» в их устах звучит как ругательство. Открытие Пирогова не просто удивило — потрясло: «...ни Руст, ни Грефе, ни Диффенбах не знали анатомии».

Когда Грефе оперировал, он приглашал профессора анатомии Шлемма и, делая разрез, спрашивал: «Не проходит ли здесь сосуд?» Диффенбах во всеуслышание объявлял известные артерии «выдумкой». Руст к тому времени, как приехал Нахимов, уже не оперировал, а только читал лекции. Вот одно из его высказываний на лекции: «Я забыл, как там называются эти две кости стопы: одна выпуклая, как кулак, а другая вогнутая в суставе...»¹⁸⁴ Зато его метод пользовался популярностью среди берлинских докторов: он ставил диагноз исключительно по наблюдению за больным, не спрашивая: «На что жалуетесь?» При таком подходе «оракул» бросал взгляд на вводимого к нему пациента и объявлял диагноз. Правда, больного предварительно осматривали ассистенты и сообщали Русту результаты, но всё равно такое диагностирование выглядело очень эффективно, хотя и отдавало шарлатанством. Даже самый нелепый диагноз опровергнуть было невозможно: в палаты клиники

«Шарите» Руст никого не пускал, и «предсказания» «оракула» проверить было нельзя.

Наркоз в те времена еще не применяли, операция проходила под стоны и крики пациента, и многие умирали от болевого шока. Пирогов стремился сократить время операции, для чего изучал строение органов в анатомическом театре и по анатомическим атласам и сам их впоследствии составлял. Немецкие врачи придерживались другого подхода. «Хирургия должна быть жестокой», — любил повторять Диффенбах, и его операции длились мучительно долго.

Пирогов весьма критично оценил немецких знаменитостей, но всё же сумел извлечь пользу из знакомства с ними: у Диффенбаха и Грефе он учился технике операций, а способ диагностирования Руста дополнил тщательным опросом больного. Но Нахимов приехал в Германию не учиться, а лечиться, а потому испытал на себе недостатки немецкой школы, прошел все мытарства.

Когда его осмотрели в Берлине, то нашли, что причина его недомоганий — нервы. Болезнь запущенна, нужны решительные меры; если пациент согласен на их применение, успех лечения обеспечен. «Вы знаете мой характер, — писал Нахимов сестре и брату Сергею, — ни минуты не медля, я согласился на всё». Печальный опыт научил больных не доверять мнению одного и даже двух врачей, заставлял консультироваться у разных докторов и только после этого принимать решение. Недостаток времени и решительный характер Нахимова в этом случае лишь повредили ему.

В Германию он приехал на своих ногах, а пролечившись две недели, уже не мог ходить и «расслабел ежеминутно во всём составе моего корпуса». Еще через три недели врачебный консилиум назначил новые средства лечения, но и они не помогли. Прележав пять недель не вставая, Нахимов снова проявил решительность — потребовал у врачей четкого ответа, «что предпринять, чтобы прийти хоть в прежнее состояние». Отпуск подходил к концу, он не мог не то что вернуться на службу, но даже передвигаться без посторонней помощи: «комнату переходил с двух приемов», изнемог и нравственно, и физически и был уверен, что «перенес более, нежели человек может и должен вынести».

Способы «лечения нервов» в первой половине XIX века были весьма оригинальны, современному человеку они показались бы изуверскими. Больному втирали в кожу ртуть, закачивали в него жидкость, чтобы с ней «уходила болезнь». Доктор Диффенбах, например, практиковал ле-

чение заикания хирургическим путем. Самым безобидным была входившая в моду гомеопатия доктора С. Ганемана, которую Даль насмешливо называл «департаментом бесконечных разжижений».

Вот как описал свое лечение Нахимов: «Трудно вообразить себе, чего только со мною не делали, и я не знаю, что остается мне еще испытать. Меня жгли, резали, несколько дней был на краю гроба, и ничто не принесло облегчения». Прописанные диеты тоже отличались оригинальностью: «Три месяца кроме молока не только ничего другого не ел, но даже капли воды не должен проглотить, так решил консилиум врачей, и после этого мне обещают облегчение». Судя по всему, Нахимова лечили модным тогда методом гидротерапии, при котором примочки и компрессы сочетались с сухой диетой: больной должен был употреблять как можно меньше жидкости, не есть супов и соусов.

Однако облегчение не наступило, и чуть живой он отправился выполнять новое предписание: пить воды в Карлсбаде — самом модном европейском курорте (ныне — Карловы Вары в Чехии).

Маленький городок с населением чуть более двух с половиной тысяч жителей с осени до весны жил тихой провинциальной жизнью, как и другие города Богемии, а с весны до осени наполнялся отдыхающими, в основном русскими. Больные и здоровые, служащие и праздные, живущие на одно жалованье и богачи прохаживались по главной аллее, где располагаются знаменитые источники минеральных вод. Каких там только нет: горячие, холодные и теплые; те, которые рекомендуется пить до еды и после, а еще те, с которыми принимают ванны. Воды соединяли с непременно моционом. Собственно, вся жизнь городка и проходит на этой центральной улице с источниками; если вы захотите найти кого-то или с кем-то встретиться — нет ничего проще: приходите к источникам. Современных колоннад во время лечения Нахимова еще не было, а вот знаменитые кружки с носиками уже продавались.

Впрочем, у Нахимова ни сил, ни желания встречаться со знакомыми и осматривать достопримечательности Германии не было. Прожив несколько месяцев в Берлине, он, по собственному признанию, города почти не видел. Однако заметил, что Берлин больше похож не на свободный, а на завоеванный город: «...езде гауптвахты, будки, солдаты». По сравнению с ним миниатюрный Карлсбад показался ему чудным местом: «Он мог бы быть земным раем,

если бы тут не было людей. О люди, люди, всегда и везде всё портили и портят... Большая половина посетителей приезжают для развлечения, тратят большие деньги, и для них, конечно, время летит незаметно, и трудно вообразить, чего бы здесь нельзя было достать...» Нет, Павел Степанович, заболев, вовсе не стал мизантропом, хотя и вел жизнь «самую уединенную, скучную». Он был чрезвычайно стеснен в средствах. Оттого и сетовал, и ворчал в письмах: в Берлине-де «за самую высокую цену нельзя было отыскать двух удобных комнат», и в Карлсбаде «настроили дворцов, замков, палат, а нет угла, где бы за умеренную цену можно было бы удобно поместиться. Всё чрезвычайно дорого».

В Карлсбаде Нахимов провел август и сентябрь 1838 года. Ни минеральные воды, ни ванны не помогли, стало даже хуже — появилось учащенное сердцебиение, начались обмороки. В угнетенном настроении он вернулся в Берлин в октябре, твердо решив: если не будет улучшения в ближайшие три месяца, нужно или менять врачей в Берлине, или выбирать другой город: «...общий голос утверждает, что в Дрездене медицина стоит на высшей точке образования».

Впрочем, спустя месяц некоторое облегчение всё же наступило: «...теперь не чаще, как в две недели раз бывает прилив крови к сердцу, а с ним и обмороки», не такие «тягостные», как раньше. Правда, на излечение это походило мало, и врачи вновь созвали консилиум. Нахимов специально для медика Шиле перечислил имена всех докторов — «он, верно, всех их знает». Знаменитые врачи подтвердили, что болезнь «происходит от расстройства нервов», и прописали... арсеник.

Арсениты — это соли мышьяковой кислоты, по сути — яды; в сельском хозяйстве их применяют как инсектициды. Но в медицинской практике XIX века они были очень популярны вместе с кровопусканиями, пиявками и банками. В письме «любезному другу Мише» Нахимов шутит по поводу прописанного ему лекарства: «Можешь вообразить, как отрадно для больного знать, что он глотает яд». Отчаявшись, он готов был принимать даже яд — лишь бы помог, но надежды на исцеление «давно перестали ласкать».

К неудачному лечению и плохой погоде — в Пруссии и Богемии все лето 1838 года шли непрерывные дожди — добавилась хандра: деятельная натура Нахимова тяжело переносила бездействие, к тому же стали одолевать мрачные мысли о службе. «В отсутствие мое, вероятно, меня отчислят по флоту и назначат другого командира экипажа и

корабля». Опасения были не так уж и беспочвенны, долго болеющих или сказывающихся больными офицеров на Черном море не жаловали, службой считали только участие в походе. Если офицер искал теплого места, то старался попасть не в Севастополь, а в Николаев — «главное гнездо канцелярий», как шутили моряки. Правда, мнимые больные не подозревали, что у тамошнего начальника штаба С. П. Хрущева был свой оригинальный способ оздоровления: рассказывали, что по его указанию не одного ловкого пройдоху бережно, вместе с постелью, в ночной тиши переносили на пароход или транспорт, уходивший с рассветом в Севастополь¹⁸⁵.

Нахимов, конечно, не относился к числу нерадивых, его рвение по службе называли «фанатичным», и потому в его письмах из Германии столько сожалений и горьких мыслей: «Не знаю, кому достанется корабль “Силистрия”!» Его он любовно сравнивает с юношей, воспитание которого едва начато: «Кому суждено окончить воспитание этого юноши, которому дано доброе нравственное направление, доброе основание для всех наук, но который еще не окончил курса и не получил твердости, чтобы действовать самобытно». Много сил приложил к воспитанию этого «юноши» Нахимов, когда строил и оснащал корабль, округлял экипаж. Но что поделаешь — «надобно или служить, или лечиться».

Тяжело было Павлу Степановичу на берегу без дела. Владимир Даль в одном из своих рассказов ярко обрисовал такой характер, вполне возможно, списав его с Нахимова: «Старший лейтенант был одним из тех страстных моряков, которые бывают дома только на шханцах, земля под ногами досаждаёт этим людям на каждом шагу, если завезти их на сто верст от портового города, то с ними делается удушье, они погибают, как бурная птица, которая тогда только живет и дышит, когда под ревом бури скользит на распашных крыльях своих по зыбучему косогору исполинской волны»¹⁸⁶.

Нахимова убивало бездействие. В письмах «любезному Мишусте» он сожалеет, что не пришлось участвовать в «блестящей Константинопольской кампании» — она закончилась перед его переводом на Черное море. Об этой кампании нужно сказать несколько слов, она имеет прямое отношение к Восточному вопросу и будущей Крымской войне.

Осенью 1831 года египетский паша Мухаммед Али, заручившись поддержкой Франции, поднял мятеж против турецкого султана. Египетская армия под командова-

нием Ибрагима-паши — того самого, который участвовал в Наваринском сражении, — разбила турок, пленила их главнокомандующего и двинулась к Константинополю. Западные державы, к которым обратился султан, помощи ему не оказали; тогда он обратился к своему «заключенному другу» — России. Николай I в поддержке не отказал, решив воспользоваться этой ситуацией, и отправил к берегам Босфора русскую эскадру в составе четырех линейных кораблей, трех фрегатов, корвета и брига под командованием М. П. Лазарева. На транспортных судах доставили десяти-тысячный корпус и привели в боевую готовность тридцатитысячную армию, стоявшую в Дунайских княжествах. Этим мер оказалось достаточно, чтобы египетский паша и турецкий султан начали мирные переговоры.

В Ункяр-Искелеси близ Константинополя 26 июня (6 июля) 1833 года Россией и Портой был подписан договор сроком на восемь лет. Кроме подтверждения всех прежних соглашений двух государств была добавлена новая статья: если бы Россия оказывалась вовлеченной в военный конфликт с третьей стороной, Турция обязалась закрыть Дарданеллы для прохода иностранных военных кораблей. Этот договор имел не только оборонительное значение — историки оценивают его как «крупную внешнеполитическую победу» России, «серьезную заявку на преобладание в проливах и право охранять вход в Черное море, сравнимое с контролем Англией над входом в Средиземное»¹⁸⁷. В результате этого договора Россия без кровопролития получала то, чего не смогла достичь по итогам Русско-турецкой войны 1828—1829 годов.

Так что Нахимову было о чем сожалеть. Следующие четыре года, когда он уже служил на Черном море, всё было тихо и спокойно; стоило ему уехать на лечение, «как снова кампания для целого флота к абхазским берегам и самая дельная из всех [черноморских]». Но в десантах на абхазском берегу он еще поучаствует, и не один раз.

Неудачное лечение хоть кого делает замкнутым и недовольным. Но Нахимов не стал злобным ипохондрикком. Его письма полны благодарности родным за проявленную заботу, он умеет не только быть благодарным, но и сказать об этом. Вот он пишет «милой, доброй сестрице»: «...Вы угадывали каждую мысль мою, всякое желание»; благодарит за то, что они с братом Сергеем создали такую теплую обстановку, так «избаловали в Петербурге своим вниманием и заботливостью, что и при лучших обстоятельствах не

только в Карлсбаде, но и везде мне показалось бы скучно». Он шуточно корит племянника, Сергея Воеводского: «...не только лентяй, но даже мальчик без самолюбия, а таких я не люблю». А вот свою любимицу Сашурку — «никому не поручаю, сам мысленно целую».

Конечно, больше всего его заботят дела на флоте, да только в Германии «ни о Черноморском, ни о Балтийском флоте решительно ни слова не слышал»: «В этой пресной, безводной стороне никого не занимают наши морские движения». И лишь когда в Германию приехал начальник Морского штаба князь А. С. Меншиков со свитой, Нахимов узнал все флотские новости. «Можешь судить, как отрадно мне было услышать об удачных действиях нашего флота на абхазском берегу», — сообщает он Рейнеке. Его душа радуется повышению по службе друзей-«азовцев» Пуятинина и Корнилова. Он искренне сочувствовал своему другу Александру Панфилову, командиру разбившегося тендера «Луч», и выражал уверенность, что несчастье случилось «не от упущения или оплошности командира». Впрочем, к неприятностям по службе, да и в жизни, Нахимов относился философски, можно сказать, стоически, считая, что если они случаются, то позволяют «выказать характер морского офицера еще в более блистательном виде». Каждую сложную ситуацию в жизни он воспринимал как вызов и отвечал на него, не отступая.

Если он может чем-либо помочь друзьям — делает всё возможное. Несмотря на стесненность в средствах, покупает для Алексея Трескина в Германии географические карты «самые новейшие, подробные и лучшего издания», переживает об их доставке, спрашивает в письме, получил ли их адресат и доволен ли. Узнав, что Александра Стодольского переводят на Черное море, хлопочет, чтобы ему выдали тысячу рублей, ведь тот может нуждаться в деньгах; отдает в полное его распоряжение свою квартиру в Николаеве и всё в ней находящееся имущество.

Карьера Стодольского складывалась не совсем успешно. Вначале всё шло довольно гладко: Морской корпус, кругосветка на корвете «Елена» под командой Петра Чистякова, назначение на корабль «Александр Невский», участие в Наваринском сражении. Однако потом на корабле произошел матросский бунт; командира, капитана 2-го ранга Богдановича, отстранили от командования, а зачинщиков отдали под суд. От смертной казни матросов спасло их геройское поведение во время Наваринского сражения — им-

ператор заменил казнь каторгой. Однако офицеров, в том числе Стодольского, обошли и наградами, и повышением по службе. Позже он участвовал в гидрографической экспедиции по исследованию Белого моря под руководством Рейнеке. Только в 1835 году лейтенант Стодольский, которому было уже за сорок, получил, наконец, в командование бриг «Диомид», в 1836-м — чин капитан-лейтенанта. И Нахимов, и Рейнеке хлопотали о нем; в каждом письме Нахимов спрашивался: «Что делает Стодольский? Здоров ли?» Не без их участия Стодольского перевели на Черное море, где М. П. Лазарев назначил его дежурным штаб-офицером. «Адмирал был очень внимателен к нему, — пишет Нахимов, — конечно, не потерпит, чтоб его обошли, и, верно, уже ходатайствует о производстве его со старшинством». Так оно и произошло: вскоре Александр Семенович Стодольский получил заслуженный еще за Наварин орден Святого Георгия 4-й степени и был произведен в капитаны 1-го ранга. Именем Стодольского назовут остров и полуостров в губе Логинова у Новой Земли.

Среди писем Нахимова из Германии четыре адресовано Рейнеке. Другу он жалуется на неудачное лечение, на его имя оформляет доверенность на получение жалованья, от него узнает все флотские новости и сам поддерживает его в несчастье. В письме от 27 ноября 1838 года, отправленном из Берлина, Нахимов соболезнует Рейнеке; судя по всему, речь идет о потере близкого человека. Письмо наполнено желанием ободрить «дорогого Мишустю». Нахимов, разделяя горе друга, не пишет пустых слов, потому что они не способны восполнить утрату. «Для этого нужно время, а твои раны слишком недавны, напомню только, что у тебя есть еще родные, которых ты составляешь утешение, которые тобой живут, гордятся. Есть друзья, которые тебя любят, понимают». И среди них, конечно, он, Павел, с его вниманием, заботой, участием и деятельной поддержкой. Такой искренней привязанности и долгой — на всю жизнь — дружбе можно только позавидовать и пожелать каждому.

С какой любовью Нахимов рисует портрет Михаила, которого, конечно, знает лучше других: «...с самого детства нашего я в тебе видел самый чувствительный, самый нежный характер... не знаю, отчего ты думаешь, что я считаю тебя холодным флегмою». В этом письме много размышлений о жизни, службе, обязанностях. Отвечая на сомнения друга, он высказывается очень откровенно.

Рейнеке был занят наукой, его исследования Белого моря, Рижского и Финского заливов являются важным и надежным источником для изучения изменений климата, уровня океана, ландшафтов; составленные им карты десятилетиями служили русскому флоту. Он положил начало изучению вековых колебаний Балтики, создал сеть реперов* и определил нуль Кронштадтского футштока**, который и поныне является основой нивелирной сетки нашей страны.

Рейнеке был неутомимым исследователем, фанатиком науки, человеком горячим, и оттого его раздражало равнодушное отношение сотрудников к своим обязанностям. Нахимова это несколько не удивляло — он и сам видел служебное нерадение других, и вот что он советует другу: «Согласен, для человека с возвышенными понятиями о своих обязанностях непостижимым кажется холодность в других. Но, проживши на белом свете лучшую и большую половину нашей жизни, право, пора нам приобрести опытность философического взгляда или, лучше сказать, время найти настоящую точку зрения, с которой должно смотреть на действия нас окружающих». Опытность зрелого человека, много повидавшего и перечувствовавшего, позволяет Нахимову давать такие советы, а ведь ему только 36 лет. Или уже 36?..

«Не помню, сказал ли кто до меня или самому мне пришло в голову, что в человеческой жизни есть два периода: первый — жить в будущем, второй — в прошедшем. Мы с тобой, коснувшись последнего, должны быть гораздо рассудительнее и снисходительнее к тем, которые живут еще в первом периоде. Они живут мечтами, для них многое служит рассеянием, забавой, над чем можно смеяться — огорчаться же этим значило бы себя напрасно убивать».

Рейнеке тоже расстроил свое здоровье на службе, и лучший способ его поправить, по мнению Нахимова, — приехать... в Карлсбад. Он уже и с врачами посоветовался, и

* Репер — геодезическая метка, используемая для определения высот при топографических съемках и обозначающая точку на местности, высота которой над уровнем моря определена нивелированием.

** Футшток — шестсмерными делениями. Кронштадтский футшток установлен на водомерном посту Кронштадта для наблюдения за уровнем воды в Финском заливе. От его нулевой отметки в России измеряют абсолютные высоты точек земной поверхности и глубины акватории.

поговорил с пациентами, страдавшими теми же недомоганиями, что и Рейнеке; к тому же был уверен: «...для душевного твоего расстройствa необходима перемена места». Карлсбад подходит как нельзя лучше: «...взгляд на этот образованный уголок Европы, где люди и мыслят, и движутся далеко не так, как мы, займет и рассеет твою болезненную душу». Так велико было желание помочь другу и быть рядом с ним, что и скучный курорт уже виделся в ином свете, и польза от него, оказывается, тоже была.

Заботливый друг даже подсчитал траты на лечение и поездку — 250 червонцев, и время выбрал — май—июнь, и нашел много иных доводов, чтобы убедить Рейнеке лечиться: «Решась пожертвовать двумя месяцами... на излечение себя, ты после с новыми силами, а следовательно, и с большими успехами будешь действовать для пользы службы. Мне всё кажется, что несравненно более расстроен в здоровье и из любви ко мне скрываешь настоящее свое положение».

Нахимов не оставляет надежды увидеть Михаила на водах, даже узнав, что тот подумывает о женитьбе. Тем более надо ехать, пока не обзавелся семьей: «Поверь, помолодеешь десятью годами, а вместе с тем, конечно, оживешь душою». Мысли друга о создании семьи Нахимову вполне понятны: «Итак, любезный Миша, уже настало время, когда одиночество начинает нас так сильно страшить! А давно ли, кажется, мы были такими беззаботными, веселыми, здоровыми юношами?» О женитьбе Рейнеке они не раз говорили в Петербурге, и Нахимову остается лишь «желать, чтоб та, которую ты избереешь спутницей своей жизни, умела понять и оценить твою добрую, благородную, возвышенную душу». Однако Михаил Францевич так и не женился и на воды тогда не приехал. Он переживет своего друга всего на четыре года и скончается в 1859 году в возрасте 58 лет.

Об оставленных мечтах и исчезнувших надеждах Нахимов часто говорил в письмах из Германии — и неудивительно, ведь выздоровление не наступало. «Да, любезный мой Миша, не отрадно мое положение — четвертый месяц не сделал ни шагу из комнаты». Всё это время он читал, когда позволяло самочувствие, и занимался английским.

На исходе декабря 1838 года врачи уговорили его остаться в Берлине для лечения искусственными водами. Он согласился — дорога домой не близкая, зима — не лучшее время для путешествия — и лег в клинику «Шарите». «Об излечении настоящей болезни перестал и думать» и

уже остался бы доволен, если бы доктор Диффенбах избавил его от новых недугов — «лома в костях и сыпи на теле».

О том, как его лечили в «Шарите», Нахимов написал Рейнеке уже из Севастополя, в августе 1839 года, сбежав из знаменитой берлинской клиники. «В Charité сделали меня самым варварским образом, заставивши снова выдержать меркуриальный (ртутный. — *Н. П.*) курс». После того чуть живому пациенту рекомендовали снова ехать на воды. Но Нахимов уже потерял всякое доверие к берлинским врачам и отправился в Гамбург к доктору Фрике, который лечил совершенно иначе. Но Фрике тоже назначил сначала воды, а потом операцию. От безысходности Нахимов согласился. Операция прошла неудачно — повредили нерв на ноге, так что Нахимов после операции ногу уже не поднимал, а волочил. Воды тоже не помогли, обмороки повторялись. Доктор Фрике объявил, что организм пациента отравлен лекарствами, необходимо «дать природе отдыха, чтоб она успела переработать всю смесь», и снова приступить к лечению можно будет не раньше, чем через год. «Тогда я решился немедленно возвратиться в Россию».

Адмирал Лазарев, с которым Нахимов переписывался, уже давно советовал ему бросить заграничное лечение и возвращаться в Николаев, «отдаться в руки Алимана» — того самого врача, который ходил в кругосветку на «Крейсере»; теперь он стал главным врачом Черноморского флота. «Нет сомнения, что если он и не так искусен, как некоторые из здешних докторов, то несравненно их добросовестнее и не станет даром кормить меня лекарствами», — писал Нахимов.

Неожиданно для всех, даже для семьи, Нахимов сел на пароход, шедший из Гамбурга через Любек, и через несколько дней прибыл в Петербург. Там его принял начальник Морского штаба генерал-адъютант князь А. С. Меншиков, принял, по словам Сергея Нахимова, «очень ласково», расспрашивал о здоровье и лечении, порекомендовал обратиться к доктору Рауху, у которого лечился сам. Отношение Нахимова к Меншикову в тот период было самое благожелательное, он не только остался доволен приемом, но советовал Рейнеке обратиться к князю за деньгами на лечение: «...он человек таких благородных и возвышенных чувств, что никак не откажет доставить тебе средства для излечения болезни, приобретением которой ты непременно обязан службе». Наверное, таким и был знаменитый князь Меншиков — «благородных и возвышенных чувств», — когда

жил в столице. Но в Крыму, где он командовал армией, отношение Нахимова к нему поменялось — не в лучшую сторону.

Князь советовал не торопиться ехать на море, и у Нахимова появилась мысль: не остаться ли служить в Петербурге? Как писал Сергей, «он просил места в совет флота генерал-интенданта»: но доктор Раух объявил, что местный климат Нахимову вреден. Три недели прожил он в Петербурге, по его словам, «в самом раздражительном состоянии», что вполне объяснимо: болезнь не оставляла, в квартире брата, где он остановился, шел ремонт и все жили в одной комнате, места службы нет — решают, говорят: «Нужно ждать». Деятельная натура Павла Степановича с такой неопределенностью долго мириться не могла.

Он собрался в один день и уехал в Николаев. Брат и сестра еле уговорили его поехать не в одиночку, а вместе с товарищем — Н. Ф. Метлиным, получившим назначение в порт Сухум-Кале; «но и он, кажется, будет не в пользу» — ранен. «Дай Бог, чтоб его вояж кончился благополучно, я в нем много, много потеряю», — беспокоился о брате Сергей.

Больной Нахимов и раненый Метлин поехали в офицерской тележке. Ее описание оставил поручик граф Толстой, который и сам приехал на такой же в Крым: «Нечто среднее между жидовской бричкой, русской повозкой и корзинкой» — словом, то, что не встречается больше нигде, кроме как на просторах России. Ехать в ней на дальние расстояния и для здорового-то испытание, а уж для больного и вовсе мука.

Из письма Нахимова Рейнеке: «Переезд свой на тележке, благодаря судьбе, совершил лучше, нежели ожидал, хотя, не заставши адмирала (М. П. Лазарева. — *Н. П.*) в Николаеве, должен был противу расчёту протрястись лишних 400 верст. Корабль свой нашел на рейде под флагом адмирала Станюковича. Эскадра на другой день снялась с якоря и пошла к абхазскому берегу для перевозки войск из Субаши в Анапу, тем кончится кампания. Следовательно, я не буду нынешний год в море, теперь без всякого дела, то есть без корабля и экипажа, в Севастополе сижу у моря и жду погоды».

Настроение унылое, мысли о будущем — самые мрачные: «Что для человека в этом мире выше и дороже здоровья! Взгляни на меня — есть и желание, есть голова и смысл, как сделать, да нет сил, так куда я годен, решительно никуда. И никак не рассчитываю долее двух лет служить

на море, именно столько времени, сколько нужно для расплаты долгов и то, дай Бог, чтоб хватило сил, а там буду искать берегового места и непременно такого, где бы по возможности было менее дела». До Синопа, после которого имя Нахимова станет известно всей России, оставалось 14 лет, и эти годы будут самыми деятельными в его службе на флоте.

Но даже тогда, в тяжелый период болезни, он не терял чувства юмора: «Живу со Стодольским, он, дай Бог ему здоровья, меня приберегает, жаль, тронулся немного на аэростате и парях. Впрочем, на пары я не так зол, он извлек уже из них пользу, варит кофей парами, а с аэростатом никак не может сладить».

Завершить историю о лечении и злключениях Нахимова за границей хотелось бы рассказом адмирала П. В. Чичагова о своей болезни и чудесном исцелении. Его, страдавшего приступами перемежающейся лихорадки, врачи посадили на строгую диету, пичкали лекарствами и прописали как можно дольше оставаться на берегу. Чем больше его лечили, тем хуже ему становилось, лихорадка из перемежающейся стала непрерывной, добавились слабость и прочие неприятные последствия. Наконец, его осмотрел один английский доктор, имевший на флоте хорошую репутацию, и вынес решение: прекратить прием лекарств, перебраться на корабль, съедать каждый день бифштекс, запивая стаканом-другим портвейна, и принимать порошки хины. Через три дня наступило облегчение. Вскоре больной выздоровел и с тех пор забыл о лихорадке¹⁸⁸.

К сожалению, история пациента Нахимова имела другой финал. Он так и не сумел избавиться от хворей. Спустя пять лет Корнилов писал Лазареву: «Нахимов... продолжает хворать. Кажется, его, бедняка, вовсе не так лечат, но что же делать с нашими эскулапами»¹⁸⁹. Нахимов ничего и не делал, терпел.

Глава шестая

**КОМАНДИР БРИГАДЫ
И КОМАНДУЮЩИЙ ДИВИЗИЕЙ**

Десанты

Долго печаловаться на берегу и ждать у моря погоды Нахимову не пришлось — в феврале 1840 года горцы захватили два форта на абхазском побережье — Лазаревский на реке Псезуапсе и Вельяминовский на реке Туапсе.

Восточное побережье Черного моря перешло к России в 1829 году по Адрианопольскому договору. Однако Османская империя вовсе не собиралась его соблюдать: турецкие купцы вели контрабандную торговлю, продавали горцам порох, свинец, сабли, ружья и соль, а взамен получали абхазских и адыгских рабов и черкешенок для гаремов. «Торговля с восточными берегами снабжала невольниками всю Турецкую империю, работниками — трапезундские медные рудники и женами — восточные гаремы»¹⁹⁰, — писал в 1838 году начальник Черноморской береговой линии генерал-лейтенант Н. Н. Раевский, сын знаменитого героя Отечественной войны. Турецкие контрабандисты признавались, что если из десяти судов они теряли девять, то грузом одного уцелевшего окупали все издержки.

Случалось, на турецких базарах продавали и русских пленников, но от них предпочитали избавиться, едва на горизонте появлялись российские корабли: «...привязывают балластные камни на шею русским пленным и бросают их в море. Бежавшие из плена подтверждают это, говоря, что суда, нагруженные русскими невольниками, которые, не достигнув Анатолии, были преследуемы, возвращались опять к восточному берегу, но уже без невольников».

Выходили контрабандисты в море обычно ночью, маяками им служили огни в горах. О подходе судна к бере-

гу оповещали выстрелами, горцы сбегались и спешно его разгружали, затем вытаскивали на берег и закрывали ветками, чтобы с моря не было видно. Был еще один способ спрятать судно: его втягивали в русло горной речки, коих немало впадало в море, просверливали в днище дыру и топили. А когда наступило время возвращаться, выкачивали воду, затыкали дыру, нагружали, ставили парус и уходили в море. Поймать контрабандистов было почти невозможно, крейсерство на первых порах результатов не давало.

Адрианопольский договор раздражал не только Османскую империю, а еще и Британскую. Практически все товары, которыми торговали турки, были изготовлены в «мастерской мира», как тогда называли Британию. В случае прекращения торговли с Черкесией англичане только за один год могли потерять 100 тысяч фунтов стерлингов¹⁹¹. Впрочем, Россия не считала крейсерование своих кораблей вдоль восточного побережья Черного моря блокадой и вовсе не препятствовала торговле с горцами; запрещалась лишь торговля людьми, порохом и свинцом.

Богатый край между Анапой, Екатеринодаром (ныне Краснодар) и Гаграми (ныне Гагра в Абхазии) интересовал Британию также сырьевыми ресурсами: «Лейтенант Иддо отправится в Англию с образчиками серы, свинцовых и других металлических руд, найденных в горах. Добывание тех металлов, говорили англичане горцам, должно у вас обратиться на гибель русским»¹⁹². Привлекало и его геополитическое положение. «Если Персия является заставой Индии, то еще в большей степени ею является Черкесия, которая защищает Афганистан и которая наравне с Персией защищает и Индию»¹⁹³, — писала английская газета «Свободная печать» («The Free Press»).

Впрочем, воевать за этот привлекательный край Британия предпочитала чужими руками — силами Османской империи и горцев Кавказа. Последних энергично подбивали на неповиновение русским властям, пугая «российским рабством» и обещая скорую и действенную защиту Британской империи, вплоть до признания их независимости. Разумеется, никакой независимости им никто предоставлять не собирался, Северо-Восточный Кавказ стал бы очередным украшением колониальной короны Британии, пусть и не таким огромным, как Индия, но тоже драгоценным. И потому войну на Кавказе Англия вовсе не воспринимала как «домашнее дело России», а саму Россию желала отбросить в далекие допетровские времена, когда о морях и флоте даже не мечтали.

Английские агенты занимались на Кавказе шпионажем, доставляли сами или через турецких посредников оружие; инструкторы пытались обучать горцев артиллерийской стрельбе. В 1836 году была арестована английская шхуна «Виксен», на которой под мешками с солью перевозили порох. Крику и шуму в английской прессе по этому поводу было немало, хотя конфисковали шхуну согласно всем существовавшим законам. «Что сделали бы английские власти, — задавала риторический вопрос венская газета «Staatszeitung» («Государственная газета»), — если бы французское судно тайно выгрузило водку на остров Уайт?» Через год шумиха улеглась, и капитан шхуны Белл как ни в чем не бывало снова появился в Черном море.

Русская разведка в Константинополе работала оперативно; информацию об английских судах, готовых повторить опыт шхуны «Виксен», в штабе флота и береговой линии получали вовремя. Еще за 20 лет до Крымской войны не только английские агенты зорко следили за Черным морем, но и русское правительство знало о роли каждого английского официального и неофициального лица¹⁹⁴.

Нахимов не изменил своего мнения о Кавказской войне, длившейся почти полвека; в его письмах не нашлось места и спорам о мирном или немирном освоении Кавказа. К этому периоду его службы относятся в основном бумаги официальные — приказы, распоряжения, донесения и рапорты, из которых мнение служивого человека — если, конечно, он не командующий — редко узнаешь. Его жизнь тех лет свидетельствовала об одном: как бы ни относился он к происходящему на Кавказе, свой долг исполнял честно, можно сказать, образцово. «Здесь нельзя было выслуживаться — надо было служить», — говорили участники Кавказской войны. К счастью, в архиве сохранились записки лейтенанта «Силистрии» И. Н. Суцова, где он описал службу офицеров флота и жизнь гарнизонов на Черноморском побережье Кавказа¹⁹⁵. Есть в них и подробности нападения горцев на форты в 1840 году.

Разбросанные по всему побережью, изолированные и далеко отстоявшие друг от друга укрепления только назывались фортами, а в действительности имели наспех вырытые неглубокие рвы и невысокие валы с палисадами, потому и были частыми объектами нападения горцев. Недаром Сушов назвал их «голубиными гнездами в царстве ястребов». Вот как был захвачен форт Лазарев. Комендант форта часто принимал у себя в гостях местного князька, полностью

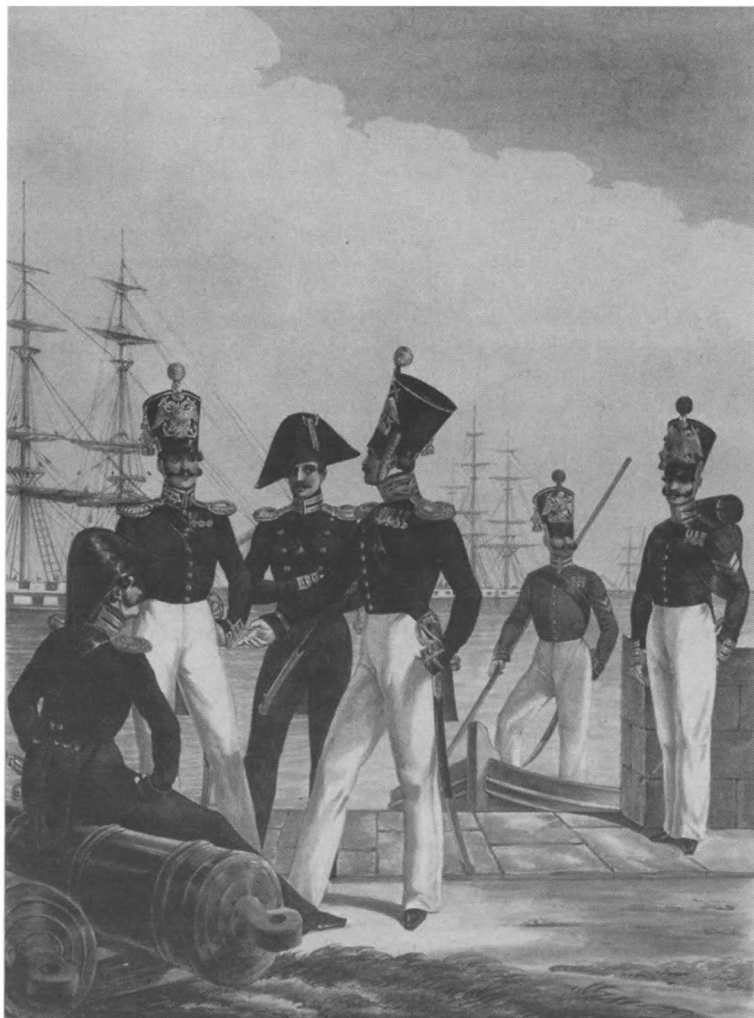
доверяя ему. Во время одного из визитов гость гулял с комендантом по форту, заглянул в казармы, убедился, что там много больных — их ружья были убраны, успел сосчитать число штыков — налицо было всего 200. Собрав три тысячи горцев, он ночью напал на форт. Большая часть артиллеристов лежала в лазарете с лихорадкой; остальные, замешкавшись, не смогли вовремя отразить нападение. Солдаты встретили нападавших в штыки, но силы были слишком неравны, и весь гарнизон полег, изрубленный шашками. Коменданта, всего израненного, но еще живого, зарыли на крепостном валу, больных увели в горы.

Через несколько месяцев их выкупили, заплатив за каждого пять пудов соли — самого ценного, после пороха, товара у местных племен. Пленные рассказали, как черкесы отнимали их друг у друга. «Как сообразить подобные несообразности? — недоумевал Сушов. — Они дрались насмерть за человека, которого продали за пять пудов соли...» Пройдет не один год, пока офицеры и солдаты узнают ближе своего противника, приобретут умение воевать с горцами — научатся бдительности и недоверию, осмотрительности и решительности.

В марте 1840 года был захвачен форт Михайловский. Зима 1839/40 года выдалась суровая, к обычным штормам добавились необычайно крепкие для здешних краев морозы, Керченский пролив и Таманский лиман покрылись льдом, по которому ездили на санях; оставшиеся зимовать в Керчи корабли тоже стояли во льду.

Эскадры выходили в море из Сухума и в основном крейсировали у южной части побережья, до Анапы доходили редко. Поэтому штаб Черноморской береговой линии, который находился в Керчи, получал сообщения с большим опозданием. По суше бумаги из Абхазии отправлялись либо через Тифлис и Ставрополь, либо через Ростов. «Даже со Ставрополем прямое сообщение прерывалось иногда месяца на два, когда лед на Таманском лимане делается ненадежным или взламается»¹⁹⁶.

Весь февраль море штормило, корабли с провиантом не могли подойти к берегу, и гарнизон форта Михайловский оказался в полной изоляции. Продовольствие закончилось, начавшаяся цинга, лихорадка и гнилые сухари уложили в лазарет почти весь гарнизон, под ружьем осталось не более 150 человек. Горцы никогда не нападали днем, на открытой местности, не имея огромного численного превосходства. Узнав о бедственном положении форта, пять тысяч черкесов

Морские офицеры и нижние чины.
Литография Л. А. Белоусова. Около 1835 г.

ночью напали на укрепление. Артиллеристы не дремали и вовремя отразили атаку, жены солдат подносили ядра и тушили пожары, всё население форта было готово умереть на месте, но не сдаться.

Во вторую ночь штурм повторился — и снова был отбит. На третью ночь, не считаясь с потерями, черкесы бросились на вал и волнами затопили форт. Увидев, как падали под шашками немногочисленные защитники гарнизона, рядовой 77-го пехотного Тенгинского полка Архип Осипов бросился с фитилем к пороховому погребу и со словами «Скажите полковому, ребята, что Архипка живой в руки не дался, да поминайте как звали» зажег фитиль. Выживший и бежавший потом из плена казак рассказал, что бревна погреба разметало вокруг сажен на двести, телами нападавших был доверху завален ров перед укреплением. В память о храбром защитнике Михайловского форта возникшее на этом месте село назвали Архипо-Осиповка.

«Горцы не только не упали духом от огромной потери при взятии укрепления, — говорилось в донесении с береговой линии, — но тут же над горами своих убитых дали торжественную клятву до тех пор не класть оружия, пока не уничтожат всех русских заведений на их земле... положение дел в сем крае принимает самое опасное направление»¹⁹⁷.

Командование решило высадить на побережье десант и вернуть форты. Конечно, десант не решал исхода Кавказской войны, но мог остановить продвижение горцев по побережью и защитить гарнизоны. Занять большие участки побережья между крепостями одними сухопутными войсками не представлялось возможным: мешали труднопроходимые горы, обрывистые берега, лес и кустарник, который горцы использовали для прикрытия. Поэтому высаживали десант с кораблей Черноморского флота: пока войска решали задачи на берегу, корабли стояли на якоре или крейсировали вдоль берега, затем забирали десант и возвращались.

В предыдущем десанте Нахимов не участвовал, но его корабль «Силистрия» был в деле, а значит, экипаж уже имел такой опыт. Об операции Нахимов был наслышан и оценивал ее как «самую дельную из всех». Об этом говорят ее результаты: во втором десанте (всего за 1838 год их было четыре) 9 июля 1838 года при плохой погоде, с необорудованного берега за 13 часов были приняты на плавсредства 7744 солдата и офицера для высадки в Шапсухо! Перебрасывали не одни только войска, но и грузы: артиллерию, боеприпасы, продовольствие, лошадей, строительные материалы.

Историки флота могут назвать немного десантных операций, которые проводились бы настолько быстро и успешно, зато история знает немало примеров громких провалов. Назвать хотя бы неудачный десант англичан и французов на Галлипольский полуостров в 1915 году. Проводился он больше месяца, когда же приготовились к высадке на берег, выяснилось, что орудия и лафеты к ним находятся на разных транспортах, повозки перемещались отдельно от лошадей; всё, что требовалось для выгрузки в первую очередь, было завалено другими вещами. Пришлось кораблям вернуться в Александрию, разгрузиться и загружаться заново. Время было потеряно, внезапной высадки не получилось, и турки успели подготовить побережье к обороне.

Есть и пример, более близкий по времени к Нахимову. Автор «Британской экспедиции в Крым» У. Х. Рассел так описывает доставку в Балаклаву английской тяжелой полевой артиллерии: «По прибытии судна в Константинополь начальник порта, движимый неким злым духом, приказал перегрузить все пушки на “Гертруду”. Капитан воспротивился, в ход пошли самые решительные выражения, но — безуспешно. Пушки... свалили на “Гертруде” поверх медицинских и прочих припасов. Та же судьба постигла и снаряжение. Трюм “Гертруды” являл глазам артиллериста воплощение морской поговорки, живописующей сундук гардемарина: “Всё на виду, да ничего не достать”... Когда “Гертруда” прибыла в Старый форт, то сам Геракл в чаянии четырнадцатого подвига не смог бы выгрузить эти пушки. Лекарства, что принесли бы нам большую пользу, и пушки, что нанесли бы большой вред врагу, оказались равно бесполезны!»¹⁹⁸

Когда читаешь документы, свидетельствующие о том, как основательно готовилась и организовано проводилась высадка десанта на кавказском побережье, в самом тесном взаимодействии сухопутных и морских отрядов, на память приходят действия Ушакова и Суворова в Италии. Вот только перечень бумаг, которые штаб Лазарева готовил перед началом операции: диспозиция линейных кораблей и фрегатов, приказ на высадку десанта, расписание войск по гребным судам, диспозиция гребных судов, приказ о действиях гребных судов, приказ о порядке формирования сводного морского батальона из числа матросов-охотников.

Благодаря такой тщательной подготовке каждое подразделение четко представляло свою задачу и знало, как, когда и во взаимодействии с кем ее следует выполнять. Чтобы ко-

рабли подошли как можно ближе к берегу, предварительно проводились промеры глубин, затем разрабатывалась диспозиция, где обозначалось место каждого корабля с расчетом наиболее эффективного использования артиллерии. Штурманы чертили карты и разносили их по кораблям. Один из пароходов расставлял буйки согласно диспозиции, при начале операции корабли должны были бросать якоря каждый на свой буюк. Так устранялась путаница и достигалась высокая скорость развертывания эскадры.

Сухопутные силы заранее расписывались по гребным судам таким образом, чтобы на каждом находилось целое подразделение — взвод или рота. Все гребные суда нумеровались и строились в две линии сомкнутыми рядами, «чтобы весла одного только что не касались бы весел другого»; суда второй линии занимали промежутки в первой. Больше всего десантников могли взять восемнадцативесельные парусно-гребные баркасы — от 90 до 110 человек, четырнадцативесельный полубаркас — 60—70; они составляли первую линию и должны были вести непрерывный орудийный огонь вплоть до подхода к берегу. Более легкие плавсредства — катера, казачьи лодки и ялы — образовали вторую линию.

Была разработана четкая инструкция, предписывающая порядок действий солдат и матросов на гребных судах. На бак ставили орудие, к нему выдавалось 30 ядер и 10 зарядов картечи, за «пальбой» наблюдал артиллерийский офицер или унтер-офицер. На баркасах и полубаркасах убирали мачты, паруса и балласт, на легких катерах сокращали число гребцов. В гребцы выбирали самых физически крепких матросов. Лошади, повозки, продовольствие, скот, строительные материалы грузили на транспорты и зафрахтованные купеческие суда в определенной последовательности: в первую очередь то, что понадобится в последнюю. Пристать к берегу гребные суда должны были по возможности одновременно, для чего предписывалось «задним не обгонять передних, грести сильно, но уравнивая сколько возможно греблю».

Особо строго требовали соблюдать порядок высадки на берег: «...подходя к месту, бросать дреки* с кормы, а носом въезжать прямо на берег, причем половине только гребцов дозволяется выскочить, чтоб им, как морским людям, дать собою пример солдатам, но ни в коем случае не дозволяется отделяться от своего судна». После высадки десанта

* Дреки — небольшой складной якорь для гребного судна.

гребцы должны были немедленно вернуться на судно и отправляться за следующим отрядом¹⁹⁹. Командирами гребных судов Лазарев назначал самых расторопных морских офицеров, чаще других эту обязанность исполняли Нахимов и Корнилов. Инструкции и приказы составлялись с учетом всех опасностей и неблагоприятных условий местности.

Можно утверждать без преувеличения, что каждая строка этих документов написана кровью погибших солдат и моряков, чьими могилами покрыт живописный и располагающий сегодня к отдыху кавказский берег Черного моря. Известно, что у Туапсе особенно опасны юго-западные ветры: они срывают корабли с якорей и выбрасывают на мель. Снятие корабля с мели было в ту эпоху непростой операцией, а если его выбрасывало на берег, контролируемый неприятелем, то к свирепости ветров добавлялась свирепость нападавших горцев. Так случилось в 1838 году с тендером «Луч» и бригам «Фемистокл», которые при шторме попали в устье реки Туапсе; пока им не пришли на помощь, несколько человек погибли от черкесских пуль и шашек. Этот трагический случай Нахимов поведал Рейнеке в письме из Германии.

Кроме приказов морского командования отдавались распоряжения о действии десанта на берегу: его передовом укреплении, правом и левом прикрытии, главной колонне. Немаловажная деталь: каждый из батальонов первого эшелона при высадке на берег имел флажок определенного цвета, который втыкали в землю, обозначая правый фланг батальона, и таким образом избегали путаницы. О количестве сухопутных войск, времени и месте посадки войск на суда и высадки их на берег Лазарев договаривался с начальником Черноморской береговой линии Н. Н. Раевским.

Накопленный опыт позволил быстро подготовить десант, в котором принял участие Нахимов. В феврале 1840 года император отдал распоряжение о возвращении форта, названного именем Лазарева, и восстановлении разрушенных горцами укреплений. В состав десанта должны были войти по три батальона Замосцкого егерского полка, которые забирали из Севастополя, и Виленского пехотного полка — из Феодосии; бригада артиллерии (с лошадьми), рота линейного батальона и два пеших черноморских полка из Тамани. Получив сведения о взятии горцами еще и форта Михайловский, состав десанта увеличили: не два, а четыре пеших казачьих полка численностью 2500 человек,

4-й батальон Тенгинского и 1-й батальон Навагинского полков, всего 1400 штыков. Так что с мыса Тузла предстояло посадить на суда до 3900 человек.

В марте узнали подробности захвата черкесами форта Вельяминовский. Наступление вели до семи тысяч горцев, потеряв чуть ли не десятую часть убитыми и ранеными. Гренадерская рота Навагинского полка, десантированная для подкрепления гарнизона за несколько дней до нападения, защищалась до конца и погибла на месте; 15 человек, оставшихся в живых, черкесы увели в горы.

В апреле пришли вести о намерении горцев напасть на форт Святого Духа, создалась угроза и для форта Головинский. «...мы имеем дело с новым неприятелем, возгорженным повторными успехами, в скопищах которого явилось единодушие и некоторое устройство», — считали в штабе сухопутных войск. Увидев, что русские форты не такие уж неприступные, вдохновленные горцы даже на время забыли внутренние распри. Теперь уже речь шла не о восстановлении двух фортов, а о безопасности всей Кавказской линии. Особое внимание обращалось на укрепление оставшихся фортов, крепости Анапа с поселениями, Новороссийска и Геленджика. Медлить было нельзя.

В апреле 1840 года Лазарев рапортовал Меншикову о готовности Черноморского флота к высадке десанта. Он поднял свой флаг на «Силистрии», которой снова командовал Нахимов; начальником штаба был Корнилов. Конечно, Нахимов как командир корабля был в курсе всех дел, при нем проходили совещания, принимались решения, уточнялись задачи. Он не только наблюдал, но был в числе главных участников событий. Когда Лазарев готовил приказ о награждении офицеров, он прямо доложил, что Нахимов «при высадке десанта всем распорядился и играл... главную роль»²⁰⁰.

В составе эскадры находилось шесть линейных кораблей: 84-пушечные «Силистрия», «Императрица Екатерина II», «Султан Махмуд», «Анапа», «Три святителя» и 74-пушечный «Иоанн Златоуст», 22-пушечный корвет «Ифигения» и 16-пушечная шхуна «Ласточка». Следовало высадить шеститысячный десант. Всего, как следует из рапорта Корнилова от 28 апреля 1840 года, вместе с экипажами в операции были задействованы 9949 человек.

Собрав все войска, 3 мая Лазарев приказал провести в Феодосии учебную высадку десанта. Оказалось, не зря. На первой репетиции солдаты были настолько неловки,

что перемочили ружья и сумы, на берегу долго строились, отыскивая свои места. Провели вторую репетицию — стало лучше. Несмотря на положительный результат, генерал Раевский настоятельно просил Лазарева сформировать сводный морской батальон из охотников, то есть добровольцев. Лазареву эта идея совершенно не нравилась, он не хотел перед такой ответственной операцией отдавать моряков из экипажей, но Раевский и командующий Отдельной кавказской бригадой «покорнейше просили» о сформировании батальона, обещая не употреблять его для «тяжелых обязанностей на сухопутной службе». Тогда зачем? — Исключительно для моральной поддержки: «...уже одним присутствием своим в виде надежного резерва может ободрить войска и много содействовать успеху»²⁰¹.

Командующих сухопутными войсками можно понять: предстояла высадка людей неопытных, недавно набранных, и обстрелянные матросы могли стать костяком десанта. В итоге Лазарев уступил. Несмотря на то что с кораблей прислали всего 700 матросов и 20 канониров, они оказали «полезное влияние на солдат, которые ни разу еще неприятеля не видали», докладывал Лазарев Меншикову: «Везде начались радостные между ними толки, и солдаты приметно сделались веселее». «Силистрия» выделила 70 добровольцев — они помогали при выгрузке артиллерии, установке пушек на лафеты, быстром перетаскивании их на позицию. «Матросы на это способнее», — не без гордости отмечал Лазарев.

Четвертого мая вице-адмирал отдал приказ на высадку десанта в устье реки Туапсе. Все гребные суда были разделены на два отделения — первое, под командованием капитана 1-го ранга Нахимова, перевозило Пражский пехотный полк и составляло левое крыло; второе перевозило Модлинский пехотный полк и составляло правое крыло — им командовал капитан 2-го ранга Корнилов. Кроме «Силистрии» и левого крыла гребных судов, под началом Нахимова была вся армейская артиллерия на баркасах и полубаркасах. В приказе от 4 мая Лазарев особо подчеркивал, что от действий артиллерии во время движения и ее выгрузки на берегу «много зависит совершенство успеха десанта» — горцы артиллерии не имели.

Помощником Нахимова назначался капитан 2-го ранга Вукотич, помощником к Корнилову — лейтенант В. Истомин. Все необходимые распоряжения были сделаны, маневры проведены. Теперь всё зависело от сноровки экипажей и

опытности командиров. Дух приказов очевиден: решительное наступление и уверенность в благополучном исходе дела.

Десятого числа корабли подошли в район высадки и бросили якоря на отведенных им по диспозиции местах. По сигналу с флагманской «Силистрии» спустили все гребные суда и посадили на них солдат. Первой выстрелила пушка «Силистрии», что означало «начать бой», за ней начали пальбу остальные корабли. После сигнала «прекратить бой» артиллерия замолчала — продолжали вести огонь только фрегаты, стоявшие слева и справа, направляя выстрелы по флангам атакуемой позиции. За дымом ничего не было видно, поэтому в приказе заранее было оговорено: кораблям через 15 минут пальбу прекратить. Команды вслед за флагманом три раза прокричали «ура!» — это был сигнал к началу движения гребных судов.

Одновременно с движением начали палить гребные суда — сначала ядрами, у берега картечью. Собравшиеся было толпами на берегу черкесы при первых же выстрелах скрылись в горах. Как отмечают историки флота, в этих операциях впервые в истории военно-морского искусства удалось добиться непрерывности стрельбы вплоть до начала высадки десанта на берег, что обеспечило успех операции и снизило потери²⁰². При этом важно было всем гребным судам двигаться примерно с одинаковой скоростью, чтобы выстрелами не задеть своих шлюпок.

Здесь Нахимов получил новый опыт: если в Наваринском сражении он отдавал приказания комендорам нескольких орудий, то теперь управлял восьмьюдесятью четырьмя пушками своего корабля и артиллерией всех гребных судов. Так он совершенствовал искусство артиллериста, которое продемонстрирует во время Синопского сражения и в Севастопольскую оборону.

Форт Вельяминовский был занят десантными отрядами без сопротивления. На следующий день предали земле найденные в укреплении останки 141 человека, отслужили панихиду по убиенным и благодарственный молебен о занятии долины Туапсе. Одни солдаты ходили рубить лес и кустарник вокруг укреплений, устраивали засеки между фортом и морем, другие выгружали продовольствие, заряды и припасы, строительный материал — лес, кирпич, цемент для нового форта. Горцы вели незначительный обстрел издалека, но вреда не причинили.

Выгрузка происходила с 10 по 14 мая, с кораблей на берег свезли продовольствие для семи тысяч человек на два

месяца, запас продовольствия для гарнизона форта, крепостную артиллерию, строения и палисады, сделанные специально для этого форта. 15 мая задул сильный ветер, и кораблям пришлось отойти от берега. Спустя три дня эскадра вернулась на туапсинский рейд, приняла груз и 20 мая вышла в море. Предстояло высадить десант у форта Лазарева.

Второй десант проходил 22 мая. В первом эшелоне перевезли на берег около трех с половиной тысяч человек, во втором — более трех тысяч, всё это заняло около трех часов. При этом 370 десантников и артиллерия были свезены на берег на плавсредствах «Силистрии». Первоначально предполагали сделать высадку там же, где ее производили в 1839 году. Горцы уже собрались на берегу толпами и поджидали русские войска — разумеется, не для приветствия. Однако когда корабли подошли ближе, оказалось, что после сильных дождей, прошедших накануне, Псезуапсе вышла из берегов и высадить войска там невозможно. Оценив обстановку, решили высаживать прямо напротив форта. Горцы попытались подойти к берегу, но огонь фрегатов с флангов не позволил им это сделать, и через 15 минут форт Лазарева был занят.

«Ужасную картину представила нам внутренность укрепления, — вспоминал Сушов. — Строения выжжены, скрыты, и одни изуродованные и обезглавленные трупы павшего гарнизона оставлены были на страшных развалинах. Тотчас собрали эти трупы и части их, все до единой, и при церковном параде действующего отряда совершенно погребение и теплая единокорданная молитва: “О братиях, во брани убиенных”. Форт Лазарева снова воздвигнут и укреплен прочным и надежным образом. Местоположение его на равнине предоставляет ему довольно выгод для успешного отражения горцев, и при строгой бдительности гарнизона и исправности артиллерии он решительно для них неприступен».

Во время второго десанта учли ошибки первого. Чтобы гребные суда не дожидались отдельного сигнала и двигались равномерно, не обгоняя друг друга, Корнилов отдал приказ: «Находящимся на шлюпках офицерам и гардемаринам наблюдать гички капитана 1 ранга Нахимова и мою»; как только на них опустят весла в воду — «гresti к берегу».

С тех пор равнение в боевых операциях на Нахимова и Корнилова приобрело новый смысл: стало входить в привычку равняться не только на их шлюпки, но и на них самих.

Крейсерство

Организация десантов давала морякам опыт взаимодействия с сухопутными войсками в бою, крейсерство позволяло отрабатывать навыки управления кораблями, часто в неблагоприятных погодных условиях, которыми славится Черное море осенью и зимой. Кроме того, целью крейсерства было пресечение контрабандной торговли иностранных судов — в основном турецких и английских — с горами.

Гарнизоны фортов жили тяжело и не только не могли оказать помощь экипажам крейсирующих кораблей, но сами нуждались в поддержке. О крейсерстве у берегов Кавказа оставил воспоминания адмирал И. А. Шестаков²⁰³, с отцом которого много лет дружил Лазарев, именно он посоветовал другу А. А. Шестакову отправить своих «сахарьев»-сыновей на Черное море, потому что там «самая лихая служба для молодого офицера».

«Нас, — вспоминал Шестаков свою «лихую службу», — посылали на шесть или семь месяцев и разделяли на две смены между негостеприимным морем и портами, в которых свирепствовала злая лихорадка, влачилась самая унылая, безотрадная жизнь. О пароходных сообщениях с плодородными новороссийскими губерниями тогда еще не думали; консервы только что начинали пробивать свой животворный путь к обреченным на скудную пищу... Даже за офицерским столом освежались чайками, катранами (рыба породы акул) и считали за истинный пир, когда подавалось тугое мясо буйволов. Прогулки никакой, и единственное развлечение матросов состояло в кратковременном съезде в импровизированные на зачумленном берегу парусиновые бани.

При таких физических и нравственных лишениях только крепкие духом могли выносить тяготевшую над ними судьбу. Вымирали целые команды, например, на фрегате «Архипелаг», где меня посылали с вахты ночью не наблюдать за бодрствованием часовых у фонарей, соответственно принятому порядку, а отбирать мертвых от умиравших в рядах несчастных, устилавших палубу...»

Ситуация изменилась с приходом на Черное море Лазарева. Он сформировал несколько отрядов кораблей, за каждым закрепил определенный район побережья: за первым отрядом — от Анапы до Гагр, за вторым — от Гагр до Редут-Кале (в 17 верстах к северу от Поты). Каждый район делил-

ся между крейсерами на отдельные участки. Командирам крейсеров было строго предписано «сколько можно избегать якорной стоянки без особенной в том надобности» и выполнять крейсерование вдоль побережья «без малейшего послабления».

Была разработана система сигналов пушечными выстрелами и шлюпочными флагами. Крейсера спрашивали форты: «Благополучно ли укрепление?», «Можно ли пристать к берегу на шлюпке?» — или сообщали: «Иду с депешами», «Снимаюсь с якоря, прислать депеши». Форты отвечали: «Все благополучно» или «Имею больных», «Недостаток в провизии», «Нахожусь в опасности от неприятеля»²⁰⁴.

Заметно улучшились при Лазареве и условия службы на крейсирующих кораблях. Он всегда обращал пристальное внимание на теплую одежду, средства от цинги — лимонный сок и сбитень; офицеры стали получать усиленное питание и двойное жалованье за участие в боевых действиях. Отряды несли службу по полгода, затем их сменяли. Таким образом, все экипажи получали и навыки, и возможность отдохнуть на берегу. Как писал И. Шестаков, «стало стыдно возвращаться в Севастополь с недочетом в людях, и командира, допускаявшего развитие болезни, кроме начальственных исследований, от которых ему не здоровилось, окончательно хоронили архонты Графской пристани».

Нахимову, который так и не оправился от болезни, мучившей его до конца дней, нелегко было нести службу в сложных климатических условиях. Но собственное недомогание не закрыло ему глаза на нужды других, он неизменно оставался внимательным к сослуживцам. Однажды, когда Нахимов уже командовал морским отрядом и его фрегат «Кагул» подошел к форту Головинский, офицеры, съехав на берег, увидели, что в местном лазарете лежит больной лейтенант Стройников с корвета «Пилад», которого по приказу командира свезли на берег и оставили там без денег, сменного белья и еды. Узнав об этом, Нахимов приказал своему адъютанту немедленно отправить больному чай, сахар, лимоны, провизию и 100 рублей. Когда он встретил в море «Пилад», то пригласил командира для переговоров:

— Скажите, как могли вы бросить больного офицера, не снабдив его всем необходимым?

— Было сильное волнение на море, — оправдывался тот, — я топился уйти.

— Стыдно. Было бы простительно поступить так мне, человеку одинокому, у которого сердце должно быть черствее. А вы человек семейный, и у вас есть сыновья. Что, если бы с одним из них было так поступлено? Прощайте! Я ничего больше сказать не имею.

Вскоре Нахимов приказал перевезти больного в госпиталь Севастополя.

То, что у него совсем не черствое сердце, было известно всем офицерам и матросам 41-го флотского экипажа. А. Б. Асланбеков, много лет служивший под началом Нахимова, вспоминал: «Внимание его к своим ближайшим подчиненным... было неисчерпаемо. Он следил за ними не только в Севастополе, но и у Кавказского берега, и за границей; они могли обращаться к нему, как к родному отцу... Во всём Черноморском флоте не было ни одного матроса, который бы не знал, если не лично, то понаслышке, и не любил, хотя бы заочно, капитана “Силистрии”, Павла Степановича Нахимова. Никто не умел так понимать их нужды, так говорить с ними, и потому они были слепо ему преданы».

Была в кавказских походах и «доля поэзии», как с иронией говорили моряки о борьбе с контрабандистами. «Медленно поднимаясь на хребты волн, быстро спускаясь с них, приближалась к берегу лодка. Отважен был пловец, решившийся в такую ночь пуститься через пролив на расстояние двадцати верст, и важная должна быть причина, его к тому побудившая! Думая так, я с невольным биением сердца глядел на бедную лодку; но она, как утка, ныряла и потом, быстро взмахнув веслами, будто крыльями, выскакивала из пропасти среди брызгов пены; и вот, я думал, она ударится с размаха об берег и разлетится вдребезги; но она ловко повернулась боком и вскочила в маленькую бухту невредима. Из нее вышел человек среднего роста, в татарской бараньей шапке; он махнул рукою, и все трое принялись вытаскивать что-то из лодки; груз был так велик, что я до сих пор не понимаю, как она не потонула. Взяв на плечи каждый по узлу, они пустились вдоль по берегу, и скоро я потерял их из вида» — так описал Лермонтов в «Тамани» «романтику» жизни контрабандистов.

Поймать их было нелегко и скорее представлялось делом случая, удачи, нежели запланированным результатом. Лазарев предложил использовать азовских казаков, которые имели богатый морской опыт и в предприимчивости не уступали контрабандистам. Специально для фортов построили по одному-два мальтийских баркаса с фалько-

нетами* и каронадами на носу, которые переходили между укреплениями и могли высаживать десант на берег. Все эти меры вкупе с крейсерством давали хороший результат.

Нахимов на «Силистрии» крейсеровал каждый год, его команда дважды решительно пресекала действия контрабандистов. В октябре 1840-го с берега между Анапой и Новороссийском заметили огромный бриг контрабандистов. Начальник Черноморской береговой линии выделил отряд из 280 человек Тенгинского пехотного полка и 80 человек Черноморского линейного батальона, придали им гаубицу — горный единорог. Десант посадили на пароход «Могучий», на буксир взяли лодки и выделенный Нахимовым с «Силистрии» полубаркас. Едва контрабандисты увидели приближающийся к ним десант, как подняли тревогу и начали стрелять. Чтобы сберечь людей и выиграть время, командиру парохода было приказано сжечь бриг. В донесении императору военный министр граф А. И. Чернышев сообщил, что командир парохода «исполнил это в одно мгновение». Решительные действия помогли избежать потерь в составе десанта и дали контрабандистам хорошую острastку. Всем офицерам, участвовавшим в операции, — среди них первым назван Нахимов — было объявлено «монаршее благоволение».

Вторая операция проходила в июле 1844 года. Лейтенант с «Силистрии» записал эту историю со слов очевидца, через два дня после «дела», как говорили тогда о боевых столкновениях. Посланцы от Шамиля, предводителя восставших Чечни и Дагестана, прибыли к форту Головинский и стали подстрекать местных горцев к его захвату. Агитация удалась: те поклялись уничтожить гарнизон, набрали отряд в семь тысяч человек, дождались новолуния и окружили форт. Комендант через разведчиков уже знал о готовящемся нападении, но сомневался, что горцы способны пойти на приступ. Однако и артиллеристы, и пехота были приведены в боевую готовность.

«Ночь нападения была темная с ветром, — писал И. Сушов. — С рассветом свистнуло несколько винтовочных пуль, — и столько же часовых легло на валу. Потом верный залп с одной стороны положил на месте до половины артиллеристов, вслед за тем меткий беглый огонь с другого фаса согнал остальных с вала и расстроил резерв... В одно мгновение засевшие черкесы с визгом вбежали на вал, приняли

* Фальконет — гладкоствольное орудие малого калибра.

в шашки незначительный резерв, скоро его рассеяли и, довольные успехом, бросились на грабеж в цейхаус (цейхгауз, кладовая для хранения оружия и амуниции. — *Н. П.*), магазины и церковь. А другие толпы поднимались на вал».

Казалось, Головинский постигла участь фортов Лазарева и Вельяминова; горцам оставалось лишь поделить добычу и увести пленных. Однако рота гренадеров, несмотря на внезапность нападения, успела разобрать ружья и построиться, офицеры остановили бегущих, и живая стена во главе с комендантом пошла в штыки.

Нападавшие в это время были заняты грабежом, ссорились между собой за добычу, кричали и бранились, так что внезапная атака застала их врасплох. Увидев перед собой гренадеров с примкнутыми штыками, они бежали за вал; казаки преследовали их и рубили саблями.

...В штыки,
Дружнее! Раздалось за нами.
Кровь загорелась в груди!
Все офицеры впереди...
Верхом помчался на завалы
Кто не успел спрыгнуть с коня...
«Ура» — и смолкло. — Вон кинжалы,
В приклады! — и пошла резня.
И два часа в струях потока
Бой длился. Резались жестоко,
Как звери, молча, с грудью грудь,
Ручей телами запрудили.
Хотел воды я зачерпнуть...
(И зной и битва утомили
Меня), но мутная волна
Была тепла, была красна...

Так описал схватку участник Кавказской войны М. Ю. Лермонтов. Здесь всё списано с натуры: и ярость сшибки, и храбрость офицеров, и непримиримость горцев. Так же защищался и гарнизон форта.

Выжившие артиллеристы встали за орудия и тотчас дали выстрел по убежавшим горцам. Новым залпом картечи они отбросили нападавших, пытавшихся пойти на второй приступ. Потеряв убитыми до сотни человек, те всё же не оставили попыток захватить форт и весь следующий день и ночь кружили рядом.

А вот пейзаж после битвы: «Нас было 2000 пехоты, а их до 6 тысяч; и всё время дрались штыками. У нас убыло

30 офицеров и до 300 рядовых, а их 600 тел осталось на месте — кажется, хорошо! — вообрази себе, что в овраге, где была потеха, час после дела еще пахло кровью... если будешь мне писать, то вот адрес: “на Кавказскую линию, в действующий отряд генерал-лейтенанта Голофеева, на левый фланг”»²⁰⁵. Это тоже писал Лермонтов, но уже не в поэме «Валерик», а в письме другу.

На другое утро после нападения на форт Головинский в море показался корабль — Нахимов на всех парусах вел к форту «Силистрию». «Спустясь немедленно к форту и получивши донесение воинского начальника, что 16 числа на вверенный ему форт было нападение горцев и что у него 31 человек убитых и 53 раненых, хотя горцы отражены с большим уроном, — писал Нахимов в рапорте 28 июля 1844 года, — я стал на якорь и свез десант». Картина, увиденная четыре года назад в форте Лазарев, еще была жива в памяти Нахимова, он представлял себе, что ждет гарнизон и семьи, если горцы захватят форт. Команда «Силистрии» только что закончила работы в Новороссийском порту и возвращалась в Севастополь, когда крейсировавшая вдоль кавказского побережья шхуна «Гонец» сообщила об опасном положении Головинского. Приказа идти к форту Нахимов не имел, необходимая подготовка перед проведением десанта не проводилась, да и самого десанта не было — только матросы, к тому же был велик риск сесть на мель у берега. Но медлить было нельзя, и Нахимов принял решение.

«Под самыми бурунами у берега он бросил якорь и шпринг; выслал сильный десант в укрепление, открыл свои батареи и выдвинул 42 жерла», — вспоминал лейтенант «Силистрии» Сушов. Да, встретиться с 84-пушечным кораблем, который прицельно бьет по берегу картечью из всех орудий одного борта, — совсем не то, что с семью тысячами идти на приступ форта, где 600 человек гарнизона.

Едва пушки «Силистрии» открыли огонь, как горцы разбежались по ущельям. Однако намерений своих они не оставили. «22-го числа воинский начальник снова донес, что горцы, в большом количестве собравшись, хотят сделать решительное нападение с 22-го на 23-е или с 23-го на 24-е число, — докладывал Нахимов. — Видя горцев действительно в сборе, я решился остаться для защиты форта до 25-го числа».

Этот эпизод наглядно показывает, как поступал в боевой ситуации Нахимов. Его оперативно принятое решение

спасло гарнизон Головинского и заставило неприятеля изменить планы. Вскоре лазутчики сообщили, что горцы перемещаются к Навагинскому, куда и направился контр-адмирал А. Г. Конотопцев на фрегате «Браилов». Убедившись, что гарнизону Головинского ничто не угрожает, Нахимов вернулся в Севастополь.

Полковник Г. И. Филипсон, служивший в штабе Н. Н. Раевского, оставил воспоминания о тех, с кем ему пришлось встречаться на Кавказской войне. Кого только не заносило на Кавказ: там были честные служаки и настоящие герои, проходимцы и откровенные искатели приключений, бежавшие от кредиторов должники и агенты Третьего отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии. Есть в его мемуарах и портреты Лазарева, Корнилова и Нахимова.

Так повелось, что все, кто знал двух учеников адмирала, непременно сравнивали их, даже несколько противопоставляли друг другу. Оттого ли, что оба прославились в Севастополе и погибли там, или по особенной их близости к Лазареву, или из-за бросающейся в глаза несхожести характеров — как знать? Сравнивал их и Филипсон:

«Корнилов в 1838 г. был капитаном 2 ранга и начальником штаба на эскадре. Мне он показался умным и образованным человеком, с светскими манерами и симпатичной наружностью. Говорят, он был и хороший моряк. В нем не было этого общего практическим морякам оттенка грубоватости, и вообще по развитию и способностям он стоял выше наибольшей части своих товарищей. Он был ближе всего к Лазареву, вероятно, он и тогда мечтал со временем сесть на его место.

Совсем другого рода человеком был П. С. Нахимов. В нем не было ничего бросающегося в глаза, но это был чистый тип старого моряка со всеми его своеобразными оттенками. Его все любили и уважали. Во флоте он был известен за лучшего командира корабля. Его слава началась Наваринскою битвою, а кончилась Синопом и славною смертью на укреплениях Севастополя. Нахимов был из тех людей, которые, при случаях, оказываются героями, а не будь случая, они бы всю жизнь оставались в тени»²⁰⁶.

Славы Нахимов не искал — это верно, был скромнен; но служить на флоте, который всю первую половину века участвовал в боевых операциях и кругосветных плаваниях, и при этом остаться в тени — не в его характере. В поисках спокойной жизни не нужно было уезжать на Черное море,

можно было сидеть в теплом кабинете Главного адмиралтейства, получать очередные чины, расплатиться с долгами и мирно скончаться от старости в своей постели. Останься он в Петербурге в ожидании места, его бы не осудили — кто же осудит георгиевского кавалера, захворавшего на службе? Нет, он искал и находил возможность попасть в самую гущу событий, а там жизнь сама ставила его перед выбором: выполнить долг с честью или покрыть себя позором.

Замечательное сравнение двух героев Севастополя оставил военный историк XIX века А. М. Зайончковский:

«Нахимов считался лучшим моряком обоих наших флотов. Только одной этой чести он и добивался, а на всё остальное смотрел с равнодушием философа. Такой характер и система Павла Степановича дали ему ту нравственную силу, которая двигала обожавших его матросов на подвиги невероятные. Сказочная оборона Севастополя перестанет быть легендарной, если принять во внимание, кто стоял во главе защитников города, кто воспитал их, сумев возбудить в них те возвышенные чувства масс, которые двигают миром и не поддаются материальному подсчету холодного рассудка.

Совсем с иным оттенком характера был другой помощник Лазарева, Владимир Алексеевич Корнилов...

Из Владимира Алексеевича образовался отличный администратор, превосходный моряк и человек, умевший повелевать и влиять на массы. Но влияние это было основано на несколько иных началах, чем у Павла Степановича Нахимова. Его воздействие не исходило из глубины его сердца, а было следствием выработанной системы, непоколебимой энергии и природного таланта повелевать.

Владимир Алексеевич нелегко подчинял свои убеждения воле и власти другого человека, который не разделял с ним его мнений и воззрений, и в этом отношении он резко отличался от Лазарева и Нахимова... Вся система обучения у Корнилова была совершенно иная. Он ни в чем не хотел отстать от Нахимова, но достигал этого равенства усиленным и очень часто чрезмерным утомлением людей, заставляя их чуть ли не десятки раз проделывать какое-нибудь трудное упражнение»²⁰⁷.

Их характеры действительно были разные: Корнилов — горячий, эмоциональный, не терпящий рутинного однообразия; Нахимов — основательный, выдержанный, привыкший взвешивать последствия своих слов и поступков, сердечный и простой в общении, не любящий и даже

боящийся бумажной работы. В одном они сходились — в решительности, в умении довести начатое до конца, в бескорыстном служении — и были в этом учениками и последователями Лазарева.

Тридцатого августа 1844 года за помощь, оказанную гарнизону крепости, Нахимову объявили «высочайшее благоволение», а в 1845-м произвели в контр-адмиралы с назначением командиром 1-й бригады 4-й флотской дивизии.

Здесь необходимо сделать пояснение. Основной административной единицей флота был экипаж, состоящий примерно из тысячи человек, включая нестроевых. К экипажам были приписаны корабли, один или несколько, команды которых и набирались из нижних чинов экипажей. Три экипажа составляли бригаду, три бригады — дивизию. Балтийский флот насчитывал девять бригад 1-й, 2-й и 3-й дивизий, Черноморский флот — шесть бригад, объединенных в 4-ю и 5-ю дивизии. Соединение экипажей в бригады соответствовало соединению кораблей в эскадры; бригадный командир обычно являлся и начальником соответствующей эскадры.

Как командир бригады Нахимов переносил свой флаг с одного корабля на другой: в 1846-м поднял его на фрегате «Кагул», на следующий год — на линейном корабле «Ягудил», еще через год — на фрегате «Коварна». Так он получал возможность на деле ознакомиться с состоянием кораблей и экипажей, узнать офицеров лично. И они узнавали его не понаслышке.

Командиром бригады он был более шести лет, а всего службе на Черном море до начала Восточной (Крымской) войны* отдал 19 лет. И каждый год крейсировал по шесть месяцев у кавказского побережья.

Последняя операция, которую провел Нахимов по переброске войск морем на Кавказ, проходила в сентябре 1853 года, уже во время Восточной войны. 4 сентября император распорядился перевезти 13-ю пехотную дивизию мо-

* В западноевропейской и русской историографии XIX века войну 1853—1856 годов между Россией и коалицией Османской, Британской, Французской империй и Сардинского королевства было принято называть Восточной. События происходили на нескольких театрах военных действий — на Балканах, на Кавказе, в Крыму, на Балтийском, Белом, Черном морях и Тихом океане. Большинство советских и современных отечественных историков используют название Крымская война, поскольку наибольшего напряжения противостояние достигло именно в Крыму.

рем в Сухум. Еще не было примера, чтобы в осеннее штормовое время морем перевозили не отряд, а целую дивизию! К тому же высадку предстояло осуществить на необорудованный и открытый ветрам рейд. Корнилов разрабатывал план операции, Нахимов руководил флотом, младшими флагманами были Новосильский и Панфилов. В их распоряжении находились 12 линейных кораблей, два фрегата, два корвета, семь пароходов и 11 транспортных судов. Предстояло перевезти 16 тысяч человек, артиллерию, более восьмисот лошадей, продовольствие и боеприпасы. Когда 19 сентября Корнилов на пароходе «Владимир» прибыл в Сухум, он убедился, что рейд подходит для небольших судов, но не для эскадры. Было решено высаживать десант у мыса Анакрия.

Двадцать четвертого сентября флотилия под командованием Нахимова на рассвете встала на рейд Анакрии, а к четырем часам пополудни высадка десанта была завершена — менее чем за сутки! При этом рейд Анакрии, как докладывал Корнилов Меншикову, «можно считать самым опасным и неудобным из всех, на Черном море существующих, ибо, кроме того, что он открыт самым страшным *W* (западным. — *Н. П.*) ветрам восточного берега, имеет глубину с провалами»²⁰⁸. В результате пароход «Владимир» лишился якоря, «Великий князь Константин» и «Ростислав» всю ночь пытались поднять свои якоря, попавшие в тот самый провал, оказавшийся глубиной в 80 саженей. Высадившие десант корабли вернулись в Севастополь.

Каково же было мнение Нахимова о целесообразности десантов и строительстве крепостей на Кавказе? — Отрицательное. Сформировалось оно не сразу, под влиянием увиденного во время Кавказской войны. И так думал не только он. Вот что записал в своем дневнике Рейнеке, когда жил в 1854 году в Севастополе: «Упразднение этих крепостей давно признавалось необходимым, или, точнее, устройство их находили благоразумные люди бесполезным и тягостным. Даже Лазарев, поддержавший первое представление Вельяминова (в 1837 г.) об учреждении береговой кавказской линии крепостей, впоследствии (1840 г.) сознал это бесполезным и напрасным по трудности сообщения между крепостями и по смертности в них гарнизона. Это слышал я еще в июле 1853 г. от Нахимова, Корнилова, Истомина, Панфилова, Вукотича, Юхарина и от всех, знающих тот край. Еще в сентябре, когда послали отсюда войско на Кавказ на кораблях Нахимова, он предлагал Меншикову снять

гарнизоны с береговых укреплений и перевести их в Редут-Кале или Сухум. Тут набралось бы около 12 тыс. человек, но Меншиков не смел на это согласиться»²⁰⁹.

Император не желал оставлять форты горцам, и потому во время Восточной войны распорядился перебросить 13-ю дивизию на Кавказ. Нахимов, как видим, считал целесообразным сосредоточить все силы в двух фортах; освободившиеся сухопутные дивизиигодились бы для укрепления Севастополя. Но Николай I считал иначе, а Меншиков «не смел» что-то предложить.

Не все разделяли мнение Нахимова, но все были единодушны в одном: гарнизоны крепостей спасались исключительно с помощью флота. «Если не пришла бы к нам 13-я дивизия, то мы были бы уже теперь в самом критическом положении», — сообщал командующий Кавказской береговой линией во время Восточной войны.

Крейсирование вдоль кавказского побережья историки флота называют беспримерным. Можно возразить, вспомнив аналогичную операцию англичан у Бреста в эпоху Наполеоновских войн. Но у англичан был огромный флот, который позволял часто сменять корабли, дежурившие у берегов Франции, да и мягкий климат акватории Атлантического океана не похож на черноморский, когда зимой снасти и паруса покрываются коркой льда, а осенние и весенние шторма выбрасывают суда на берег. Так что крейсерство, хотя и не завершило Кавказскую войну, стало «отличной школой мореплавания, нигде никогда не существовавшей»²¹⁰. И главную роль в этом сыграла деятельность адмирала Лазарева и его учеников — Нахимова, Корнилова, Путятина, Панфилова, Метлина, Юхарина, Истомина.

Установка якорей

В Российском государственном архиве Военно-Морского Флота хранится план Цемесской бухты, собственноручно вычерченный Нахимовым в 1840 году, когда он получил приказ положить в бухте мертвые якоря. Новороссийская, или Цемесская бухта — одна из самых известных на Черном море, вторая крупная российская гавань после Севастополя. На ее рейде может одновременно стоять несколько кораблей, она не замерзает, защищена от ветров с моря. Но эта живописная и теплая бухта печально знаменита своей борой — внезапно появляющимся северо-восточным ветром с гор.

Предвещают бору легкие облачка, ключья которых возникают на совершенно чистом небе у самых вершин гор. Облачка то исчезают, то появляются; затем ветер крепчает, резко меняет направление, достигает бухты и поднимает там огромные волны; водная пыль кропит берег. Ветер усиливается настолько, что срывает железные крыши с домов, выворачивает с корнем деревья, валит с ног и катит к обрыву людей, которые, пытаясь удержаться, цепляются за корни и кусты.

Температура воздуха резко падает, рангоут и такелаж покрываются ледяной коркой, корабли переворачиваются и тонут. Если судну приходилось заходить в Цемесскую бухту в самые опасные месяцы — в ноябре и феврале, — капитаны старались выбирать место так, чтобы не оказаться под этим ветром. Разрушительной его сила бывает у берега, мористее она убывает, и случалось, корабли, стоявшие далеко от берега, оставались целыми. В этих местах и решено было положить мертвые якоря. Их укладку Лазарев поручил Нахимову.

На грунт укладывали два железных бруса по 400 пудов и соединяли их толстой цепью, к середине которой приклепывали двойную цепь — бридель, в свою очередь соединявшийся с бочкой, плавающей на поверхности и имевшей специальное кольцо — рым, к которому корабли крепили свои якорные цепи. Лейтенант Суцов, служивший на «Силстрии», подробно описал устройство якорей, заметив: «...мертвые якоря положены на разных глубинах, средняя цепь от них имеет длину 16 сажен и, по словам адмирала Нахимова, чтобы удержаться на ней в бору, не должно выпускать своего канату более 30 или 25 сажен. При зыби надо иметь канату вдвое более».

При установке мертвых якорей возникла непредвиденная ситуация: когда их уже уложили, у двух бриделей выпали болты. Адьютант Меншикова, бывший в то время в порту, написал в донесении о лопнувших болтах. То ли он не разобрался толком в происшедшем, то ли поспешил найти виноватых и доложить князю, но только крайними оказались мастера адмиралтейства и Нахимов.

Лазарев в объяснении Меншикову писал, что «никто болтов в Адмиралтействе не ковал и никакие болты не лопались», потому что цепи были выписаны уже готовыми, из Англии: «Они были доставлены и положены, как должно, с полной уверенностью, что всё исправно». За укладкой якорей наблюдал корабельный инженер, который сам

неоднократно видел, как это делали в Англии. «Нахимов же я назначил потому, что никто другой лучше его таковою работою не распорядился бы». Лазарев не выгораживал ученика — он был уверен в его добросовестности и исполнительности. Но Меншиков желал знать причину аварии. Вскоре выяснили: в Англии ставят точно такие же цепи, в которых у болтов нет концов и чек; однако там волнение моря незначительное, а в Цемесской бухте тихая вода бывает только летом, и потому цепи нужно делать другими. «Несмотря на эту неудачу, — писал Лазарев Меншикову, — я беру на себя смелость уверить вашу светлость, что мертвые якоря в Цемесе, во что бы то ни стало, положены будут, как следует, хотя бы двадцать раз пришлось вынимать их!»²¹¹

Вот Нахимов их и вынимал два десятка раз. Как видно по рапортам и донесениям, он руководил работами в 1846, 1847 и 1848 годах; мертвые якоря усовершенствовали применительно к условиям местности, цепи меняли на новые, с чеками, после зимы заменяли бочки, перекладывали сами якоря. В итоге Нахимов стал специалистом по подъему, исправлению и перекладке этих якорей, а команда его «Силистрии» делала это настолько быстро и аккуратно, что даже когда контр-адмирал Нахимов держал свой флаг на фрегате «Коварна», то просил Лазарева для работ прислать в Севастополь «Силистрию».

Нахимову поручали проводить испытания присланных с Камско-Воткинского завода новых якорей для гребных судов. Он испытывал их в крепкий ветер, при волнении на море, осенью и зимой, определял, сколько человек могут поднять якорь, какой конструкции якоря лучше отдавать при разных условиях. По результатам этих испытаний были даны распоряжения всем гребным судам, на которые поставили новые якоря.

Долгое время моряки не любили Цемесскую бухту из-за боры, сырости и холода, предпочитая теплый Сухум. Мертвые якоря сделали Новороссийск более безопасным и потому привлекательным портом.

Якоря установили, а осадок, как говорится, остался. Как ни заступался за Нахимова его учитель, но награду за взятие фортов Лазарева и Вельяминовский в 1840 году ему не дали, официально объяснив тем, что кампания еще не закончена. А когда она закончилась, на вторичное представление Лазарева Главное адмиралтейство не ответило.

Заслуженную награду — орден Святого Владимира 3-й степени — Нахимов получил уже к двадцатилетию службы,

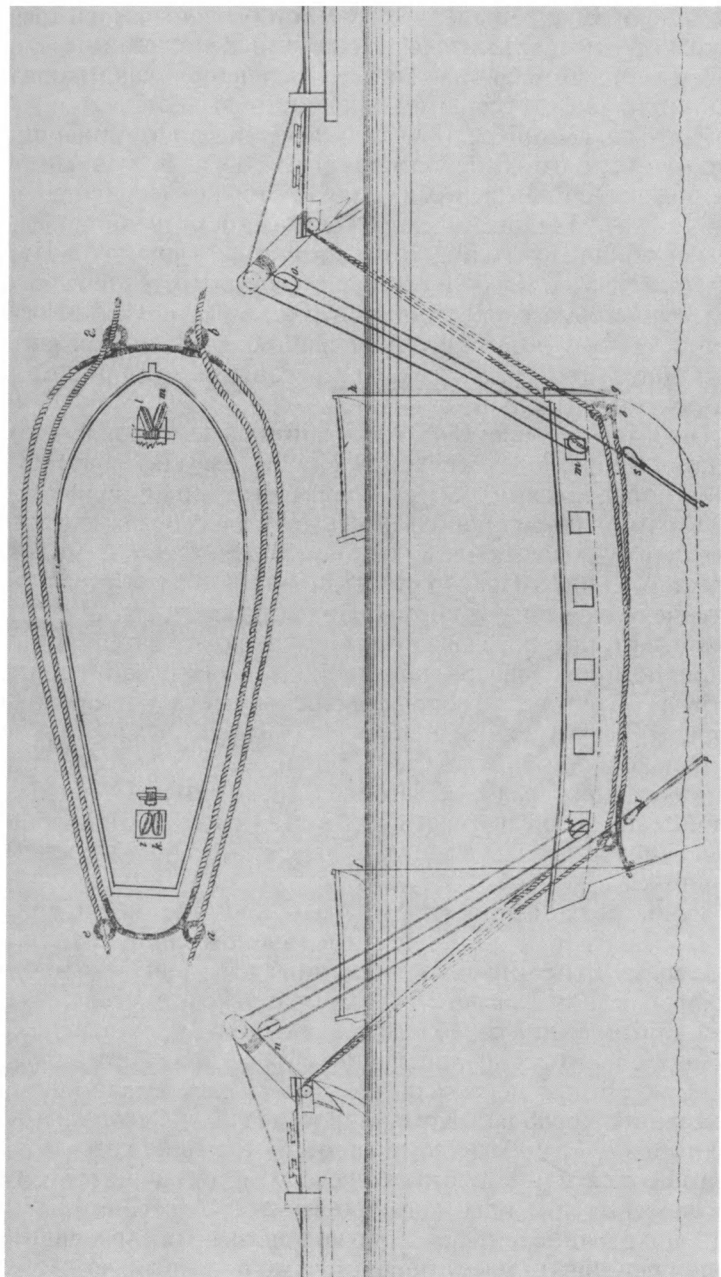

Схема подъема затонувшего тендера «Струя» 4 августа 1848 года. Морской сборник. 1848 г.

в 1842 году. Еще раньше, в 1835-м, он был награжден греческом орденом Спасителя за Наваринское сражение, а в 1837-м — орденом Святой Анны 2-й степени — как говорилось в приказе, «за усердную и ревностную службу».

Ночь на 13 января 1848 года моряки-черноморцы запомнили надолго. Трое суток задувала бора. В ту ночь затонул двенадцатипушечный тендер «Струя» вместе со всем экипажем — 52 человека. Летом водолазы осмотрели тендер, и было принято решение его поднимать. Судоподъем в те годы был задачей новой и при существовавших технических средствах весьма непростой. Контр-адмирал Е. И. Колтовский, которому поручили эту операцию, нашел повреждения корпуса тендера настолько серьезными, что пришел к выводу: поднять его невозможно.

Нахимов в июле 1848 года занимался исправлением мертвых якорей в Цемесской бухте. Вот ему Лазарев и поручил попытаться поднять тендер. Поговорив с водолазами, Нахимов решил использовать два килектора — так назывались суда для подъема со дна якорей, бочек и других тяжестей. Один килектор он установил у носа затонувшего тендера, другой — у кормы. Под дно завели два толстых каната, которые образовали петлю на уровне ватерлинии, и при помощи лебедок начали подъем. Предварительно «Струю» облегчили — водолазы сняли с нее якоря, орудия, снаряды, паруса, мачты, цепи.

Операция была проведена успешно, и 5 августа Нахимов отрапортовал о ее завершении. Мичман П. М. Македонский, который участвовал в этих работах, подробно описал подъем тендера в статье, напечатанной в «Морском сборнике».

Руководство флота желало знать причины гибели тендера — Нахимов их представил в подробном рапорте, указав даже время трагедии: часы, найденные в кармане командира корабля, показывали 10.30. Другие находки, сделанные на поднятом со дна корабле, помогли понять происшедшее. Экипаж сделал всё для спасения: сбросили за борт якоря, носовые орудия перевезли на корму, расклепали цепи, державшие корабль. «Командир тендера, — докладывал Нахимов, — видя безнадежное состояние свое, хотел воспользоваться единственным средством, оставшимся ему для спасения команды, — выброситься на берег, но глыбы льда, покрывшие весь бак и, можно сказать, превратившие в одну сплошную массу брашпиль, цепь и носовую часть,

не позволили этого выполнить... Изломанные топоры, интрепели* и другое абордажное оружие, найденные в разных местах на верхней палубе тендера, говорят ясно об усилиях, употребленных для обрубания льда»²¹².

Отправляя предписание капитану парохода, который должен был отбуксировать тендер в Севастополь, Нахимов не преминул предупредить, что лучше держаться ближе к берегу, и напомнил: «...предусмотрительность и осторожность в море всегда нелишнее дело».

Морская библиотека

В 1837 году в самом центре Севастополя, рядом с местом будущего собора Святого равноапостольного князя Владимира, заложили фундамент здания, предназначенного для Морской библиотеки. Сама библиотека появилась в городе еще в 1823-м, книги в нее жертвовались и покупались самые разные: произведения российской и зарубежной словесности (последние — в переводах), специальная морская литература на иностранных языках, результаты научных изысканий. Со временем накопилось несколько тысяч томов, а вот здание книгохранилища сильно обветшало. В Севастополе несемейному офицеру в свободное время пойти было некуда — разве только в чайную или в питейное заведение. Эта праздность, по мнению Лазарева, и «ввергала их в такие проступки, кои даже лишали их чести»²¹³. Новая библиотека, по замыслу адмирала, должна была стать не просто вместительным книгохранилищем, но центром культурной жизни города, «источником приятных и полезных для молодых людей занятий». Чтение и самообразование были верными способами воспитания офицера.

Стоимость нового здания оценили в 50 тысяч рублей — сумма не такая уж и большая. Офицеры пожертвовали деньги на благое начинание, но их оказалось недостаточно. И Лазарев предложил использовать призовые, которые со времен адмирала Сенявина не были востребованы по каким-либо причинам. Набралось 47 тысяч русских ассигнаций, «36 венецианских, 5 папских червонцев и 42 гишпанских талера» — прямо-таки нумизматическая коллекция, сложившаяся за XVIII век.

* Интрепель — абордажный топор.

Для устройства библиотеки Лазарев нашел среди своих учеников самых деятельных сподвижников — Корнилова и Нахимова. Оба они вошли в совет директоров, Корнилов был избран еще и секретарем-казначеем. Нахимова адмирал в письмах называл «самым первым помощником во всем».

Нахимов был большим охотником до чтения, когда позволяло время, на берегу или в период болезни, свободные часы проводил с книгами. Как и многих моряков, больше всего его привлекали описания путешествий и воспоминания о морских экспедициях. Еще в кругосветке он брал из библиотеки Лазарева книги на английском языке об адмиралах британского флота, читал о плаваниях Кука, Лисянского, Сарычева. Самым интересным, конечно, было сравнивать прочитанное с увиденным воочию.

В 1820-е годы были напечатаны «Записки морского офицера» В. Б. Броневского о средиземноморской экспедиции под командованием адмирала Сенявина. Они были очень популярны, многие ими зачитывались. В письме с Мальты Нахимов чуть иронично заметил: «Что сказать тебе о Палермо? Что довольно весело провел время, осматривая все достойное замечания, но не нашел и половину того, что описывает и чем восхищается Броневский». Похоже, Нахимов не разделял общих восторгов по поводу творчества Броневского и был в этом не одинок. А. С. Пушкин, прочитав «Историю Донского войска» того же автора, отозвался совсем уже нелестно: «Политические и нравоучительные размышления, коими г. Броневский украсил свое повествование, слабы и пошлы и не вознаграждают читателей за недостаток фактов, точных известий и ясного изложения происшествий»²¹⁴. Читать произведение, где недостаток фактов заменяется измышлениями автора, Нахимову было неинтересно.

Все биографы отмечали нелюбовь Нахимова к письму. Но его лаконичное и живое описание сражений и плаваний читать намного любопытнее, чем фантазии иных романистов, от которых, к слову, пострадал и сам Нахимов. В современном «Морском сборнике» к юбилею адмирала было напечатано якобы документальное повествование, в котором нет ни документов, ни повествования, зато немало авторских придумок вроде анекдотов, что рассказывают на не совсем трезвую голову. Самое прискорбное — что это сочинение было напечатано не в бульварной газетенке, а в журнале, основанном Нахимовым.

Впрочем, Павел Степанович Нахимов в защите не нуждается, о горе-сочинителях же он сам высказался достаточно определенно: «Все неудачи в литературе при доказанной опытности писателей происходят от того-с, что всё одни и те же лица пишут. Сидит себе человек на одном месте, выписывает из головы всё, что в ней было, а там и пойдет молотить себе, что попало. Другое дело-с, когда человек описывает то, что видел, сделал или испытал, и притом поработал довольно над своей статьей, и отделал ее, как следует-с. Боюсь я за “Морской сборник”, чтобы с ним не случилась та же оказия-с. Когда возьмутся писать два-три человека каждый месяц по книге, то выйдет ли толк?»²¹⁵ Что ж, и актуально, и метко — прямо «в яблочко».

А вот его суждение о литературе и литераторах:

«— Просматривал я газеты, полученные с последней почтой, — сказал Павел Степанович, садясь за стол. — Думал найти в фельетоне что-нибудь о новой книжке “Морского сборника”. Нет ни слова, а как много пишут они пустяков! Споры ни на что не похожи-с; я был заинтересован последним спором, захотел узнать, из чего они бьются, — как скучно ни было, прочел довольно много. Дело вот в чем-с. Один писатель ошибся, слово какое-то неверно написал-с; другой заметил ему это довольно колко, а тот вместо того, чтобы поблагодарить его за это, давай браниться! И пошла история недели на две; что ни почта, то всё новая брань. Нет, право-с, эти литераторы непонятный народ-с, не худо бы назначить их хоть в крейсерство у кавказских берегов, месяцев на шесть, а там пусть пишут, что следует.

Все засмеялись, и Павел Степанович также.

— Да не досадно ли, право-с, — продолжал адмирал, — ведь вот хоть бы “Морской сборник”, — радостное явление в литературе! Нужно же поддержать его, указывая на недостатки, исправляя слог не в специальных, а в маленьких литературных статьях. Наши стали бы лучше писать от этого-с... Критиковать, значит указывать на достоинства и недостатки литературного труда. Если бы я писал сам, то был бы очень рад, если бы меня исправлял кто-нибудь, а не пишу я потому, что достиг таких лет, когда гораздо приятнее читать то, что молодые пишут, чем самому соперничать с ними»²¹⁶.

Морская библиотека — любимое детище не писателей, но страстных читателей, коими были и Нахимов, и Корнилов. Адмирал Лазарев за годы командования Черноморским флотом хорошо изучил нравы и обычаи тамошних

чиновников, на их исполнительность и честность не рассчитывал. Пока строили новое здание и создавали совет директоров, он поручил провести в библиотеке ревизию. Казалось бы, какую корысть можно извлечь из библиотеки? Но кто к чему стремится, тот то и находит. Из 60 тысяч наименований не нашли более 28 тысяч! Популярные журналы «United Service» и «Nautical Magazine» оказались не переплетены, и многих номеров уже не было. Как сказал Корнилов, «главное зло в библиотеке: библиотекарь», которого он, не церемонясь, назвал негодяем.

Должность эту занимал некто Шпаковский; и вместо того, чтобы раздавать и собирать книги обратно, составлять каталог, следить за чистотой и порядком, он «присвоил себе выпуск книг и вообще всего для заведения нужного и ездит ежедневно с семейством в Одессу», хотя всем известно, что дешевле и быстрее делать заказы из Петербурга через комиссионера²¹⁷. Мало того что библиотекарь обделывал свои дела за казенный счет, так еще и библиотека при нем не отапливалась, новые журналы не выписывались, хотя деньги и на то и на другое были выделены.

Книги из Морской библиотеки гуляли по всему Крыму. Просмотрев каталог, ревизоры выяснили: библиотекарь выписывал не специальную литературу, а... бульварные романы. Что же, и романы кто-то читает. Но при чем тут Морская библиотека? Средства на закупку книг офицеры собирали в складчину, жертвовали из своего не очень обширного бюджета, и уж точно не на покупку романов, по выражению Корнилова, для «женщин мещанского воспитания... писарш и комиссарш», то есть жен писарей и комиссаров.

Как только избрали совет директоров, началась новая жизнь библиотеки. В письмах Корнилова звучит рефреном: «...по мнению многих и в том числе Нахимова», «Нахимов со мной совершенно согласен». Вдвоем они составляли список книг и посылали его Лазареву. Теперь это всё были книги «учебно-морские, исторически-морские и vojяжи»; большим спросом у офицеров пользовались книги по географии и истории. «Этого рода книги охотно читаются молодежью и более, чем какие другие, содействуют к приобретению практического познания человека и развитию благородных побуждений: действовать и не быть пешкой на белом свете, а эти побуждения чуть ли не самые необходимые основы для образования хороших капитанов и адмиралов»²¹⁸, — писал Корнилов. Вот для чего создавалась библиотека, вот о чем ратовали и чем занимались, не счи-

таясь со временем и затратами из собственного кармана, Нахимов и Корнилов. Их стараниями за десятилетие — с 1844 по 1854 год — книжный фонд Морской библиотеки увеличился с шести с половиной до шестнадцати тысяч томов (для сравнения: в следующие 30 лет — всего на пять тысяч).

Выписывали они не только книги, но и популярные журналы, особенно любимые моряками «United Service» и «Nautical Magazine». Почему английские? Военная периодика в России была, офицеры читали газету «Русский инвалид», «Артиллерийский журнал», «Военный журнал» (издавался с 1810 года), «Инженерные записки», «Военно-медицинский журнал». Но специального журнала о моряках и для моряков на русском языке пока еще не было.

Первый номер «Морского сборника» выйдет при содействии великого князя Константина Николаевича в 1848 году. Кредо журнала будет изложено по-военному четко и коротко: порицать систему лжи, «хвалить умно, а не приторно». Впрочем, выход отечественного журнала вовсе не отменял чтения иностранных; даже наоборот, чем быстрее развивался флот, тем полезнее было читать о морских новинках двух самых могущественных морских держав — Англии и Франции. В «Nautical Magazine» (который, кстати, выходит по сей день) печатались статьи о важнейших событиях британского флота, его истории, географических открытиях, технических достижениях. Этот же журнал в годы Крымской войны будет публиковать репортажи с театра военных действий.

Полезные английские журналы Нахимов выписал не только для библиотеки, но еще и для своих «молодцов-офицеров» на «Силистрии» — за свой счет. Закупали члены совета директоров и техническую литературу, книги по инженерному делу, по корабельной и особенно паровой части и даже «Журнал инженера-строителя и архитектора» («The Civil Engineer and Architect's Journal»), хотя инженеры и кораблестроители имели в адмиралтействе свою библиотеку²¹⁹.

Второго апреля 1844 года Морскую библиотеку торжественно открыли, отслужили молебен, прошлись по «щегольски отделанным» — так обычно моряки говорили о кораблях — комнатам, полюбовались стеллажами с книгами и даже, несмотря на уличную слякоть, не запачкали паркета. «Непогода эта послужила только доказательством, что при добрых правилах и аккуратном присмотре всякое общество

без стеснения себя будет считать порядочным», — сообщил Корнилов Лазареву.

А в начале 1845 года случилось несчастье — возникший по непонятной причине пожар уничтожил любимое детище всего Севастополя. Книги спасали из огня, как спасают имущество с горящего корабля, с риском для жизни, и всё равно большая часть погибла в огне, сгорело и новое здание библиотеки.

Но унывали недолго — император внял просьбам адмиралов и выделил из казны сумму, необходимую для постройки нового здания. Лазарев постарался украсить библиотеку, как украшал и весь город, статуями из итальянского мрамора, барельефами выдающихся мореплавателей и русских флотоводцев, заказал двери из красного дерева. Теперь в свободное время на берегу офицеры заходили в библиотеку, читали свежие газеты и журналы, брали на дом книги, встречались с друзьями, обсуждали события флотской жизни.

Морская библиотека и офицерский клуб стали центром культурной жизни Севастополя.

Морской устав

Удивительно, что порой самые скучные документы способны рассказать о человеке больше, нежели самые говорливые мемуаристы. Речь идет о Морском уставе и Своде сигналов. Замечания Нахимова к этим двум документам наилучшим образом раскрывают его характер и дают возможность узнать его мнение практически по всем вопросам флотской жизни²²⁰. История появления этого устава интересна и сама по себе.

Первый Морской устав был написан Петром I, когда только начал появляться русский флот; в конце XVIII века появился «Устав военного флота». Шли годы, совершенствовались корабли, изменялась их материально-техническая часть, появлялось новое оружие; соответственно, менялись тактика морского боя и стратегия войны. В 1850 году было решено создать новый Морской устав и Свод сигналов, для этой работы сформировали специальный комитет, который возглавил великий князь Константин Николаевич. Когда проект устава был готов, его распечатали и разослали командующим и командирам кораблей Балтийского и Черноморского флотов. Это было первое в истории гласное обсуждение документов такого рода.

Нахимов тоже получил эту книжечку, внимательно изучил и внес замечания. Вот, к примеру, раздел устава: «О должностях чинов, служащих на корабле». Командиру корабля, как только он пришел на рейд, предписывалось явиться с докладом к старшему по званию и главному начальнику порта. Нахимов возражает: «В первую минуту по приходе на рейд шлюпки и люди нужны на судне. Не лучше ли оставить это, как делалось прежде, т. е. что управившись с работами, или как только найдет возможным, командир судна едет с рапортом к старшему на рейде, а потом к местному начальству». Так и слышится недовольный голос Нахимова, который должен отрывать людей и наносить визиты в самый неподходящий момент. Его позиция ясна: сначала дело, потом доклады.

Статья 57 того же раздела предписывала командиру определять права вахтенных начальников и разрешать или запрещать им производить действия с парусами. И с этим Нахимов не согласен: что же это за вахтенный начальник, если по всякому поводу он будет испрашивать разрешение командира? «Полагаю, что не командир, а закон должен определить права вахтенных начальников касательно действия под парусами... целость парусов и рангоута лежит на их ответственности; конечно, командир, предвидя переменчивый или крепкий ветер или не доверяя распорядительности вахтенного начальника, берет предосторожности, не позволяет нести больших или прибавлять без себя парусов, но, во всяком случае, в небытность его наверху за паруса и рангоут отвечает вахтенный начальник».

А вот еще одно любопытное замечание: устав называет рупор «отличительным знаком» вахтенного начальника; если же его команд даже через рупор не слышно, их обязан повторить унтер-офицер. У Нахимова на корабле было иначе: «где на судне при работах тишина, там нет нужды ставить для передачи команды унтер-офицера». Г. И. Филиппсон утверждал, что именно так и действовала команда на «Силистрии»: «Телеграф и сигналы работали непрестанно, но ни шуму, ни суеты не было: все работы экипаж делал бегом и молча. Слышен был только голос старшего лейтенанта»²²¹. И оттого главной принадлежностью вахтенного Нахимов считал не рупор: «Когда судно на якоре, и тем более в эскадре, зрительная труба едва ли не нужнее рупора». Особенно он ценил в офицерах расторопность и старательность и совершенно не выносил, когда офицеры на корабле «считали себя как будто посетителями или, лучше сказать,

людьми вовсе лишними и ненужными». Оттого-то и бывает беспорядок, говорил Нахимов, когда инспектировал корабли своего отряда: «Я привык видеть при каждом вызове команды наверх или движении судна, днем или ночью, офицера первым и всегда самым дельным и необходимым лицом на своем месте»²²². Именно офицеры виноваты, если команда плохо справляется со своими обязанностями: «...люди, бывшие при орудиях, не знали своего дела совершенно, а потому каждый исполнял свою обязанность без всякой живости и расторопности».

Хорошее управление парусами на военном корабле — итог постоянных тренировок. Нахимов засекал время, за которое команда спускала и поднимала паруса, поворачивала корабль, выполняла стрельбы, а о результатах извещал подчиненных в соответствующих приказах и распоряжениях.

Статья 79 того же раздела предписывала командиру не начинать бой без сигнала адмирала, за исключением случаев, если ночью или в тумане сигнала не будет видно, а неприятель откроет огонь. Такая позиция вызвала недоумение Нахимова: «Неужели при встрече с неприятелем ночью или в тумане, или когда нельзя отличить сигналов адмирала, надо ожидать, чтобы он открыл огонь? Не лучше ли стараться самому нанести ему вред при первой возможности?» Этому учил Лазарев и сам демонстрировал такой образ действий в Наваринском сражении.

Ни один устав не может предусмотреть всех ситуаций. И Нахимов как командир отряда всегда приветствовал инициативу и решительность офицеров. В апреле 1846 года в Севастополе случился пожар, и с брига «Паламед», не дожидаясь сигнала, для помощи отправили на берег гребные суда, тогда как с других кораблей, отметил Нахимов в приказе, даже после сигнала не торопились посылать шлюпки. В другой раз команда брига отличилась тем, что взяла в качестве приза двухмачтовое судно контрабандистов. Но при следующей встрече решительность не помогла. 19 июня 1846 года корвет «Пилад» и бриг «Паламед» обнаружили три турецких судна. Поскольку установился штиль, решили начать преследование контрабандистов на лодках. Когда догнали, завязалась пушечная и ружейная перестрелка; в результате один офицер погиб, шестеро рядовых были ранены, и преследование пришлось прекратить.

Узнав о происшествии, император приказал передать Нахимову: он «недоволен тем, что турецкие суда успели уйти, вероятно, не понеся сами никакого урона».

На следующий день появился приказ за подписью контр-адмирала Нахимова:

«Рассмотревши донесения командиров корвета “Пиллад” и брига “Паламед” о действии их гребных судов против двух турецких контрабандных судов, нахожу, что главное упущено из виду, а именно, нанеся значительный вред орудиями гребных судов контрабандистам, должным было броситься на abordаж и взять их. Конечно, потеря офицеров и людей могла быть значительнее, но честь и слава остались бы неукоризненны»²²³.

Выходит, Нахимов не берёт людей? — Еще как берёт. У него редкий год бывали больные; профилактика цинги, качество питания, состояние амуниции всегда были под его особым контролем. Если же на каком-либо корабле появлялись цинготные, он следил, чтобы их вовремя помещали в береговой госпиталь, а командира корабля и судового врача сурово наказывал. Сохранились десятки приказов Нахимова, в которых командирам предписывается обязательная закупка лимонного сока, чая, сахара, горькой настойки, сбитня как противоцинготных средств для команды. Офицеры обязаны были не только проверять до начала компании состояние корабля и вооружения, но доносить Нахимову, «есть ли рабочее платье и сколько белья у каждого человека именно: рубах, брюк, простынь, наволочек и прочего и достаточно ли обуви». Забота о здоровье людей вовсе не исключает решительности — в бою Нахимов предпочитал атаковать, если позволяли силы и средства.

Потому 85-я статья, запрещающая командиру корабля без разрешения адмирала гнаться за бегущим неприятелем после окончания сражения, вызвала у Нахимова усмешку: «Если в конце сражения какой-либо корабль может гнаться за бегущим неприятелем...» Достаточно вспомнить состояние «Азова» в конце Наваринского сражения — без единого целого паруса, мачт и якорей, — и ирония Нахимова станет понятна.

То ли авторы устава не знали досконально корабельной службы, то ли очень старались внести нововведения, но перечень обязанностей старшего офицера в уставе также не нашел одобрения Нахимова. Старший офицер вовсе не должен следить за ведением вахтенного журнала, указал он, — это обязанность вахтенного начальника; за исправностью счислений и астрономических наблюдений, необходимых для определения места корабля на карте, отвечает

командир. Когда же в 42-й статье авторы решили обязать старшего офицера быть постоянно наверху, чтобы наблюдать, как корабль делает повороты, Нахимов не преминул высказаться: «Старший офицер имеет на корабле слишком много занятий, и я не нахожу необходимым ставить ему в обязанность быть непременно наверху при работах, исполняемых одною вахтою; не слишком выгодное заключение сделаешь о лейтенанте, которому нельзя дозволить поворотить. Конечно, на вахте офицера молодого, неопытного старший офицер присмотрит за производством самого незначительного маневра». Даже гардемаринам во время учебных плаваний доверяли — разумеется, под контролем офицеров — делать повороты судна, не говоря уже о мичманах, которые ходили в кругосветку или стояли вахту на кораблях Лазарева.

С молодыми и неопытными всё понятно; а как быть с опытными, но нерадивыми? Этим Нахимов наказывал без колебаний. «Выйдя нынешний день в 4 часа пополудни наверх, в то самое время, когда фрегат поворачивал оверштаг, — написал он в приказе от 3 июня 1846 года, — увидел лейтенанта Макухина разговаривающим с мичманом Коскулем и не обращающим никакого внимания на свои обязанности; при отдаче грот-марса буленя грот-марса брас с подветра не был отдан, отчего сломилась грот-марса-рея». Итог — строгий выговор, указание в акте, что рея сломана «от незнания своего дела лейтенанта Макухина», и взыскание с провинившегося ущерба в пользу казны. Наказание явно пошло обоим на пользу — лейтенант Николай Макухин в Синопском сражении показал себя мужественным офицером, командуя орудиями на корабле «Париж», и был представлен Нахимовым к повышению. Мичман Федор Коскуль завершил службу в чине генерал-майора.

Мелочная опека и ненужная регламентация в проекте нового устава явно вызывали неудовольствие Нахимова. «Вахтенный начальник доводит до сведения старшего офицера о приходе и отходе всякого гребного судна», — предложили написать в уставе. Конечно, это справедливо, если речь идет о баркасах, полубаркасах и капитанском катере; но неужели, резонно замечает Нахимов, «он должен спрашивать дозволения послать шлюпку с буфетчиком на берег... и потом докладывать при возвращении ее?». Он предлагает свое видение обязанностей вахтенного начальника: «Не лишне прибавить, что вахтенный начальник наблюдает за шлюпками не только у борта, но, если куда посланы,

то хорошо ли гребут, отдают ли установленную почесть при встрече с начальником. Если под парусами, то хорошо ли управляются, сообразны ли с силою ветра».

Он считал лишним положение, что после боя старший офицер должен сделать чертеж повреждений судна: «Едва ли после сражения достанет у старшего офицера времени составлять чертежи повреждениям, да и к чему это делать». А вот действительно важной, по мнению Нахимова, обязанности старшего офицера в уставе места не нашлось: «Полагаю, нелишним будет прибавить к обязанностям старшего офицера о влиянии его в кают-компаниях, об отвращении им неуместных разговоров, о надзоре его за порядком, благочинием и опрятностью кают-компаний».

Нахимов провел в кругосветке три года, прекрасно знал, каково это — изо дня в день видеть одних и тех же людей, когда достаточно незначительного повода, чтобы вспыхнула ссора. Поэтому положение проекта устава о приглашении командиром к столу офицеров «по своему избранию» он отверг: «Командир, имея отдельной от кают-компаний стол, приглашает к оному гг. офицеров по очереди, а не по избранию, — от оказываемого предпочтения могут произойти между офицерами несогласия, в особенности в отдельных продолжительных плаваниях».

Во всех замечаниях и предложениях Нахимова виден взгляд человека умного, опытного, знающего корабль и морскую службу до тонкостей. Нет ни одной пустой фразы — все по делу. Знарок кораблестроения, он видел, к чему приводили поставки сырого леса, и предложил добавить в статью о крьюйт-камере: «Не лишнее прибавить, чтобы крьюйт-камеры и проходы непременно устраивались из сухого лесу и что, если заведется сырость после окончания постройки или тимберовки (капитального ремонта. — *Н. П.*) в крьюйт-камерах, то отвечал бы за это кораблестроитель. Жаровнями и вентиляторами хорошо высушивать сырость или мокроту, случайно попавшие; но если сырость заключается в самих переборках, то высушить их весьма трудно, и на это потребуются много времени».

Нахимов считал необходимым внести дополнения в главу об обязанностях артиллерийского офицера. Во время погрузки орудий на корабль прицелы, по его мнению, нужно проверять дважды — «на берегу и потом уже на корабле». В перечень обязанностей артиллерийского офицера он предложил включить проверку крепления орудий: «При большом волнении он обязан чаще осматривать их, и

которые окажутся дурно или слабо закрепленными, тотчас же докладывает на вахте и в то же время старается исправить это».

А вот его суждения о распределении обязанностей между офицерами. Устав предлагал стоять офицерам: старшему — на баке, второму — на юте, третьему — на шканцах. «На шканцах всегда больше дела, чем на юте, и потому там место второму офицеру по старшинству, а на юте — третьему», — возражал Нахимов. Он советовал не ограничивать обязанности вахтенного офицера наблюдением за часowymi на баке, но вменить ему в обязанность самому время от времени смотреть вперед: «У расторопного офицера найдется времени на то и на другое». Больше самостоятельности и ответственности офицеров — такова главная установка Нахимова касательно распределения обязанностей на корабле.

Со времени приказа Сенявина о препровождении лейтенанта Нахимова на гауптвахту прошло немало лет; теперь контр-адмирал Нахимов отлично знал жизнь нижних чинов, чтобы составить свое мнение. Бесплезно передавать унтер-офицеру список команды — «немногие трюмные и палубные унтер-офицеры умеют у нас читать». Предложение выдавать на гребные суда тулупы счел нелепым — «в них весьма неловко грести и работать», тогда как зипуны в сырую и холодную погоду «весьма полезны и удобны, и потому нельзя не пожалеть, что они не положены в числе одежды, определяемой для матрос[ов] штатом». Он даже, как будто усмехнувшись, напомнил, что стирать белье в пятницу для команды неудобно — «потому что в этот день положено варить горох». И добавил в главу «О сбережении здоровья команды» положение о необходимости как можно чаще поставлять к столу зелень, в особенности свежую, потому что она «способствует... весьма много к поддержанию здоровья людей».

Особенность морского ремесла такова, что успех всецело зависит от слаженности и быстроты действий экипажа, точности выполнения команд. В правке устава Нахимов показал себя не занудой и педантом, как может показаться кому-то, но опытным офицером и знатоком морской жизни.

Глава седьмая
ВОСТОЧНАЯ ВОЙНА. СИНОП

«Там пахнет морской нацией»

В дневнике Пушкина есть запись за 1833 год: «30 ноября. Вчера бал у Бутурлина (Жомини). Любопытный разговор с Блайем: зачем у вас флот в Балтийском море? Для безопасности Петербурга? Но он защищен Кронштадтом. Игрушка! — Долго ли вам распространяться? (Мы смотрели карту постепенного распространения России, составленную Бутурлиным.) Ваше место Азия, там совершите вы достойный подвиг цивилизации... etc.». Граф Д. П. Бутурлин по прозвищу Жомини написал «Военную историю походов россиян в XVIII столетии» в четырех томах, к которой прилагалась карта России. Вот ее-то поэт и рассматривал с Джоном Блайем, английским поверенным в делах.

Беседа произошла после того, как Россия и Турция заключили договор в Ункяр-Искелеси под Стамбулом и российские военные корабли получили исключительное право прохода через проливы Босфор и Дарданеллы. Предоставлялось оно России в благодарность за поддержку Турции в войне с ее египетским вассалом. По условиям договора Россия могла даже требовать закрыть проливы для кораблей других стран. Неудивительно, что договор вызвал раздражение у самой могущественной морской державы мира, и его пересмотр под давлением Британии в 1841 году фактически лишил Россию достигнутых преимуществ.

Конечно, Пушкину было хорошо известно стремление многих европейских политиков видеть Россию без морей и желательно в границах Московии XVI века. «Распространение» Российской империи вызывало опасение и злобу, о чем свидетельствует и «любопытный разговор», который поэт вел не с частным лицом, а с британским дипломатом

посольства. Интересно, что ответил бы английский поверенный, если бы поэт задал встречный вопрос: как далеко будет распространяться по миру Британская империя?

К чужим флотам британцы всегда относились высокомерно, Балтийский флот России называли «игрушкой императора». Но после Наваринского сражения и блокады Дарданелл в 1829 году, подписания договора России и Турции в 1833-м, утверждения России в северо-западной части Америки, открытий русских моряков в кругосветных экспедициях Британия стала ревниво следить за российскими военно-морскими силами. В середине XIX века она начала проявлять повышенный интерес к Дальнему Востоку, Камчатке, Охотскому морю, демонстрируя, что все моря мира считает своими исконными владениями и не желает мириться с конкуренцией. Выходит, уже и в Азии для России не оставалось места.

В 1830-е годы в петербургских гостиных передавали в разных вариантах разговор императора Николая с британским послом:

— Зачем вам строить такой большой флот, ваше величество?

— А вот именно затем, чтобы вы уже больше не осмеливались задавать мне подобные вопросы.

На Черном море делали не «игрушки», и британцы почувствовали это раньше других. В 1841 году главный кораблестроитель английского флота В. Саймондс посетил Севастополь, где осмотрел все военные корабли молча, покусывая губы. И сообщил свой вердикт в Лондон: «Там пахнет морской нацией, чего на Балтике я не заметил, и ежели правительство поддержит, то морская часть в Черном море в скором времени очень усилится»²²⁴.

Мнение, высказанное специалистом, убедило британское правительство в существовании еще одной морской державы, флот которой способен приносить пользу своему отечеству. И потому целью вступления Британии в войну было в первую очередь ослабление России, уничтожение русского флота и его главной базы на юге — Севастополя.

Парус или винт?

В августе 1853 года в Севастополе только и говорили, что о смотре английского флота в Портсмуте. Капитан-лейтенант И. Шестаков, который в то время был в Англии

в командировке, описал учебное сражение на спитхедском рейде. Условный противник в нем назывался «русские» и был представлен одними парусными кораблями. Английский флот представляли 20 пароходов с 130 пушками на борту. Пароходы выстроились в линию длиной в четыре версты и шли «ветер в зубы», затем развернулись — за 12 минут! — и атаковали неприятеля. Сражение длилось десять минут, «русские» были разбиты, и тем «приговор парусным кораблям был подписан и скреплен», писал Шестаков.

Вряд ли англичанам в реальности удалось бы так легко расправиться с русским флотом. Правда, проверить это на практике не получилось — во время Крымской войны двум флотам не довелось встретиться в море. Но в том, что приговор парусным кораблям уже вынесен, Шестаков не ошибался.

Паровые суда в России появились за 40 лет до Крымской войны. С 1815 года пароходик «Елизавета» с двигателем мощностью 16 лошадиных сил, попыхивая трубой, курсировал между Петербургом и Кронштадтом. В 1817 году на Урале построили первые колесные пароходы и машины к ним, на Ижорском заводе — пароход «Скорый» мощностью в 30 лошадиных сил, в 1825-м — «Проворный», машина которого имела уже 80 лошадиных сил. Колесные паровые суда предназначались в основном для речного судоходства, для бурных морских волн они мало годились. И самое главное — пароходы не могли заменить парусных кораблей, поскольку несли незначительное число пушек. Поэтому в середине XIX века основным типом корабля на всех флотах по-прежнему оставался линейный корабль.

В 1820-е годы на Черном море трудились пароходы «Везувий» и «Метеор», в основном они перевозили почту, грузы в портах, в штиль буксировали корабли, то есть играли вспомогательную роль. Первый военный пароход «Геркулес» появился в России в 1832 году, на него установили усовершенствованную машину, созданную русскими техниками-новаторами (в Англии такие машины без балансира появятся только в конце тридцатых годов). «Геркулес» курсировал в Балтийском море, это на нем Нахимов отправился на лечение в Германию. Имелся и колесный пароход «Богатырь» с двадцатью восемью пушками на борту, мощностью 240 лошадиных сил, построенный на Ижорском заводе, и винтовой «Архимед»²²⁵.

Первые опыты по строительству военных винтовых кораблей начались во Франции и Англии всего за десять лет до начала Восточной войны. В 1844 году в Англии был построен военный пароход «Ратлер», на котором испытывали винты разных систем. Во Франции в 1852 году был спущен на воду трехпалубный «Наполеон», имевший на борту 90 орудий. По виду это был обычный трехмачтовый парусный корабль, только между фок- и грот-мачтами с парусами скрывалась пароходная труба. Зато внутри стоял двигатель мощностью 990 лошадиных сил, который приводил в движение гребной винт, помещавшийся в кормовой части ниже ватерлинии, и обеспечивал скорость в 13 узлов*. При попутном ветре винт поднимался и корабль двигался при помощи парусов. Такой тип корабля назывался винтовой пароходо-фрегат.

В 1840-е годы во Франции и Англии развернулось строительство заводов, доков, производство оборудования, необходимого для винтового флота. Всё это потребовало немалых средств. Морской бюджет Британии, а вслед за ней и Франции во второй половине 1840-х годов увеличился почти вдвое, и не все соглашались с необходимостью подобных трат.

Всю первую половину XIX века среди флотских велась дискуссия о преимуществах и недостатках парусных и винтовых судов. В Англии, например, долгое время всерьез опасались, что паровая машина или винт могут помешать управлению парусным кораблем, поскольку они уязвимы для неприятельской артиллерии, и Адмиралтейство всячески пыталось препятствовать их применению, чтобы не наносить «удар могуществу империи».

Спорили по этому поводу и в России. Особенно много противников винтовых кораблей появилось после поломки «Архимеда». Так что небольшое число пароходов в России объяснялось не одним недостатком средств.

«Парус и винт» — так называлась статья, написанная историком флота капитан-лейтенантом А. П. Соколовым²²⁶. Он считал преимущества парохода незначительными, зато недостатков видел море: и вместимость их по сравнению с парусными судами невелика, и зависимость от угля постоянная, а медлительность при разведении

* Узел — единица скорости в морской навигации, равен морской миле (1,852 километра) в час.

паров делает их непригодными в военных условиях. Повреждение паровой трубы во время боя, считал он, и вовсе «приведет к замешательству»; а уж если механик заболит, запыет или погибнет — пароход и вовсе встанет. Вывод очевиден: «весла и парус всегда прочнее и надежнее искусственных и сложных механизмов». Можно добавить еще дороговизну пароходов: построенный в Америке пароход «Камчатка» называли «золотым», да и ходил он только на американском угле, что удорожало его стоимость.

«Морской сборник» не напечатал тогда статью Соколова — возможно, сочтя ее не отвечающей духу времени (позже, значительно отредактированная, она всё же появится в журнале). Обиженный автор отправил ее Нахимову. Почему именно ему? В Петербурге знали, что Нахимов насмешливо назвал пароходы «самоварами». Может быть, Соколов надеялся найти в герое Синопа единомышленника? Но при всей любви Нахимова к парусным кораблям он твердо знал: будущее за пароходами.

Морской комитет внимательно следил и за дискуссией о преимуществах винтовых кораблей, и за успехами нового флота в Британии и во Франции. Однако строить новые корабли на своих верфях в России пока не могли: доки были малы, не был налажен выпуск собственных машин — их заказывали в Англии, там же нанимали и машинистов. С приближением войны заказанные винты были конфискованы английскими властями, и российский флот не мог пополниться даже несколькими винтовыми кораблями. Как заметил военный историк А. М. Зайончковский, «для того, чтобы иметь винтовой флот, России надо было еще несколько лет кипучей деятельности и затрат многих миллионов»²²⁷. Нелишним будет отметить, что Николай I был сторонником постройки паровых судов и денег на их покупку не жалел.

В марте 1854 года Нахимову было чем заняться в Севастополе, однако он нашел время, чтобы прочитать написанное Соколовым. «Соколова записку прочел. Мне кажется, это самохвальство, к тому же он далеко не хорошо знаком с пароходством, если пишет, что пробитая труба может остановить действие парохода и пр.»²²⁸. Не нашел автор в Нахимове единомышленника, так что миф о Нахимове, не признающем преимуществ паровых и винтовых судов, тает, как дым из паровой трубы.

Политический ландшафт накануне войны

В начале 1850-х годов вновь обострился Восточный вопрос, на сей раз из-за спора о святых местах*. Иерусалимский патриарх Кирилл обратился к турецким властям с просьбой о ремонте купола храма Гроба Господня, и султан издал соответствующий фирман. В Европе на страницах газет заговорили о возвращении могил королей-крестоносцев, и в 1850 году французский посол от имени всех паломников вручил османскому правительству ноту с требованием восстановить права католиков в соответствии с капитулом 1740 года. Для подкрепления своих притязаний Франция отправила к турецкой столице новейший корабль «Шарлемань» с восьмьюдесятью пушками на борту.

Отчего во Франции вдруг вспыхнул такой интерес к христианским святыням? Незадолго до этих событий Шарль Луи Наполеон Бонапарт провозгласил себя императором Франции Наполеоном III, и для укрепления авторитета ему нужны были не только корона и мантия, но и победы. Межконфессиональный спор пришелся как нельзя кстати, и лучшего повода взять реванш за 1812 год он не придумал.

Дипломатическая переписка тех лет свидетельствует, что Николай I не стремился к разрешению конфликта военными средствами. В феврале 1853 года император для урегулирования спора направил в Константинополь миссию во главе с князем А. С. Меншиковым, ее участником был и начальник штаба Черноморского флота В. А. Корнилов. Переговоры продолжались почти три месяца, но судьбу их решали вовсе не российский и турецкий представи-

* Святые места — территория Палестины, связанная с событиями библейской истории; в результате Крестовых походов перешла во владение католической церкви, но была отвоевана мусульманами. Власти Османской империи не препятствовали всем христианским конфессиям возводить у святынь храмы, монастыри, подворья и гостиницы для паломников, что было важным источником дохода для местной администрации. В 1740 году Франция добилась от султана привилегий для католической церкви, в том числе гарантий безопасности для католиков-паломников и освобождения их от налогов. Русские цари еще с XVI века выделяли деньги из казны на содержание и ремонт святынь. После победы в войне с Турцией (1768—1774) Россия возродила традицию покровительства православным христианам на Востоке. Когда в начале XIX столетия сгорел храм Гроба Господня в Иерусалиме, православные восстановили его на свои средства, выполнили роспись в византийском стиле и вынесли за его пределы захоронения королей-крестоносцев.

тели. Английский посол лорд Чарлз Стратфорд-Каннинг виконт де Редклифф, который стоял за спиной турецких чиновников, делал всё, чтобы разногласия между Турцией и Россией переросли в прямое военное столкновение. Он даже пошел на подлог проекта договора: вместо слов о праве России «делать представление в пользу церкви Константинополя» в документе оказались слова «давать приказы», что меняло и его содержание, и тон: в такой редакции он стал носить агрессивный и повелительный характер. Турция, сочтя себя оскорбленной, отказалась подписать договор и разорвала отношения с Россией. Окажись на месте Меншикова более опытный и тонкий политик, войны, возможно, удалось бы избежать.

Франция при помощи своего новейшего корабля направила на Турцию, а Николай I отдал 14 июня приказ о введении русских войск в Дунайские княжества Молдавию и Валахию. В манифесте о начале войны говорилось: «Не завоеваний ищем мы, в них Россия не нуждается. Мы ищем удовлетворения справедливого права, столь явно нарушенного. Мы и теперь готовы остановить движение наших войск, если Оттоманская порта обяжется свято соблюдать неприкосновенность православной церкви»²²⁹. Но Турция, убедившись в поддержке европейских держав, на попятную не пошла.

Как могла Россия позволить втянуть себя в войну с двумя странами, имевшими столь мощные флот и армию? Во-первых, император не собирался воевать ни с Британией, ни с Францией. Британию Николай I видел своей союзницей в лечении «хронического больного», как он называл Османскую империю, считая, что если больной всё же скончается, то Англия вполне удовлетворится Египтом. В возможность «сердечного согласия» между Британией и Францией, этими вечными противниками, император не хотел верить вплоть до начала боевых действий. Во-вторых, Николай I рассчитывал на поддержку Австрии, которая должна была быть благодарна России за помощь в подавлении Венгерского восстания 1848—1849 годов; он и предположить не мог, что Австрия выступит против. «Я жестоко наказан за излишнюю доверчивость», — говорил император уже во время войны.

Династия Сардинского королевства мечтала объединить Италию под своей властью и искала покровителей; таким покровителем ей виделась Франция, которая, в свою очередь, искала союзников в грядущей войне.

В результате России пришлось воевать не с одной Османской империей, но и с Британией, Францией и Сардинией; да и Австрия вместо поддержки объявила вооруженный нейтралитет, угрожая ударом в спину на Балканах. Получалось, что эту шахматную партию Николай I проиграл еще до ее начала, неверно оценив силы. Вот только жертвовали игроки не фигурами, а живыми людьми.

Определенная доля вины в дипломатическом просчете императора лежит на его посланниках. Ф. И. Бруннов в Лондоне, Н. Д. Киселев в Париже и П. К. Мейендорф в Вене уверяли, что опасаться вступления в войну Британии, Франции и уж тем более Австрии не стоит, а ловкий угодник К. В. Нессельроде сообщал императору ровно то, что тот хотел услышать.

И всё же главная вина лежала на самодержце — за ним было последнее слово. Как говорят моряки, у командира корабля всегда должно сохраняться чувство опасности. Если он утратит бдительность, корабль может наскочить на рифы. Вот также и Николай Павлович, упоенный прежними успехами России в Европе и на Ближнем Востоке, усыпленный сладкими песнями посланников, утратил чувство опасности, и огромный российский корабль пошел на всех парусах прямо на камни.

В поисках неприятеля

Еще не высохли чернила на рапортах и донесениях о переводе войск на Кавказ, как эскадру Нахимова вновь отправили в крейсерство. В октябре 1853 года пришли сведения из Константинополя об энергичном приготовлении турок к войне. А самое главное — англо-французский соединенный флот, с июня стоявший в Безикской бухте близ пролива Дарданеллы, вошел в Мраморное море. Таким образом, Лондонская конвенция 1841 года, запрещавшая иностранным военным кораблям проходить через проливы без объявления войны, была нарушена.

Пятого октября Нахимов получил приказ отправиться с эскадрой к турецкому берегу Черного моря. Приказом предписывалось крейсировать, держась по возможности на меридиане мыса Тарханкут (на западе Крымского полуострова) и параллели 43° северной широты. Почему именно там? На карте Черного моря видно, что самым узким его местом будет расстояние от Крыма до мыса Керемпе

на Анатолийском побережье Турции; 43-я параллель делит это расстояние примерно пополам. «Эскадра, — говорилось в предписании Нахимову, — может подходить на вид берегов, но не должна [начинать военные действия] без открытия неприязненных действий со стороны турок». Главной целью неприятельского флота был Кавказ, поэтому Нахимов и должен был сторожить турок, не давая им возможности высадить десант на кавказском побережье. «Цель посылки эскадры... дабы при ожидаемом разрыве иметь морские силы у берегов Турции, и особенно на сообщении Константинополя с анатолийскими приморскими городами».

В состав эскадры входили линейные корабли «Ягудиил», «Храбрый», «Чесма», «Императрица Мария», фрегаты «Коварна», «Кулевчи», «Кагул», бриги «Эней» и «Язон» и пароход «Бессарабия». Флагманским кораблем Нахимов избрал «Императрицу Марию». 10 октября он приказал привести корабли в боевую готовность: «При встрече с турецкими военными судами первый неприязненный выстрел должен быть со стороны турок, но то судно или суда, которые на это покусятся, должны быть немедленно уничтожены».

Кроме решительного намерения дать отпор приказ демонстрирует уверенность командира в своих подчиненных: «В заключение я должен сказать, что, имея таковой отряд под команду, мне не остается более желать, как скорейшего разрыва со стороны России с Турциею, и тогда я убежден, что каждый из нас исполнит свой долг»²³⁰. И это не бравада. Многие годы ушли на выучку моряков эскадры, и теперь были видны плоды длительной и напряженной работы. Мичман В. Д. Палеолог, служивший на бриге «Язон», вспоминал, что за три года бриг был в гавани всего два месяца, а остальное время крейсировал в Черном море и при этом ни на минуту не ослаблял бдительности: «Как только на горизонте показывалось судно, даже тучка, имеющая форму судна, мы снимались с якоря и летели к ней навстречу... Бриг был готов к бою в 2¹/₂—3 минуты ночью, днем в 1¹/₄ и 1¹/₂ минуты по пробитии тревоги мог послать ядро»²³¹.

Давно прошли те времена, когда командиры сгорали со стыда, сравнивая время установки парусов на английском и русском кораблях. Теперь не только скорость поднятия парусов, но и скорость и меткость стрельбы впечатляли. В походе корабли эскадры Нахимова постоянно проводили учебные стрельбы, матросы попеременно занимали места комендоров, заряжающих, словом, всей прислуги, и потому стреляли скоро и метко: «Орудие от прицела до прицела из-

готовавливали в 15—18 секунд. В 3 минуты после тревоги каждое орудие выбрасывало по 5 ядер прицельным выстрелом». После неоднократной высадки десантов на Черноморское побережье Кавказа опыта у артиллеристов еще прибавилось.

Перед походом Нахимов, верный привычке заботиться о команде и быть готовым ко всем неожиданностям в море, приказал снабдить корабли всем необходимым для долгого зимнего плавания.

Турки рассчитывали, что в зимний период русские крейсировать не будут — слишком рискованно из-за штормов и боры. Недаром командир английского фрегата «Блонд» Эдмунд Лайонс (в чине вице-адмирала он возглавит английский флот во время осады Севастополя) писал в 1829 году адмиралу Гейдену: «Какой великолепный порт Севастополь! Какая красивая, процветающая Одесса и какое адское Черное море в это время!»²³² Крейсирование парусных кораблей в «адском Черном море» в самое опасное время года еще раз доказало мастерство русских моряков, которого они сумели достичь за годы руководства флотом Лазарева, Корнилова и Нахимова.

О Синопском сражении сохранилось немало воспоминаний моряков. Есть среди них и записки мичмана А. Сатина с корабля «Три святителя»²³³. Как всякий молодой офицер, он надеялся участвовать в разгроме турецкого флота (а что это будет именно разгром, никто из них не сомневался), но неожиданно заболел лихорадкой и слег в госпиталь.

«Я чуть не плакал, утешал себя, что зимой ничего не будет, но на душе было скверно... Вдруг вбегает мой товарищ: — Вставай, одевайся, турки в море! Через два часа эскадра снимается...

Что было тогда у меня на душе, то знает один Бог. Я нерешительно спросил:

— Доктор, можно?

— Станный вы человек, да вы лучше себя-то спросите, можете ли вы в этом положении, в эту погоду, идти в море?

Товарищ мой вступился:

— Слушайте, доктор, вы умный человек, рассудите сами, вылечиться он всегда успеет, а если прозевает этот случай, жди 25 лет, пока турки опять заведут флот!»

Разве может мичман ждать войны еще 25 лет? Да за это время вообще воевать перестанут, и ни одного сражения на его долю не останется! Доктор махнул рукой, проворчал: «Ох, мичмана, мичмана, бедный народ», — и Сатин через полчаса был на корабле.

Одиннадцатого октября эскадра торжественно вышла из Севастополя. Жители толпились на всех возвышенностях города, откуда был виден рейд, кричали и махали, провожая моряков. Жаль, что Айвазовский не видел выхода эскадры в море, говорили потом в Севастополе, — он бы запечатлел для потомков этот знаменательный момент!

В тот самый день, когда эскадра Нахимова покидала Севастополь, турецкими пушками были обстреляны с берега корабли Дунайской флотилии. Погибли отрядный командир и шесть нижних чинов, 46 человек были ранены. Одновременно горцы и турецкий отряд напали на форт Святого Николая на Кавказе, близ турецкой границы. Собственно, фортом укрепление можно назвать условно — это был таможенный пост, охранявшийся казаками и двумя ротами пехоты при двух полевых орудиях²³⁴. Атаковали форт, как всегда, ночью, навалились всей массой и вырезали почти всех. Таким образом, вопреки распространенному мнению, первый выстрел в той войне сделала не Россия, а Турция.

Нахимов был под парусами и не знал о событиях на Дунае, но предупреждал корабли своей эскадры: «Близко к разрыву». Несколько раз встречали пароходы под турецким флагом, они сближались на расстояние мили, но, увидев дымящую трубой «Бессарабию», спешно ретировались. «Душевно жалели мы, что не имеем разрешения обменяться с ним выстрелами», — сетовали офицеры. Впрочем, вскоре такой случай представился.

Четырнадцатого октября в ясный, почти без ветра день увидели вдалеке турецкий берег, 18-го числа Нахимову доставили новый приказ: Корнилов остановил его «благородное стремление поколотить басурман», потому что император повелел «быть до времени в оборонительном положении». Дипломатический маятник качнулся в другую сторону. Хорошо в теплых кабинетах Парижа, Лондона, Вены и Берлина вести умные разговоры, диктовать, умащая лестью, письма в Петербург; а какво крейсировать в штормовом осеннем море, не зная точно, атаковать или обороняться?

Ни Нахимову, ни Корнилову такие колебания были не по душе, но делать было нечего. «...может быть, выстрелы, происшедшие на Дунае... и государь позволит нам доказать Джон-Булю*, что мы не забыли своего происхожде-

* *Джон-Буль* (Джон Буль — Джон Бык) — персонифицированный образ Великобритании. На карикатурах обычно изображался толстым краснощеким рыжеволосым человеком, уверенным в себе и готовым в любой момент ввязаться в драку.

ния от людей, спасших Европу... с удовольствием ожидаю с Вами встретиться, и, может, свалить дело вроде Наваринского», — писал Корнилов Нахимову. И даже при таком горячем желании предостерегал: «Вам известно, как они (англичане. — *Н. П.*) решительны, когда дело идет об истреблении чужих кораблей поодиночке; я всё опасуюсь, что они выскочат из Босфора, чтоб на вас напасть». И подпись: «Душевно преданный Корнилов».

Двадцатого октября пароход доставил эскадре свежую провизию и сообщение о событиях на Дунае вместе с новым предписанием: «...разрешить... при встрече с турецкими судами военные разрушать или брать военнопленными, отсылая в Севастополь», купеческие досматривать и отпускать, если на них нет военнослужащих. «...Если ваше превосходительство встретите сильнейшею эскадру вашей, под английским или французским флагом, то надлежит для избежания всякого рода случайностей уклониться в Севастополь»²³⁵. Воевать по-прежнему собирались с одними турками, и соотношение сил в случае вступления в войну Англии и Франции оценивали реально.

Пока Нахимов сторожил турецкий флот на юге, Корнилов с группой пароходов «Владимир», «Громносец», «Одесса» и «Херсонес» проводил рекогносцировку европейского берега Турции вплоть до Босфора. В Бальчике, Варне и Сизополе неприятельских кораблей не обнаружили. Опросив встретившиеся в море купеческие суда, выяснили, что англо-французская эскадра по-прежнему стоит у выхода из Босфора, а из Константинополя в сторону Трапезунда отправились три больших турецких парохода с войсками. Корнилов вернулся в Севастополь, приказав Новосильскому со своей эскадрой идти к Нахимову и сообщить ему о турецких пароходах.

Двадцать второго числа Корнилов отправил Нахимову распоряжение ожидать подхода второй эскадры из Севастополя. «В случае же, что Вам удастся предупредить севастопольскую эскадру и застать неприятеля на якоре под его крепостями, блокировать его до соединения, и тогда с Божьей помощью может повториться знакомое Вам Наваринское сражение»²³⁶. А где же объявление войны? И как действовать Нахимову в ситуации, которая стала уж очень напоминать положение Кодрингтона в том самом Наваринском сражении?

Двадцать третьего октября Меншиков отправил, наконец, распоряжение Нахимову — тот его получит 26 октября:

«...турки, переправясь через Дунай... заняли город Калафат, следовательно, войну должно почитать действительно начавшеюся». Теперь можно было, встретив турецкий флот в море, атаковать.

Накануне получения этого письма едва не произошло столкновение с турецким пароходом. Дело в том, что турецкие и английские корабли в случае необходимости выходили в море без опознавательных знаков. Такой пароход без флага, у которого на буксире был кливер, задумал проскочить мимо эскадры Нахимова. «Но, — писал мичман Палелог, — Павел Степанович не мог хладнокровно смотреть на дерзкое намерение турецкого парохода». Он дал сигнал пароходу «Бессарабия» и фрегату «Кагул» заставить турка поднять национальный флаг. Пароход и фрегат тотчас пошли наперерез турецкому пароходу. Тот отдал буксир, кливер бросился к берегу, а сам пароход продолжал как ни в чем не бывало уходить от погони. Пришлось «Бессарабии» сделать два холостых выстрела, а затем послать из кормовой пушки пять ядер для острастки. Это «вынудило упряма поднять флаг... Будь это днем позже, турок дорого бы поплатился за свою дерзость».

Двадцать восьмого октября Корнилов отправил Нахимову письмо из Севастополя: «Кажется, турки не на шутку озлобились; посылаемую ими флотилию в Батум или Сухум Вы расколотите в пух; жаль, что не могу прибавить Вам парохода, все починяются». Сам Корнилов отправился искать турецкую эскадру к мысу Калиакрия, предупредив Нахимова: «...боятся вызвать англичан и французов, которые решительно объявили, что будут защищать турок на Черном море; того и смотри... придется нам отсалютовать друг другу». Последняя фраза в письме была зачеркнута. Сразиться с англичанами и французами всё равно придется, но не в море. Заканчивалось письмо пожеланием победы и надеждой на скорую встречу: «...проберусь к Вам на свидание, и тогда расскажем, буде Бог благословит, друг другу, что произошло»²³⁷.

Объявление войны

Первого ноября с пароходом получили известие: «Война объявлена, турецкий флот вышел в море, отслужить молебствие и поздравить команду». Волнение на море было настолько сильное, что Нахимов два дня не мог передать

манифест об объявлении войны, и только 3 ноября мичманы развезли по кораблям его приказ: «Имею известие, что турецкий флот вышел в море с намерением занять принадлежащий нам форт Сухум-Кале и что для отыскания неприятельского флота отправлен из Севастополя с шестью кораблями генерал-адъютант Корнилов. Неприятель не иначе может исполнить свое намерение, как пройдя мимо нас или дав нам сражение. В первом случае я надеюсь на бдительный надзор гг. командиров и офицеров, во втором — с Божиею помощью и уверенностью в своих офицерах и командирах я надеюсь с честью принять сражение. Не распространяясь в наставлениях, я выскажу свою мысль, что в морском деле близкое расстояние от неприятеля и взаимная помощь друг другу есть лучшая тактика. Уведомляю господ командиров, что в случае встречи с неприятелем, превышающим нас в силах, я атакую его, будучи совершенно уверен, что каждый из нас сделает свое дело»²³⁸.

А спустя три дня на море была одержана первая победа: пароход «Бессарабия» вступил в бой с неприятелем и через час привел на буксире приз — двухмачтовый турецкий пароход «Меджари-Теджарет». Это был первый случай пленения парового судна в истории русского флота. О том, как это случилось, описано в «Историческом журнале» эскадры Нахимова. Командир «Бессарабии» капитан-лейтенант П. Ф. Щеголев увидел на горизонте пароходный дым и решил применить военную хитрость: на пароходо-фрегате поставили все паруса, трубу и кожухи замаскировали брезентами. Хитрость удалась: турки решили, что перед ними русский парусник, и пошли на сближение. Едва дистанция сократилась до расстояния пушечного выстрела, как на «Бессарабии» убрали паруса и дали машине полный ход. После первого же залпа «Бессарабии» турецкий пароход спустил гребные суда, на которых бежали капитан, его помощник и оказавшиеся там чиновники. Оставшаяся команда спустила флаг, и командир «Бессарабии» приказал прекратить огонь.

Плененный пароход назвали «Турок», он уже на следующий день принес пользу, когда в штиль по очереди с «Бессарабией» буксировал корабли эскадры Нахимова. Так прошли семь миль к западу. Наконец, легкий ветерок наполнил паруса. Одновременно послышались пушечные выстрелы. Командующий эскадрой дал сигнал готовиться к бою. Вскоре увидели пароход «Владимир» с Корниловым

на борту, он и рассказал Нахимову о трехчасовом бое между его пароходом и египетским «Перваз-Бахри». Бой был жестоким, корпус неприятельского парохода серьезно пострадал, но машина уцелела. Турки сдались после гибели своего капитана. На «Владимире» были двое убитых и трое раненых.

Для команды парохода это было боевое крещение, а начальник штаба Черноморского флота Корнилов «получил полное понятие о сражении пароходов между собою, об особой тактике, которой они должны наблюдать, и о несовершенствах вооружения собственно наших пароходов»²³⁹. Они строились в доках Англии под руководством самого Корнилова, он знал все их достоинства, а в бою увидел и недостатки.

Турецкий пароход починили и включили в состав Черноморского флота; позже он будет назван «Корнилов». Командир парохода «Владимир» капитан-лейтенант Г. И. Бутаков был награжден орденом Святого Георгия 4-й степени, все офицеры получили следующий чин, а восемь нижних чинов — знаки отличия.

В том походе произошло немало событий, связанных с пароходами. Главной проблемой первых паровых судов была их ограниченная автономность: топлива они расходовали много, а возможности пополнить его вдаль от баз было мало. Кстати, Лазарев ратовал за использование родного луганского антрацита, который по качеству значительно превосходил покупной английский уголь. Вскоре после захвата «Меджари-Теджарета» на нем закончился уголь, и тогда Нахимов принял смелое решение — перегрузить на него уголь с русского пароходо-фрегата прямо в море. 5 ноября турецкий пароход подвели к левому борту «Бессарабии» и перегрузили на него 600 пудов угля. Это была первая в истории погрузка угля в открытом море. С именем Нахимова связано много в истории флота, о чем говорят *первое*: и установка мертвых якорей на Черном море, и подъем затонувшего тендера, и перегрузка угля в море. *Последним* будет только Синопское сражение — последним в истории парусного флота.

Нахимов повторил операцию еще раз, когда встретил в море турецкое купеческое судно, груженное английским углем. Шкипер рассказал, что везет груз из Константинополя в Синоп для немецкой компании. «Имея при отряде только один пароход и крайнюю надобность в угле, — докладывал Нахимов, — я приказал командиру парохода “Бесса-

рабия” взять судно к борту, нагрузиться и потом отпустить его... дать ему квитанцию в получении угля»²⁴⁰. Если шкипер сказал правду, компания, которой принадлежал уголь, могла предъявить квитанцию к оплате, поэтому Нахимов просил командира Севастопольского порта заплатить за уголь, не преминув заметить, что указанная шкипером цена гораздо ниже той, что выставляют флоту в Николаеве и Севастополе.

От того же шкипера Нахимов узнал, что в Синопе на рейде стоят три турецких фрегата, два корвета и транспорт, поэтому он отправился туда 6 ноября «для осмотра (и, если возможно, — для истребления)» турецкой эскадры. Еще раньше ему было разрешено отклоняться от курса крейсирования и выбирать маршрут самостоятельно. Почему другая русская эскадра вслед за Корниловым ушла в Севастополь, не совсем понятно: или кораблям требовался ремонт, или Севастополь было небезопасно оставлять без должной охраны. Но как бы то ни было, эскадра Новосильского ушла, «переменившись некоторыми кораблями с вице-адмиралом Нахимовым»²⁴¹.

В ночь на 9 ноября у Синопа эскадру Нахимова застиг жестокий шторм, почти у всех изорвались паруса, у двух линейных кораблей и фрегата были сломаны мачты и реи; они просигналили, что в море исправить повреждения не смогут, и отправились в Севастополь. На следующее утро ветер стих, но опустился такой туман, что берега не было видно. Когда 11 ноября туман рассеялся, Нахимов в подозрную трубу насчитал на рейде семь больших турецких фрегатов, два корвета, шлюп, два больших парохода и два транспорта. Не пять, как сказал турецкий шкипер, а 12 боевых кораблей. Подойдя как можно ближе к рейду, сделали осмотр всей бухты, насчитали шесть береговых батарей — больше, чем было обозначено на карте. Точное число береговых и корабельных орудий Нахимов тогда, конечно, не знал — последние мог только примерно подсчитать по классу кораблей; вышло, что сила одного борта всей турецкой эскадры составляла 262 орудия²⁴².

Пока Корнилов бороздил Черное море в поисках турецкого флота, его нашел Нахимов. Какими же силами он располагал? Тремя 84-пушечными линейными кораблями — «Императрица Мария», «Чесма», «Ростислав» — и бригам. Идти в сражение с целой эскадрой, стоящей на рейде в своей бухте, под прикрытием береговых орудий, было безумием.

Лебединая песнь парусного флота

Свое решение Нахимов сообщил в рапорте, который отправил в Севастополь 11 ноября на пароходе «Бессарабия»: «Предполагая, что есть какая-нибудь цель у неприятеля, чтоб собрать такой отряд военных судов в Синопе, я положительно останусь здесь в крейсерстве и буду блокировать до прибытия ко мне двух кораблей, отправленных мною в Севастополь для исправления повреждений. Тогда... я не задумаюсь их атаковать». К этим двум кораблям Нахимов просил добавить хотя бы один из новых стопушечных и «Ягудиила», к усовершенствованию которого он приложил руку. И еще пароходы — «по крайней мере, два», поскольку «в крейсерстве пароходы необходимы, и без них как без рук». В том же рапорте Нахимов сообщил разведанные о нахождении английского, французского и турецкого флотов: «стоят в Босфоре», где французский флот делает подряд для снабжения провизией в Черном море²⁴³. К рапорту прилагался план расположения неприятельских кораблей в Синопе.

Двенадцатого ноября Меншиков отправил эскадру Новосильского из трех 124-пушечных линейных кораблей — «Константина Великого», «Парижа» и «Трех святителей», двух фрегатов — 52-пушечного «Кулевчи» и 44-пушечного «Кагула». Что же касается пароходов, то тут вышла заминка: два чинились в Севастополе, третий, не дойдя до Нахимова, тоже поломался. Вслед за эскадрой Меншиков послал Нахимову новое указание: он сам должен принять решение, как ему действовать в сложившейся обстановке, главное — истребить неприятельские суда в Синопе, а если они ускользнут — преследовать и уничтожить в море. Меншиков тоже думал, что цель собранного в Синопе отряда — «напасть на Сухум-Кале и содействовать горцам»: «Ежели оно удастся ему и войска, взявшие у нас Николаевскую крепость, одновременно двинутся на Редут-Кале, никем не защищаемое, ожидать должно отпадения Абхазии и всего восточного побережья».

Вот какова была цена возможной неудачи Нахимова. Он это прекрасно понимал, хотя само предписание Меншикова прочел уже после сражения. А пока терпеливо ждал, когда подойдет эскадра Новосильского, сторожил турецкие корабли, чтобы они не ушли к берегам Абхазии, и готовился к сражению.

Было ли искушение атаковать? В характере Нахимова решимость замечательным образом соединялась с трезвым

расчетом, он не поддавался первому необдуманному порыву. Он умел ждать. Весь его накопленный к пятидесяти годам опыт говорил: военное искусство полководца заключается вовсе не в том, чтобы погибнуть как можно краше, главное — решить поставленную задачу с наименьшими для себя потерями.

Наконец, 16 ноября подошла эскадра Новосильского. Теперь у Нахимова было шесть кораблей и два фрегата, сила одного борта составляла 360 орудий; но береговые батареи Синопа оставались грозной силой. Шесть батарей, защищенных земляными брустверами, и сами по себе могли причинить кораблям немалый вред, а турки еще оборудовали их специальными печами для каления ядер; эти ядра пробивали деревянные борта кораблей и вызывали пожар. К тому же береговые батареи стреляли более точно, чем корабельная артиллерия, — на них не было качки, — и могли накрывать противника перекрестным огнем.

В истории найдется немало примеров, когда при поддержке береговой артиллерии флот, даже уступая в численности, выигрывал сражение. Так, в заливе Альхесирас в 1801 году, в период Наполеоновских войн, английский адмирал Джеймс Сумарес с шестью линейными кораблями, фрегатом и люгером* атаковал франко-испанскую эскадру из трех линейных кораблей, фрегата и семи испанских канонерских лодок. Несколько часов пытались англичане высадить десант на острове Верде, но французов поддерживал огонь двух береговых батарей, и Сумарес, потеряв один корабль, был вынужден уйти к Гибралтару.

Или вот еще эпизод. В апреле 1849 года во время войны между Данией и Пруссией за Шлезвиг и Гольштейн датские корабли попытались войти в гавань Эккенфёрде, но прусские батареи взорвали 84-пушечный корабль «Кристиан VIII», а фрегат «Гефион» заставили спустить флаг. Недаром артиллерист Наполеон Бонапарт говорил: «Я предпочитаю одну пушку на берегу десяти на борту корабля».

Нахимов прекрасно знал об этих событиях и представлял опасность атаки неприятельского флота, находившегося под прикрытием береговых пушек. Атаковать стоящие на якорях корабли можно было либо стреляя в движении, либо при помощи брандеров, но эти два способа не давали значительных результатов. Зато третий — подойти к противнику

* Люгер (люггер) — небольшой трехмачтовый военный парусный корабль.

как можно ближе, встать на якоря и открыть огонь — был очень результативным, но требовал решительности от командующего и хорошей выучки от его подчиненных.

Опыт Наваринского сражения подсказал Нахимову необходимые меры подготовки. Вот почему в приказе от 3 ноября он советовал командирам после первых прицельных выстрелов, «когда неприятель и мы покроемся дымом, палить горизонтально, для чего необходимо иметь на пушечных клиньях градусы», и подробно разъяснял, как их сделать²⁴⁴. Следующим наставлением было «озаботиться иметь на грот-марсе или салинге офицера для наблюдения за движением судов», который должен производить корректировку огня, сообщая результаты на шканцы.

Необходимо было учесть еще одно обстоятельство в предстоящем сражении. 14 ноября Меншиков отправил очередное предписание: «Известно, что французы и англичане обещали Порте в случае нападения нашего на турецкие портовые города и гавани выслать эскадры свои в Черное море для защиты оных, почему необходимо стараться избегать действий против городов... желательно, чтоб при нападении на турецкие военные суда, стоящие на рейдах, как в настоящее время у Синопа, не было бы, по возможности, нанесено вреда городу»²⁴⁵.

Меншиков понимал сложность, а то и невозможность исполнения подобной инструкции, а потому использовал такие обтекаемые выражения, как «необходимо стараться», «по возможности избегать». Единственный способ обезопасить город — вовсе не начинать сражение. Но как же тогда уничтожить турецкую эскадру, которая прижалась к берегу, и саму береговую артиллерию?

Конечно, турки могли безнаказанно вырезать гарнизон форта Святого Николая. Иное дело — их собственные города: сразу наберется немало желающих защищать их. Так что Нахимову приходилось учитывать и этот не столько военный, сколько политический момент.

Синоп основали в древности греки, отличные мореплаватели, всегда выбиравшие для своих поселений хорошие гавани. Синопская гавань считалась лучшей на всем побережье Анатолии, высокие горы защищали город от северных ветров, поэтому там и укрылись от шторма турецкие корабли, следовавшие из Константинополя к Черноморскому побережью Кавказа. Со времен Античности в городе сохранились остатки крепости с башней, именуемой башней Митридата. В городе проживало примерно десять ты-

сяч человек, половину составляли турки. Собственно, им и принадлежал весь город, вытянувшийся вдоль побережья, с базаром, мечетью, расположившимися у бухты верфями, адмиралтейством, складами и казармами. Остальное население, в основном греки, ютилось в нескольких кварталах на востоке города рядом с башней. После прихода к Босфору англо-французского флота турки чувствовали себя в Синопе в совершенной безопасности. Координировал действия турецкого флота и занимался боевой подготовкой англичанин Адольфус Слейд, хорошо известный в Севастополе.

Слейд был двумя годами моложе Нахимова, окончил Морскую академию в Портсмуте, начинал службу у берегов Южной Америки, затем плывал в Средиземном море, участвовал, как и Нахимов, в Наваринском сражении. Во время Русско-турецкой войны 1828—1829 годов перешел на службу в турецкий флот, вел разведывательную работу у берегов Севастополя и Одессы на фрегате «Блонд». Командиром фрегата был тот самый капитан Лайонс, который без карантинного разрешения заходил в бухты Севастополя, за что ему и другим «исследователям» адмирал Лазарев советовал посылать пулю — если не в них самих, то хотя бы в их шляпку. В 1840-е годы Слейд вторично обследовал Севастополь и представил в Британское адмиралтейство подробный отчет. Оценка возможностей Черноморского флота была невысока, иначе бы в английском министерстве знали, на что способна «камарилья» Лазарева.

Благодаря Слейду и другим агентам неприятель был хорошо осведомлен о состоянии русского флота. А что знали в России о турецком флоте, с которым собирались воевать? — Практически всё.

В Российском государственном архиве военно-морского флота хранится интересный документ — «Босфорский проект», составленный в марте 1853 года Корниловым на основании разведанных, собранных им во время пребывания с миссией Меншикова в Константинополе. Там анализируется возможность высадить десант на берега Босфора с целью предупредить действия англичан и французов в Черном море. К числу создателей «Босфорского проекта» ошибочно причисляют и Нахимова²⁴⁶. Однако доказательств причастности его к этому проекту найти не удалось; к тому же, как нам кажется, некоторая авантюризм плана не соответствует характеру и взглядам Нахимова.

Во второй части документа, никогда не публиковавшейся²⁴⁷, подробно описывается турецкий флот: матери-

альная часть, подготовка команд, вооружение; приводятся сведения о качестве металла и литье пушек, рангоуте и такелаже, состоянии артиллерийского двора и заготовке сухарей на сухарном заводе. Вообще, надо признаться, умение разведки собирать данные о чужих флотах превосходит все выдумки романистов. В одном из документов, к примеру, сообщалось, из какого количества нитей плетут канаты англичане, из какого — французы; узнали это, отрезав куски корабельных канатов.

Итак, что же увидел Корнилов? Турецкий флот в проливе Босфор и бухте Золотой Рог состоял из десяти линейных кораблей, пятнадцати фрегатов (именно с ними и встретится Нахимов в Синопе), семи корветов и семи мелких судов. Особенное внимание Корнилова привлекли пароходы, которых он насчитал пять, среди них отметил «Фети-Бахрие» с машиной в 450 лошадиных сил и двенадцатью орудиями и пароходо-фрегат «Таиф» с такой же мощностью двигателя, но без артиллерии. Оба парохода легко обгоняли «Бессарабию». «Команды состоят из молодых людей, — писал Корнилов в отчете, — на шлюпках гребут хорошо, при тревоге с пушками управляются проворно, хотя видно, что всё внимание у них обращено не на правильность, а на согласованность действий... Офицеры и командиры исключительно турки, кроме англичанина Слейда, капитана английского флота и контр-адмирала турецкого, он также имеет титул мушавер-паши, то есть инструктора, при нем помощник... для обучения турок собственно морской артиллерии». А. Слейд накануне Восточной войны исполнял обязанности начальника штаба при Осман-паше, командующем турецким флотом. Иностранцев на турецком флоте Корнилов видел мало, в основном среди докторов и машинистов на пароходах. Вся эта информация была донесена до командующих эскадрами. Нахимов, конечно же, учитывал ее при подготовке своих подчиненных к будущей войне.

Семнадцатого ноября Нахимов на своем корабле провел совещание, пригласив второго флагмана Новосильского и всех командиров кораблей. Он предложил следующий план: атаковать неприятельский флот двумя колоннами; в первую назначались линейные корабли: флагманская «Императрица Мария» под командованием капитана 2-го ранга П. И. Барановского, «Великий князь Константин» под командованием капитана 2-го ранга Л. А. Ергомышева и «Чесма» под командованием капитана 2-го ранга В. М. Микрюкова; вторую колонну должен вести второй флагман-

ский корабль «Париж» (командир — капитан 1-го ранга В. И. Истомина), за ним «Три святителя» (командир — капитан 1-го ранга К. С. Кутров) и «Ростислав» (командир — капитан 1-го ранга А. Д. Кузнецов).

Фрегаты — «Кагул» под командованием капитан-лейтенанта А. П. Спицына и «Кулевчи» под командованием капитан-лейтенанта Л. И. Будищева — должны были следить за турецкими пароходами в «случае, если, вступив под пары, они вздумали бы вредить кораблям или предприняли бы бежать из бухты»²⁴⁸. Сколько ни просил Нахимов прислать пароходы из Севастополя, но к началу сражения они так и не подошли.

Было приказано бросать якоря «как можно ближе к неприятелю». И отдельное напоминание: «...город предписано шадить, поражая рассчитанным огнем неприятельские суда и батареи». Для того и чертили градусные сетки, чтобы точно выполнить приказ Нахимова «палить горизонтально», а не навесным огнем.

В тот же день на всех кораблях зачитали знаменитый приказ Нахимова²⁴⁹, содержащий десять пунктов с самыми точными инструкциями. Их характер — сугубо практический, в целом они повторяли распоряжения Нахимова, за исключением двух пунктов: четвертого — «При атаке иметь осторожность, не палить даром по тем из судов, кои спустят флаги» — и последнего, десятого — «Завязав дело с неприятельскими судами, стараться по возможности не вредить консульским домам, на коих будут подняты их национальные флаги». Эти два указания свидетельствуют, что Нахимов помнил о возможных международных последствиях и старался избежать их.

Но в том же четвертом пункте приказа есть и напоминание об осторожности: «...посылать же для овладения ими (спустившими флаг кораблями. — *Н. П.*) не иначе, как по сигналу адмирала, стараясь лучше употребить время для поражения противящихся судов или батарей, которые, без сомнения, не перестанут палить, если с неприятельскими судами дело и было бы кончено».

Обращает на себя внимание продуманность в приказе даже, казалось бы, незначительных моментов; но, как известно, в море мелочей не бывает. Завершают приказ слова: «В заключение я выскажу свою мысль, что все предварительные наставления при переменившихся обстоятельствах могут затруднить командира, знающего свое дело, и потому я предоставляю каждому совершенно независимо действовать

по усмотрению своему, но непременно исполнить свой долг. Государь император и Россия ожидают славных подвигов от Черноморского флота. От нас зависит оправдать ожидания».

Весь день 17 ноября готовились к сражению. «К вечеру всё было готово. После ужина офицеры остались в кают-компании, кто писал письма, кто тихо передавал друг другу свои последние мысли, свои последние желания. Тишина была торжественная. У всех одно слово на уме: “завтра”»²⁵⁰.

Следующее утро выдалось обычным для ноября, дождливым и хмурым, небо заволокло тучами. Такими же пасмурными были и все предыдущие дни, а вот ветер задул нешуточный и самый неблагоприятный для атакующей эскадры — юго-восточный. Он упрямо надувал паруса и всё быстрее гнал корабли к турецкому берегу. Казалось бы, что же здесь плохого? — Да то: случись что с якорем в бою, корабль не удержать, ветер будет сносить его к неприятельским кораблям или под пушки береговой артиллерии. Но пришлось действовать, не дожидаясь погоды. Как говорил Нахимов перед Наварином, «было решено идти».

«...Не имея противника, ударили в дробь»

«В 9 часов пополуночи мы спустили гребные суда, а в 9^{1/2} — пошли в Синоп» — так начиналось славное Синопское сражение. Командам был дан обед, иеромонахи отслужили молебен. В 10.45 Нахимов послал сигнал «приготовиться к бою». Корабли шли, как и было предписано, двумя колоннами, с короткой дистанцией, и быстро приближались к берегам, которые заволокло густым туманом. Пока это было на руку.

«Корабли, готовые к бою, летели на рейд под национальными флагами на брам-стенгах». Обратим внимание на этот момент в рапорте Нахимова — к нему мы еще вернемся. Примечательна еще одна деталь, отмеченная в шкапечных журналах: «адмирал показал полдень», то есть дал сигнал о наступлении двенадцати часов дня. Казалось бы, к чему это, момент совсем неподходящий — не в маневрах участвуют, в бой идут. Но психологически такое действие совершенно оправданно. Когда среди матросов и офицеров есть новички, эта обыденная, даже рутинная процедура показывает командам: всё идет по плану.

В полдень флагманскому кораблю «Императрица Мария» до Синопа оставалось чуть более двух миль. Несмотря

на серый дождливый день, в гавани заметили приближавшуюся эскадру. В шканечных журналах записано, что к береговым батареям побежали люди из деревни, но эскадра уже успела пройти мимо. «Приблизясь еще, — рапортовал Нахимов, — я увидел, что семь турецких фрегатов и три корвета расположены были лунообразно под прикрытием четырех батарей: одной об восьми и трех о шести орудиях; за боевой линией стояли два военные турецкие парохода и два транспорта, а в глубине залива два турецкие купеческие брига и купеческая шхуна под ионическим флагом*».

Две колонны эскадры начали разворачиваться веером. На кораблях уже смачивали и посыпали песком палубы перед боем, опускали сукно над пороховыми камерами, комендоры взялись за шнурки ударных замков орудий... Все в напряжении, все ждут — но турки пальбы не начинают. Почему?

Чтобы парусному кораблю встать на якорь, нужно притормозить; скорость гасят, убирая паруса. Вот турки и ждали, когда на русской эскадре раздастся команда и матросы ринутся по вантам наверх. Но Нахимов, чтобы сберечь людей, дал сигнал не убирать паруса, а только взять на гитовы и горденя, то есть подтянуть паруса к реям с палубы. Это было очень рискованно: если корабль не сможет уменьшить скорость, его снесет к турецкому берегу. Вот почему перед боем Нахимов так подробно инструктировал командиров о том, что нужно бросать лоты — «неприятель может перейти на мелководье»; о том, как должно травить якорные цепи, какой длины заводить канаты, как становиться на шпринг при разных ветрах. Все ситуации предусмотрел адмирал, но выполнить его указания могли только командиры, уверенные в своих экипажах.

Когда русские корабли начали занимать свои места, становиться на якоря и разворачиваться бортом к берегу, турки открыли огонь. Было 12 часов 20 минут. «Они воображали, что бросив якоря, мы пошлем людей по реям убирать паруса, а потому орудия их были наведены по мачтам, и первый залп не причинил нам почти никакого вреда. Потом под нашим огнем и при густом дыме им было трудно взять верный прицел. Этим только и можно объяснить наш сравнительно малый урон. Что было первые пять, десять

* Ионическая республика — государство на территории шести больших и нескольких малых греческих островов в Ионическом море под британским протекторатом (1815—1864).

минут, сказать трудно, — вспоминал мичман Сатин. — Мы стреляли, по нас стреляли. Не только в батареях, но даже с палубы ничего от дыма не было видно».

Первые выстрелы были направлены преимущественно на флагманский корабль и «Париж», им досталось более других. «Императрица Мария» была буквально засыпана ядрами и книппелями. Английские офицеры прекрасно подготовили турецких комендоров — те стреляли настолько метко, что вскоре на флагмане осталась целой только одна ванта. Была перебита большая часть рангоута и стоячего такелажа, сильно пострадали кормовая часть, палубы, галереи, а всего после боя в наружной обшивке насчитали 60 пробоин!

Флагман открыл ответный огонь практически одновременно с турками — в 12.28; он «шел вперед, действуя батальным огнем по судам, которые проходил, и отдал якорь против адмиральского фрегата “Ауни-Аллах”». Полчаса артиллерийской дуэли — столько выдержал турецкий флагман, после чего с ним было покончено: он «отклепал цепь и, не спуская флага, бросился на берег» под защиту батареи.

Тогда «Императрица Мария» перенесла огонь на 44-пушечный фрегат «Фазли-Аллах». Этот корабль на Черном море хорошо знали. Его сделали мастера севастопольской верфи, раньше он назывался «Рафаил» и ходил под Андреевским флагом. В 1829 году, во время крейсерства между Трапезундом и Батумом, он встретился в море с турецкой эскадрой из пятнадцати вымпелов. Несмотря на явное несоответствие в силах, офицеры на военном совете приняли решение вступить в бой, однако командир корабля спустил флаг. Это был первый и единственный до Цусимы случай в истории российского флота, когда корабль сдался, находясь под флагом. Турки очень гордились своим трофеем, показывали всем в Константинополе и старательно берегли. После нескольких лет плена из команды в 200 человек осталось 70, выживших обменяли. Капитана разжаловали в матросы, а корабль, если кому придется с ним встретиться в море, Николай I приказал сжечь как «недостойный носить флаг Российский».

Нахимов исполнил это приказание во время Синопского боя с особенным удовольствием. Загоревшийся после обстрела «Фазли-Аллах» бросился по примеру своего флагмана к берегу на мель. «Засим на корабле, не имея противника, ударили в дробь» — так «Императрица Мария» закончила сражение.

Сохранилось несколько рассказов матросов, принимавших участие в сражении. Их безыскусное, правдивое и лишенное всякой лести повествование заслуживает того, чтобы его послушать: «А Нахимов! Вот смелый, ходит себе по юту, да как свис[т]нет ядро, только рукой, значит, поворотит — “Туда тебе и дорога”, и ходит он по верху и приказание такое дал: покуда не будет повеления, чтобы паруса не убирали, а на гитовы, значит, взяли»²⁵¹. Этот рассказ раненого матроса Антона Майстренко, у которого были обожены глаза, записали в госпитале.

А вот другой рассказ, записанный во время обороны Севастополя медиком А. Вышеславским: «Я был, ваше благородие, при Павле Степановиче горнистом под Синопом. Жаркое было дело... от грома пушек всё тряслось и ходенем ходило — пуще, чем здесь. И турки стреляли сначала важно; и нас, и самого адмирала так и обсыпало ядрами да гранатами! А Павел Степанович, как на ученье, строгий такой, всё видит, за всё взыщет; держи ухо востро! Иной бы и поробел, да куда! Не смей. А о выстрелах он и не думает, в самом что ни есть огне были. Ничего не слышно, только гул стоит, почитай, ничего и не видно; всё трещит и валится, ядра прыгают... Жарко! Стреляли, стреляли, все стояли на местах, словно на суше на батарее, с места не сошли. Как там было, какие у них маневры пошли, не могу сказать, а видел, что бомба наша зажгла один турецкий корабль. Горит, как свечка, а люди на нем; беготня, суета, а мы им уж и выстрелов не посылаем — не до того уж им сердечным, помочи ниоткуда нет. Вот пламя-то видно уж дошло до пороха, как треснет корабль да и взлетел на воздух, вместе со всеми людьми! Как взглянул я наверх и вижу: бревна, турки, бочки, пушки. Всё летит на нас, — так и осыпало адмиральский корабль!.. Возни было с этими гостинцами»²⁵².

В рапорте А. С. Меншикову и В. А. Корнилову Нахимов подробно описал участие в сражении каждого корабля своей эскадры. «Великий князь Константин», «приняв правую скулюю град ядер, книп[п]елей и картечи», встал на якорь рядом с флагманом и открыл правым бортом огонь по береговой батарее и по фрегатам «Навек-Бахри» и «Насими-Зефер»²⁵³. Через 20 минут после открытия огня «Константин» «меткими бомбическими выстрелами» взорвал фрегат «Навек-Бахри». Видимо, попадание было точно в крюйт-камеру, потому что взрыв оказался такой силы, что обломками корабля и телами команды засыпало ближайшую береговую батарею № 4 и та на время прекрати-

ла огонь, а когда возобновила свое действие, то была уже заметно ослабленной. Расправившись с одним фрегатом, «Константин» перенес огонь на второй и стоявший рядом 24-пушечный корвет «Наджми-Фешан». В час дня якорная цепь турецкого фрегата была перебита, и его отнесло ветром на мелководье у греческих кварталов города; вскоре туда же был отброшен и корвет. После этого на «Константине» сыграли «отбой».

Бомбические пушки — самая страшная для противника артиллерия. Эти крупные гладкоствольные орудия большого калибра, стрелявшие на расстояние до двух километров, заряжали не только ядрами, но и разрывающимися бомбами, поэтому попадание в неприятельский корабль вызывало пожар и взрыв. У военных историков есть разные мнения о бомбических пушках: одни считают их очень действенными против деревянных кораблей, другие находят их эффективность сильно преувеличенной. Не углубляясь в эту полемику, заметим: в Синопском сражении бомбические пушки показали себя прекрасно, особенно результативно они действовали против береговых батарей. Почти во всех шканечных журналах есть записи о том, что выстрелами бомбических пушек «береговые укрепления были срыты».

«Париж» под командованием В. И. Истомина вел огонь по береговой батарее, 22-пушечному корвету «Гюли-Сефид» и 56-пушечному фрегату «Дамиад». На нижней палубе «Парижа», как и на «Константине», были установлены бомбические пушки. Через полчаса обстрела турецкий корвет взлетел на воздух, а фрегат отбросило к берегу. Досталось от «Парижа» и флагманскому «Ауни-Аллаху», который в тот момент дрейфовал рядом с кораблем Истомина. Затем «Париж» перенес огонь на 64-пушечный фрегат «Низамие», и к двум часам дня на нем были сбиты фок- и бизань-мачты, а фрегат сдрейфовал к берегу. Потравив шпринг, «Париж» принялся за береговую батарею.

«Нельзя было налюбоваться прекрасными и хладнокровно рассчитанными действиями корабля “Париж”», — писал Нахимов в рапорте. Он даже во время боя решил выразить благодарность команде и командиру корабля — да «не на чем было поднять сигнал: все фалы были перебиты». Европейская пресса после сражения напишет, что на турецких кораблях в Синопе были только что набранные из крестьян матросы, которые еще и заряжать толком не умели. Хороши в Турции крестьяне, если стреляют так, что на корабле ни одной целой снасти не остается! Между прочим,

перед Синопским сражением Нахимов приказал кормовые флаги прибить гвоздиками, чтобы перебитые веревки не означали, что флаг спущен.

У корабля «Три святителя» в начале боя перебило шпринг, и его развернуло кормой к неприятелю. Главная сила парусных линейных кораблей — пушки вдоль бортов, поэтому корабль во время боя поворачивается к противнику бортом, на корме и носу артиллерия слабая. В дыму на «Трех святителях» не сразу заметили перебитый шпринг и сделали несколько «дружественных выстрелов» по стоявшему прямо против них «Парижу» — в результате он потерял полубаркас, картечью ранило мичмана. Увидев свою оплошность, на «Трех святителях» немедленно дали команду «отбой!», мичман Сатин был послан передать эту команду, и пальба прекратилась. Несмотря на то что линейный корабль «Три святителя» был под обстрелом турок, команда смогла завести другой шпринг. Приняв прежнее положение, корабль открыл бортовой огонь по 54-пушечному фрегату «Каиди-Зефер» и вскоре вынудил его броситься к берегу.

Корабль «Ростислав» стрелял по стоящему против него корвету и береговым батареям. В этот момент неприятельское каленое ядро (или граната) попало в корабль, ударило в одно из орудий, разбило палубу и подожгло занавесь, ограждавшую картузы — мешочки с порохом для картузных орудий. Во время пожара были обожжены и ранены 40 человек артиллерийской прислуги, остатки горящей занавеси попали в люки пороховой камеры, что могло окончиться взрывом. Все, кто находился в кюйт-камере, бросились к дверям; однако мичман Николай Колокольцев не растерялся: запер двери, приказал накрыть люки и начал хладнокровно тушить тлевшие обрывки. Команда была спасена, и Колокольцев «за особенное присутствие духа и отважность» был представлен Нахимовым к ордену Святого Владимира 4-й степени с бантом.

В шканечных журналах отмечено, что не прошло и четверти часа после начала сражения, как двадцатипушечный пароход «Таиф» вышел из линии турецких кораблей и, беспрерывно меняя курс, то останавливая машину, то снова заводя, стал прорываться за линию русской эскадры. Фрегаты «Кулевчи» и «Кагул» погнались было за ним; но пароход легко ушел, «обменявшись с фрегатами несколькими залпами».

В начале четвертого часа бой прекратился. Турецкой эскадры из пятнадцати кораблей более не существовало.

«Неприятельские суда, брошенные на берег, были в самом бедственном состоянии; я велел прекратить по ним огонь, хотя они и не спускали флагов, как оказалось, от панического страха, которым были объаты экипажи», — сообщил Нахимов в рапорте. Когда парламентар, отправленный в город, проходил мимо этих кораблей и приказал спустить флаги, это было сделано без сопротивления.

Парламентеру не удалось найти в городе начальство, чтобы передать сообщение Нахимова: «...эскадра пришла для истребления турецких военных судов и не желает вредить городу». Турецкое население бежало в горы, греческое спряталось за стенами башни Митридата. Стоявшие в бухте купеческие суда и транспорты затонули, турецкие корабли взрывались один за другим. «Пожар продолжался во всё время нашего пребывания в Синопе, никто не приходил тушить его, и ветер свободно переносил пламя от одного дома к другому». Почти час парламентар ждал на берегу городские власти — напрасно, никто не появился. Только греки стали толпами сбегаться в гавань и умолять взять их на корабли. «Поскольку мои инструкции предусматривали только действия против турецких военных судов, я направил этих несчастных к европейским консулам», — писал Нахимов.

В 13.30 из-за мыса показался дым — это подходил парход «Одесса» под командованием адмирала Корнилова; вслед за ним шли «Крым» и «Херсонес». Увидев «Таиф», Корнилов дал сигнал «атаковать неприятеля, поставив его в два огня», и отправился в погоню. Хотя «Одесса» и попыталась приблизиться к «Таифу» и даже обстреляла его, но силы были неравны: «Крым» и отставший «Херсонес» были старенькими гражданскими пароходами, перед войной перевозившими почту; по шесть пушек, поставленных на них, только замедлили их ход. «Одесса» была военным пароходом, но по скорости и вооружению сильно уступала «Таифу». «Погоня за пароходом оказалась неуспешна по значительному преимуществу его хода», — докладывал Нахимов. Еще бы — машина «Одессы» могла развить максимум восемь узлов, тогда как «Таиф» — все десять. На это Слейд и рассчитывал. Он не собирался вступать в бой с Корниловым, хотя и мог бы: на его борту были 22 пушки и 300 человек экипажа против шести пушек и 194 человек у «Одессы». И тем не менее пытался атаковать Корнилов, а не Слейд! Последнему нельзя отказать в военном опыте: исход сражения стал ему ясен спустя четверть часа после

начала. Так «Таиф» остался единственным спасшимся кораблем турецкой эскадры.

В четвертом часу, когда сражение было закончено, к Синопу подошли пароходы и были встречены громовым «ура!». Князь В. И. Бярятинский, флаг-офицер* Корнилова, присутствовал при встрече своего начальника и Нахимова: «Мы поднимаемся на корабль, и оба адмирала кидаются в объятия друг другу, мы все тоже поздравляем Нахимова. Он был великолепен: фуражка на затылке, лицо обогрено кровью, новые эполеты, нос — всё красно от крови, матросы и офицеры, большинство которых мои знакомые, все черны от порохового дыма, вообще весь корабль имел крайне боевой вид»²⁵⁴.

Нахимов пригласил Корнилова и Бярятинского к себе пить чай, но сначала повел их на балкон адмиральской каюты, откуда были хорошо видны Синоп, рейд и корабли. Смешанные чувства рождались при взгляде на пейзаж после битвы: горящий город, взрывающиеся турецкие корабли, люди, пытающиеся спастись вплавь, черный ночной небосклон и стаи белых птиц. «Мы замечаем стаи морских птиц и голубей, выделяющихся на багровом фоне озаренных пожаром облаков. Весь рейд и наши корабли до того ярко освещены пожаром, что наши матросы работали над починкой судов, не нуждаясь в фонарях». Фотографа в эскадре не было, и Нахимов поручил Бярятинскому зарисовать эту величественную картину. «Я говорю, что это выше моих сил, но всё-таки означаю на листе бумаги главные приметные черты вида». Бярятинский, отправленный Меншиковым в Тифлис с известием о победе, по дороге заехал в Феодосию, где передал свои наброски Айвазовскому. Тот напишет три картины, посвященные Синопскому сражению.

В адмиральской каюте Нахимов угощал чаем, находился «в отличном расположении духа» и много говорил о самом сражении и предшествующих ему событиях. Бярятинский заметил, что пальто командующего, висевшее в каюте, было «изорвано ядрами».

В восемь часов вечера пароходы отбуксировали корабли подальше от Синопа. «Ночь была темная, и шел дождь, — записали в шканечных журналах, — но большое зарево пылавшего во многих местах города, а также и пламя от го-

* Флаг-офицер — в русском военно-морском флоте адъютант командующего эскадрой, ведавший сигнальным делом на флагманском корабле.

ревших судов освещало горизонт на далекое расстояние, и Синоп мог служить в эту ночь... маяком».

Победа была одержана, но до Севастополя еще так далеко! Значительно быстрее англичане и французы могли добраться до Синопа, и тогда избитым кораблям Нахимова с израсходованным боезапасом пришлось бы несладко. Всю ночь и весь следующий день команды работали не покладая рук. Как писал Корнилов в донесении Меншикову, рангоут и такелаж некоторых кораблей были до такой степени изранены и порваны, что «нельзя не удивляться, как на некоторых устояли мачты». Корнилов уговорил Нахимова перейти на корабль «Великий князь Константин», который пострадал в бою в меньшей степени, чем «Императрица Мария». Несмотря на большой урон кораблям, ни один из них не затонул. Сам Нахимов впоследствии, когда говорили о Синопе, неизменно замечал: удивляться надо не победе, а тому, с какой быстротой — менее чем за 36 часов — успели команды восстановить свои корабли. Скромность его была общеизвестна, и потому не приходится удивляться такой сдержанной оценке. Но его боевой друг Корнилов в письме брату отозвался о сражении в самых восторженных словах: «Нахимов задал нам собственное Наваринское сражение. Битва славная, выше Чесмы и Наварина... Ура, Нахимов! М. П. Лазарев радуется своему ученику».

Девятнадцатого ноября священство отслужило молебен. Потери эскадры составили 38 убитых и 235 раненых, потери неприятеля — более трех тысяч человек. Пленных с тонущих кораблей насчитали до 180 человек, среди них оказался и раненый Осман-паша. Когда турецкий флагманский корабль, подбитый Нахимовым, медленно погружался в воду, команда, увидев, что командующий ранен в ногу, вытащила у него из кармана ключ от каюты, ограбила, раздела и бросила умирать. 62-летний Осман-паша стоял уже по пояс в воде и собирался принять смерть, когда подошла шлюпка с русской эскадры. Пока матросы переносили его, он всё повторял «яваш, яваш», что означало «потихше». А матросы отвечали: «Знаем, брат, что теперь ты наш».

Двадцатого ноября Нахимов отправил в Синоп письмо австрийскому консулу:

«...Позвольте мне обратиться к Вам как к единственному европейскому представителю, флаг которого я вижу развевающимся в городе, чтобы Вы известили власти несчастного города Синопа о единственной цели прибытия

сюда императорского русского флота. Узнав, что турецкие корабли, которые постоянно направляются к абхазским берегам для возмущения племен, подданных России, укрылись на Синопском рейде, я был доведен до плачевной необходимости сражаться с ними с риском причинить ущерб здешнему городу и порту. Я отношусь с симпатией к печальной судьбе города и его мирных жителей, и только упорная защита вражеских кораблей и, в особенности, огонь батарей вынудили нас применить бомбы в качестве единственного средства поскорее привести их к молчанию. Но наибольший ущерб, причиненный городу, определенно вызван горящими обломками турецких кораблей, сожженных большей частью их собственными экипажами...

Нахимов
вице-адмирал флота
его величества императора всея России»²⁵⁵.

Сражение прошло в соответствии с разработанным планом, один из моряков сравнил его с концертом, «мастерски разыгранным... по смычку Нахимова»²⁵⁶.

Эхо Синопского сражения

Наскоро залатав пробоины и починив рангоут, 20 ноября корабли вышли в обратный путь, буксируемые пароходами, а спустя два дня прибыли в Севастополь. Все его жители высыпали на Графскую пристань встречать героев; крики «ура!», восторги, цветы и слезы радости ждали их дома. Об этом торжественном моменте напоминает мемориальная доска на Графской пристани, возвещающая, что здесь в ноябре 1853 года встречали Нахимова, героя Синопа.

Двадцать третьего числа Нахимов издал три приказа по эскадре. В первом он благодарил героев: «Истребление турецкого флота в Синопе... не может не оставить славной страницы в истории Черноморского флота. Изъявляю душевную мою признательность второму флагману как главному моему помощнику, и который, идя передовым в своей колонне, так неустрашимо ввел ее в бой, гг. командирам за хладнокровное и точное постановление своих судов по данной диспозиции во время сильного неприятельского огня, равно и за непоколебимую их храбрость в продолжение самого дела... благодарю команды, которые дрались, как львы».

Вторым приказом командир эскадры назначал благодарственный молебен, после которого собирался быть лично на кораблях для поздравления: «...с такими подчиненными я с гордостью встречу с любым неприятельским европейским флотом». В третьем отмечал команды пароходов, благодаря которым состоялся «вывод флота из Синопа с поврежденным рангоутом при огромной зыби и ввод его в Севастополь».

В рапорте Меншикову были представлены к награде 155 офицеров. «Нижним же чинам вообще за истинно русскую храбрость и присутствие духа во время боя, за неутомимую их деятельность во время продолжительного крейсера до сражения и при исправлении повреждений судов после оного почтительнейше прошу исходатайствовать денежное награждение для всех и знаки Георгия Победоносца...» Примечательны заключительные слова рапорта: «Осмеливаюсь присовокупить, что таковое ходатайство вашей светлости поставляю выше всякой личной мне награды». Скромность Нахимова была общеизвестна, в рапорте о сражении он ничего не сказал о себе. Как заметил хорошо его знавший Э. И. Тотлебен, «для Павла Степановича его собственное я положительно не существовало».

Конечно, награду Нахимов получил: орден Святого Георгия 2-й степени. В рескрипте императора, который с восторгом узнал об исходе сражения, говорилось: «Истреблением турецкой эскадры при Синопе Вы украсили летопись русского флота новою победою, которая навсегда останется памятною в морской истории».

Когда закончился карантин и все съехали на берег, Нахимов встретил его «любезный Мишустя». В 1853 году Рейнеке тяжело заболел, врачи стали настаивать на поездке за границу для лечения. Неизвестно, что именно посеяло в нем сомнение в необходимости заграничной поездки, — отсутствие средств или неудачный опыт лечения Нахимова, — но вместо Европы Рейнеке поехал в Крым. В июне 1853 года он добрался до Николаева и был изумлен увиденным: новые верфи, адмиралтейство, портовые сооружения привели его в восторг. Прожив две недели в Николаеве, Рейнеке отправился в Севастополь к Нахимову. Однако виделись они редко: Нахимов готовился к войне и был поглощен делами эскадры. Впрочем, и сам Рейнеке отдыхать не очень-то умел. В Крыму он совмещал лечение со службой и составлял проект управления портовыми сооружениями Севастополя и Николаева, а также по просьбе

Корнилова занимался устройством станций метеорологических наблюдений²⁵⁷.

В дневнике, который Рейнеке вел педантично, день за днем, есть немало подробностей о жизни Нахимова с ноября 1853-го по май 1854 года. Сохранил он и приказы Нахимова, и адресованные ему письма; даже ответы на эти письма занятой Нахимов порой просил сочинить друга. Генерал-майор Рейнеке, человек эрудированный, руководитель русской гидрографии, член-корреспондент Академии наук, дал высокую оценку сражению: «Следствия Синопской битвы весьма важны не по героизму моряков наших, имевших превосходные силы, но по влиянию на общий ход войны: 1. Турки лишились хотя и небольшой, но лучшей части своего флота с 3000 матросов, назначенного беспокоить наше кавказское побережье и коммерческие порты. Истребление этих судов успокоило Кавказ, Одессу и Феодосию. 2. Нравственная отвага турок, возбужденная первыми их успехами на Дунае и на кавказских границах, должна ослабнуть, а дух наших войск и флота — возвыситься. 3. Англичане и французы должны теперь решить — берут ли они явно сторону турок или отказываются от своего вмешательства»²⁵⁸. Конечно, об этих последствиях они с Нахимовым не раз говорили.

В мемуарной литературе сохранилось несколько упоминаний о том, как Нахимов мрачнел, когда при нем вспоминали о Синопе. Обычно это объясняют так: после Синопа последовала осада Севастополя; выходит, уничтожением турецкой эскадры Нахимов втянул страну в большую войну.

Но к моменту разгрома турецкой эскадры война шла уже пять месяцев, и не совсем успешно для России, особенно на Балканах. На Дунае русские войска 23 октября отступили с потерями после боя у Ольтеницы. Лучше обстояли дела на Кавказе, но и там победа при Баяндуре 2 ноября далась тяжело, потери составили 800 человек. Правда, спустя четыре дня у села Ахалцих пятитысячный отряд под командованием генерала от кавалерии князя И. М. Андронникова разгромил двадцатитысячный турецкий корпус Али-паши. И всё же решающих успехов пока не было. И вот случился Синоп.

Лишившись значительной части флота и тяжело пережив эту катастрофу, турки не осмеливались более отправляться к побережью Кавказа. Результат — взлет цен на невольничьем рынке. Турки говорили, что черкесские рабы и

особенно рабыни для гаремов и публичных домов так вздоржали, что хоть не выходи на базар человеку со скромными средствами — не подступиться.

Особенно много жалоб английскому послу Стратфорд-Каннингу поступало от турецкого министра иностранных дел Мустафы Решид-паши — его жена владела большим предприятием по скупке молодых женщин, что было известно всем европейским дипломатам в Константинополе, но стыдливо замалчивалось. Французские и английские газеты чаще писали не о турецкой работоторговле на Черном море, а о необходимости защиты от русских «варваров» турецкой культуры, «богатой, хотя и несколько своеобразной»²⁵⁹.

В Европе о Синопе стало известно через неделю, и Англия «огласилась воинственным воплем». Газеты и журналы теперь писали только о России, русском флоте и Синопе, поднимая до небес свои тиражи и увеличивая доходы. Иван Шестаков находился в то время в Лондоне, читал газеты и лично видел происходящее: «Незавидна была доля русского сердца, бившегося на берегах Темзы; некоторые из наших соотечественников, жившие в то время в Англии, пытались отклонить общее мнение от пагубного заблуждения. Тщетно! Свобода тиснения (печати. — *Н. П.*), английская терпимость, филантропия — всё стало пустым словом. В припадке ярости холодные дотоле британцы отвергали всякое рассуждение, и безумие реяло по торжищам нового Карфагена»²⁶⁰. И благо бы корреспонденты рассказывали о происшедшем прямо и с откровенностью, пусть даже с благородным негодованием — так нет, печать наполнилась ложью и клеветой, очернительством главного виновника события — Нахимова, который якобы внезапно и вероломно, под английскими флагами, напал на турецкий флот. (Как можно напасть внезапно, неделю крейсируя у Синопа? Осман-паша мог выйти в море и всей силой навалиться на три корабля Нахимова, пока им на помощь не подоспел Новосильский с эскадрой. Что касается чужих флагов, то такие фокусы водились обычно за турками; во всех шканечных журналах эскадры Нахимова есть записи о поднятии российского флага.) Газетчики объясняли: Осман-паша потому-де не мог выйти в море, что силы были неравны, к трем кораблям Нахимова приписали еще шесть фрегатов, от шести до восьми малых судов и несколько пароходов, увеличив его огневую мощь в два раза; но даже при таком раскладе сил Нахимов напасть на турок всё же

не решился, пока не подоспело подкрепление, и начал бой только при трехкратном превосходстве. (Когда Нахимов отправлял в Севастополь два потрепанных штормом корабля своей эскадры, то в рапорте Меншикову написал: дождавшись обратно этих или двух других, он «не задумается атаковать». Вряд ли в этом стоит сомневаться. Но идти в сражение с тремя кораблями против двенадцати — значит напрасно пролить кровь и ничего не добиться, в этом доблести мало.)

Еще одно обвинение — в сожжении Синопа. Не намеренное — просто русские артиллеристы стреляют так плохо, что их ядра вместо турецких кораблей попадали по городу. Понятно, что в тех статьях нет ни слова о береговых батареях. Но отчего же тогда взрывались турецкие корабли, если русские артиллеристы по ним не попадали?

Итак, Нахимову отказали в личной храбрости, мастерстве полководца и обвинили в вероломстве и неслыханной жестокости. Рейнеке записал в дневнике, что его друг мрачнел, читая английские и французские газеты, чьи сообщения перепечатывались и русской периодикой.

Были и американские газеты. Вот как 9 января 1854 года описала «Нью-Йорк дейли трибюн» Синопское сражение в передовой статье: «Русские, не желая стоять под парусами у берегов, куда их могло прибить ветром, бросили якоря. Затем последовала четырехчасовая артиллерийская дуэль между обеими стоявшими на якорях эскадрами, протекавшая без всякого маневрирования на море и напоминавшая скорее артиллерийскую перестрелку на суше. Возможность обойтись без применения морской тактики, без каких-либо маневров была очень на руку русским, чей Черноморский флот, судовые команды которого состоят почти исключительно из «пресноводных моряков» (в оригинале — «land lubbers». — *Н. П.*), особенно из польских евреев, имел бы мало шансов на успех в сражении в открытом море с турецкими судами, располагающими хорошими командами. И тем не менее русским всё же понадобилось четыре часа, чтобы заставить замолчать слабые корабли своего противника»²⁶¹.

Статья называлась «Синоп и Ахалцих», и автором ее был тогда совсем неизвестный журналист Фридрих Энгельс. Из-под его пера регулярно выходили статьи о Восточной войне, военная тематика его вообще очень привлекала. Недаром Карл Маркс называл своего друга «генералом» — тот целый год проходил военную службу в Берлине, одновре-

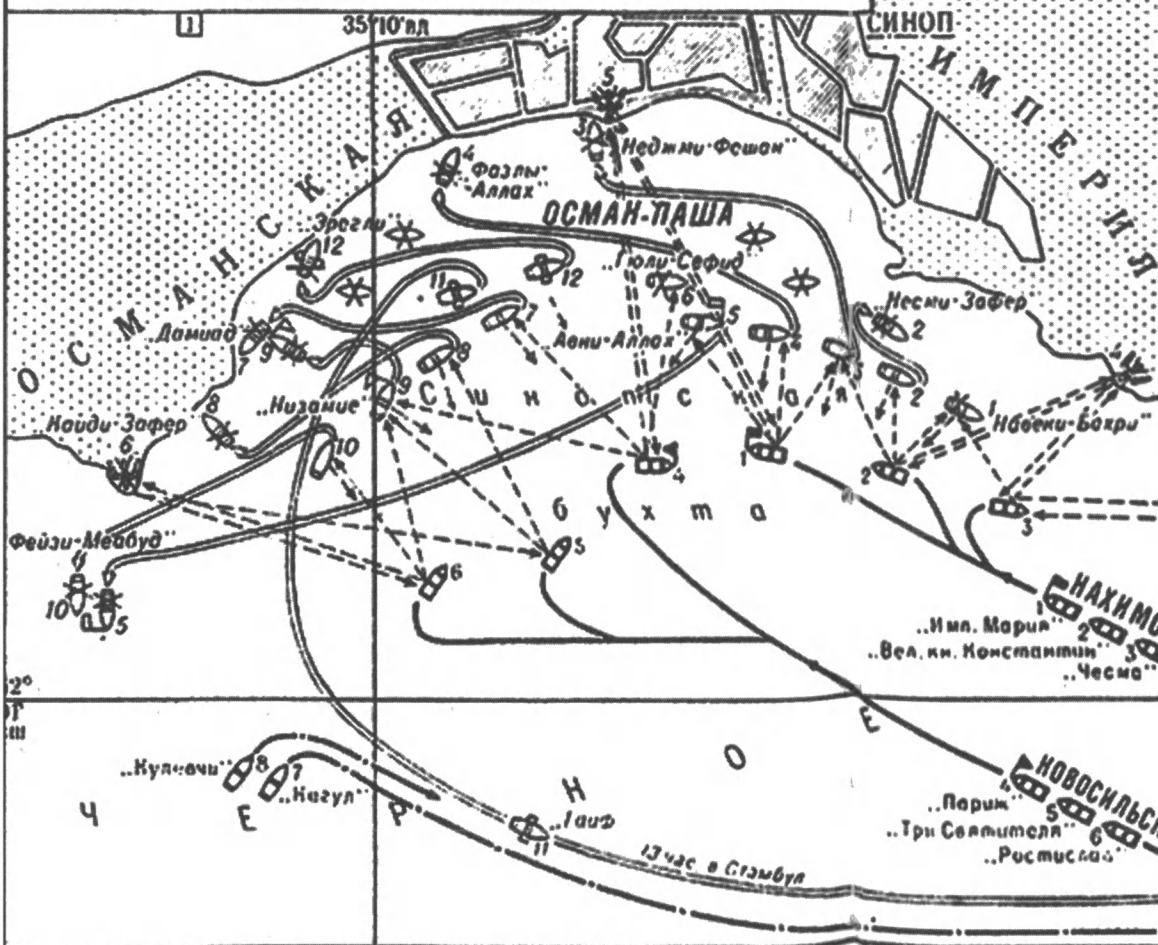
менно посещая лекции по философии в местном университете. Став после года срочной службы военным экспертом, а заодно историком и философом, он теперь считал себя вправе давать оценки по всем вопросам, особенно о России, которую хорошо знал по карте. Итог его аналитической статьи: «Победа при Синопе не доставляет славы русским».

А вот какой план действий он набросал в статье «Европейская война», опубликованной после того, как в январе 1854 года англо-французская эскадра вошла в Черное море: «Без сомнения, союзный флот способен разрушить Севастополь и уничтожить русский Черноморский флот; союзники в состоянии занять и удержать Крым, оккупировать Одессу, блокировать Азовское море и развязать руки горцам Кавказа. Нет ничего легче, если действовать быстро и энергично». На воплощение этого плана Энгельс выделил месяц. Об уровне его компетентности свидетельствует то, что английским, французским и сардинским войскам только для того, чтобы занять Южную сторону Севастополя, оставленную русской армией, потребовалось 349 дней. О «занятии и удержании» Крыма речь вообще не шла, достигнутый результат стоил союзникам, по разным оценкам, от 160 до 170 тысяч убитых, раненых и умерших от болезней.

После завершения операции на Черном море «эксперт» Энгельс советовал отправить флот на Балтику и бомбардировать Кронштадт. «Необходимо любой ценой добиться союза со Швецией, если понадобится, припугнуть Данию, развязать восстание в Финляндии путем высадки достаточного количества войск и обещания, что мир будет заключен только при условии воссоединения этой области со Швецией... Во что превратилась бы Россия без Одессы, Кронштадта, Риги и Севастополя, если бы Финляндия была освобождена, а неприятельская армия расположилась у ворот столицы и все русские реки и гавани оказались блокированными? Великан без рук, без глаз, которому больше ничего не остается, как пытаться раздавить врага тяжестью своего неуклюжего туловища, бросая его наобум то туда, то сюда, в зависимости от того, где зазвучит вражеский боевой клич»²⁶². По сути, Энгельс лишь озвучил план лорда Пальмерстона, усилиями которого была развязана Восточная война.

Такому калеке-великану, какой виделась Россия Энгельсу, не нужно было оставлять места даже в Азии. Что можно добавить к оценке классика, труды которого изучало

СИНОПСКОЕ МОРСКОЕ СРАЖЕНИЕ 18(30) ноября 1853 г.

ОБЩИЙ ХОД СРАЖЕНИЯ

- Корабли:**
- ☉ турецкой эскадры
 - ☉ русской эскадры
- Направления действий эскадр:**
- турецкой
 - русской

Турецкие береговые батареи и корабли, уничтоженные огнем русской корабельной артиллерии

не одно поколение советских студентов? — Разве что повествование французской газеты об офицере эскадры Нахимова, который, взяв турецкий фрегат, зарубил единственного оставшегося в живых турка, отрезал кусок его мяса и съел, за что получил от императора орден. После прочтения таких известий за утренним чаем Россия в воображении обывателя представляла зловещей, кровожадной, отсталой и агрессивной.

Справедливости ради отметим, что в этой общей вакханалии клеветы и травли Нахимова, развязанной нечистоплотными журналистами, пусть негромко, но всё же звучали голоса английских моряков, призывающих объективно оценить сражение: «Часть русского флота держалась в море несколько дней в такую ужасную непогоду, в которую ни турки, ни австрийские пароходы... не смели показываться в море. Неужели эти русские матросы те самые трусливые новобранцы из евреев, о которых нам толковали? Боевой их порядок в деле удивительный... В продолжение часа одиннадцать кораблей были потоплены, подняты на воздух или сожжены. Такого совершенного истребления и в такое короткое время никогда еще не бывало»²⁶³.

Английские офицеры впоследствии собирали в Синопе свидетельства о битве и не могли не отдать должное мастерству и решительности Нахимова.

В начале 1854 года в Севастополь пришло письмо от богослова и духовного писателя архимандрита Игнатия (в миру — Дмитрия Александровича Брянчанинова). В молодости ему прочили военную карьеру, государь отличал его, однако после окончания Главного инженерного училища в Санкт-Петербурге он принял постриг, а в сороковые годы был назначен настоятелем Троице-Сергиевой пустыни под Петербургом. Оттуда, из монастырской кельи, он внимательно следил за событиями Крымской войны, читал репортажи в газетах и журналах, переписывался с Н. Н. Муравьевым. Святитель (он был прославлен в святительском чине в 1988 году) совершенно не видел несоответствия такого интереса к военным делам своему сану и монашескому положению, ибо, рассуждал он в письмах, «всякому православному христианину свойственно желать всевозможных благ: во-первых, православному Отечеству, во-вторых — единоплеменным и всем православным народам, наконец, всему человечеству».

Его суждения о происходящем на Кавказе и в Черном море сразу выдают в нем человека с военным образова-

ем, Синоп он отметил как блистательную победу русского флота и не мог не написать Нахимову, хотя и не был знаком с ним лично:

«Милостивый государь Павел Степанович! Подвиг Ваш, которым Вы и сподвижники ваши с высоким самоотвержением подвизаетесь за Россию, обратил к Вам сердца русских. Взоры всех устремлены на Вас, все исполнены надежды, что сама судьба избрала Вас для совершения дел, великих для отечества, спасительных для православного востока. Не сочтите странным, что пишет Вам русский, не имеющий чести лично [быть] знакомым с вами. Примите дружелюбно мои строки, примите присланную при них на благословение Вам от обители Преподобного Сергия икону Святителя Митрофана Воронежского, новоявленного чудотворца. Пред этой иконой братство здешней обители отслужило молебен угоднику Божию и с нею присылает Вам свои усердные молитвы о том, чтобы Святитель Митрофан содействовал Вам к поруганию врагов...»²⁶⁴

Вот на какую высоту Брянчанинов поднял синопскую победу — он ее видел победой над тяжким игом, под которым «стонет православие Цареграда, поработенного последователями Магомета». Для православных спор о святых местах вовсе не был пустой формальностью и не сводился, как иногда пытаются изобразить, к разногласиям по поводу того, у кого будут храниться ключи от храма Рождества Христова в Вифлееме и кто станет чинить крышу храма Гроба Господня в Иерусалиме. Нет, вопрос стоял так: либо за православным населением Османской империи сохраняется право на получение покровительства и помощи от единой России, либо они лишаются этой возможности и навсегда остаются «райя» — скотом, как именовали христиан в Турции. И святитель напомнил об этом.

Получив письмо от архимандрита Игнатия, имевшего высокий духовный авторитет, Нахимов немедленно, среди забот о починке кораблей и подготовке к войне принял диктовать Рейнеке ответ:

«Ваше преосвященство! Не нахожу слов для выражения глубокой признательности моей за внимание, оказанное Вами лично мне и товарищам моим по службе письмом Вашим от 1 февраля и за молитвы Ваши о нас и за благословение нас от Вашей обители иконою Святого Митрофана Воронежского Чудотворца. Ходатайство Церкви перед Господом Богом об успехах оружия православного царя на-

шего подкрепляет дух наш и упование на всеильную святую помощь Господа в защиту православия. Утешительные слова Ваши тем глубже проникли в души наши, что получены во время приготовления нашего к принятию Святых Таинств. Исполнив этот священный долг христиан, каждый из нас с новыми силами готов вступить в рать драгоценного отечества нашего. Икона святителя будет щитом нашим. Это изображение святого лика будет всегда спутником моим на море и молитвы пред ним — утешением моим в час скорби.

Но простите, что и после такого внимания к нам осмеливаюсь, по общему желанию моих сослуживцев, еще утрудить Вас покорнейшею просьбою — молить Господа Бога об успокоении души бывшего начальника и благодетеля Черноморского флота адмирала Михаила Петровича Лазарева. Его неусыпным трудам и попечениям обязаны мы настоящим воинственным состоянием кораблей и бодростью духа, способствовавших при помощи Божией выполнить повеление нашего царя. Его деятельность, его бескорыстное самоотвержение поныне руководит нами в служебной и частной жизни. Да успокоит Господь душу незабвенного адмирала Лазарева и позволит удержать силы наши...»²⁶⁵

Благодаря этому письму мы знаем, перед каким образом возносил молитвы адмирал Нахимов, как причащался Святых Таин Великим постом в 1854 году. Церковь Святителя Митрофания, по форме напоминавшую перевернутое днище корабля, воздвигли в Севастополе уже после гибели Нахимова, в 1858 году, на Корабельной стороне. В годы Великой Отечественной войны церковь была разрушена, от нее осталась лишь колокольня; ныне церковь возрождается на том же месте в новом здании.

В феврале или марте Нахимов получил еще одно письмо от неизвестного ему адресата²⁶⁶:

«Великий адмирал, победитель при Синопе! Посылаю тебе снимок с чудотворной иконы великого угодника Божия Николая Чудотворца. Прикажи с того великого угодника снять две иконы точно так, как здесь изображено: одну маленькую, которую носи на груди, а другую большую, и, осветивши их, отслужи молебен и поставь большую икону на корабле и со всеми тебе подчиненными молись с верою этому великому угоднику. Он даст тебе силу, и крепость, и победу на врага рода христианского. Без него ни твой ум, ни твоя храбрость не защитят тебя. Этот угодник Божий творил и творит великия чудеса на море и на суше, спасал утопавших, воскрешал их, укрощал бури и ветры морския,

ходил по морю, как по суше, как делал наш Спаситель. Сей великий угодник Божий избран самим Богом для утверждения Церкви Христовой заступником и утешителем всех скорбящих, молись ему с верою, и он спасет вас всех, ибо его молитва велика у престола Божия. Он с вами и вы с ним, да никто же из вас не отчаивайтесь. Господь Бог сильнее всех и силу Свою Он явит вам чрез Своего угодника».

Если бы такое письмо получил мичман Нахимов, то, наверное, усмехнулся бы и убрал в дальний угол, а то и вовсе выбросил. Теперь, на склоне лет, всё виделось яснее и проще. Во время Синопского сражения Нахимову был 51 год, в этом возрасте человек, склонный к осмыслению происходящего, думает о том, что уже большая часть его земной жизни миновала, и поневоле размышляет о жизни вечной. Нахимов просил Рейнеке заказать две названные иконы — одну большую, для корабля, и маленький образок у золотых дел мастера для себя: «Я бы носил его на груди, а большой грудной образ, не напишешь ли к Стодольскому, чтоб приказал в Суздале с этого рисунка снять копию и прислал бы сюда». Рейнеке думал послать рисунок в Феодосию к Айвазовскому, чтобы тот написал большую икону. Кто взялся за эту работу, установить не удалось, но она была выполнена — большой образ прислали в Севастополь с почтой в июле 1854 года.

Что касается маленького образка, то о нем Нахимов просил особенно настойчиво — и вот почему: «...любезный Миша, если золотых дел мастер не возьмется сделать образок, то купи мне в лавках с изображением Николая Чудотворца, освяти его и пришли мне. Совестно признаться, а у меня ни крестика, ни образка нет на груди!!!» Три восклицательных знака говорят сами за себя. Как говорится, лучше поздно, чем никогда. Племянник Нахимова, который был в Севастополе, сообщил Рейнеке: «Заветный образок Св. Чудотворца Николая он носит на груди постоянно»²⁶⁷. Значит, и эту просьбу «любезный друг Мишустя» исполнил.

В те дни Нахимов на берег не съезжал — жил на корабле. Он простудился, когда делал смотр кораблям. Болел так тяжело, что, по собственному признанию, не вставал с дивана и ничего, кроме лекарств, не мог проглотить. Рейнеке выполнил и еще одну просьбу своего занятого и больного друга.

«Мне хотелось бы, — писал Нахимов 24 марта 1854 года, — отдать военный приказ по эскадре, в котором высказать в кратких и веских словах, что это война священ-

ная, что я уверен, что каждый из подчиненных горит нетерпением сразиться с защитниками Магомеда — врагами православия, что павшего в бою ожидает бессмертие, за которое будет молиться Церковь и всё православие, победившего — вечная слава, и, наконец, самые летописи скажут потомкам нашим, кто были защитники православия! Но как ни бьюсь, не могу сказать, ничего у меня не выходит. Потрудись, дружок! Если ты здоров и в духе, составь мне приказ. Ты этим большое бремя снимешь с меня».

Но одно письмо — митрополиту Агафангелу — он всё же написал собственноручно и приложил список имен убитых и умерших от ран «для принесения молитвы о душах их». Другой список был с именами раненых и покалеченных в Синопском бою. Аdjутант Нахимова вспоминал, как во время Севастопольской обороны каждый раз, проезжая мимо Михайловской церкви, куда приносили на отпевание убитых с ближайших бастионов, «Нахимов давал деньги, чтобы поставить к каждому убитому по три свечи, как это обыкновенно делается, и часто приезжал в эту церковь на панихиды; такие поездки требовали, можно сказать, самоотвержения, так как делались под неприятельскими штуцерными пулями»²⁶⁸.

В память о Синопском сражении моряки ежегодно 18 ноября устраивали в Севастополе обед, на который собирались офицеры, служившие под командованием Нахимова. В 1886 году часть Морской улицы назвали именем Нахимова. Через 45 лет после сражения, 18 ноября 1898-го, в Севастополе на площади перед Морским собранием в присутствии императора Николая II открыли и освятили памятник Нахимову (авторы — художник-любитель генерал А. А. Бильдерлинг и архитектор И. Н. Шредер). К сожалению, в годы советской власти его постигла участь всех памятников «царским генералам»: он был снят, на его место водрузили памятник Ленину.

После Великой Отечественной войны памятник Нахимову был отлит вновь и установлен в 1959 году на том же месте (авторы — скульптор Н. В. Томский и архитектор А. В. Арефьев), только теперь он обращен лицом не к морю и Графской пристани, а к городу.

Глава восьмая

ВОСТОЧНАЯ ВОЙНА. СЕВАСТОПОЛЬ

Перед большой войной

Победа Нахимова при Синопе заставила Британию пересмотреть свой план воевать руками Турции, однако переложить тяготы войны на других союзников англичанам удалось не сразу. Только спустя три месяца Англия, Франция и Турция заключили договор, спустя еще полмесяца, 15(27) марта, Франция, а вслед за ней и Британия объявили войну России. В этот день министр внутренних дел Британии лорд Пальмерстон, поднимая бокал, сказал: «Я хочу произнести новый тост... новый со времен Крестовых походов. Я пью за объединенные военно-морские силы Франции и Англии». Целью крестоносцев Средневековья было освобождение от неверных храма Гроба Господня, путь новых крестоносцев лежал в Россию. Правда, не все английские военачальники успели привыкнуть к смене союзников; говорят, командующий британскими войсками в Крыму лорд Ф. Реглан, участник битвы при Ватерлоо и адъютант герцога Веллингтона, по старой памяти называл противника «французами», на что союзники, естественно, обижались.

Как жил Нахимов после Синопа? — Звуки медных труб ничего не изменили ни в его характере, ни в службе. Корабли нуждались в починке, некоторые — в серьезном ремонте; вот этим он и занимался. Свой флаг вновь поднял на корабле «Двенадцать апостолов». Каждый день проходили стрельбы, корабли выходили в море на учения. Забот было так много, что всю зиму Нахимов жил на корабле, на берег съезжал только по делам, к великому огорчению Рейнеке. Нахимов даже двоюродному брату Андрею Ми-

хайловичу, который вел его дела, нашел время написать лишь в марте (!), чтобы поблагодарить за поздравление с победой:

«Итак, вот четвертый месяц, что я на рейде, и ни разу не был на берегу. К тому же нынешняя крымская зима была ужасная, поверишь ли: в каюте доходило иногда до 4° морозу, а вода в графине замерзала довольно часто, то после служебных занятий, спустясь в каюту, право, приходилось не до писем, и я откладывал почту за почтой. Теперь погода поправилась, но я захворал лихорадкой. Впрочем, нет худа без добра: доктор предписал несколько дней не выходить наверх, и я, пользуясь свободой, спешу отвечать тебе, дорогой мой друг, и благодарить за родственное твое расположение и внимание».

Вернулись прежние хвори, холодная каюта зимой — не лучшее место для лечения. Со страниц воспоминаний Нахимов предстает человеком невероятно крепким и физически чрезвычайно выносливым. Наверное, таким его хотели видеть — похожим на былинного богатыря. Но источник его энергии коренился отнюдь не в железном здоровье, а в необыкновенной силе воли, в отзывчивом и горячем сердце, в постоянной заботе и внимании к нуждам других, что особенно хорошо стало заметно в лишениях осадной жизни.

«Ты пишешь, что вся Россия приветствует меня с Синопскою победой, я же должен сознаться, что бодрым состоянием духа наших команд, прекрасной материальной частью флота Россия обязана покойному благодетелю Черноморского флота, адмиралу Михаилу Петровичу Лазареву. Мне же остается благодарить Всевышнего, что он даровал мне плоды неусыпной заботливости и постоянных трудов бывшего нашего начальника и друга. Право, всякий на моем месте сделал бы то же, что я».

Лазарев умер в 1851 году, не дожив до триумфа Нахимова два года. Но все, кто считал себя его учениками, не рисуясь, отдавали дань учителю и видели в своих свершениях его немалую заслугу. Сразу после кончины учителя Нахимов предложил собрать по подписке деньги на установление бюста Лазарева в Морской библиотеке и первым сдал 300 рублей серебром. Скромность Нахимова отмечали все; неудивительно, что ничего выдающегося в своем поступке он не находил.

«Теперь вся Европа в волнении, надо думать о новых предстоящих действиях. Один Бог знает, когда мы увидимся с тобой. Ах! Если бы года через два или три всё успокоилось, и мне позволили бы годик прожить в деревне, в кругу моих добрых родных; право, я поздоровел и помолодел бы...»²⁶⁹

Они больше не увидятся, и надежды Нахимова пожить в родном имении так и не осуществляются.

В декабре 1853 года Корнилов приказал привести флот в боевую готовность. В случае начала боевых действий командование флотом передавалось Нахимову, он же отвечал за все береговые батареи, прикрывающие севастопольский рейд. Корнилов и Нахимов разработали план обороны Севастополя, в основных чертах повторяющий план Лазарева.

План действий Черноморского флота в случае войны был разработан Лазаревым еще в 1836 году во время обострения ситуации на Ближнем Востоке. Египетский вассал Турции Мухаммед Али всё еще не оставил намерений выйти из Османской империи, Франция активно поддерживала его в этом стремлении, намереваясь заполучить Египет и Сирию под свою власть. За спиной Турции стояла Британия, которую не устраивало усиление Франции на Ближнем Востоке, где проходила дорога к английским колониальным владениям в Азии. К тому же Мухаммед Али установил в своей стране торговые монополии, что сильно раздражало английских промышленников и купцов, поскольку они терпели огромные убытки. Вот почему Британия твердо решила бороться с Францией за Египет до последнего турецкого подданного.

Весной 1839 года восточнее Алеппо сосредоточились турецкая и египетская армии численностью до ста тысяч человек. В июне турецкая армия перешла Евфрат и начала наступление, закончившееся ее полным разгромом. Казалось, английскую авантюру на Ближнем Востоке можно похоронить. Но Британия не смирилась. После бомбардировок Бейрута и активных действий в Сирии своих новых союзников — Австрии и Пруссии — она заставила Мухаммеда Али освободить все занятые им территории, вернуть Турции захваченный флот и вернуться в Египет.

Николай I внимательно следил за событиями на Ближнем Востоке. По его поручению Меншиков предложил Лазареву следующие вопросы о возможных действиях: 1) если бы неприятельский флот прошел через Босфор в Черное море; 2) если бы наш флот находился в это время в море;

3) если бы неприятельские флоты появились в превосходных силах пред Севастополем, застав наш флот в гавани²⁷⁰.

Лазарев, сторонник активной политики и решительных действий, предлагал вообще исключить возможность прохождения английского или французского флотов через Босфор и Дарданеллы. Для этого им и командиром 5-го армейского корпуса Н. Н. Муравьевым был разработан план высадки десанта в район Босфора. «Франция готовится к сильной войне, а с нею вместе и все прочие державы для отражения внезапного ее вторжения. Ежели французская эскадра покажется в Дарданеллах, то флот наш немедленно отправится в Босфор, и без всякого сомнения приказано будет атаковать ее. Хорошо, если бы англичане к тому времени с ними поссорились»²⁷¹. Этот план Лазарева реализован не был — Франция не решилась выступить в одиночку против четырех держав.

О том, может ли неприятель захватить Севастополь, Лазарев писал еще раньше, в 1834 году, после обострения отношений с Англией. Войти в порт можно, считал он, «но вторжение в порт еще не есть занятие оного... Войти и наделать только шуму весьма легко, но выходить из оного с обитым рангоутом, поврежденными кораблями и, вероятно, немалой потерей людей гораздо труднее»²⁷². Его план обороны сводился в общих чертах к следующему:

1. Снять все вежи, замаскировать маяки и поставить несколько ложных, которые вели бы неприятеля на рифы.

2. Поставить на высотах города орудия, огонь которых был бы направлен на рейды, и вести при появлении неприятеля огонь, не давая возможности после обстрела поправить рангоут и уйти в море. Пушек должно быть столько, сколько хватит людей; если же пушек будет не хватать, снять их с кораблей.

3. Несколько кораблей и фрегатов вывести на рейд и расположить их так, чтобы, не мешая огню батарей, они могли бы выстрелами своих пушек наносить наибольший вред неприятелю.

4. Командующий сухопутными войсками должен защищать и город, и береговые батареи. Последние, по мнению Лазарева, были устроены настолько «необдуманно, что для высаженного десанта доступ в оные совершенно свободен».

Вывод: Севастополю нужны хорошие укрепления, искусные артиллеристы и достаточное количество сухопутных войск, и тогда останется смотреть, чем закончится приход английских кораблей. Никакого шапкозакидатель-

ского настроения в письмах Лазарева нет — лишь сухой и реалистичный расчет. При этом адмирал был совершенно убежден: следует ожидать не одного Джона Булля, а нескольких противников, и непременно «сильнейших».

Если мы сравним действия организаторов обороны Севастополя — Нахимова, Корнилова и приехавшего в город уже во время войны Тотлебена — с тем, что написал Лазарев, то увидим, что они воплощали в жизнь его план. Точнее, *пытались* воплотить.

Из дневника Рейнке:

«Декабрь 1853 г. 4. Пятница... Вечером у нас были гости... от Корнилова узнал, что Мен[шиков] не соглашается на план, составленный Кор[ниловым] и Нахим[овым] об обороне Севастопольского рейда, а хочет сделать по-своему: три корабля поставить поперек губы, и прочие запретить в Южной бухте в гавани»... (Располагать корабли сразу за Киллен-балкой Нахимов считал ошибочным: во-первых, три корабля представляют собой слабое препятствие; во-вторых, такое расположение значительно сузит возможности береговых батарей. — *Н. П.*) «10. четверг... Корабли продолжают выходить на рейд и занимают места по плану Меншикова и Корнилова у Голландии — для обороны рейда. План Нахимова — выдвинуть корабли далее к W, противу укрепления № 4 — не принят, а даже маяки, потушенные по его предложению и окрашенные серою краскою, велено опять жечь и снятые вехи поставить. Это сердит Павла, и он прав... 15. Вторник. Всё те же переговоры и споры об укреплении Севастополя. Истомин предлагал: цепные боны; корабли не починивать, гальванические батареи и прочее и прочее».

Нахимов считал боны из старых мачт и цепей для заграждения входа в бухту слабым препятствием, его нужно было усилить огнем корабельной артиллерии. И самое слабое место — абсолютная незащищенность Северной стороны. Но командующим сухопутными и морскими силами в Крыму был Меншиков, Нахимова слушали — и не слышали.

И только когда в Рождество за мысом Херсонес задымил трубой трехмачтовый английский пароход «Ретрибьюшен» («Retribution») и начал бросать лот, промеряя глубины, даже Меншикову стало ясно: вторжения неприятеля не избежать. «Приход этого парохода растревожил Меншикова и заставил его деятельнее заботиться об укреплении Севастополя. Давно предлагаемые Нахимовым меры приняты: на Северной крепости назначены офицеры и команды с судов, стоявших в гавани; велено поспешить устрой-

ством бона поперек губы от форта № 8 к форту № 1». Но поставить корабли так, как предлагал Нахимов, князь всё же не согласился. Нахимов тревожился о бездеятельности командования, даже в названии английского корабля — «Возмездие» — ему слышались отголоски Синопа. Успеем ли подготовиться к визиту непрощенных гостей, желавших возмездия за Синоп?

Укрепления на Северной стороне строили быстро, матросы работали даже в Рождество, и всё равно потребовался месяц. Строили команды кораблей, соответственно называли и батареи: «парижская», «двенадцатиапостольская» и «святославская». «Истомин обещал было (на словах) кончить в неделю, а вышло в месяц, — записал Рейнеке в дневнике, — да и тогда я спорил с ним, что в камне не построит он ранее месяца. Так и вышло». Все эти батареи, составляющие прикрытия для эскадры Нахимова, отдавались в его распоряжение.

После освящения батарей капитаны всех кораблей, стоявших на рейде, обедали у Нахимова и провели в его каюте вечер в разговорах. Обсуждали сообщения из Феодосии и Симферополя, что в Черное море вошло более тридцати английских и французских кораблей, в Феодосию приходили четыре больших парохода, провели промеры и ушли. Сошлись во мнении, что всё это «дерзость ужасная, плюнули нам прямо в глаза». План действий союзников ни для кого не был секретом, о нем после Синопа трубили зарубежные газеты, все знали о готовящемся десанте. «Привезут десант хоть турок тысяч 19, — писал Рейнеке, — высадят часть на абхазском берегу, а остальную — в Крыму, и, освободившись от десанта, постараются истребить флот наш в Севастополе до начала войны, а на лето пойдут с этими своими судами в Балтику». Ситуация была вполне прогнозируемая, ошиблись только в численности десанта.

В феврале Нахимов наконец съехал на берег по делам службы и сразу пришел к Рейнеке. Тот записал: «Он здоров, бодр и доволен житьем своим на корабле, несмотря на холод. Особенно радуется ему, что, наконец, Корнилов, а может быть, и Меншиков убедились в невыгодности назначенного ими расположения флота за Голландию в тесной вершине рейда».

Это место годилось для размещения пяти кораблей, но для семи оно было тесно, потому Нахимов и возражал. Но радость по поводу перемены диспозиции была преждевременной: из Петербурга получили новое распоряжение

царя, которое вовсе не учитывало предложений Нахимова. Конечно, из Петербурга виднее, как расставлять корабли в Севастополе.

Но были не одни хлопоты, а и приятные события — в Севастополь привезли картины Ивана Айвазовского с изображением Синопского сражения. Нахимов приходил смотреть, дал оценку: «Очень похоже». Попытались написать портрет и самого героя Синопа — не позволил.

— Не важность побить турок; иное дело, если бы вместо их были другие. Мы всем обязаны Лазареву! — ответил он художнику.

Вторую попытку предпринял во время осады Севастополя редактор «Художественного листка» В. Ф. Тимм. Но и ему Нахимов не разрешил «снимать портрет»:

— Вот отстоим Севастополь — тогда и снимайте. А если не отстоим, то и снимать с нас не стоит.

Тимм сумел сделать набросок украдкой, в церкви, когда Нахимов его не видел. «В это время, как я рисовал Нахимова, как нарочно, он молился с большим усердием и клал частые земные поклоны. Я торопился набросать очерк его лица, боясь, чтоб он меня не заметил: рука у меня дрожала, я чувствовал, как кровь вступила мне в лицо, как будто я что дурное делал!.. Да, мне не хотелось, чтобы он заметил мою работу — он мог оскорбиться...»²⁷³ Этот-то рисунок и остался единственным прижизненным портретом Нахимова.

В начале марта провели учения и стрельбы. С 400 саженей в цель, соответствовавшую длине военного судна средних размеров, было от 50 до 82 процентов попаданий, а на 350 саженей 120-пушечный корабль дал 90 процентов попаданий. На расстоянии в 300 саженей от 80 до 90 процентов орудийных выстрелов с фрегатов были меткими. На приготовление орудий к бою требовалось полторы минуты, на перевоз всей батареи на один борт — шесть минут, на перемену станка орудия — от трех до четырех с половиной минут, на зарядание и пальбу из каждого орудия — от четырех до семи минут²⁷⁴.

Прекрасные результаты! Именно поэтому английские и французские корабли, даже такие суперсовременные, как «Наполеон», ближе 400 саженей к городу не подходили.

Рейнеке, стоя у окна своего дома на Морской улице, с часами в руках считал, с какой скоростью ставили паруса на эскадре: от команды «пошел по марсам» до «с марсов долой» за восемь минут — на «Константине» и «Ягудииле», за

семь с половиной — на «Трех святителях». Температура в тот день упала до нуля, ночью предвиделся мороз, и чтобы утром паруса не сломались, Нахимов приказал поставить их для просушки.

Тридцать первого марта в Севастополе только и обсуждали приход английского парохода. Около шести часов утра у мыса Херсонес заметили чужой пароход без опознавательных знаков. Англичане частенько проделывали такой финт — приходили без флага или под чужим. Корнилов тут же приказал развести пары на пароходе «Херсонес»; не прошло и получаса, как чужак поднял австрийский флаг, подошел к русской купеческой шхуне, только вышедшей из Севастополя, снял с нее людей и взял на буксир как приз. А что же «Херсонес»? Пока Корнилов уехал на фрегаты отдавать приказания, машина парохода была застопорена. «Сигнал этот о прекращении паров сделал Меншиков, не желая столкновения с англич[анами] в чаянии всё еще, что обойдется без войны». Рейнеке на страницах дневника дал волю своим чувствам: «Какая дичь! Вообще распоряжения Меншик[ова] нерешительны, медленны, по-бабьему мелочны и малодушны».

В тот самый момент, когда чужой пароход взял шхуну на буксир, над ним взвился английский флаг. Англичане явно издевались над русским флотом. Но Корнилов — не Меншиков: он велел немедленно развести пары на «Херсонесе», а двум фрегатам и двум бригам сняться с якоря и атаковать неприятеля. Фрегаты слегка замешкались у бона — требовалось поднять заграждение, чтобы пропустить их в море, — но довольно быстро нагнали пароход и уже готовы были открыть огонь; тогда англичанин обрубил канат. На купеческой шхуне нашли только одного спрятавшегося матроса. Ветер стал стихать, фрегаты замедлили ход; тогда английский пароход, словно в насмешку, пошел им наперез, затем сделал несколько выстрелов и скрылся.

После этого происшествия у русских моряков возникло ощущение, что в Черном море они воюют не с передовыми морскими державами, а с пиратами времен Фрэнсиса Дрейка. Корнилов в письме брату так и назвал их — «цивилизованные флибустьеры». Нападения на купеческие суда были с 1 по 4 апреля. Нападавшие забрали лодки с «разною дрянью», как выразился Корнилов, в том числе одну с «шубами и юбками нашей англичанки и горничной, которые отправлялись из Одессы в Николаев». Он переживал об одном: — о недостатке пароходов: «...сердце раздирается...

приходится или терпеть подобно одесскому оскорблению, или ставить на карту последние ресурсы... Жаль, что не подождали годика три, тогда бы мы не так их бы приняли, но Бог за правое дело, не всё же эти друзья вместе будут, а порознь мы померяемся»²⁷⁵.

В Севастополе в это время чинили корабли, пострадавшие в Синопском сражении, боролись с цингой, привезенной из гарнизонов Кавказа, строили укрепления: на холме Северной стороны (сейчас называется Радиогорка), по дороге к Херсонесу, в Балаклаве, в Южной бухте, у Пересыпи и Малахова кургана на Корабельной стороне. Заработали три телеграфа — один в городе, второй на Херсонесском маяке, третий у Георгиевского монастыря. Инкерманские створные маяки закрыли хворостом, на Херсонесском маяке ночью огней не зажигали.

По сообщениям в газетах, англичане признали атаку Севастополя с моря для себя опасной, предложили туркам привести два-три старых корабля и затопить перед севастопольским рейдом, чтобы преградить выход российскому флоту. Другой их план — высадить десант и атаковать город с берега.

Эти планы Рейнеке обсуждал с Нахимовым, который съехал на берег для совещания с заболевшим Корниловым. Затопить корабли противнику не удастся, считали в Севастополе, поскольку для этого ему нужно будет пройти под сильным огнем береговых батарей. Было еще одно предложение — его-то Нахимов и обсуждал с Корниловым: Меншиков вознамерился послать три линейных корабля, фрегат и пароход к Южному берегу Крыма, где, передавал телеграф, напротив Свято-Георгиевского монастыря у мыса Фиолент появились три английских винтовых корабля и два фрегата. Нахимов высказался против этой затеи: или всем идти в море, или никому, посылать же малый отряд не только бесполезно, но и опасно. На том и порешили.

После Синопа к Нахимову пришли известность, слава, а вместе с ними и их неизбежная спутница — зависть. Теперь всё, что бы он ни делал, разглядывали сквозь увеличительное стекло и зачастую видели не то, что было, а то, что хотели увидеть. «До Синопа служил я тихо, безмятежно, — жаловался он в письме другу, — а дело шло своим чередом. Надо же было сделаться так известным, и вот начались сплетни, которых я враг...» Сплетни рождались не в Севастополе — там было не до них, — а в теплых кабинетах в Николаеве и в столице, в Морском министер-

стве. Говорили, что Корнилов и Нахимов ссорятся, делят власть. Сплетня дошла до великого князя Константина Николаевича, стала известна и государю. По мнению Рейнеке, породили ее в Петербурге Ф. Матюшкин и Н. Пущин, которые переписывались с севастопольскими родственниками.

Так имела ли она под собой основания? Были ли ссоры между Корниловым и Нахимовым? Разногласия случаются даже между любящими супругами, детьми и родителями, бывают и в руководстве, где каждый имеет свое представление об обязанностях.

Обычно Корнилов спрашивал мнение Нахимова как старшего на рейде по многим вопросам, в каждом его письме есть обязательное: «...и Нахимов так же считает» или «...как мы с Нахимовым думаем». Как начальник штаба флота он отдавал приказания не только по своей эскадре, но и по эскадре Нахимова, чтобы сократить переписку. Такую ситуацию даже конфликтом не назовешь — скорее рабочим моментом. Но рядом с Нахимовым нашлись люди, желающие раздуть из мухи слона, они жужжали ему в уши, что Корнилов распоряжается его эскадрой, как своей, не уважает его. Это, естественно, вызывало досаду и раздражение Нахимова, чего он скрыть не мог. Слабости присущи даже сильным личностям. Была такая слабость и у Нахимова — придирчивость, с которой он оценивал распоряжения Корнилова. Его можно понять: Корнилов был чином ниже его, а должностью выше.

А. П. Жандр, офицер по особым поручениям при Корнилове, вспоминал: если Нахимов сердился, то досада его проходила скоро и он сам приезжал к Корнилову, чтобы загладить неприятное впечатление, и просил «не стесняться тем, что он старший на рейде». Корнилов, в свою очередь, посылал Нахимову документы, по поводу которых хотел узнать его мнение. Близкие друзья знали, что Нахимов был принят в семействе Корнилова как родной, часто проводил вечера у него дома, был дружен с его супругой Елизаветой Васильевной. Когда флагманский корабль Корнилова выходил в море, сам он жил в доме Нахимова; во время осады Нахимов перебрался к Корнилову, в дом отставного поручика Волохова на Центральном холме, рядом с телеграфом. Это ли не доказательство их дружеских отношений? Рядом с врагами по своей воле не живут.

«Оба адмирала слишком горячо любили дружбу, слишком свято понимали свой долг для того, чтобы из пустого

Нахимов в Севастополе. *Литография В. Ф. Тимма. 1855 г.*

Синоп. Литография В. Ф. Тимма. 1854 г.

Синопский бой. И. К. Айвазовский. 1853 г.

Командующий турецким флотом
в сражении при Синопе
Осман-паша

Палаш Осман-паши,
переданный Нахимову
после победы в Синопском
сражении. Севастополь.
Музей Черноморского флота

Флагманский корабль «Императрица Мария» после Синопского
сражения. *Литография А. Мюнстера. Середина XIX в.*

Начальник штаба севастопольского гарнизона Виктор Илларионович Васильчиков. *Литография Ф. С. Пашенного. 1850-е гг.*

Командующий сухопутными и морскими силами в Крыму Александр Сергеевич Меншиков. *Литография Крегера. 1850-е гг.*

Русские солдаты во время Крымской войны

Командующий британскими войсками в Крыму лорд Фицрой Раглан, турецкий командующий Омер-паша, маршал Франции Жан Жак Пелисье во время осады Севастополя. *Фото Р. Фентона. 1855 г.*

Британские солдаты во время Крымской войны. *Фото Р. Фентона*

Одобритель военнопольвой
хирургии Николай Иванович
Пирогов, *Литография*
В. Конрада. 1854 г.

Заведующий госпиталями во время
обороны Севастополя Христиан
Яковлевич Губбенет. *Литография*
Ф. С. Пашенного. 1850-е гг.

Развалины морского госпиталя и госпитальной церкви Петра и Павла
на Корабельной стороне. *Фото Дж. Робертсона. 1855—1856 гг.*

Строительство укреплений в Севастополе.
И. М. Прянишников. 1871—1872 гг.

Игра в бомбы. *К. Е. Маковский. 1872 г.*

Друг Нахимова, капитан парохода «Владимир» Григорий Иванович Бутаков. *Литография 1850-х гг.*

Начальник штаба Черноморского флота Владимир Алексеевич Корнилов. *Литография Крегера*

Затопление кораблей Черноморского флота на Севастопольском рейде 11 сентября 1854 года. *И. А. Владимиров. 1906 г.*

Руководитель обороны Малахова кургана Владимир Иванович Истомин. *Литография Ф. Ф. Шевалье. 1857 г.*

Командующий британским флотом Эдмунд Лайонс. *Ранее 1858 г.*

Флот противника в Балаклаве. *Фото Р. Фентона. 1854—1855 гг.*

Руководитель инженерных работ
Эдуард Иванович Тотлебен.
Литография П. И. Смирнова.
1850-е гг.

Руководитель обороны
Корабельной стороны
Степан Александрович Хрулев.
Литография А. К. Бегрова. 1865 г.

Малахов курган. *Фото Дж. Робертсона.* 1855 г.

Командующий
Южной армией
Михаил Дмитриевич
Горчаков. *Гравюра*
Г. И. Грачева 1882 г.
по фото 1855 г.

Развалины
Морской
библиотеки.
Фото
Дж. Робертсона.
1855 г.

Архиепископ Херсонский
и Таврический Иннокентий
(Борисов). *Литография*
А. Дейнерта. 1850-е гг.

Протоиерей Арсений Гаврилович
Лебединцев. *Не позднее 1872 г.*

Церковь Михаила Архангела, где отпевали защитников Севастополя,
и дом Тотлебена — Музей обороны Севастополя.
Дореволюционная открытка

В доме отставного поручика Волохова жил сначала Корнилов,
а потом Нахимов

Улица Севастополя. *Фото Дж. Робертсона. 1855 г.*

Гроб с телом Нахимова, покрытый простреленным флагом с корабля «Императрица Мария». *Литография В. Ф. Тимма. 1856 г.*

В севастопольском соборе Святого равноапостольного князя Владимира находится усыпальница адмиралов

Место упокоения П. С. Нахимова, М. П. Лазарева,
В. А. Корнилова, В. И. Истомина

Орден Нахимова утвержден в 1944 году
для награждения морских офицеров

Алексей Дикий в заглавной роли
фильма Всеволода Пудовкина «Адмирал Нахимов». 1946 г.

Памятник Нахимову в Севастополе, установленный в 1959 году.
Скульптор Н. В. Томский, архитектор А. В. Арефьев

тщеславия не помогать друг другу в общем деле — пользе и чести России», — заключал Жандр.

Капитан-лейтенант Д. М. Афанасьев, служивший в Севастополе, считал, что между адмиралами, при всей несхожести их характеров, существовало согласие. Корнилов — «живой, пылкий, горячий, с блестящими талантами. Он, с увлечением принимаясь за всякую деятельность, работал до истощения и был разностороннее Нахимова, зато не был так глубок в морском деле. При своих замечательных административных способностях он был хороший, опытный моряк и достойный адмирал, но далек от той типичности, которая выработалась в Нахимове при исключительном морском направлении последнего. Нахимов охотно подчинялся первенству Корнилова в последнее время и в ежедневной деятельности по устройству флота и защиты Севастополя, подчинялся столько же по своей прямодушной скромности, как и по сознанию высоких достоинств полезных действий Корнилова. Со своей стороны, Корнилов умел понимать эту уступчивость Нахимова и, ценя в нем по справедливости редкие морские дарования, сознавал неподражаемость Нахимова во всём, что касается моря и боевой жизни в нем, и уступал ему на этом поле»²⁷⁶.

А вот мнение самого Нахимова по поводу этой сплетни:

«Любезный друг Миша! И меня крайне огорчила эта сплетня или, лучше сказать, гнусная клевета. Тем более она меня тронула, что я был сильно болен. Напиши, дорогой мой друг, и Матюшкину и Пушкину, во-первых, что никто столько не ценит и не уважает самоотвержения и заслуг в[ице]-а[дмирала] Корнилова, как я, что он только один после покойного адмирала может поддержать Черноморский флот и направить его к славе; я с ним в самых дружеских отношениях, и, конечно, мы достойно друг друга разделим предстоящую нам участь; а во-вторых, что, если бы в настоящее военное время назначили бы на место Владимира Алексеевича даже Матюшкина или Пушкина, людей, которых я нисколько не ценю и не уважаю, то и тогда каждый из нас покорился бы и повели дело так, что не пострадала бы честь русского флага...»²⁷⁷

Рейнеке действительно написал — но не «осторожному иезуиту Матюшкину и отшельнику от света Пушкину», как он их назвал, а П. Ф. Анжу, уважаемому среди моряков и близкому к начальству: «...после кончины Михаила Петровича Лазарева они еще больше сблизились и служили друг

другу как бы пополнением к общей цели на пользу службы... Павел молит только об одном, чтобы Корн[илова] скорее утвердили глав[ным] ком[андиром], ибо настоящее его положение без официальной законной власти во многом связывает его действия, особенно по хозяйству». Нахимов прочитал черновик письма и поставил свою «резолюцию»: «Дельнее и умнее написать нельзя».

Последний раз друзья виделись 13 мая. Рейнеке собирался уехать из Севастополя раньше, но Нахимов так просил его задержаться еще на день, как будто предчувствовал, что это их последняя встреча. Михаил с радостью согласился, и вечер они провели вместе. Вспоминали молодость, ушедших друзей, говорили о будущем, о том, что их ждет после войны. Рассказал Михаил Францевич другу и о неблагоприятных слухах о нем, просил быть осторожнее, чтобы не давать пищу злословию врагов. «Он понял искренность моих слов и обещал остережся», — записал Рейнеке в дневнике.

Почему эта сплетня так занимала умы в Петербурге? Какое письмо из Севастополя или запись в дневнике ни прочтешь, обязательно будет что-нибудь о соперничестве двух адмиралов. Правда, говорили о нем те, кто не был в Севастополе; стоило им приехать туда — и мнение тотчас менялось. Из письма Н. И. Пирогова жене: «4 января 1855 г. Николай Иванович Пущин мне писал о каких-то злоязычных слухах про Нахимова; скажи ему, что это враки». Даже протоиерей А. Г. Лебединцев записал в своем дневнике: «На обеде была речь о вице-адмирале Нахимове... Замечу, офицеры, с которыми шла речь о Нахимове, принадлежат к оппозиции его. Мне кажется, когда человек имеет приверженцев и противников, то уже по одному этому стоит внимания. И на это нужно талант, чтобы заставить говорить о себе, а чтобы разделить общество непростое (каково общество флотских офицеров) — для этого нужно что-нибудь особенное»²⁷⁸.

Иными словами, чтобы занять оппонентов, нужно занимать четкую гражданскую позицию. Она была у Нахимова, Корнилова, Истомина, Путятинна. Их уважали, но кто-то и не любил — преимущественно те, у кого было рыльце в пушку, кого хватили за руку на воровстве и нечистых подрадах, кто, не выходя в море, ждал повышения на берегу, кто пытался разжалобить рассказами о большом семействе, чтобы получить место потеплее. Сколько таких просьб, жалоб и рапортов было отклонено Лазаревым и его «камарильей»!

Корнилов всегда говорил: сначала — службе, потом — себе. Они и жили так, и были вправе требовать такого же отношения к делу от других. Нахимов после Синопа четыре месяца исправлял корабли и не сходил на берег, в то время как там его терпеливо ждал «любезный друг Мишустя», специально приехавший к нему в Крым. Лазарев женился поздно. Казалось бы, после тяжких трудов самое время было предаться отдыху с молодой женой, которая очень хотела увидеть воспетый Пушкиным Бахчисарайский фонтан, и они отправились в свадебное путешествие по Крыму. Длилось оно всего десять дней — а потом снова в море. У Корнилова была большая семья — шестеро детей; младшая, Лиза, родилась уже во время войны. Единственный источник дохода — жалованье. И никаких просьб о помощи — только однажды, и то для дела: чтобы послали в Англию строить пароходы.

Потому и злословили, что было много недовольных ими, учениками Лазарева, особенно из числа тех, кто сначала себе, потом опять себе, и только если после этого что-то останется — службе.

Начало

Пятого апреля на Балтике у Либавы (ныне — Лиепая в Латвии) появились английские пароходы. Почти одновременно — 8-го числа — англо-французский флот подошел к Одессе. Военных кораблей на рейде не было. «Одесса — торговый город, — писал в газету свидетель событий, — Англия и Франция объявили торжественно, что они не хотят нарушать всемирной торговли». Однако 10 апреля, в Страстную субботу, восемь пароходо-фрегатов начали бомбардировку города, его жителям предстояло убедиться, что и «торжественные» обещания могут нарушаться. И, конечно, не случайно обстрел был начат именно накануне Пасхи.

Единственным защитником Одессы оказался прапорщик Щеголев с четырьмя пушками. Батарея его хотя и была поставлена «наскоро», но стреляла шесть часов, пока ее не взорвали корабельные орудия. После этого пароходы направили огонь на стоявшие в гавани суда и дома Пересыпи. В результате вспыхнул пожар, несколько человек были убиты и ранены. После двенадцатичасового обстрела корабли ушли в море. Однако на сражение эти действия никак не

тянули, и представить обстрел Одессы победой даже европейская пресса не решилась.

«Военный эксперт» Ф. Энгельс написал по этому поводу статью под названием «Знаменитая победа», полную сарказма по отношению к нерешительным англичанам, но при этом сильно преувеличивавшую военные возможности торгового города: «Подходы к Одессе с моря были защищены шестью батареями, вооруженными, по-видимому, сорока или пятьюдесятью 24- и 48-фунтовыми орудиями. Из этих батарей участвовали в бою только две или три, так как нападающие держались вне досягаемости огня остальных. Против этих батарей были введены в дело восемь паровых фрегатов, на борту которых насчитывалось около 100 орудий; но так как по характеру операции возможно было использовать лишь орудия одного борта, то перевес, который союзники имели по количеству орудий, был значительно снижен».

Если бы прапорщик Щеголев узнал о такой великой силе, которую приписали его батарее, то, наверное, был бы недоволен, что получил всего лишь орден Святого Георгия и производство в штабс-капитаны. Но самое интересное в статье Энгельса — его рассуждение о береговых батареях: «По калибру орудий силы сторон очевидно были примерно равны, ибо если 24-фунтовая пушка уступает длинноствольной 32-фунтовой, то зато тяжелая 48-фунтовая безусловно равна бомбовым 56- и 68-фунтовым пушкам, которые не выдерживают полного порохового заряда. Наконец, большая уязвимость кораблей, по сравнению с брустверами, и неточность прицела, вызванная движением корабля, ставят орудия береговых батарей в преимущественное положение по отношению к судовой артиллерии, даже при более значительном численном превосходстве последней»²⁷⁹. Значит, когда в Одессе береговые пушки палят по английским пароходам, они становятся страшной силой, а вот в Синопе турецкие береговые батареи опасности не представляли, потому что против них были вражеские русские корабли. Вот такая объективность и такой интернационализм.

Одиннадцатого апреля в Севастополе праздновали Пасху. Погода стояла чудесная: ясно, солнечно, тепло — 16 градусов. На эскадре Нахимова отслужили праздничную всенощную и заутреню. В пять часов утра Нахимов пригласил на свой флагман разговеться Истомина, всех командиров кораблей, офицеров и лучших боцманов. Со всеми христосовался на шканцах, нижним чином раздал по три яйца (Рейнеке, услышав эту новость, не поверил, потом

узнал от повара, какую сумму Нахимов выделил из своих личных денег), после чего поехал с капитанами к Корнилову на корабль «Константин». Когда-то команда этого корабля входила в 41-й экипаж, которым командовал Нахимов, и ради праздника он просил у Корнилова разрешения дать команде по чарке водки. Корнилов позволил, но просил и ему разрешить сделать такой же подарок команде «Двенадцати апостолов» — своего бывшего корабля. Так они, можно сказать, поквитались по-братски.

Матросам своей эскадры Нахимов разрешил сойти на берег, но в город не отпустил, приказал быть около кораблей — время военное. Тогда завели правило: после захода солнца все команды должны быть на своих кораблях. Вечером делали переключку и рядом с пушками раскладывали все принадлежности к бою, держали в готовности команды из абордажных стрелков. Пароходы были готовы быстро развести пары для возможной буксировки кораблей.

Вечером на берегу разговаривали два матроса.

— Хорошо у нас на «Константине», работы немного, — говорил один, — не то что у вас на эскадре.

— Зато у нас веселее и вольготнее, — отвечал другой. — Нахимов с нами христосовался и даже яйца с матросами катал! А у вас на эскадре никто и не смотрит на нашего брата. Да и качели по его милости устроили. Дай Бог ему здоровья!

— Скажешь тоже, качели! Нас вон в город пустили, а вам только по берегу и разрешили гулять. А что тут делать-то, на пустом берегу?

— Так и на пустом берегу веселье: хочешь — оркестр слушай, хочешь — на качелях качайся, для женатых палатки на берегу поставили. Не только мы, Нахимов и сам в город не ездил, по пустому берегу гулял, кого знакомых встречал — здоровался да христосовался.

Опасения Нахимова были обоснованны — со дня на день ожидали появления вражеской эскадры. 17 апреля увидели в десяти милях неприятельский флот: 19 кораблей, фрегатов и девять пароходов. Ближе всех подошел винтовой пароход «Агамемнон» с известным в Севастополе Э. Лайонсом, теперь он вместе с лордом Джеймсом Дандасом был назначен командующим британскими морскими силами. Заглядывали англичане и в Евпаторию — похитили каботажные суда и пьяного таможенного чиновника, выехавшего осмотреть их корабли. «Теперь вся армада удаляется к W (западу. — Н. П.), вероятно, набрали материала для газет»²⁸⁰, — едко заметил Корнилов.

Несколько дней корабли союзников крейсировали вдоль берега, пока не случился инцидент: «Тигр», один из лучших английских пароходов с мощностью машины в 500 лошадиных сил, 30 апреля близ Одессы сел в тумане на мель. С берега заметили, быстро перевезли орудия и расстреляли пароход. Капитан Гриффорд, 24 офицера и 200 матросов сдались в плен, английские корабельные флаги отправились в качестве трофея в Петербург. Когда попытались снять пароход с мели, чтобы забрать в качестве призового, на помощь ему подошли два других англичанина, и «Тигр» пришлось сжечь.

Нахимов и Рейнеке, встретившись на берегу, живо обсуждали случившееся. Было начало мая, погода стояла тихая, солнечная, над белой и розовой пеной цветущих яблонь, груш, алычи гудели рои пчел, всё располагало к миру и покою. Но два старинных приятеля за чаем и вином говорили о вещах совсем не мирных.

— Я думаю, нужно было посадить на пароход человек 20 артиллеристов и 100 солдат под управлением флотского офицера, — говорил Рейнеке, — тогда они выстрелами не подпустили бы англичан. Так и «Тигр» бы спасли, и другие пароходы повредили.

Павел Степанович покачал головой и поставил чашку на стол.

— Я бы на месте Гриффорда не так поступил.

— И что бы ты сделал?

— Я бы приказал спустить шлюпки на воду и ушел бы в море. Там можно встретить своих и спастись. А пароход приказал бы сжечь.

Рейнеке подлил в рюмку друга его любимой малаги.

— И чего бы ты добился? Пароход и так сгорел.

— Чего-с? — Нахимов покраснел (он всегда краснел, когда горячился). — Пароход под своим флагом погиб бы, и команда избежала бы позорного плена! Горько уничтожать дело своих рук, в которое изрядно труда и времени вложил-с, да что же делать.

Рейнеке посмотрел на друга: «Как это похоже на Павла! Трусость ему больше всего ненавистна».

— Ты что же, и свою любимицу «Силистрию» мог бы потопить? — Он еле заметно усмехнулся, подначивая Павла Степановича.

— Эх, Миша! Если надо будет, и «Силистрию» затопим, чтобы Севастополь спасти. Да-с! — Нахимов посмотрел на

Рейнеке и неожиданно рассмеялся. — К тому же она изрядно ветхая, совсем как мы с тобой!

Долго еще друзья обсуждали гибель «Тигра» и другие происшествия на Черном море; обоим было жаль погибший пароход, его можно было бы использовать — своих пароходов очень не хватало. Кстати, старший лейтенант с «Тигра» Альфред Ройер оставил записки о своем пребывании в русском плену, в которых отметил доброжелательность и милосердие русских. Когда их конвоировали от порта, прохожие из сострадания покупали и раздавали им пирожки, хлеб, вино. Позже пленным позволили писать друзьям и родным, что стало для них «источником многих радостей». Недостатка в еде они не знали — «всё было в изобилии и отменного качества»; днем выходили гулять на лужок «подышать прохладой, попить и покурить»²⁸¹.

Иностранные газеты в те дни выражали недовольство нерешительностью и осторожностью своих флотов. Нахимов читал в «Таймс», как один из лордов-заседателей Британского адмиралтейства жаловался на заседании парламента, что не может пройти по улицам Лондона, «чтобы кто-нибудь не обратился ко мне с вопросом о Балтийском или Черноморском флоте». Русские газеты перепечатали сообщение «Сан», где объяснялось, почему соединенные флоты отступили от Одессы: «опасались нападения со стороны адмирала Нахимова, которое поставило бы их между двух огней»²⁸².

Журналисты обвиняли в нерешительности не только англичан и французов, но и Нахимова: мол, сильнейший русский флот под его командованием боится выйти из Севастополя. Нахимов огорчился, прочитав эту статью, перепечатанную в «Русском инвалиде», тем более что обвинение было несправедливо. Во-первых, Нахимов командовал не всем Черноморским флотом, а одной эскадрой, вторая находилась под начальством Корнилова, и все вопросы решал главнокомандующий сухопутными и морскими силами в Крыму князь А. С. Меншиков. Во-вторых, весь Черноморский флот на тот момент состоял из четырнадцати линейных кораблей, семи фрегатов и шести колесных пароходов, тогда как англо-французский флот, вошедший в Черное море, насчитывал 33 линейных корабля, 17 фрегатов, 39 пароходов, в том числе 19 винтовых. Планы дать сражение, конечно же, в Севастополе обсуждали; эмоциональный и горячий Корнилов предлагал Нахимову выйти с его эскадрой в море: если встретит неприятеля слабее, сразиться,

если сильнее — уйти в Севастополь под защиту батарей. Нахимов и сам всегда предпочитал решительные действия, но в данном случае с Корниловым не согласился — возражал против разделения флота, уступавшего противнику в численности, и считал такую тактику вредной: «Убежим мы от сильного неприятеля, дух команды упадет»²⁸³.

Надо заметить, пресса как раз в те времена начала претендовать на роль «четвертой власти», особенно в Британии. Инициированная лордом Пальмерстоном русофобская кампания набрала такие обороты, что остановить ее было уже невозможно — она могла идти только по нарастающей. Автор книги «Ответственность Англии в Восточном вопросе», напечатанной после войны и переведенной в России в начале XX века, честно признаёт: «В течение двух лет чувство вражды к России и доброжелательность к Турции вскипали... Появилась целая литература, построенная на идее движения России на Восток... Когда разгорелась распря с Россией в 1853 г., возбуждение англичан было доведено до крайних пределов... Общественное мнение указывало пальцем на каждого члена правительства, которого оно подозревало в малейшем намерении предотвратить переговорами европейскую войну»²⁸⁴.

Не добившись ничего под Одессой, противник решил активизировать действия на Балтике. Перед войной морские вооруженные силы России состояли из двух флотов — Балтийского и Черноморского — и четырех флотилий: Дунайской, Архангельской, Каспийской и Камчатской. Балтийский флот, по мнению многих моряков, существенно уступал тогда Черноморскому в выучке, зато превосходил его в материальной части — имел 27 линейных кораблей, семь паровых фрегатов и 27 колесных пароходов (винтовых не было).

Когда началась война, морской министр великий князь Константин Николаевич подал императору записку о состоянии Балтийского флота, в которой сообщалось: «Из всего числа линейных кораблей Балтийского флота нет ни одного благонадежного для продолжительного плавания в отдаленных морях. Совершить переход из Балтийского моря в Средиземное могут 11 кораблей. Остальные в состоянии плавать не далее Немецкого моря, вблизи своих портов. Собственно боевая сила Балтийского флота состоит из 11 парусных линейных кораблей, которые могут составить эскадру и идти против равного в числе неприятеля за пределы Балтийского моря. 25 кораблей, считая в том числе и

упомянутые 11, могут вступить в бой с неприятелем в наших водах, но идти на войну далее не в состоянии»²⁸⁵. Зачем же нужны военные корабли, если они не могут идти на войну? — Для парадов, демонстрации выучки на рейде.

Только энергия Лазарева и его учеников могла держать Черноморский флот в таком состоянии, что англичане почувствовали запах «морской нации», в то время как балтийские корабли попросту сгнили. Теперь император знал правду.

Четырнадцатого апреля британский флот под командованием адмирала Чарлза Непира появился в Балтийском море. Британское адмиралтейство торопило его начать действия рядом с Петербургом, взять Кронштадт и Свеаборг. Эскадру в 17 выпелов провожала в поход сама королева Виктория — она даже проснулась на рассвете, чтобы увидеть «прекрасное и волнующее зрелище». В те дни королева родила сына, но, по мнению близких, она больше интересовалась войной, чем ребенком. «...Я жалею о том, что не родилась мужчиной и не могу лично принять участие в этой войне»²⁸⁶, — писала Виктория.

Финский залив в апреле 1854 года медленно очищался ото льда; но адмиралу Непиру мешал действовать не лед, а здравый смысл: путь к Петербургу лежал мимо Свеаборга и Кронштадта, которые при ближайшем рассмотрении оказались не такими «игрушечными», как виделось из Лондона. Без потерь пройти мимо них не получится. Поэтому адмирал пока отправился крейсировать в Ботнический залив, ожидая, не выйдет ли русский флот в открытое море, чтобы сразиться. На заседании парламента даже обсуждали вопрос, как обезопасить английские купеческие суда в Ботническом заливе от «страшной» русской флотилии железных шлюпок. В результате решили выслать на помощь Непиру еще кораблей.

В июне на соединение с англичанами пришла французская эскадра под командованием вице-адмирала Александра Парсевалья-Дешена, теперь флот союзников составлял 50 выпелов. Заметим, что до подхода французской эскадры активных действий англичане не начинали, они предпочитали по возможности воевать чужими руками.

Пока в Лондоне и Париже ждали сообщений о взятии Одессы, Севастополя, Николаева, Кронштадта и Ревеля, английские и французские корабли охотились за торговыми судами, рыбацкими лодками и — главное — препятствовали доставке боеприпасов в Черное море; теперь это

приходилось делать по суше, что значительно замедляло и удорожало доставку.

И всё же англо-французский флот вписал страницу своей славы в историю войны на Балтике. 26 июля они высадили шеститысячный десант на Аландских островах у недостроенного Бомарзундского укрепления с гарнизоном в 118 человек. По мнению Энгельса, взятие крепости «свидетельствует об известной смелости» английских армии и флота. Правда, никакого стратегического значения нападение на Бомарзунд не имело.

Капитуляция превращенной в развалины крепости произвела на российское общество тягостное впечатление. Но содержание письма Непира в Британское адмиралтейство, в котором совсем не слышно оптимизма: «Если мы не нападём на Аландские острова, то я не вижу, что же другое мы можем сделать», — стало известно в Петербурге лишь после войны! За нерешительность действий и отказ атаковать Кронштадт адмирал в сентябре был снят с должности и отправлен в отставку.

Впрочем, не все в России были настроены пессимистично. «Из нашего монастыря (Троице-Сергиевой пустыни. — *Н. П.*) в ясную погоду был очень хорошо виден английский флот, особливо та часть его, которая стояла на северном фарватере... Наши паровые канонерские лодки отлично хороши, не нравятся очень англичанам, а нам напоминают рождение флота русского при Петре I-м и обещают возрождение его в наше время...» — это из писем архимандрита Игнатия (Брянчанинова).

А еще англичанам не понравились гальванические мины конструкции академика Б. С. Якоби, которые, более трехсот штук, с началом войны расположили на Большом рейде Кронштадта и у Лисьего Носа. В 1855 году на них подорвались четыре английских парохо-д-фрегата. Использовались также мины известного коммерсанта Нобеля, которые он продавал русскому правительству с большой выгодой для себя — по 100 рублей за штуку, хотя они значительно уступали минам Якоби — и порох подмокал, и сами они порой взрывались в руках у минеров.

Боевые действия развернулись и на Белом море. К защите Архангельска приготовились заблаговременно: построили 20 канонерских лодок и поставили на них 24-фунтовые пушки, сняли все навигационные знаки, потушили маяки, вооружили Новодвинскую крепость, вывезли в безопасное место сокровища Соловецкого монастыря. Губер-

натор и главный командир Архангельского порта вице-адмирал Р. П. Бойль был опытным моряком и понимал, что имевшихся в его распоряжении кораблей (не более десятка) с двадцатью двумя пушками на борту ничтожно мало. Поэтому он приказал соорудить береговые батареи и раздать поморам — охотникам и метким стрелкам — три тысячи ружей, командирами отрядов самообороны назначил унтер-офицеров и отслуживших солдат.

Неприятель почувствовал результат этих мер: когда 14 июня три его фрегата появились в устье Северной Двины и стали бросать лоты для промеров, их встретили огнем береговых пушек. Тогда англичане попытались захватить Соловецкий монастырь. Капитан Э. Оммани потребовал от настоятеля сдать монастырь, но инвалидная команда выкатила на крепостной вал шесть пушек времен царя Федора Ивановича и открыла огонь. Одно из ядер даже серьезно повредило борт одного из двух пароходов. Англичане, никак не ожидавшие такой прыти от защитников монастыря, ответили бомбардировкой.

Настоятель, архимандрит Александр, поступил, как монахи Троице-Сергиева монастыря во время осады в Смутное время: отслужил молебен и под грохот пушек пошел с братией крестным ходом. Капитан попытался было послать на берег десант, однако со шлюпок увидели в береговых зарослях охотников с ружьями и сочли за лучшее не испытывать судьбу. Да и то сказать — нет большой славы в том, чтобы быть подстреленным в северодвинских болотах, как заяц.

После неудачных попыток англичанам оставалось лишь разбойничать: на восточном берегу Онежского озера они сожгли село Пушлахты в отместку за убийство его жителями английских солдат, занимавшихся грабежом, и обстреляли в августе городок Колу, расположенный при впадении Туломы в Кольскую губу²⁸⁷.

В августе 1854 года появился новый театр военных действий — Дальний Восток. 18-го числа англо-французская эскадра из шести кораблей, включая один пароход, встала на якорь на рейде Авачинской бухты. Общее число орудий эскадры составляло 220 пушек, численность войск — около двух с половиной тысяч человек. Петропавловск защищал гарнизон из четырехсот человек, незадолго до прихода неприятельского флота подошли фрегат «Аврора» под командованием капитан-лейтенанта И. Н. Изъльметьева и транспорт «Двина», их команды пополнили ряды защит-

ников города до девятисот человек. Общее число орудий на кораблях и берегу не превышало шестидесяти. К гарнизону присоединились местные охотники — русские и камчадалы, но силы были явно неравны. Британцы и французы были настолько уверены в легкой победе, что даже привезли с собой кандалы для пленных.

Обстреляв Петропавловск, противник высадил десант и захватил Никольскую сопку. Тогда губернатор Камчатки В. С. Завойко — тот самый, что служил лейтенантом у Нахимова на «Палладе», — собрал около трехсот человек, приказал им рассыпаться в стрелковые цепи и выбить противника. Офицеры повели горстку людей в бой, противник, не ожидая нападения, отступил, а затем, не выдержав штыкового удара, бежал к шлюпкам. Нападавшие, потеряв около 450 человек, погрузились на корабли и ушли в море. Английская пресса назвала штурм Петропавловска «несмыслаемым пятном позора на британском флаге». Архиепископ Иннокентий, находившийся в то время в Аяне, писал: «Подлецы англичане судно “Ситха” захватили в плен». Корабль, принадлежавший Российско-Американской компании, стал их единственной добычей на Дальнем Востоке.

Волохова башня

Летом в Севастополе у Николаевского бастиона собрался народ — всем было интересно увидеть испытание гальванических мин. Шаланда, взорванная миной, разломилась пополам, обломки разлетелись на 30 саженей. А вот новые бомбы не очень хорошо показали себя; все сошлись во мнении, что их повредили по дороге. Нахимов и Корнилов просили Меншикова узнать в Петербурге их состав, чтобы изготовить на месте, но тот отказал.

Разногласия с Меншиковым возникали всё чаще. Еще в начале апреля он получил сведения о разделении неприятельской эскадры и придумал выслать Черноморский флот навстречу врагу тоже частями: половину — к Варне, половину — к Кавказу. И снова Нахимов высказал свое мнение: делить флот, уступающий противнику в численности и огневой мощи, опасно. К счастью, вскоре выяснилось, что слухи о разделении морских сил врага были ложными. Нахимов и Корнилов знали, что Меншиков не стратег, постоянное вмешательство светлейшего в морскую службу вызывало у них раздражение.

Ночью 23 апреля в Севастополе случилось происшествие: мичман дежурного катера, которому бот с песком показался вражеским брандером, дал сигнал тревоги; капитан-лейтенант М. Коцебу в шлюпке приблизился к боту и, увидев ошибку мичмана, дал отбой. Итог: Меншиков, разбуженный сигнальными ракетами, сделал замечание Коцебу и похвалил мичмана за бдительность. Такая несправедливость рассердила Нахимова, он послал Коцебу письмо с благодарностью за умное распоряжение и спасение бота, который, конечно же, был бы потоплен огнем береговых батарей. Мичману следовало бы объявить выговор: если ты считаешь бот неприятельским — бери на abordаж, а не убегай от него, сигналив о тревоге²⁸⁸.

Этот, казалось бы, незначительный эпизод показал не только непонимание Меншиковым морской службы, но и совершенно разные позиции министра и адмирала, считавшего: если есть возможность — необходимо атаковать, нет — беречь людей и корабли.

Меншиков отвечал несогласием почти на все предложения Нахимова и Корнилова. Между тем требовались меры подготовки Севастополя уже не к возможной, а к ожидаемой высадке неприятеля. Нахимов указал даже место этой высадки — Евпатория. Нужны были войска и оборонительные рубежи на пути к Севастополю. Главное — укрепить сам Севастополь.

Когда Меншиков сослался на отсутствие средств, Корнилов предложил собрать деньги по подписке среди богатых горожан и офицеров флота. Однако и это вызвало неодобрение князя «Я не желаю видеть списка трусов», — заявил он Корнилову. Предложили поставить батареи на Малаховом кургане, город выделял для этого и деньги, и камень, но Меншиков и здесь отказал.

И всё же одно укрепление из камня было построено — Волохова башня, названная именем отставного поручика Даниила Кирилловича Волохова, на чьи средства — 13 тысяч рублей серебром — она была возведена за 22 дня. Это была квадратная башня высотой девять метров с подъемным мостом и валом, окружавшим ее со всех сторон; толщина стен достигала двух метров. Провизию и воду разместили в нижнем этаже, наверху поставили восемь 36-фунтовых пушек и калильную печку. Расположение башни — на горке рядом с телеграфом — позволяло держать под прицелом рейд. Пушки Волоховой башни и расположенной за ней батареи Карташевского прекрасно показали себя в первую

бомбардировку 5 октября — английские корабли «Аретуза» и «Альбион», подбитые их орудиями, вынуждены были уйти на починку в Константинополь. Меткость черноморских артиллеристов заставила противника искать новые способы защиты деревянных кораблей: на них начали ставить бронированные щиты и создавать бронированные батареи, идущие на буксире. Нахимов также использовал защиту корпуса кораблей от снарядов — тогда это называлось «блиндирование».

В августе по рекомендации командующего Южной армией князя М. Д. Горчакова в Севастополь прибыл инженер Эдуард Иванович Тотлебен. Он начал войну капитаном, а закончил генералом и флигель-адъютантом, его роль в обороне Севастополя хорошо известна. Но тогда, в августе, командующий войсками Меншиков встретил его совсем не любезно, сказав, что у него уже есть целый батальон саперов. На замечание Тотлебена, что город не защищен с суши, светлейший ответил в свойственной ему язвительной манере: со стороны крымских татар он покушений не ожидает.

О высадке десанта в Крыму в 1854 году говорили все, но верили в ее возможность немногие. «С отступлением наших войск из Силистрии, кажется, нет никакого основания, что “приятели” сделают покушение на Крым» — это из письма командира фрегата «Сизополь» капитан-лейтенанта П. В. Воеводского от 5 июля. «Слухи о десанте в 60 т[ысяч] соединен[ного] неприятеля продолжают пугать здешних дам», — писал в июле из Севастополя Коцебу. А вот строки из письма того же автора, но уже написанные в сентябре, на Северной стороне, перед боем: «Настало, наконец, для Севастополя время тяжелое. Целый год спали, не веря газетам и подсмеиваясь, а теперь пришлось жутко».

К сентябрю Меншиков уверил и себя, и царя, что высадки неприятельского десанта в этом году можно уже не ждать: кто же отважится выходить в Черное море осенью? А 1 сентября севастопольцы сбежались к Морской библиотеке, чтобы рассмотреть приближение неприятельского флота, показавшегося на горизонте. Телеграф с Тарханкута сообщил, что идут 89 боевых кораблей — 34 линейных и 55 фрегатов, в том числе винтовых, и 300 транспортов. Позже стало известно, что на них разместился десант в 62 тысячи штыков, а также 134 полевых и 114 осадных орудий, продовольствие, лошади, боеприпасы, фураж, шанцевый инструмент.

Неприятель

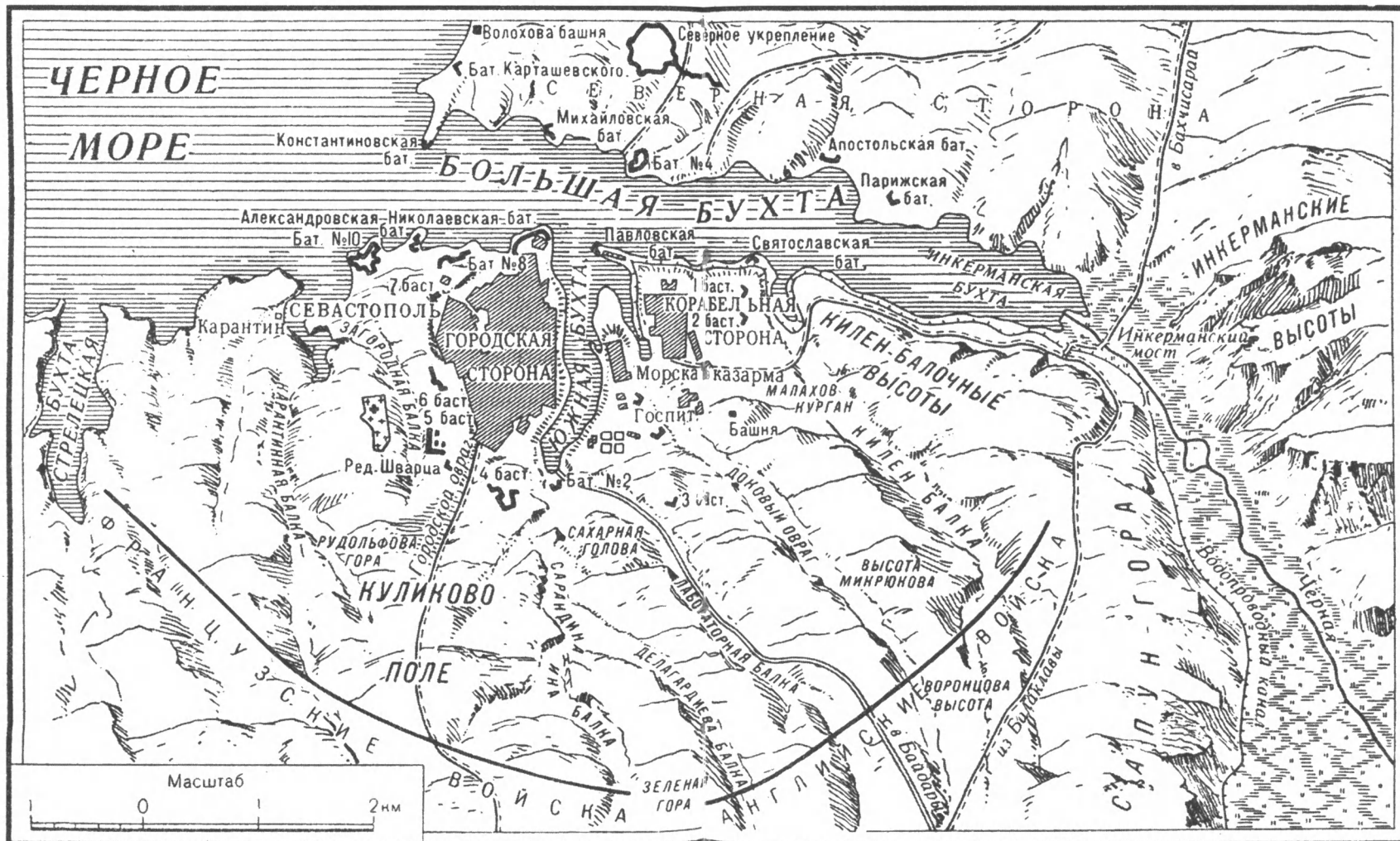
Что представляли собой войска четырех государств, высадившиеся в Крыму? В составе французских сил были кавалерия, инженерные части, полки линейной и легкой пехоты, Иностранного легиона, зуавы (колониальные войска), егерские полки. Гордостью французской армии со времен Наполеона Бонапарта была артиллерия — она комплектовалась из самых боеспособных призывников. Во времена Великой революции Франция перешла на всеобщую воинскую повинность: срок службы составлял семь лет, призыву подлежали все молодые люди, достигшие двадцатилетнего возраста, однако можно было за денежное вознаграждение выставить вместо себя старослужащего. Были в армии и волонтеры. Офицерами становились унтер-офицеры, отлично знавшие военную службу, и выпускники военных школ; последние, как правило, занимали высшие должности в армии. Экипировка линейных полков пехоты состояла из мундира синего сукна, красных панталон (у егерей серых), шинелей, штиблет или укороченных сапог. Артиллеристы были одеты в мундиры и панталоны синего цвета. Зуавы носили короткие куртки и широкие шаровары, на голове — восточные уборы.

Существует миф о том, что неприятельские войска были полностью вооружены нарезными ружьями. На деле французская легкая пехота имела гладкоствольные ружья с кремневыми замками и штыками и только егеря — укороченные нарезные ружья, к которым примыкались штык-ножи.

Французская армия получила большой опыт за годы войны в Алжире. По наблюдениям русских офицеров, французские солдаты отличались самостоятельностью, умело воевали в рассыпном строю, были храбры, предприимчивы, на зависть британцам быстро приспосабливались к тяжелым бивачным и погодным условиям, не боялись ходить в штыковые атаки. Русские служивые высоко ценили «мусью» как противника.

Сухопутные силы Великобритании состояли из постоянной армии, колониальных войск, милиции и ополчения. Две последние составные части могли быть применены лишь в пределах Соединенного Королевства. Но за годы войны в Крыму англичане вынужденно прибегали к набору в войско милиционеров. Численный состав полков колебался в пределах 400—800 человек.

Офицером британской армии мог стать молодой (или

Севастополь в начале обороны

немолодой) человек, купивший офицерский патент. Стоил он недешево, так что командный состав армии пополнялся состоятельными людьми. Первоначальное обучение офицеры, купившие патент, получали при полках. Особых военно-учебных заведений для подготовки пехотных и кавалерийских офицеров в Британии не существовало, но зато офицеры артиллерии получали отличное специальное образование в артиллерийском училище в Вулидже, а инженеры, саперы и минеры — в Корпусе королевских инженеров в Чатеме.

Пехота была вооружена гладкоствольными ружьями, кроме некоторых частей, имевших нарезные штуцеры системы Минье, втрое превосходившие гладкоствольные по дальности стрельбы. К ружьям примыкался штык для рукопашного боя.

В обмундировании английской армии преобладал красный цвет; Шотландская бригада вместо штанов носила клетчатые килты, не доходившие до колен, а вместо шинели — большие пледы.

Как считали французы, английская армия страдала застоем формализма и строгого чиновничества. Всякое общение офицеров и нижних чинов вне учебных занятий или боевых действий было совершенно исключено, заботу о своих солдатах офицеры предоставляли правительству. Русские офицеры и солдаты подмечали, что британцы воюют неплохо, но не любят лагерные работы и сторожевую службу. Матросы и солдаты во время вылазок нередко заставляли англичан спать в траншеях.

Английские кавалеристы в фехтовании саблями значительно уступали французским, зато в атаке сомкнутым строем им не было равных.

Интересна оценка, данная военным историком А. М. Зайончковским: «Английский солдат был крепок телом и отважен, если предварительно выпался, поел и выпил; его мужество было более физическое, чем нравственное. Будучи избалован казарменным комфортом, он вовсе не был способен переносить лишения»²⁸⁹.

Османская империя получила регулярную армию после 1836 года, когда по проекту капитана прусского Генерального штаба Х. фон Мольтке было начато ее преобразование. Комплектование армии нижними чинами производилось ежегодными наборами рекрутов из мусульманского населения провинций, к началу 1850 года наборы были распространены на Боснию, Герцеговину и некоторые части Сирии. С 1850 года повелением султана все христианские

подданные Турции подлежали призыву наравне с мусульманами. Срок действительной службы составлял пять лет, после чего отставник еще семь лет оставался в резерве. В случае надобности за деньги вербовалось иррегулярное пешее и конное ополчение (башибузуки), в ряды которого чаще всего вступали албанцы, курды и туркмены.

Унтер-офицерский состав армии пополнялся путем производства расторопных рядовых без прохождения курса обучения, так как полковых школ в турецкой армии не существовало. Для высшего военного образования была учреждена Военная академия, готовившая офицеров Генерального штаба, артиллеристов и военных инженеров.

По мнению командующего французской армией в Крыму маршала А. Ж. Л. Сент-Арно, наиболее сильной частью турецкой армии была артиллерия, стрелявшая довольно метко. Турецкий солдат был храбр, в быту неприхотлив. Вооружение пехотинца состояло из гладкоствольного ружья со штыком и тесака. В немногих гвардейских полках имелись штуцеры с ударным замком. Обмундирование всех родов войск было почти одинаковое: куртка и шаровары темно-синего сукна с алыми выпушками, в гвардии — с красным воротником. Пехота носила шинели из серого сукна, все остальные рода войск — из синего, с капюшоном. Головной убор — красная феска с медной бляхой.

Недостатком турецкой армии была слабая дисциплина, часто случались бунты. Союзники относились к турецкой армии как к туземной, во время боевых действий отводили туркам вспомогательную роль.

Из армий четырех государств самой маленькой была сардинская: ее общая численность в военное время составляла около восьмидесяти тысяч человек. Комплектовалась она на основе всеобщей воинской повинности: ежегодному призыву подлежали молодые люди, достигшие двадцатилетнего возраста, и жребий решал, кому служить; срок службы в действующих войсках был восемь лет и еще столько же в запасе. Несмотря на малочисленность, сардинские войска отличались хорошей дисциплиной, выучкой и усердием.

Затопление кораблей

В день высадки неприятеля Корнилов отправил Нахимову предписание привести эскадру в готовность сняться с якоря в любой момент. Нахимов составил диспозицию

эскадры на случай выхода в Черное море. Флот союзников встал на якорь у Евпатории и на следующий день начал высадку десанта. Город взяли без сопротивления — гарнизона в нем не было, только инвалиды, приехавшие на грязевое лечение. На высадку остальных частей понадобилась неделя.

Меншиков отправился с войсками на левый берег реки Альмы, чтобы там встретить неприятеля, вместо себя оставив в городе Корнилова, начальника гарнизона генерал-лейтенанта Ф. Ф. Моллера, который прежде командовал дивизией, и начальника порта М. Н. Станюковича. Позиция, выбранная Меншиковым на Альме, была удачна. Но 33-тысячной армии противостояла 62-тысячная с ружьями, стрелявшими на 1200 шагов. «Имей мы такие ружья, как у неприятелей, — писал Тотлебен, — они давно покинули бы Крым». Сражение было проиграно, русские войска отступили, потеряв около шести тысяч человек; урон противника составил три с половиной тысячи.

После Альмы возникла реальная угроза захвата Севастополя: неприятельский флот мог обстреливать город с моря, прорваться в бухту, а его сухопутные войска атаковали бы Северную сторону.

Девятого сентября Корнилов собрал военный совет и предложил план: выйти в море, дать бой, а при его неблагоприятном исходе, который был неминуем — 24 парусных корабля и 11 маломощных пароходов не могли противостоять 89 кораблям противника, — сцепиться с вражескими кораблями и взорвать свои пороховые погреба.

По свидетельству флаг-офицера Корнилова князя В. И. Бяратинского, большинство адмиралов и командиров, среди них и Нахимов, с планом согласились²⁹⁰. О таком сценарии говорили еще до высадки вражеского десанта. 13 мая Рейнеке сделал запись в дневнике: «Павел предлагал выйти всем 12 кораблям с пароходами дня на два или на три. Конечно, и это опасно, если неприятель подойдет ночью, но тогда уж решительное сражение, хотя и потерянное нами, повредит и неприятеля. Я, однако, не одобряю мнения моего друга...»²⁹¹

Но в мае угрозы оставить Севастополь без защиты еще не было; теперь же потеря флота означала неизбежную потерю города. В записях другого флаг-офицера, А. П. Жандра, картина совета выглядит совсем иначе: большинство адмиралов и командиров Корнилова не поддержали. Командир «Селафаила» капитан 1-го ранга А. А. Зарин, в лич-

ной храбрости которого никто не сомневался, высказал мнение: можно спасти и флот, и город, отняв у неприятеля возможность прорваться в бухту. Для этого он предложил пожертвовать тремя старыми линейными кораблями и затопить их у входа на севастопольский рейд.

Затопление старых кораблей, чтобы создать препятствие неприятелю, не было новинкой. Корнилов этот прием хорошо знал и сам предлагал его для защиты Николаева. «...Я опасаясь за Николаев, — писал он Метлину в феврале 1854 года. — Надо будет взять все меры, чтобы не допустить экспедицию пароходов к Поповой балке... даже можно затопить суда. Стоит прочесть историю речных подвигов англичан в Америке в 1812 году, когда не было у них пароходов»²⁹². Действительно, во время англо-американской войны (1812—1814) англичане у Балтимора столкнулись с заграждением из затопленных торговых кораблей и не смогли взять город.

Результат обсуждения Корнилов сообщил Меншикову, и тот приказал немедленно привести в исполнение план Зарина. Однако неожиданно сам Корнилов не согласился и заявил, что всё равно выйдет в море и нападет на неприятельский флот. Меншиков, удивившийся сопротивлению, объявил: «Если эта мера (затопление кораблей. — *Н. П.*) окажется напрасной, то я выстрою такие же корабли на свой счет. Выполнение приказа я возлагаю на контр-адмирала П. М. Вукотича, вы можете ехать в Николаев».

Обязанность повиноваться возобладала над эмоциями, и Корнилов смирился. Приготовленные к затоплению линейные корабли «Силистрия», «Три святителя», «Селафаил», «Уриил» и «Варна», корветы «Сизополь» и «Флора» с отвязанными парусами встали между Константиновской и Александровской батареями. С них свезли на берег имущество и вооружения, сняли флаги, проббили дыры и открыли краны.

Вечером 10 сентября вечером на берегу собрались офицеры, матросы, их жены и дети. Все молча смотрели, как корабли медленно скрывались под водой. «Три святителя» никак не хотел тонуть, и только когда пароход «Громоносец» сделал по нему 27 выстрелов, он стал медленно заваливаться на борт и уходить под воду. Моряки, привыкшие смотреть опасности в лицо, — и матросы, и адмиралы, — не скрывали слез: тяжело было видеть гибель своих кораблей от собственных пушек. «Тем прекратилось существование корабля и окончилась кампания, — записали 11 сентября в вахтенном журнале «Трех святителей», — офицеры и ниж-

ние чины вступили в батальоны и команды, составленные для защиты города»²⁹³.

И. Ф. Лихачев, флаг-офицер Корнилова, в статье, посвященной роли Черноморского флота в годы Крымской войны, оценил его возможности и назначение: «Черноморский флот создан был против Турции, и другого для него объекта не было... Полное обладание морем оставалось в руках наших противников... в силу неизбежных обстоятельств флот наш оставался в положении пассивного ожидания». И Корнилов, и Нахимов это прекрасно понимали. Если противник поведет осаду с моря, увести флот из Севастополя, чтобы спасти, невозможно, поскольку единственные пути отступления — через Керченский пролив или Днепровский лиман; но тамошние глубины не позволяли проводить большие корабли. «Во время Крымской войны с нашей стороны много было сделано больших, очень больших ошибок, но... потопление кораблей... не только не может считаться ошибкой, но представляется лучшим, что можно было в данных обстоятельствах сделать»²⁹⁴, — считал Лихачев.

Лихачев, постоянно находившийся рядом с Корниловым, отметил интересный момент: летом и осенью 1854 года на рабочем столе контр-адмирала можно было видеть описание кампаний Веллингтона в Португалии. Что же так заинтересовало Корнилова в Пиренейских войнах сорокалетней давности?

В 1810 году по приказу Веллингтона на подступах к Лиссабону было построено три линии укреплений. Последняя прикрывала порт Лиссабона, что давало возможность в случае вынужденного отступления погрузить британские войска на корабли и уйти в море. При очевидном различии Лиссабона и Севастополя можно увидеть сходство в действиях союзников в Крыму и продвижении войск французского маршала А. Массены в Португалии. Быстро и скрытно построенные фортификационные линии позволили англичанам защитить Лиссабон от французской армии, которая ушла, не взяв города. Вот почему Корнилов так внимательно читал это описание.

В другой статье, вспоминая события пятидесятилетней давности²⁹⁵, флаг-офицер Корнилова написал, в чем состояла его обязанность в Севастополе: на случай отступления он должен был подготовить план и средства для возможной переправы гарнизона на Северную сторону. Естественно, разрабатывался этот план секретно, но то, что он был подготовлен заранее, обеспечило быстрый и без потерь отвод

войск в августе 1855 года. Эмоциональную вспышку Корнилова, требующего выхода в море для встречи с неприятелем, Лихачев, хорошо знавший своего начальника, отнес на счет пылкого характера этого храброго человека, «силою обстоятельств осужденного на пассивное бездействие».

В день затопления кораблей командам зачитали приказ Корнилова:

«Товарищи! Войска наши после кровавой битвы с превосходным неприятелем отошли к Севастополю, чтоб груды защитить его. Вы пробовали неприятельские пароходы и видели корабли его, не нуждающиеся на парусах. Он привел двойное число таких, чтоб наступить на нас с моря; нам надобно отказаться от любимой мысли — разразить врага на воде. К тому же мы нужны для защиты города, где наши дома и у многих семейства... Грустно уничтожить свой труд: много было употреблено нами усилий, чтоб держать корабли, обреченные жертве, в завидном свете порядке, но надобно покориться необходимости. Москва горела, а Русь от этого не погибла, напротив, встала сильней. Бог милостив!..»²⁹⁶

Нахимов в письме другу Лазарева А. Шестакову не скрывал горечи и радовался, что его учитель не дожид до этой страшной минуты. Но он, как и Корнилов, понимал, что выхода не было: «Флот погиб, но не в честном бою, а затоплен нами не от страха сразиться с сильным врагом на море, а из необходимости пожертвовать им для спасения Севастополя, цену которому Россия узнала только теперь!»^{296a}

Когда на следующее утро неприятель послал пароходы для осмотра берегов, то, к своему удивлению, недосчитался на рейде русских кораблей. И лишь видневшиеся из воды салинги и клотики, словно могильные кресты, указывали последнее место их якорной стоянки. Противник понял, что войти на рейд не сможет.

Оставалась опасность захвата Северной стороны. На тот момент шестидесятитысячной армии, стоявшей всего в пяти верстах от города, противостояло в Севастополе чуть более шестнадцати тысяч человек. На Северной стороне имелось укрепление, построенное еще в начале XIX века. Оно представляло собой восьмиугольник со сторонами по 200 метров, окруженный рвом с перекидными мостами; в четырех его бастионах располагались казематы с тридцатью орудиями, входные ворота защищали люнеты*. К началу

* Люнет — небольшое полевое укрепление со рвом и насыпным валом, открытое с тыла.

войны укрепление заметно обветшало, и по приказанию Николая I начали его реконструкцию. Работами руководил инженер генерал-лейтенант Павловский, в августе возведением новых редутов начал заниматься Тотлебен.

Истомину было поручено перевезти орудия, снятые с кораблей, и установить их на новые укрепления. К осени 1854 года все работы будут закончены, но в сентябре опасность занятия противником с ходу Северной стороны, совершенно не защищенной, была велика.

Адъютант князя М. Д. Горчакова И. И. Красовский изложил в письме полковнику П. К. Менькову рассказ Нахимова о тех днях: «...В одно и то же-с время слышу-с, что князь имел дело на Альме-с и отступил к Бахчисараю, и вижу-с колонны-с англичан и французов-с невдалеке от северного укрепления. А, думаю-с себе, они узнали, как мы сильны (а гарнизон укрепления состоял из 2-х батальонов ластовых), и верно, заняв-с его без боя, пойдут в город; гляжу — нет, прошли мимо. Ну, это недаром-с, они что-нибудь затевают еще похуже, верно, взорвут пороховой погреб... там ведь часовых так же три ластовых-с, глядь-с, опять мимо-с, устал смотреть-с, надоели-с, потом узнаю-с, что наши друзья-с стали около Балаклавы и заложили первую параллель. Из рук вон, я истомился, ожидая их нападения на город, а они о нем и не думают-с. Пришел князь-с, стройте батареи, говорит он мне-с; кто же будет-с строить-с, говорю я. А вы сами, отвечает он, ведь вас учили же фортификации. Спорим, бегаем-с, а всё ничего не делается-с. Бог милостив — Вы прислали-с Тотлебена»²⁹⁷.

Трудно ручаться за правдивость изложения событий, и сам ернический тон рассказа идет вразрез с характером Нахимова. Сам же Меньков утверждает: «Один из защитников Севастополя, близко знавший Павла Степановича Нахимова, находит рассказ Красовского малоправдоподобным... Подобный разговор Нахимова с молодым офицером не соответствовал характеру адмирала и его дисциплинированности»²⁹⁸. Одно не подлежит сомнению — 11 сентября Меншиков действительно приказал армии выступить из Севастополя по направлению к Бахчисараю, а на следующий день сам покинул город. Номинальным главой оставался начальник гарнизона Ф. Ф. Моллер, как говорили, «личность безличная», поэтому фактическим организатором обороны города стал Корнилов, за ним же была закреплена Северная сторона, за Нахимовым — Южная.

Наверное, в истории флота найдется немного случаев, когда контр-адмирал и вице-адмирал назначались строить сухопутные укрепления и при этом оставались командующими эскадрами. Нахимов счел невозможным быть одновременно на берегу и в море и подал рапорт начальнику порта Станюковичу: «Будучи назначен по распоряжению его светлости князя Меншикова заведывать морскими командами, отделенными для защиты южной стороны Севастополя, я не могу в то же время командовать судами, стоящими в настоящее время на рейде. О чем имею честь донести вашему превосходительству и покорнейше прошу разрешить мне спустить флаг и поручить [эскадру] младшему по мне флагману»²⁹⁹.

Возможность атаки с моря была велика, и заменить в такой момент Нахимова было явной нелепостью. Это понимал даже Станюкович. В тот же день на рапорте появилась его резолюция, разрешающая Нахимову остаться на рейде. А кто же тогда назначался оборонять Южную сторону?..

Почему союзники «прошли мимо», когда могли с ходу взять Севастополь, остается загадкой. В эти дни в рядах неприятеля тоже царил неразбериха. Перебежчик, французский артиллерист, сообщил, что командующий армией маршал Сент-Арно умер, его место занял генерал Канробер, который не ладит с лордом Регланом. Говорили, что Нахимов обещал после войны попросить у государя отпуск, чтобы поехать за границу и публично назвать Реглана и Канробера ослами за то, что они не воспользовались редкой возможностью. Ни пушек, ни укреплений на Северной стороне в тот момент не было, неприятель мог войти в город, что называется, церемониальным шагом.

Англичане поняли свою ошибку спустя полгода осады: Севастополь взять штурмом не получится — сначала придется разбить форты и потопить флот, потом уничтожить армию на подступах к городу или полностью окружить город. Разбить форты не позволили их крепкие стены и прекрасно действовавшая русская артиллерия; полностью замкнуть осаду тоже не удалось, хотя сражения на суше англо-французская армия выигрывала одно за другим. Что же касается ее действий в сентябре, то, как писал английский корреспондент, наверное, ими овладело наваждение, если они, «вместо того чтобы спокойно войти в город, позволили русским собраться с силами и возвести новые укрепления. Разве что тут была рука Всевышнего, ослепившего наших генералов и лишившего их разума»³⁰⁰.

А вот еще одна версия, объясняющая оплошность союзников и принадлежащая князю В. И. Васильчикову, начальнику штаба гарнизона с осени 1854 года: «По-моему, главным виновником этого распоряжения были англичане. Они понесли чувствительные потери при Альме; они знали, что наши флотские команды не дешево отдадут свое пепелище и флот, стоявший в бухте; они боялись значительных потерь и предпочли медленное, но верное, по их мнению, средство, то есть бомбардирование города... Английская национальная гордость не допускает чувства уважения к какой-либо иной нации, никто не может устоять перед превосходством англичанина, а полуварварский народ, каков русский, уstraшенный громом искусно расположенных батарей... должен был, по мнению лорда Раглана (Реглана. — *Н. П.*)... обратиться в постыдное бегство или сдаться»³⁰¹.

Но это понимание пришло позже; пока же, в сентябре 1854 года, всё выглядело иначе. Меншиков оставил в городе всего четыре резервных батальона Виленского и Литовского егерских полков, еще четыре сформировали из моряков. Этими силами защитить город было нельзя. 19 сентября Корнилов так и написал Меншикову: «Отстоять Севастополь с настоящими силами невозможно... Неприятель, имея лазутчиков, скоро удостоверится в слабости гарнизона и самой армии и, понимая важность для себя времени, под носом у нашей армии вырвет и город, и флот»³⁰².

«Положение было безнадежное» — так оценил военный инженер Тотлебен возможность выдержать штурм. Но на Черном море, говорили моряки, для них невозможного не бывает. Корнилов поручил Тотлебену осмотреть местность и предложить план защиты.

Рассказывали, что места укреплений во время осады Севастополя Тотлебен выбирал следующим образом: осматривал, когда было возможно, позицию со стороны неприятеля, затем выбирал места для бастионов и редутов. Его выбор всегда оказывался удачным, а расположение орудий — убийственным для противников — недаром те называли Тотлебена «гением фортификации». С этим не поспоришь — город продержался против двух сильнейших армий мира почти год. У Тотлебена было прекрасно развито, как говорят военные инженеры, «чувство позиции»: он умело использовал особенности расположения Севастополя, вписывая укрепления в пересеченный рельеф местности — холмы, балки, овраги, берега бухт.

Тотлебен осмотрел Северную сторону и начертил план.

Но мало придумать план — его надо воплотить. По предложению Тотлебена и приказу Корнилова собрали весь шанцевый инструмент, который смогли найти в городе, а также лопаты, кирки, мотыги, ломы; недостающее привезли из Одессы. Отрядили для строительства укреплений тысячу человек, принесли бревна, доски, мешки для земли, и работа закипела. Вскоре рядом с Северным укреплением построили две батареи — № 1 с восемью 24-фунтовыми орудиями и № 2 — с шестью. Правее возвели батарею № 3. Северное укрепление соединили с батареями траншеями. «Мы в неделю сделали более, чем прежде сделали за год» — так оценил Корнилов результат. Можно, конечно, искать виновных в ошибках, которые пришлось исправлять на ходу; но лучше отдать дань уважения инженерам и простым строителям укреплений — они сделали, что могли.

Тем временем неприятель встал лагерем на высотах Бельбека. Все ждали штурма со дня на день, но неожиданно войска двинулись на восток, поднялись на Мекензиевы горы и затем стали спускаться к Черной речке, явно намереваясь атаковать не Северную, а Южную сторону.

На Южной стороне был Нахимов с шестью резервными батальонами 13-й пехотной дивизии и 44-м флотским экипажем, имея всего пять тысяч штыков на позиции, растянувшейся на семь верст. Отбиться своими силами не было никакой возможности, а ждать помощи неоткуда: Корнилов занят обороной Северной стороны, Меншиков с армией ушел, и неприятель отрезал его от Севастополя.

Тогда Нахимов принял единственно возможное решение — затопить оставшиеся корабли и принять с моряками честную смерть в бою. 14 сентября он отдал приказ:

«Неприятель подступает к городу, в котором весьма мало гарнизона; я в необходимости нахожусь затопить суда вверенной мне эскадры, а оставшиеся на них команды с абордажным оружием присоединить к гарнизону. Я уверен в командирах, офицерах и командах, что каждый из них будет драться как герой. Нас соберется до трех тысяч, сборный пункт на Театральной площади, о чем по эскадре объявляю»³⁰³.

В кораблях уже прорубили дыры и начали свозить с них на 4-ю батарею абордажные топоры, провизию, картечь и гранаты, как вдруг Корнилов привел на Южную сторону 11 флотских батальонов. Приказ о затоплении приостановили.

Теперь созданные из экипажей батальоны под командованием своих командиров отправились на бастионы. Вечером Корнилов провел совещание, где объявил диспозицию. Все бастионы и батареи города делились на три дистанции: первая — от батареи № 10 до 5-го бастиона, командир генерал-майор Асланович, отвечающий за артиллерию капитан 1-го ранга Иванов; вторая — от 5-го до 3-го бастиона, под командованием вице-адмирала Новосильского и контр-адмирала Юхарина; третья — от 3-го бастиона до Килен-балки, включая Малахов курган, под руководством контр-адмирала Истомина и подполковника Ползикова.

В это время неприятельские корабли заняли Балаклаву и херсонесские бухты, высадили войска и выгрузили артиллерию. 16 сентября неприятель приблизился к городу и встал несколькими лагерями: у Дергачева хутора, между двумя почтовыми дорогами в балке, у хутора Сарандинаки, у Панютина хутора, в Балаклаве и рядом с Георгиевским монастырем. В Севастополе было объявлено осадное положение.

Начало осады

В городе спешно строили укрепления, рыли траншеи, утолщали брустверы. «...в несколько дней была выведена против неприятеля линия укреплений, начиная от бухты около Килен-балки, Малахова кургана, поперек конца Южной бухты, между 3-м и 4-м бастионами и далее до батареи № 10-й. Ссаженные с кораблей команды день и ночь тащили по улицам Севастополя на разные батареи и бастионы тяжелые судовые орудия. Ежедневно росли валы укреплений и немедленно же вооружались пушками со всеми принадлежностями. Всюду кипела работа. Адмиралы Нахимов и Корнилов воодушевляли всех моряков и сухопутные войска своим примером»³⁰⁴, — вспоминал князь Барятинский.

Нахимов предложил формировать морские батальоны из членов одного экипажа, командиров линейных кораблей назначить командирами бастионов, командиров фрегатов — начальниками артиллерии. Таким образом сохранялось привычное положение, рядом были хорошо знакомые люди.

Моряки осваивали бастионы, как корабли, переносили на них свои привычки. После выстрела и отката пушки раздавалась команда:

— Орудие к борту!

Во время сигнала тревоги звучало:

— Команда на палубу!

По традиции били склянки, в воскресные и праздничные дни иеромонахи на бастионах служили молебны и литургии, причем всякий на своем — там, где находилась команда его корабля. Едва возводили насыпь и ставили орудия, как в землянке появлялось несколько икон, зажигалась лампада и ставились свечи. Во время ночных обстрелов, когда земля содрогалась от взрывов и трещали ружейные выстрелы, падали растерзанные тела и стонали раненые, этот уголок мирной жизни умиротворял и помогал выжить. Если раньше моряки говорили: «Кто в море не бывал, тот Богу не маливался», то теперь добавляли: «Кто в Севастополе не был, тот Богу не маливался».

Привычка моряков ко всякого рода неожиданностям, их взаимовыручка и стойкость поддерживали пехотные части. В самом городе присутствие духа тоже было изумительное. Не только военные, но и купцы, служащие, даже женщины, в основном жены матросов, просили дать им работу. Одну батарею офицеры называли Дамской, потому что землю на нее в корзинах, передниках и платках носили женщины. Из купцов и лавочников сформировали патрули.

Арестанты и каторжники обратились к Корнилову с просьбой позволить им стоять на бастионах. Он приказал освободить их и поручил тушить пожары, выносить раненых, отправил на бастионы, где они подносили снаряды и заменяли подбитые орудия. Среди них были и герои. Демьян Пассек, дважды раненный на Малаховом кургане, отказался идти в госпиталь. Истомин, вопреки всем порядкам, наградил его Георгиевским крестом. Иностранные газеты не преминули раструбить всему миру, что Севастополь защищают арестанты и каторжане.

Нахимов и во время «окапывания» не забывал моряков, подал Корнилову рапорт о необходимости выдать им сменное белье, «что крайне необходимо для сохранения здоровья нижних чинов». Павел Степанович обращал внимание не только на матросов, но и на солдат. Однажды он приехал на бастион, где работали солдаты. День был очень жаркий, но люди шинелей не снимали.

— Что это, молодцы, вы работаете в шинелях? Ведь вам жарко; снимите шинели и работайте, вон как матросы работают, в рубашках.

— Мы, ваше превосходительство, шинелей снять не можем.

— Отчего?

— У нас нет рубах.

— Как нет рубах? Сними шинель!

Рубах действительно не было ни у кого. «Причина этому была очень простая, обмундировка, как и всё доставляемое в Севастополь, была наполовину разбросана в степи по беспутию, и в таком положении находилась большая часть армии. Нахимов принялся за это со своей обыкновенной энергией и добросовестностью, и всё это было вскоре доставлено из степи, и солдаты сделались с рубахами и сапогами»³⁰⁵, — вспоминал его адъютант.

Штурма ждали со дня на день, но его всё не было. Противник явно упустил момент.

Девятнадцатого сентября пароходы доставили с Северной стороны на Южную Московский, Бородинский и Тарутинский полки, а 28 сентября на Северную сторону пришел Минский пехотный полк; число защитников увеличилось до тридцати пяти тысяч.

Защитники не сидели в траншеях, пассивно ожидая нападения. Активным средством обороны стали вылазки. Охотники тревожили неприятеля, подходили к самым укреплениям, перестреливались, заклепывали вражеские орудия. Нередко на вылазки брали горные «единороги», которыми разрушали укрепления. Первая из таких вылазок была устроена в сентябре 1854 года моряками и казаками-пластунами, когда были разрушены неприятельские укрепления на хуторе напротив 5-го бастиона. Имена отличившихся на вылазках быстро становились известны всей России: газеты писали о матросах Игнатии Шевченко и Петре Кошке, мичманах Петре Завалишине и Федоре Титове, лейтенанте Николае Бирилеве.

«Горько подумать, — записал Корнилов в дневнике, — что с таким войском потеряли Альму». После стычек приносили французские и английские штуцеры, сравнивали. Французский штуцер нашли по устройству не лучшего нашего, английский был хорош — его за дальнобойность называли «королем оружия». Во время сражения на Альме это ружье увидели в действии: «Когда русские находились на расстоянии едва ли в пять ярдов, пули Минье поражали их колонны, прошивая насквозь сразу несколько тел, нагромождавая горы трупов и раненых»³⁰⁶.

С ружьем Минье было сложно тягаться не только в

поле; в Севастополе английские и французские стрелки занимали на дальнем расстоянии удобную позицию и без помех выбивали офицеров и батарейную прислугу. Против таких ружей одна храбрость не поможет. «...а ядром им что сделаешь, когда они рассыпаны и укрыты пригорками и камнями», — с горечью писал Корнилов.

Воспевая мужество и стойкость защитников, современники называли Севастополь русской Троей, хотя осаждали его не десять лет и в блокаде он не был — сообщение с Симферополем сохранялось всю войну, за исключением короткого момента после сражения на Альме. В городе шутили: «наша Троя — она втрое».

Долгожданный момент, когда Меншиков вернулся с армией в город, запомнили надолго: «...после... томительного ожидания, наконец, с вершины башни на Малаховом кургане увидели мы на высотах над Бельбеком подвигавшиеся по направлению к Севастополю войска с тысячами штыков, блиставших на солнце. В них мы узнали армию князя Меншикова! Этим сообщение с внутренними губерниями России было восстановлено. Хотя и до тех пор уныния в Севастополе не существовало, но при виде войск дух еще поднялся и с ним надежды на благоприятный исход войны»³⁰⁷. С возвращением армии прекратились слухи о предательстве Меншикова, бросившего город на произвол судьбы.

Первая бомбардировка

Союзное командование намечало бомбардировку еще на конец сентября, но отложило из-за нехватки орудий. Когда на кораблях доставили тяжелые осадные пушки, их установили на высотах, господствующих над городом. Французы поставили против Городской стороны 49 осадных орудий, англичане против Корабельной — 73. Теперь 118 орудиям защитников Севастополя противостояли 122 неприятельских. Корнилов приказал стрелять, чтобы не дать противнику установить новые пушки и подвезти боеприпасы; в результате меткими выстрелами был разрушен только что сооруженный на французской батарее оборонительный вал. Однако неприятель планов не поменял. «Отдан приказ открыть огонь завтра 17 (5) в 7 часов утра... Люди поели суп, напились кофе и дожидались за ружейными козлами, пока артиллеристы сделают удобные бре-

ши, позволяющие нашим колоннам пойти на штурм города»³⁰⁸, — сообщал домой французский офицер.

Второго октября Нахимову было поручено расставить корабли. Оценив ситуацию, он выбрал оптимальное расположение: «Великий князь Константин» встал на створной линии рейда, «Двенадцать апостолов» — между ним и «Парижем»; фрегаты «Коварна», «Мидия», «Кулевчи», «Кагул» — в линии за «Двенадцатью апостолами», а корветы «Калипсо», «Пилад», «Андромаха», бриг «Эней», яхты «Ольвия» и «Стрела», транспорты «Лаба», «Гагра» и «Прут» — в Корабельной бухте. Корабль «Ягудиил» оставлен в глубине Южной бухты; брига «Тезей» и «Фемистокл» и транспорты «Дунай», «Буг» и «Сухум-Кале» остались в гавани. Из остальных плавсредств — пяти бригаов, четырех шхун, четырех тендеров, трех транспортов и двух шаланд — был устроен плавучий мост через Южную бухту³⁰⁹.

Пятого октября в 6.30 русские батареи открыли огонь, упреждая противника, в семь часов тот начал отвечать. Грохот орудий, свист ядер и разрывы бомб слились в невообразимый гул. Больше всего досаждали пушки, стоявшие на Рудольфовой горе — оттуда снаряды и ядра летели сразу на 4-й, 5-й и 6-й бастионы. Корнилов с адъютантами, приехав на 4-й бастион, застал там страшное разрушение: траверсов — земляных насыпей для прикрытия от флангового огня — еще не успели сделать, и артиллеристы рядами ложились под ядрами, раненых и убитых едва успевали класть на носилки. Батальоны, сформированные из моряков, толпами стояли посреди бастиона, и каждое попадание в эту густую массу выкашивало из нее десятки людей разом.

Корнилов отдал необходимые распоряжения и отправился на соседний 5-й бастион, где был Нахимов. По бастиону английские и французские батареи вели перекрестный огонь, и разрушения там были не меньшие, чем на 4-м бастионе. «Оба адмирала следили за действием наших орудий, стрелявших против французских батарей, и преспокойно разговаривали. У адмирала Нахимова была легкая рана на лице, которой он и не заметил, кровь у него текла, и белый Георгиевский крест на шее сделался совершенно красным»³¹⁰, — вспоминал князь В. И. Барятинский. В следующее мгновение неприятельское ядро взрыло землю рядом с адмиралами, так что Барятинский едва успел дернуть обоих за полы сюртуков. Другое ядро пролетело мимо, оторвало голову артиллеристу и обдало кровью и осколками

черепа стоявшего рядом другого флаг-офицера, И. Лихачева. «Скажите, что со мной? — обратился он к Барятинскому. — Мне тепло лицу, и я не понимаю, что такое».

Князь обернул ему лицо полкой шинели и объяснил, что произошло. Первой реакцией Лихачева было естественное отвращение, потом он попросил папиросу и прикурил от дымящегося фитиля. Во время этой жуткой сцены оба адмирала продолжали невозмутимо беседовать.

В следующий момент Нахимову доложили, что с моря подходят неприятельские корабли, и он поспешил на «Двенадцать апостолов». В подзорную трубу он увидел, как приближалась эскадра: впереди шли корабли под французскими флагами, за ними турецкие и английские, парусов не ставили — был полный штиль, корабли буксировались пароходами. Стоявший рядом с Нахимовым ординарец принялся считать — да сбился: «...некогда, да и ни к чему. О соразмерности сил невозможно было и думать; следовало сражаться с врагами, сколько их ни было». Нахимов ожидал, что флот начнет бомбардировку города одновременно с началом действия батарей, а затем войска пойдут на штурм — именно так действовал бы он сам. Но в это время французский вице-адмирал Фердинанд Гамелен никак не мог договориться с английским адмиралом Дандасом, что следует сделать раньше — начать обстрел севастопольских фортов или встать на якоря. Когда же они, наконец, договорились, батареи уже замолчали; к тому же корабли встали на таком расстоянии от берега, что большая часть выпущенных ими бомб и снарядов легла в бухту.

Свой огонь они направили на Александровскую батарею и батарею № 10, которая выдавалась далеко вперед. После первых же выстрелов всё покрылось густым дымом, и увидеть что-либо было сложно. И всё же Нахимов заметил: 10-я батарея перестала стрелять. Неужели все погибли? Если противник поставит рядом свои корабли, то может беспрепятственно обстреливать город. Нахимов направил туда отряд охотников, чтобы они в случае необходимости заменили оружейную прислугу. Каково же было их удивление, когда они нашли всех на батарее живыми; оказалось, орудия за многочасовую стрельбу раскалились настолько, что не помогало даже обливание их водой, и потому артиллеристы решили на время прекратить пальбу.

В тот день по городу было выпущено 50 тысяч снарядов с кораблей и еще до девяти тысяч с осадных батарей. Эта была первая бомбардировка Севастополя — и его пер-

вая победа: город выстоял, неприятель так и не решился перейти к штурму. Корабли уходили с пробоинами в бортах, перебитым рангоутом, потеряв 900 человек, не считая турок — им союзники учет не вели.

Севастопольцы ответили шестнадцатью тысячами выстрелов орудий береговых батарей и еще двадцатью тысячами с оборонительной линии. Потери защитников города составили 1250 человек, один из них — контр-адмирал Корнилов.

В начале двенадцатого часа он приехал на Малахов курган, где положение было очень тяжелым. Курган находится на Корабельной стороне, его первое укрепление — башню — построили на деньги, собранные сева­стопольскими купцами, но в отличие от башни Волохова она была слабо защищена. В сентябре под руководством контр-адмирала Истомина и полковника Ползикова по обеим сторонам башни поставили две батареи — 17-ю и 18-ю, по направлению к Доковому оврагу прорыли траншею и построили на южной стороне кургана еще одну батарею, которую все называли по имени ее командира батареей Жерве; для укрепления позиций соорудили два бастиона и тоже соединили их траншеями. Благодаря этим работам, спланированным Тотлебенем, башня, по признанию неприятеля, «утроила свое значение» и Малахов курган не только стал центром обороны Корабельной стороны, но и превратился в ключевую позицию обороны всего города. Поэтому на него и был направлен основной удар.

Увидев Корнилова, матросы прокричали громовое «ура!», но он остановил их.

— Будем кричать «ура!», когда собьем английские батареи, — сказал он, указывая на Рудольфову гору. В этот момент неприятельское ядро ударило ему в ногу. Флаг-офицеры бросились к нему, подняли на руки, уложили на носилки.

— Отстаивайте же Севастополь! — это были последние слова Корнилова, обращенные к сева­стопольцам.

Нахимов тяжело переживал смерть друга; он полагал, что замены Корнилову нет. В тот день он писал Метлину: «Николай Федорович! Владимир Алексеевич не существует. Предупредите и приготовьте Елизавету Васильевну. Он умер как герой. Завтра снова дело. Я не знаю, что будет с Севастополем без него — и на флоте, и в деле на берегу. Получил две царапины, о которых не стоит и говорить. У нас без Владимира Алексеевича идет безначалие».

С курьером он отправил вдове Корнилова шкатулку с его бумагами, которую опечатал в присутствии двух офицеров. Близкие к Корнилову люди знали, что тот вел дневник, где было много нелестных замечаний о командовании флота и армии, особенно о Меншикове. Поэтому Нахимов сделал всё, чтобы эти бумаги оказались у семьи покойного. «Что будет завтра и кто будет жив — не знаю. Ожидаю в ночь атаки и abordaжа кораблей и фрегатов парходами и шлюпками. Атака с берега умолкла, и я еду в ночь на эскадру отражать нападение. На кораблях 150 человек, вооруженных пиками, тесаками и интрепелями, а на фрегатах только 60 человек с тем же вооружением».

Отпевали Корнилова в Михайловской церкви. Нахимов, пришедший проститься с другом, не скрывал слёз. Похоронили Корнилова рядом с Лазаревым — в склепе в основании строящегося собора Святого равноапостольного князя Владимира.

Английские и французские газеты поспешили сообщить о взятии города. В Париже и Лондоне поздравляли друг друга и готовились к торжествам, даже собрались отметить событие новым спектаклем «Взятие Севастополя», когда пришла весть, что журналисты ошиблись. Штурма в следующую ночь не было, но обстрелы продолжились.

Первое время неприятель не собирался возводить никаких укреплений. «Никто не предполагал необходимости правильной осады, и думали, что город сдастся после первой же бомбардировки в продолжение нескольких дней, если не нескольких часов...»³¹¹ — писал домой французский офицер. Однако никто в Севастополе сдаваться не собирался, и союзникам пришлось перейти к длительной осаде по всем правилам.

Тринадцатого октября неприятельскую армию постигла еще одна неудача. Получив приказ отбить английские пушки, захваченные русскими, легкая кавалерия под командованием лорда Джеймса Томаса Кардигана атаковала русские позиции в долине под Балаклавой. Из бригады в 600 человек около половины оказались убиты, ранены или попали в плен, в этом сражении погиб цвет английской аристократии.

Второго ноября шторм повредил и уничтожил большую часть кораблей союзников, на которых были привезены запасы продовольствия, зимней амуниции, медикаментов.

«Русская Троя»

После бомбардировки обе стороны восстанавливали разрушенные батареи, заменяли орудия, Нахимов объезжал позиции и благодарил солдат и матросов. Спустя несколько недель в город приехал Иван Константинович Айвазовский и увидел разрушения собственными глазами. Он сделал несколько набросков с натуры, которые легли в основу картины «Бомбардирование Севастополя англо-французским флотом и армией 5 октября 1854 г.».

Укрепления Севастополя, как известно, возводились не по плану, а по мере необходимости и применительно к местности. Как только Тотлебен замечал, что какой-то участок не простреливается русской артиллерией, так тотчас приказывал поставить два—четыре орудия, накрывавшие выстрелами это пространство. Если же противник начинал возводить укрепление на возвышенности, с нашей стороны одновременно росло несколько таких же. Из дневника Тотлебена: «Я внимательно слежу за всем, что происходит у неприятеля, и каждую ночь закладываю новые батареи. Если неприятельская батарея стреляет из 20 орудий, мы отвечаем ей из 40, и к вечеру противник имеет лишь два орудия на том же месте»³¹².

Впереди 4-го бастиона была поставлена четырехорудийная батарея под командованием лейтенанта Н. И. Костомарова — чтобы защитить бастион от внезапного нападения. К тому же с батареи было удобно делать вылазки, что и происходило довольно часто. Об опасности, которой подвергалась батарея Костомарова, говорит хотя бы тот факт, что почти каждый день ему приходилось заменять орудийную прислугу — по причине смерти. Рассказывали, как однажды генерал спросил моряка у орудия, сколько дней они могут продержаться. Тот задумался, а потом ответил: «Людей хватит дня на два».

Потому и продержался Севастополь 11 месяцев, что у него были такие защитники.

Устав бороться с неуничтожаемой батареей Костомарова, французы решили взорвать ее. Но то ли они плохо рассчитали силу заряда, то ли неправильно сделали подкоп, только вся сила взрыва пришлась не на саму батарею, а на прилежавшее к ней пространство, и защитников лишь оглушило и завалило землей. Нахимову доложили, что Костомаров погиб, в тот же день по нему отслужили панихиду.

На следующий день Нахимов приехал на 4-й бастион.

— Кто видел, как вчера убило нашего Костомарова? — грустно спросил Павел Степанович.

— Да он здесь, — был ответ.

По словам историка А. М. Зайончковского, «адмирал с радостью обнял молодца-лейтенанта и отправил его продолжать свое сидение в аванпостах 4-го бастиона»³¹³. Николай Иванович Костомаров прошел всю войну, вышел в отставку в звании контр-адмирала, дожил до восьмидесяти трех лет и, наверное, прочитал в газете эту статью о себе, напечатанную уже в новом столетии.

Распорядок дня адмирала был таков: в четыре часа утра он ехал верхом по батареям, здоровался с офицерами, солдатами и матросами, ободрял их, осматривал сделанные за ночь разрушения, отдавал приказания, возвращался домой, обедал, а в два часа пополудни повторял объезд. Матросы воодушевлялись, увидев Нахимова: «Наконец-то наш адмирал пришел на нас поглядеть, ведь когда пройдет, словно царь, так и душе легче»³¹⁴.

Так же, как и Корнилов, он бывал в самых опасных местах и даже как будто не обращал внимания на убийственный полет пуль и разрыв снарядов. Он приезжал на батареи, смотрел в трубу на работы и приготовления неприятеля, поправлял прицелы орудий, беседовал с матросами, многих из которых знал лично, ободрял и благодарил за отличную службу. Его внимание и забота к нуждам защитников располагали к нему сердца. «Вот причина, что войска, можно сказать, обожали Нахимова и что Нахимов имел на них такое магическое влияние», — вспоминал его адъютант П. Я. Шкот, каждый день сопровождавший Нахимова во время объезда бастионов, верхом и пешком, по склону Малахова кургана и по Театральной площади, на Волынский и Камчатский редуты. Глядя, как каждый день адмирал подвергает себя опасности, адъютант уверился, что тот был храним Богом — иначе не объяснить его невероятного везения.

«Однажды едет адмирал на Волынский редут, разрывается над ним бомба, и один осколок пролетает над головой моей и ударяет в зад моей лошади, так что она села на задние ноги, следовательно, осколок пролетел над головой в нескольких вершках. Другой раз адмирал шел пешком, остановился рассматривать местность... я присматриваюсь и вижу ядро, катящееся прямо под ноги адмирала, смотрящего в другую сторону; разговаривать было некогда, я схватил адмирала за руку и дернул его с такой силой, что чуть оба не упали.

— Что вы-с? — спросил удивленный выходкой адъютанта Нахимов. Тогда я указал на катящееся ядро».

После того как неприятель взял Волинский, Селенгинский и Камчатский редуты и оказался рядом с позициями защитников города, Нахимов предложил адъютанту переселиться к нему в дом: «Лучше, чтобы вы были ближе ко мне, чтоб за вами не посылать. Сегодня же переберетесь ко мне в кабинет». Адъютант так и сделал. А ночью в дом, где он жил раньше, влетела бомба; погибли все, кто там был³¹⁵.

А по городу ползли слухи, что Нахимов специально носит эполеты, блеск которых привлекает стрелков: он ищет смерти — значит, Севастополь отстоять невозможно.

— Что это, Павел Степанович, вы ходите по бастионам, да еще в эполетах, ведь вас убить могут, — сказал ему как-то генерал Д. Е. Остен-Сакен.

— Эх, ваше высокопревосходительство, убьют вас, убьют меня, это ничего, а вот ежели убьют Тотлебена или Хрулева, это будет нехорошо.

Коцебу писал Рейнеке: «П[авел] С[тепанович] как бы ищет смерти, разъезжая под самым убийственным огнем; недавно матросы без церемонии сняли его с лошади и отнесли в место, более безопасное. Он один ездит по линии, воодушевляя своим присутствием и матрос[ов], и солдат»³¹⁶. Племянник Нахимова Платон Воеводский жаловался: «Совет “беречь себя” совершенно бесполезен. Нет даже никакой возможности уговорить его надеть шинель или пальто».

Рейнеке огорчился и решил вразумить друга: «...для чего нужно без нужды пускаться в самые опасные места и подвергать себя убийственному огню? К чему искать смерти? Рассуди хладнокровно и увидишь, что эта отвага для главного действующего лица не только бесполезна, но даже вредна и опасна общему делу: тебя убьют, и дух чинов, имеющих доверие и надежду единственно к тебе, упадет».

Нахимов благодарил друзей и родственников за попечение, но надевать серую солдатскую шинель, как было приказано всем офицерам, наотрез отказался. «Хожу... по батареям в сюртуке и эполетах потому, что мне кажется, морской офицер должен быть до последней минуты пристойно одет, да как-то это дает мне больше влияния не только на наших, но и на солдат. Право, мне кажется, некоторые из наших засмеются, а других даже до сердца тронет, если увидят меня в солдатской шинели»³¹⁷. Он как-то сказал, что, может быть, и снял бы сюртук, да все в Сева-

стополе настолько привыкли видеть его с эполетами, что сочтут их отсутствие за плохой знак.

В 1855 году Павлу Степановичу исполнилось 53 года; как он сам говорил, лучшая половина жизни была прожита, мальчишеский восторг и позволительное юности молодечество давно прошли. В его поведении не было и намека на фатализм, и уж точно он не искал «упоение в бою и бездны мрачной на краю» — это было совершенно не в его характере.

Ни убитый на Малаховом кургане Корнилов, ни Истомин, которому ядром оторвало голову, смерти не искали. Ее вообще в Севастополе не нужно было искать — она сама находила своих жертв среди генералов и рядовых, адмиралов и матросов, врачей и сестер милосердия, пожилых и детей. На подобный же упрек Тотлебен отвечал в письме: «Я не подвергаю себя опасности, потому что в Севастополе опасно повсюду, даже в той комнате, где пишу. Вчера штуцерная пуля убила здесь человека». Так не лучше ли было смотреть смерти в лицо?

Кстати, не одному Нахимову приписывали «поиски смерти»; о князе М. Д. Горчакове, сменившем Меншикова на посту командующего, тоже говорили после сражения на Черной речке, что «он искал смерти, кидаясь всюду под ядра и пули». «Но это несправедливо», — возражал его адъютант³¹⁸.

К тому же свободного времени, чтобы предаваться размышлениям о жизни и смерти, в Севастополе не было. Когда Нахимов писал о безначалии после гибели Корнилова, он не преувеличивал. В Севастополе рассказывали такой анекдот, сильно смахивающий на правду: «Истомин, не получивший удовлетворения на какое-то свое требование... послал сказать полковнику Попову (помощнику начальника гарнизона. — *Н. П.*), что у него одно орудие повернуто на город и что если он не получит требуемого, то пошлет бомбу в Екатерининский дворец, в котором помещались Моллер и Попов»³¹⁹.

В ноябре начальника севастопольского гарнизона Моллера сменил Д. Е. Остен-Сакен. В отличие от предшественника он иногда выезжал на бастионы, поэтому смог оценить способности Нахимова как организатора и его авторитет среди моряков и просил Меншикова назначить Нахимова своим помощником. Однако Меншиков этого не сделал.

«Вы, верно, полагаете, что я имею какое-либо влияние на управление Севастополя, — отвечал Нахимов на письмо

Метлина. — Напротив: менее, нежели кто-нибудь... Зная меня хорошо, Вы, конечно, поймете, что я говорю это не из желания властвовать или управлять. Князь заперся на Северной стороне, ни во что не входит, и к нему нет никому доступа, а между прочим, по всему управлению, в особенности по городу и войскам, страшный хаос». Доказательство хаоса: вместо гнилой «Силистрии» по ошибке затопили корабль «Гавриил»! Это письмо Нахимова полно горечи и сожаления. Как можно оставить город без власти, когда неприятель сидит в траншеях в 85 саженях от 4-го бастиона, цепь его стрелков расположена близ хутора 42-го экипажа, где летом жили на отдыхе; наконец, когда нет пороха? А ведь войск в Севастополе и окрестностях было достаточно: 22 октября прибыли 10-я и 11-я пехотные дивизии, численность гарнизона увеличилась до девяноста тысяч человек; вместе с флотскими Нахимов насчитал до ста тысяч и не понимал: «...чего еще ожидают и отчего мы не действуем наступательно?» Но Меншиков после Инкермана как будто утратил веру в себя и совершенно устранился от дел.

Второй месяц осады

В ноябре Нахимов сосредоточил всё внимание на укреплении 4-го бастиона. Бастион этот занимал важное стратегическое положение, с него открывалась панорама всей Корабельной стороны — Корабелки, как говорят в Севастополе. Обустроен он был хотя и наспех, вопреки всем правилам фортификационной науки, но задачу свою выполнял. Бруствер был прорезан узкими амбразурами, из них выглядывали трехпудовые орудия, снятая с корабля 68-фунтовая каронада и четыре 36-фунтовые пушки, позади находилась мортирная батарея. «Всё это, считая с прислугой и прикрытием, — вспоминает артиллерист А. И. Ершов, — тесно местилось между двумя огромными траверсами на самой небольшой площадке. Офицер, взросший на книгах и слепо следующий правилам фортификации, ужаснулся бы от всего сердца при виде таких узеньких мерлонов (участков бруствера между бойницами. — *Н. П.*), таких причудливо-неправильных фронтов укреплений, устроенных вдохновением Тотлебена, как бы наперекор всякой рутине, всем преданиям состарившейся науки»³²⁰.

Каждый день противник методично разрушал 4-й бастион, и каждую ночь защитники старательно его восста-

навливали. Туры, мешки с землей, деревянные брусья — всё шло для укрепления брустверов, которые строились и утолщались не для красоты и шегольства, соответствия правилам фортификации или симметрии, а единственно для ведения огня по неприятелю.

Первые два месяца на бастионе не было блиндажей, матросы и солдаты размещались в казармах неподалеку. Французы высоко оценивали боевой дух и стойкость защитников Севастополя, а расположению их в казармах страшно завидовали. «Русские защищаются ожесточенно и с большим смыслом, геройски обороняясь за своими укреплениями... Они оказываются такими же хорошими солдатами в бою, как и прекрасными тружениками в оборонительных работах, — писал домой французский офицер. — Кроме того, они живут в казармах, между тем как мы находимся под открытым небом, подвергаясь жестоко-стям зимы»³²¹. Ну что ж, в Крым их никто не звал, могли бы зимовать в Париже. Когда разведка донесла, где находятся казармы, то французы раскатали их снарядами — видимо, чтобы уравнять положение.

Пришлось всем перебраться на бастионы. После бомбежек беспорядок там был ужасный. «Снаряды неприятельские в большом количестве валялись по всему бастиону, земля для исправления брустверов для большей поспешности бралась тут же около орудий, а потому вся кругом была изрыта и представляла неудобства даже для ходьбы. Адмирал Нахимов, приходя ко мне, всякий раз выговаривал обратить внимание на приведение бастионов в порядок и устройство блиндажей», — вспоминал барон В. Г. Реймерс, назначенный в феврале 1855 года командовать 4-м бастионом. Тогда эта задача — копать блиндажи и приводить бастион в порядок — казалась совершенно невозможной: какой может быть порядок на бастионе, если его день и ночь обстреливают? «Но [так] как у нас на Черном море невозможного ничего не было, — с нескрываемой гордостью писал Реймерс, — то я начал отделять по несколько человек прислуги от орудий на эту работу, и через две недели усиленных трудов с помощью инженеров я успел сделать 6 блиндажей, выровнять по возможности землю, подобрать в кучи бомбы, ядра и осколки и привести бастион в лучший вид»³²².

Блиндажи делали в два наката с использованием дубовых кряжей из адмиралтейства, предназначенных для кораблей; теперь драгоценный дуб не жалели, и блиндажи

сберегли не одну жизнь. Хотя и в них, случалось, бомбы являлись непрошеными гостями, превращая укрытия в братские могилы. Те прилетевшие ядра, которые по калибру подходили русским пушкам, посылали обратно «приятелям». Все земляные работы производились на заре, «после утреннего обеда», то есть около трех часов утра, когда вражеский обстрел становился слабее. Как заметили офицеры, они принесли пользу не только созданием блиндажей, но и тем, что заставляли «солдата забыть тягостное его положение», не давали думать об опасности, «делали его совершенно хладнокровным».

Нахимов остался доволен увиденным на 4-м бастионе: «Теперь я вижу-с, что для черноморца невозможного ничего нет-с». Похвала ободряла всех защитников Севастополя; спокойствие и достоинство, с которым держались Нахимов, Корнилов, Тотлебен, назначенный начальником штаба гарнизона князь Васильчиков, воодушевляли.

Флот тоже не пребывал в бездействии. Пока не были затоплены корабли, они служили для самых разных целей: подвозили боеприпасы, продовольствие и пополнение с Северной стороны на Южную и с Корабельной на Городскую, эвакуировали раненых; часть парусных кораблей обратили в плавучие батареи, другую — во временные госпитали. Пароходы защищали рейд.

В ноябре 1854 года Нахимов отдал приказание пароходо-фрегатам «Владимиру» и «Херсонесу» провести вылазку против неприятельских пароходов: «Союзные неприятельские флоты расположились в виду нашего Севастополя, как в своем порте. Для наблюдения за движениями на рейде они не удостаивают нас даже фрегатом. Вот уже несколько дней небольшой железный пароход безнаказанно следит за нами, оставаясь на якоре и без паров почти на расстоянии пушечного выстрела от наших батарей. Такое неуважение к нам требует урока».

Им предписывалось атаковать неприятельский пароход и уничтожить или захватить его, а в случае появления других пароходов, не вступая в неравный бой, вернуться на рейд. «Я вполне уверен, — писал Нахимов командиру «Владимира» капитану 2-го ранга Г. И. Бутакову, — что Ваши опытность и благоразумная распорядительность докажут неприятелям, что дело с Черноморским флотом у них еще не кончено и что победы на море мы не забыли». (Как мы помним, именно «Владимир» под командованием Бутакова в 1853 году пленил турецкий пароход «Перваз-

Бахри».) «Херсонесом» командовал капитан-лейтенант И. Г. Руднев.

Вот как описал эту «молодецкую вылазку» Нахимов в рапорте. Оба парохода обошли линию затопленных кораблей и направились к Песочной бухте. Руднев на «Херсонесе» наблюдал за Стрелецкой бухтой, где стояли корабли неприятеля, а «Владимир» полным ходом пошел к противнику, «по пути приветствуя меткими выстрелами» его лагерь на восточной стороне Стрелецкой бухты. Неприятельский пароход, отстреливаясь на ходу, поспешил в Камышовую бухту; «Владимир» преследовал его, стреляя, а затем присоединился к «Херсонесу». Быстрый и меткий огонь русских пароходов и даже само их неожиданное появление произвели на берегу и в бухте «большое смятение». Два английских парохода и один французский под вице-адмиральским флагом устремились за посмевающимися выйти с рейда русскими, но они вернулись в Севастополь без потерь, тогда как на одном из вражеских, судя по всему, ядром был пробит паровой котел. Смысл этой вылазки Нахимов определил так: «...суда наши, хотя и разоружены, но по первому приказу закипят жизнью... метко стреляя на бастионах, мы не отвыкли от стрельбы на качке». Не один Нахимов — все моряки переживали, что жизнь Черноморского флота, которому они отдали так много сил, может быть окончена; подобные вылазки на море должны были доказать обратное и им, и врагам.

Двадцать четвертого октября произошло Инкерманское сражение, в котором русская армия потеряла около двенадцати тысяч человек, потери неприятеля были втрое меньше. Нахимов как будто предчувствовал трагедию. Накануне сражения в Севастополь приехал генерал П. А. Данненберг, назначенный командовать войсками, и встретил у пристани Нахимова.

— А я к вам, адмирал, с визитом.

— Помилуйте-с, в такое время с визитами! Завтра у вас большое дело-с, неужели вам не нужно им заняться? дать наставления своим подчиненным?

«Нет-с, не быть завтра добру, — говорил Нахимов вечером, — если командующий накануне дела с визитами-с ходит».

После сражения кого только не назначали виновным: Данненберг обвинил погибшего начальника 10-й пехотной дивизии Ф. И. Соймонова, Меншиков — Данненберга, великие князя — Меншикова, потому что тот не дал четких

указаний и не подготовил сражение должным образом. Интересно, что английские историки дали Инкерманскому сражению другую оценку: «...атаки русских были на деле мастерски организованы, и остается только удивляться тому, что они не достигли успеха»³²³.

Правда, после Инкермана, при всей неудаче, положительный результат всё же был: как замечали защитники Севастополя, «огонь заметно стал слабеть, а мы, укрепляясь всю зиму, с весною начали подвигаться вперед тремя редутами: Волынским, Селенгинским и Камчатским»³²⁴.

Третий месяц осады

Неприятельский огонь стал слабеть по нескольким причинам. Во-первых, не было снарядов. Разразившийся на море шторм потопил корабли вместе с продовольствием и боеприпасами. «Сегодня страшная буря на море, — записал 2 ноября в дневнике Тотлебен, — я ни одному человеку не желаю чего-либо дурного, но желал бы, чтобы англо-французский флот пошел ко дну целиком, с людьми, подобно непобедимой армаде Филиппа II». Так и случилось: потонуло или было выброшено на скалы до двадцати французских и английских кораблей, в том числе пароходов. Потом начались крымские осенние дожди, а вместе с ними распутица и грязь. «Везде мокро, всякий старается сидеть в палатке, и если защищен от прямого дождя в спину, то не избавлен от необходимости лежать в грязи; нет ни соломы, ни ветвей, чтоб подостлаться, — писали из французского лагеря. — Так как очень трудно найти дров даже для приготовления пищи, то невозможно вполне высушить носильных вещей. По приезде сюда у нас еще был кустарник и несколько рощиц, теперь же остались только корни от них, которые надобно выкопать»³²⁵. Вслед за дождями пришли лихорадка и дизентерия с кровавым поносом, от которых в иной день умирало по 60—80 человек.

Пока иностранцы приноравливались в крымской зиме, в Севастополе страдали от безначалия. Фактически после гибели Корнилова обороной руководил Нахимов, но командиром порта и военным губернатором города по-прежнему оставался вице-адмирал М. Н. Станюкович. Все ждали назначения Нахимова, однако, писал племянник Нахимова, «князь не позволяет объявлять это приказом; назначение его выходит неофициальное, и оттого слушает

его и исполняет приказание только тот, кто хочет»³²⁶. В то же время Меншиков нередко посылал приказания Нахимову в обход Станюковича и даже предупреждал, «чтобы Станюкович ничего не знал». Так, перед Инкерманским сражением он поручил Нахимову устройство моста через Черную речку втайне от начальника порта. Такой оригинальный способ управления добавлял и без того сложной обстановке ненужной нервозности.

Меншиков относился к Нахимову свысока, не любил его, считая, что тот, кроме своего морского дела, более ничего не знает и ни в чем не разбирается. Он и прозвище дал Нахимову соответствующее — «боцман», приговаривая: «Ему бы всё канаты смолить». Высокомерие и злословие князя были известны, не дай бог попасть ему на язык. Так, министра финансов Е. Ф. Канкрин, проводившего в 1839—1843 годах денежную реформу, он называл «фокусником»: «...он держит в правой руке золото, в левой — платину: дунет в правую — ассигнации, плюнет в левую — облигации». Министра государственных имуществ П. Д. Киселева Меншиков советовал государю отправить на Кавказ для умирения горцев: «Если нужно кого разорить, то лучше всего послать графа Киселева, после государственных крестьян семь аулов разорить — ему ничего не стоит».

Его шутки были на слуху, их пересказывали в петербургских салонах как анекдоты. Однако в Севастополе князь шутить перестал. После окончания войны и подписания Парижского договора, по которому Россия утратила право иметь военный флот и крепости на Черном море и потеряла устье Дуная, на его счет едко пошутил генерал А. П. Ермолов, который тоже за словом в карман не лез.

— Давно мы с тобой не виделись! — приветствовал Меншиков Ермолова при встрече. — С тех пор много воды утекло!

— Да, князь! Правда, что много воды утекло! Даже Дунай уплыл от нас! — отвечал Ермолов.

К Новому году Меншиков решил представить Нахимова к награде. В рапорте на имя великого князя Константина Николаевича он отмечал, что Нахимов «одушевлял войска непрестанным своим присутствием всюду, где опасность, подавая собой пример мужественного хладнокровия при исполнении священного долга», и предлагал наградить его орденом Белого орла.

В России существовала определенная иерархия наград; как правило, старший орден получали после младшего.

Каждый подвиг Нахимова был отмечен: за кругосветное плавание он получил орден Святого Владимира 4-й степени, за Наваринское сражение — орден Святого Георгия 4-й степени, за службу на кавказском побережье — орден Святого Владимира 2-й степени, за Синоп — орден Святого Георгия 2-й степени, который всегда носил на шее. Следующим по старшинству шли ордена Белого орла, Александра Невского, Святого Владимира 1-й степени и Святого Георгия 1-й степени и высшая награда Российской империи — орден Святого Андрея Первозванного.

«Награда Белым орлом, мало сказать удивила, но оскорбила всех, видевших действия П[авла] Степановича, — писал Воеводский Рейнеке, — зато ни один человек не позволил себе поздравить его». Почему оскорбились севастопольцы? Орден Белого орла был старейшим польским орденом, им были награждены Петр I и некоторые его сподвижники во время Северной войны. После подавления восстания поляков (1830—1831) и ликвидации польской автономии орден сохранился, но изменился его внешний вид: теперь на нем изображался российский двуглавый орел под красной российской короной, на груди которого располагался красный мальтийский крест, а поверх него — белый одноглавый орел.

Несмотря на изменившийся внешний вид ордена, в России его по-прежнему воспринимали польским. Отношение к полякам известно: многие из них после подавления восстания бежали во Францию, где приложили немало усилий к разжиганию русофобских настроений в Европе, призывали «цивилизованное общество» разгромить «варварскую Россию», якобы угрожавшую всему миру.

Все ждали для Нахимова ордена Святого Владимира или Святого Георгия 1-й степени. Обе награды были высокими, но если первый орден давали чаще штатским лицам, то второй — лишь военным. Этот орден был очень почетен, за всё время его существования им наградили лишь 25 человек, в то время как высшей наградой Российской империи — орденом Святого Андрея Первозванного — более тысячи. Кто, если не Нахимов, заслужил такую награду?

Но Меншиков умел, как он говорил, «позолотить пилюлю»: вроде бы наградить не забыл, но и не обрадовал. Неудивительно, что никто Нахимова не поздравлял. Впрочем, сам он это награждение не воспринял как оскорбление — даже наоборот. «Он рад, что его не наградили, как Новосильско-

го, — чересчур щедро. А еще более был бы он доволен, не получив ничего», — записал Рейнеке в дневнике.

Между тем наступали холода, к которым неприятель оказался не подготовлен. Температура ночью опускалась до нуля, дров не было, кухня не кашеварила, воду не вскипятить. «Есть роты, — жаловались обитатели французского лагеря, — которые уже два дня едят только сухари, натертые салом!!! Интендантство велело раздать клепки от бочек в два гектолитра в каждую роту, и вот такой жалкой дозой дров необходимо будет сегодня кипятить восемь котлов!.. а завтра?»³²⁷ Французские перебежчики говорили, что их обманули — обещали везти в Алжир, а привезли в Севастополь.

Снабжение английской армии тоже оставляло желать лучшего. «На удивление, при наших огромных запасах теплой одежды сапог и ботинок по-прежнему не хватало, — писали из Севастополя. — В 14-й полк, занятый на работах в Балаклаве и ее окрестностях, было отпущено 300 пар сапог, но их подошвы навсегда остались в густой балаклавской глине. Некоторые солдаты целую неделю ходили в сапогах без подошв... ступали босыми ногами по земле, когда термометр показывал 30 градусов (по Фаренгейту; примерно минус один по Цельсию. — *Н. П.*) — увы, не лучший способ передвижения!»³²⁸

В Англии газеты наперебой критиковали лорда Реглана за медлительность и нерешительность, за плохое снабжение и негодную организацию медицинской помощи. Однако «военный эксперт» Энгельс проанализировал ситуацию и вынес вердикт: Реглана ругают напрасно: «Причиной ужасных бедствий, вызывающих гибель солдат в Крыму, являются... пороки всей системы управления британскими вооруженными силами». Если неприятелем выведено из строя менее семи тысяч из сорока тысяч умерших с начала действий в Крыму, это означает, что армия в состоянии «полной дезорганизации»³²⁹.

Весной была назначена следственная комиссия, которая объяснила причину катастрофического положения дел со снабжением: состояние дорог в России и недостаток средств перевозки. «Плохая дорога между лагерем и Балаклавой была одною из главных причин бедственной участи войск... Сэр Бургоин пытался употребить турок на устройство дороги, дело оказалось невозможным. После бури 14 (2) ноября дорога стала еще хуже, и нашли вынужденным употребить кавалерийских лошадей на тяжелые работы, от

которых лошади падали сотнями». Пришлось англичанам строить железную дорогу, по которой и перевозили грузы от Балаклавы к лагерю.

Запасы продовольствия были заготовлены, но лежали в Константинополе. «Из Англии были отправлены значительные грузы солонины, сухарей и рома. В продолжение зимы собрано было в Константинополе 4000 штук скота да из Смирны привезли 2000, и продовольствия оказалось бы в достаточном количестве, если бы были перевозочные средства». В английском лагере всю зиму ничего не ели, кроме солонины и сухарей, «тогда как в Евпатории лежали огромные запасы» свежих овощей — но их не на чем было перевезти, и даже зерна кофе раздавали сырые — не на чем было жарить. Вывод комиссии — вынести «строгое порицание» интендантским службам³³⁰.

«Неприятель, верно, много терпит, — писал профессор Н. И. Пирогов из Севастополя. — Вчера еще перешли к нам человек шестнадцать англичан и египтян; жалуются на холод и удручающие работы; от нас также иногда перебегают то какой-нибудь поляк, то рядовой, пропивший амуницию»³³¹. Впрочем, отдельные части английской армии были одеты превосходно — в высокие прочные сапоги, макинтоши и полушубки, медвежьи шапки с наушниками.

На Святках московские купцы доставили в Севастополь на девяноста девяти тройках гостинцы: муку, крупу, сахар, чай и много других полезных вещей. Организовал это известный предприниматель и меценат, которого газеты именовали не иначе как «человек большого калибра», В. А. Кокорев. Разбогатеv на винных откупах, он не забывал о благотворительности. Кокорев горячо поддерживал защитников Севастополя, говорил, что страна должна поклониться морякам в ноги; когда в 1856 году в Москве чествовали севастопольцев, он вместе с московскими купцами так и поступил — поклонился героям до земли.

«Наши покуда переносят труды и перемену погоды еще довольно порядочно, хотя больных поносами и лихорадками и у нас довольно, — писал доктор Пирогов. — Мясо и хлеб покуда есть, вино также есть, хотя и не всегда, сахар вздорожал: пуд — 17 руб. и более, а дня два его почти совсем и достать нельзя было; но покуда всё еще нельзя жаловаться на сильные недостатки; прибывают постепенно и полушубки для армии...»

Ни холод, ни болезни не прекратили боевых действий, обе стороны по-прежнему вели обстрелы. Всё это стало на-

помянуть шахматную партию, где оба игрока одинаково сильны, но никто не может поставить мат. Примечательно, что сравнение это принадлежит противнику — корреспонденту британской газеты «Таймс» Уильяму Расселу. «Но не родился еще полководец, что мог бы выиграть партию, находясь за 1000 миль от “доски”»³³², — добавлял он, критикуя правительство.

Новый год встречали на позициях, особенного веселья не было, поздравляли друг друга «с новым горем». Защитники Севастополя не теряли чувство юмора, даже в смертельной обстановке умели видеть забавное. Маленькие трехфунтовые мортирки, накрытые чехлами от дождя, именовали «старушками в чепчиках»; одиноко пролетевшую штуцерную пулю называли «сиротой», а если летела пуля из винтовки Минье, с особым шуршанием, говорили «молоденькая»; ядра тяжелых пушек называли «жеребцами»; разрыв гранаты комментировали: «Рразрешилась»; а удушающий запах от разрывных бомб — «Нас вонью не удивишь». Если бомба падала в бухту — «пить пошла», разрывалась на бастионе — «наша, сердитая». Бомбам, которые издавали звук, как будто пели «чьи вы, чьи вы, чьи вы», отвечали: «Мы дети Романова, не тронь». На Масляной неделе осколки называли «блинами», а на Пасху посылали неприятелю раскрашенные двухпудовые бомбы, приговаривая: «Надо похристосоваться, вот дружку и красное яичко!»

Но особенно солдатский неунывающий характер проявлялся во время краткого перемирия, когда забирали тела убитых. Противники, за несколько часов перед тем стрелявшие друг в друга, теперь обменивались фляжками, шапками, табачком, шутили и, даже не зная языка, разговаривали.

— Что брат-мусью, на сапоги мои смотришь, а? — спрашивает наш егерь зуава, который осматривает его с любопытством.

Зуав отвечал по-своему, и егерь слышал знакомое слово: «bottes».

— Ну, боты так боты, по-нашему — сапоги. Поляк тоже говорит «боты». А знаешь, камрад-мусью, для чего государь дал нам такие бун — крепкие сапоги? Чтоб крепче было становиться на ногу, когда маршируем: раз-два-три, раз-два-три, — пояснял он, маршируя.

Зуав улыбался.

— А вот вам, — указывал егерь на сандалии зуава, — пантуфли-то эти даны, чтобы лучше было того, наутек, лататы задавать.

Солдат подбирал полы своей шинели и делал вид, что убегает³³³.

Взрыв смеха слышен в толпе, собравшейся вокруг, не нужен и переводчик — и так всё понятно.

Когда матросы устраивали вылазку и противник бежал из траншей, говорили: «Даром ходили»; если не бежал, а сдавался — «Кто не прыток на ногу, пардону кричит, значит, не трогай его, а возьми, как есть, целого». Добродушие русских солдат известно. Даже когда неприятель разграбил церковь в Херсонесе, пожег Керчь, старые солдаты находили объяснение: «Он не виноват, как ему приказано, так он и делает. А француз хорошо дерется!»

В эти дни в Севастополе по рукам ходил список письма, отправленного контр-адмиралом Истоминым вице-адмиралу, главнокомандующему английским флотом Лайонсу. Надо заметить, в ту эпоху были еще живы рыцарские отношения между противниками, пленных офицеров даже могли отпустить домой под честное слово не воевать. Так, князь Барятинский приютил у себя в доме пленного французского офицера, а когда того отправили на поселение в Калугу, дал ему на дорогу шубу. После войны француз навел о князе справки и переслал через знакомых браслет для его молодой жены в благодарность за шубу, которая спасла ему зимой жизнь.

Истомин и Лайонс были хорошо знакомы, встречались в Средиземном море. Во время осады Лайонс прислал Истому дружеское письмо и честерский сыр в подарок. Истомин написал ответ:

«Любезный адмирал! Я был очень доволен Вашею присылкою, она привела мне на память наше крейсерство, от которого сохранились у меня неизгладимые впечатления, и вызвала передо мною со всею живою обстановкою то время, какого теперь нет. Я не забуду Афины и Мальту.

Ныне, через столько лет, мы опять вблизи друг от друга... мне можно Вас слышать, чему доказательством служит день 5-го октября, когда голос мощного «Агамемнона» раздался очень близко, но я не могу пожать вам руку... (трехдечный корабль «Агамемнон» под флагом Лайонса ближе всех подошел к городу в день бомбардировки 5 октября. — *Н. П.*). Вы отдаете справедливость нашим морякам, любезный адмирал, они действительно заслуживают похвалу судьи столь сведущего, но, как мне кажется, несколько взыскательного. Они наша гордость и наша радость!..»³³⁴

В конце письма Истомин напомнил: если английские гребные суда, посланные для переговоров, еще раз приблизятся к самым пушкам крепости, то может выйти «недоразумение». Приложением к письму был ответный подарок. «Позвольте мне, в свою очередь, предложить вам добычу недавней охоты: крымские дикие козы превосходны». Вот в таких изысканных и церемонных выражениях изъяснялись противники в XIX веке, не теряя чести и достоинства, но и возможности съязвить не упускали, как в данном случае Истомин, отправивший англичанину в качестве гостинца козла.

120 дней осады

Двадцать пятого января в Севастополе был праздник, и в Михайловской церкви отслужили благодарственный молебен. Что же праздновали? — Прошло ровно 120 дней с начала осады Севастополя. Армии четырех государств, два из которых — самые могущественные в мире, имевшие колонии во всех уголках земного шара, уже четыре месяца топтались на небольшом клочке земли под названием Севастополь и не могли взять его. Не помогли ни штуцерные ружья, ни винтовые корабли, ни железные дороги. Это можно и нужно было праздновать.

Нахимов, однако, предостерегал от неоправданных надежд и пытался убедить командование действовать решительно. Но князь Меншиков жил так, будто его в Севастополе и не существовало; Остен-Сакена также было не слышно. Такое добровольное отстранение от дел двух первых лиц лишь добавляло проблем. А ситуация и без того была непростой: по-прежнему сохранялась опасность захвата рейда и города, остро не хватало боеприпасов.

Нахимов рискнул написать Меншикову, предложив поновому расставить батареи, чтобы использовать возможности местности для защиты города и рейда: «...мы будем иметь возможность в случае надобности действовать с высот и тем облегчать наши усилия на пунктах, наиболее угрожаемых неприятелем». Письмо его — яркое свидетельство его напряженных отношений с главнокомандующим, однако необходимость экстренных мер перевешивала все обиды. Распоряжаться в городе и в порту Нахимов по-прежнему не имел полномочий, мог только предлагать. Поэтому он счел необходимым добавить, что причина появления письма — «только искреннее желание быть полезным в деле»³³⁵.

Первого февраля Меншиков, наконец, подписал приказ о назначении Нахимова помощником начальника севастопольского гарнизона, а уже спустя два дня тот послал ему новую записку, где представил анализ ситуации в Севастополе: «Первый период бомбардирования кончается, средства наши наполовину уже истощились». То положение, в котором находится флот, показывает «наше настоящее ничтожество на Черном море»: без винтовых кораблей, с одними парусными «не можем быть страшны на море, по крайней мере, в продолжение нескольких лет». Остается сам Севастополь — «враги наши знают цену этому пункту и употребят все усилия, чтобы завладеть им».

Нахимов видел две опасности для города: если войска неприятеля прорвут оборону или неприятельские корабли займут рейд. В первое Нахимов не верил, второе было очень даже возможно. На кораблях оставалась половина команд — остальные защищали бастионы и батареи; часть пушек тоже отправилась на бастионы; на иных кораблях вообще не было вооружения. Если же неприятель прорвется на рейд, можно потерять и город, и флот, «а без Севастополя нельзя иметь флота на Черном море». Его предложение — затопить оставшиеся корабли, чтобы не дать возможности захватить город с моря. Нахимов, зная отношение к нему Меншикова, не преминул упомянуть: «Может быть, ваша светлость найдете в этом изложении односторонний взгляд моряка, но, тем не менее, я уверен, что Вы отдадите справедливость прямоту, с которым оно писано». Предложение обсудили на военном совете, и 6 февраля командирам кораблей были отданы приказания о подготовке их к затоплению. Швартовались они носом к Северной стороне, работы производились «быстро и тайно». В ночь на 13 февраля между Николаевской и Михайловской батареями были затоплены «Двенадцать апостолов», «Святослав» и «Ростислав», вместе с ними пошли ко дну фрегаты «Кагул» и «Месемврия», 16 февраля — фрегат «Мидия».

Теперь можно было перенести всё внимание на укрепление холма, называемого севастопольцами Кривая Пятка. Эта самая «пятка» хотя и была кривой, однако положение имела самое выгодное: тот, кто занимал высоту между Малаховым курганом и Килен-балкой, имел возможность вести обстрел практически всей Корабельной стороны. Французы называли холм лирично — *Mamelon vert* (Зеленая гора) или просто *Mamelon* (Сосок), потому что формой он напоминал женскую грудь. Чтобы завладеть холмом, обе стороны при-

ложили немало сил, англичане даже заключали пари, кто раньше возьмет Mamelon — русские или французы.

Нахимов распорядился поставить напротив Киленбалки три парохода — «Владимир», «Херсонес» и «Громосец», чтобы они артиллерийским огнем поддерживали позиции. Через Килен-бухту навели мост, по которому батальоны Селенгинского и Волынского полков перешли на Корабельную сторону. Замыкающие еще шли по мосту, а авангард уже стучал кирками и лопатами по каменистой севастопольской земле, насыпая редуты в 400 саженьях от французских позиций. Удивившись такой «наглости», французы 12 февраля атаковали недостроенный редут; но огонь пушек Малахова кургана и пароходов не позволил его захватить. Английский пароход, прозванный «сороконожкой», начал было ответную бомбардировку, но вынужден был удалиться, поскольку «приносил более стыда врагу, нежели делал вреда нам»³³⁶: его ядра чаще падали на французскую батарею, чем на русскую.

Вновь построенный редут назвали по имени полка Селенгинским, через неделю рядом с ним появился еще один именной — Волынский. Теперь Кривую Пятку было захватить непросто.

Восемнадцатого февраля из города уехал главнокомандующий Меншиков, как было объявлено — «на лечение». Но Николай I уже подписал указ о его отставке. Временно исполняющим обязанности остался барон Остен-Сакен, он-то и назначил Нахимова командиром порта, помощником начальника гарнизона и временным военным губернатором Севастополя. Однако моряки давно считали Нахимова истинным руководителем — как они говорили, «душой обороны».

Душа обороны

Новые должности мало что изменили в жизни Нахимова: он так же ранним утром объезжал верхом батареи и редуты, навещал госпитали и на рейд, потом обедал и отдыхал, во второй половине дня совершал еще один объезд, а если было беспокойно, то и третий. Только теперь у него были полномочия.

Его первый приказ в новой должности предписывал беречь людей: «...я считаю своим долгом напомнить всем начальникам священную обязанность, на них лежащую...

озаботиться, чтобы при открытии огня с неприятельских батарей не было ни одного лишнего человека не только в открытых местах и без дела, но даже прислугу у орудий и число людей для неразлучных с боем работ было ограничено... Заботливый офицер... всегда отыщет средство сделать экономию в людях и тем уменьшить число подвергающихся опасности». Касалось это не только нижних чинов, но и офицеров: «...жизнь каждого из них принадлежит отечеству и... не удалство, а только истинная храбрость приносят пользу ему...»

Этим же приказом от 2 марта Нахимов запретил вести частую пальбу и тратить зря порох и снаряды, нехватка которых ощущалась всё явственнее, заметив, что «никакая храбрость, никакая заслуга не должны оправдать офицера», допустившего пустую трату боеприпасов³³⁷. Но беспорядочная пальба продолжалась, и через два дня Нахимов снова издал приказ беречь порох и снаряды, стрелять лишь во время неприятельских атак.

В те дни армейские офицеры и гражданские чиновники удивлялись четкости, ясности, логичности и быстроте хозяйственных распоряжений Нахимова, явно свидетельствовавших о его административном таланте. Не удивлялись лишь моряки. Забота о команде корабля, затем об эскадре дала Нахимову большой опыт; теперь его «эскадрой» был весь город, о снабжении, питании, лечении и обмундировании которого он и заботился. Единственное, чего он боялся, — бумаг и отчетности, говорил, посмеиваясь, что после войны его, верно, предадут суду за всякого рода превышения власти.

В те дни он был серьезен и даже угрюм. А. И. Ершов вспоминал: «Речь была отрывиста, но вместе с тем ясна... иногда одного меткого слова его достаточно было для уразумения самого сложного обстоятельства... Адмирал был выше среднего роста, но держался немного сутуловато. Сложенный плотно, лицом румяный, он казался совершенно здоровым»³³⁸. Суровость его и отказ высказывать свое суждение о чем-либо, кроме морского дела, ставили в тупик и отталкивали многих сухопутных, даже умных и проникательных. Но при личном коротком знакомстве он открывался, бывал мил, весел, остроумен, чрезвычайно заботлив и внимателен. Особенно ярко эти качества проявились в заботе о больных и раненых.

Больше, чем штуцерные пули и ядра, ряды защитников Севастополя выкашивали тиф, дизентерия и цинга. На

этих трех неприятелей работали гнилая вода, разлагающиеся трупы павших лошадей, недостаток хинных порошков и скудная еда. В первые дни обороны остро не хватало лекарей, не были заготовлены в достаточном количестве перевязочные материалы, врачебный инструмент, койки. Впервые это ощутили после сражения на Альме.

Князь Барятинский вспоминал, как в день затопления кораблей Корнилов направил его во флотские казармы на Южной стороне, куда привезли раненых солдат. Едва он вместе с фельдшерами и медиками, собранными со всех кораблей, вошел в казармы, в нос ударило жуткое зловоние, от которого заслезились глаза, закружилась голова и стало невозможно дышать. Представшая перед ними картина заставила содрогнуться даже выдавших виды флотских лекарей: на голом полу лежали несколько сотен раненых, которым никто не оказывал помощь, — у двух армейских медиков давно закончились перевязочные средства. У некоторых несчастных раны не только загноились, но и покрылись червями; между живыми лежали покойники, уже разлагающиеся. «Несмотря на эти ужасные страдания, было слышно мало криков, только стоны. Лица у многих просияли при виде помощи, им посланной... Раненые крестились и благодарили»³³⁹. Князь приказал немедленно отделить мертвых от живых, вызвал священника для отпевания и отдал приказ хоронить покойников на ближайшем кладбище.

Позже для захоронения выберут кладбище на Северной стороне, куда тела будут доставлять на лодках. Унтер-офицера, перевозившего покойников, с горьким юмором назовут Хароном*. В некоторые дни лодки не могли вместить тела, и тогда их загружали на баркасы.

Одну из таких погрузок наблюдал на Графской пристани протоиерей Петропавловского собора А. Г. Лебединцев. Матушку с малолетними детьми он отправил в Николаев, а сам провел всю осаду в городе, пока в августе 1855 года снаряд не разрушил храм. По распоряжению архиепископа Херсонского и Таврического Иннокентия Лебединцев вел дневник и отправлял отчеты в Симферополь. Наверное, трудно было удивить болью и смертью священника, который 11 месяцев осады изо дня в день исповедовал и причащал раненых и увечных, отпевал умерших. Но, увидев, как

* *Харон* — в греческой мифологии перевозчик душ умерших через подземную реку Стикс в Аид — царство мертвых.

грузили тела на баркас — ряд за рядом, головами к бортам, ноги к ногам, — не выдержал даже он: «Третьего ряда я не дождался, не могши смотреть на невиданное... Были здесь и наши, в серых шинелях, их немного, большею частью это были французы — одни в синих мундирах и панталонах (народ рослый), другие в синих мундирах и красных панталонах (народ помельче, это, говорят, стрелки или штуцерные)»³⁴⁰.

Вернувшись из казарм на адмиральский корабль, Барятинский застал Нахимова в каюте Корнилова. Оба адмирала, услышав рассказ флаг-офицера, с трудом могли поверить, что раненые солдаты могут быть в полном смысле слова брошенными:

«Адмирал Нахимов, известный своею доброю душою и любовью к своим подчиненным и питавший всегда беспредельное уважение к высоким качествам и христианскому терпению наших нижних чинов (он часто говорил про них: “Это святые-с!”), пришел в большое волнение и вдруг, как будто вспомнив о чем-то, с радостью бросился на меня и сказал:

— Поезжайте сейчас в казармы 41-го экипажа, скажите, что я приказал выдать сейчас же все тюфяки, имеющиеся там налицо, и которые я велел сшить для своих матросов; их должно быть 800 или более. Тащите их все в казармы к армейским раненым».

Матросы привезли тюфяки в казармы, перенесли на них раненых, и те «радовались и даже шутили». Поистине безгранично терпение русского человека, можно только повторить вслед за Нахимовым: «Это святые!»

Потери, и не только боевые, несли все армии, воевавшие в Крыму. Смерть не разбирает, кто перед ней — «цивилизованные» или «варвары». Дождь со снегом, ветер с дождем, соленая питьевая вода, отсутствие дров для ее кипячения — всё это сильно прореживало ряды не только обороняющих Севастополь, но и осаждавших его. С сентября 1854 года по сентябрь 1855-го английская армия потеряла в боях 239 офицеров и 3323 солдата, небоевые потери за то же время — 61 офицер и 15 669 солдат. В первые месяцы осады из каждой сотни «томми» умирали 39 человек. Но англичане на своих больных и раненых не экономили, и уже к концу войны эти показатели сильно уменьшились: умирал один из семидесяти человек, тогда как во французской армии каждый день умирали 100 человек и еще 200 — во время транспортировки в Константинополь. Когда французский врач спросил английского командира парохода, сколько на

нем поместится раненых и больных, тот ответил: «Англичан 700 человек, а французов — 1500»³⁴¹.

В Южной русской армии ежедневно заболевали 15 человек из тысячи. И каждый день были раненые и убитые во время обстрелов.

В ноябре 1854 года в Крым отправился с командой медиков профессор Петербургской медико-санитарной академии Николай Иванович Пирогов. Дорога, по которой они ехали в Севастополь, была, по определению профессора, пригодна разве что для «гимнастики брюшных внутренностей». Из Симферополя в Севастополь — это всего 60 верст — ехали по жидкой грязи две недели! По той же дороге везли в Симферополь раненых: «В вязкой грязи, толкаясь по рытвинам, спускаясь с гор и поднимаясь на горы, тянулись ряды телег и арб, нагруженных сеном, сухарями и ранеными; по 2 и по 4 человека на телегу скучены были раненые защитники Севастополя». Выжившие попадали во временный госпиталь в Симферополе, рассчитанный на 300 коек. Пирогов нашел там 360 раненых, которые были свалены, «как собаки», в центре палат лежали покойники... Профессор в сердцах написал: «...горькая нужда, славянская беспечность, медицинское невежество и татарская нечисть соединились вместе в баснословных размерах»³⁴².

Точно такую же картину увидела сестра милосердия мисс Флоренс Найтингейл в английском лагере под Балаклавой: раненые лежали на голой земле, в мокрых палатках, без всякой помощи, вместе тифозные, холерные, с гнойными ранами и после ампутаций. Прибывшие вместе с ней сиделки и сестры милосердия делали всё возможное в тех условиях: налаживали работу госпиталей, кормили и поили, дежурили по ночам. Сама Флоренс получила прозвище «дама с лампой», поскольку по ночам обходила палаты с больными и ранеными.

Н. И. Пирогов был человеком дела, резким, порой грубым и отзывы о современниках оставлял далеко не комплиментарные. Но чтобы сдвинуть с места неповоротливое колесо медицинской администрации, нужен был именно такой характер. Первым, с кем он встретился в Севастополе, был главнокомандующий Меншиков. «Мумия» и «скупердяй» — самые мягкие прозвища, которыми наградил его хирург. Меншиков после Инкермана не вникал в дела, всё адресовал Нахимову. С ним и встречался Пирогов, ему и высказывал свои предложения и требования по устройству госпиталей.

После приезда Пирогова госпитали разместили во всех пригодных для этого присутственных местах и купеческих домах, даже в Екатерининском дворце рядом с Графской пристанью и в Дворянском собрании.

В научно-практической деятельности Н. И. Пироговым многое было совершено впервые: от создания целых отраслей науки (топографической анатомии и военно-полевой хирургии), первой операции под ректальным наркозом (1847) до первой гипсовой повязки в полевых условиях (1854) и идеи о костной пластике (1854)³⁴³.

В Севастополе он впервые обосновал и осуществил на практике сортировку раненых. У входа в Дворянское собрание стояли ряды носилок, при тусклом свете фонарей, под крики и стоны врачи проводили первичный осмотр и давали распоряжения: «на стол», «на перевязку», «в дом Гущина» или «Инженерный». Первую группу составляли безнадежные больные и смертельно раненные — они поручались заботам сестер милосердия и священника. Ко второй категории относились тяжелораненые, которым требовались срочные операции — они проводились прямо на перевязочном пункте в доме Дворянского собрания. Иногда оперировали одновременно на трех столах, по 80—100 больных в сутки. В танцевальной зале Дворянского собрания, где еще недавно гремела музыка и пары лихо неслись в мазурке по натертому до блеска паркету, теперь проводили ампутации, и паркет покрывался коркой засохшей крови; там, где раньше стучали бильярдные шары, разместили корпию* и бинты. Вместо шуток и смеха теперь были слышны лишь команды хирургов и стоны раненых. В третью группу определялись те, чьи ранения были средней тяжести, — их можно было оперировать на следующий день. Четвертую группу составляли легкораненые, которые после оказания помощи отправлялись обратно в часть.

Оценивая войну как «травматическую эпидемию», Н. И. Пирогов был убежден, что «не медицина, а администрация играет главную роль в деле помощи раненым и больным на театре войны».

С профессором Пироговым приехали лучшие молодые хирурги, главный перевязочный пункт на Южной стороне возглавил профессор Киевского университета Х. Я. Гюббенет.

* Корпия — нашивки из льняных тряпок нитки, которые употреблялись раньше вместо ваты.

Не всегда врачи и сестры милосердия выходили победителями в борьбе со смертью, но сколько жизней было спасено благодаря их труду!

Нахимов каждый день приходил в госпитали. Его адъютант рассказывал, как одному матросу во время посещения Нахимова отнимали ногу.

— Ваше превосходительство! — проговорил он.

— Чего тебе нужно? — спрашивает адмирал.

— А ведь это они нам за Синоп отплачивают?

— Правда, за Синоп.

— Ну, уж и задал же я им Синоп! — ответил матрос, сжимая кулак.

Другой, весь обожженный, кричал Нахимову:

— Ваше превосходительство, вы меня не узнали?!

— Да тебя трудно, братец, узнать! У тебя всё лицо сорвано.

— Я форс-марсовый с «Двенадцати апостолов». Явите милость, позвольте опять на батарею!

— Да как же тебе идти в таком виде?

— Нет, уж позвольте! А не то в халате уйду!

Нахимов уважил его просьбу, bravому матросу сделали маску на лицо, и он отправился на позицию³⁴⁴.

Надо заметить, матросы редко соглашались уходить в госпиталь, просили оказать им помощь и оставить на позициях. Если вспомнить описания госпиталей в начале осады, их можно понять. Но за время обороны многое изменилось в лучшую сторону.

Записная книжка Нахимова полна заметок, рядом с каждой записью стоит значок «=», означавший «сделано». Попросили медики лодку — появилась запись: «Шлюпку в распоряжение сестры милосердия», жаловались на плохое качество воды — «Колодцы очистить и осмотреть, как в южной, так и в городской»; «Поручить Ловягину осмотреть колодцы»; не хватало лекарств — «Пирогову или Гюббенету освидетельствовать или проверить аптеки»; нужна кипячая вода — «Чайники для раненых».

По весне появились чесотка и цинга, а в книжке Нахимова — новые записи: «Сказать Васильчикову, чтобы осматривали, когда есть чесоточные и цинготные — нет медика на отделении». После посещений госпиталей отдавались приказы: «Об устройстве бань для личного состава», «О снабжении личного состава сушеной зеленью», «О запрещении пользоваться нелуженой посудой»; объявление выговора офицеру за выдачу его команде всего по одной

рубаше. Нахимов знал по опыту морской службы: лучшие средства для борьбы с чесоткой и цингой — опрятность, чистота и хорошее питание.

«Нахимов теперь сидит также дома, в городе, нездоров, но здесь все, и именно морские, говорят о нем, как он того заслуживает, — с уважением», — писал Пирогов жене. До начала января 1855 года Нахимов жил на корабле, потом простудился и переехал в город. Когда заболел сам Пирогов, Нахимов прислал ему из библиотеки «много разных книг». Виделись они часто, обсуждали новости из Петербурга, смеялись, читая письмо общего друга В. Даля, который подобрал для севастопольцев знатную русскую поговорку: «Наши кишки тонкия, да долгиа, хоть жилимся, да тянемся».

Особой заботой Нахимова была помощь раненым. Доктор Гюббенет вспоминал, как в госпиталях ему случалось видеть у раненых офицеров разного рода лакомства, иногда труднодоступные в осажденном городе. На расспросы доктора ответ всегда был один: «Прислал Нахимов!» Когда весной 1855 года Тотлебен был ранен штуцерной пулей в бедро, Нахимов отправил ему подушки и варенье, каждый день справлялся о его самочувствии и присылал прекрасные крымские левкой. Своего раненого адъютанта Шкота он приказал перевезти на Северную сторону и передал на личное попечение Пирогова. Командира батареи лейтенанта Ф. Титова после ранения Нахимов взял к себе домой и сам ухаживал за ним, так что его квартира тоже превратилась в лазарет. «...при тяжком бремени должностных занятий, под самым градом бомб, герой наш находил время повиноваться благородным побуждениям своего нежного сердца!» — не уставал повторять Гюббенет³⁴⁵.

Помогал Нахимов и семьям раненых и убитых, для чего вместе с Г. И. Бутаковым создал комитет, в который поступали пожертвования. Практически всё свое жалованье — 2208 рублей серебром в год — он, по свидетельству адъютантов, раздавал нуждающимся.

«Сегодня, — писал великому князю Константину Николаевичу из Севастополя чиновник особых поручений Б. П. Мансуров, — я присутствовал [при том], как к вице-адмиралу Нахимову по его приказанию приводили жену матроса... Войцеха Сойки, молоденькую и, кажется, беременную женщину, которой бомба оторвала правую ногу; она благополучно выздоровела и уже ходит на костылях». Нахимов приказал перевести ее мужа в Николаев, «собрал

им до 80 руб[лей] сер[ебром] и сам напутствовал их наставлением и благословением в дорогу. Отраднo было видеть выражение глаз Войцеха Сойки и жены его, когда они прощались с Павлом Степановичем, оба они совершенно покойны насчет своей участи»³⁴⁶.

Нахимов, как и Пирогов, считал, что ежедневно обстреливаемый город — не лучшее место для госпиталей, поэтому предлагал оставить в Севастополе лишь перевязочные пункты, а госпитали переводить по возможности в Николаев. Туда же он пытался эвакуировать и женщин, особенно по весне, когда сильные обстрелы возобновились.

Как случилось, что женщины и дети остались в городе? Кто-то из жительниц Севастополя не мог уехать из-за болезни детей, некоторые были на сносях, а кому-то и ехать было некуда. К тому же никто не был готов к печальному итогу сражения на Альме и стремительному отступлению армии в сентябре. Флаг-офицер Корнилова князь Барятинский вспоминал, как в день первой бомбардировки в центре города, на Екатерининской улице, услышал женские голоса — это были жены адмиралов Новосильского и Панфилова. Дамы остановили князя, чтобы спросить совета: как им следует поступить, если начнется штурм города, — спрятаться в подвале дома или остаться наверху? Князь затруднился с ответом и поскакал выполнять срочное поручение Корнилова.

Если жены адмиралов оставались в городе, что уж говорить о женах матросов? Тех называли не иначе как «матроски удалые». Разлучаться с мужьями и сыновьями они отказывались наотрез, и никакие приказы на них не действовали. Нахимов отдавал распоряжения об их эвакуации в марте 1855 года и еще раз в мае, потом махнул на них рукой и... приказал поставить жен моряков на довольствие; отныне им давали паек и выплачивали по 15 копеек серебром на семейство. Для сравнения — один день содержания рядового обходился казне в 18 копеек.

Одной из первых пришла на помощь раненым знаменитая Дарья Севастопольская. В отличие от богатой английской аристократки Ф. Найтингейл она была бедной сиротой. Чтобы купить лошадь и телегу, девушка продала всё свое имущество, погрузила на телегу бочку с водой, нарезала чистых тряпок и поехала к раненым. После приезда Пирогова она помогала делать перевязки в госпитале. По окончании войны Дарья Михайлова была награждена медалью и получила деньги на приданое.

Как написал в донесении в Петербург чиновник Мансуров, «по непонятному упрямству и странной беспечности здешние жены отказываются оставлять своих мужей и пепелища своих домов и так привыкли к бомбам и ракетам, что не помышляют об опасности»³⁴⁷. Вряд ли можно привыкнуть к обстрелам. Но для матросов и солдат много значили горячий домашний обед и чистая рубаха, да и просто вид родного лица.

Не только женщины, но и дети привыкали к войне. Игры у них были особые, севастопольские — в «бондировку». Одни мальчишки зарывались в грядки — это были французы; другие сидели в кустах, изображая союзный флот; третьи располагались у забора — это севастопольцы. Девочки тащили «раненых» на перевязочный пункт, где обвязывали тряпками и удерживали тех, кто сопротивлялся: «Ранен ты, Егорка, ранен!»

Случалось, метание камней друг в друга сопровождалось такими воплями, что разгневанные матери и квартальный надзиратель силой растаскивали нападавших, а потом секли ревущих «Регланов» и «Канроберов». Острия добавляли, что «Меншиков» при этом кричал: «А меня за что? Я ничего не делал в Севастополе!»

Подростки, оставшиеся за старших, зарабатывали на войне. Был приказ собирать и приносить пули (их отливали из свинца). Платили по четыре рубля за пуд, так в иной день приносили до 120 пудов.

На один из пунктов, где их сдавали, каждый день приходил мальчик лет двенадцати с мешочком пуль.

— Где же ты их собираешь? — спросил его офицер.

— На Театральной, ваше благородие.

Эта площадь, простреливавшаяся неприятельскими штуцерами, была самым опасным местом в городе; ее называли «долиной смерти» и старались обходить стороной. Выяснилось, что отца мальчика убили на бастионе, мать лежит больная, он среди братьев и сестер самый старший, ни денег, ни хлеба в доме нет, вот он и нашел способ кормить семью.

— Как думаете, четыре фунта будет? — спросил он офицера, взвешивая мешочек на ладони.

— Даже больше, — ответил офицер, забирая мешочек. — Вот тебе деньги, беги в лавку за хлебом и неси домой.

Конечно, оставались в городе и женщины, о которых священники говорили, что «их сам дьявол задержал», а офицеры именовали «всех цветов камелиями» или «трави-

атами». В записной книжке Нахимова есть и такая запись: «Девку выслать по этапу в деревню».

Но были и те, кто приезжал в Севастополь, оставляя в столицах комфорт, благополучие и покой, как сестры милосердия Крестовоздвиженской общины. Их Меншиков тоже встречал неласково, спрашивал Пирогова, похихикивая, не придется ли в госпиталях открывать отделение для сифилисных больных. С их приездом появились не болезни — смертельные исходы среди богатеющих на поставках в армию чиновников и откупщиков, «бесстыдников», как назвал их в одноименном рассказе Н. С. Лесков. Так, в госпитале Херсона, куда эвакуировали раненых из Севастополя, не хватало лекарств и перевязочных материалов. Сестры начали проверять причину, довели дело до суда, и аптекарь, не дожидаясь его решения, застрелился³⁴⁸. Попробовали они больничный куриный суп; по бумагам выходило, что в него положили 90 кур на 360 человек, как у самой хлебо-сольной хозяйки — курица на четверых. Но вкус у супа был такой, будто куры туда и не залетали, — одна крупа и вода. Тогда сестры взялись хозяйничать сами, кур стало уходить на треть меньше, а суп получался наваристый. Сестры воевали с хищениями, как солдаты на передовой, — насмерть. Если бы не их мужество и не поддержка великой княгини Елены Павловны, «так больные лакали бы помои... и лежали бы в грязи», говорил Пирогов. Он называл сестер не иначе как «нравственным контролем нашей хромой госпитальной администрации».

Они ассистировали на операциях, делали перевязки, раздавали лекарства, поили и кормили тех, кто не мог это делать сам, дежурили по ночам. Во время одиннадцатимесячной осады, когда, по признанию офицеров, все уже порядком «особачились», присутствие сестер милосердия заставляло оставаться людьми. Порой их ласковое слово приносило раненым больше помощи, чем лекарство, а заботливое прикосновение облегчало умирающему переход в мир иной.

Терпеть капризы раненых, грязь, вшей, холеру, вид гноя и крови смогли не все. Пока сестры милосердия не приехали в Крым, роль сиделок пытались выполнять светские дамы. Вот какой увиденный в госпитале эпизод пересказал священник: «Три чисто светские дамы, у которых достало героизма не бежать из Севастополя, являлись по временам для услуг раненым на перевязочном пункте. Но вот какая история случилась с их патриотизмом. За недостатком рук

раненные ожидали для перевязки очереди. Один матрос уже был близок к этой счастливой минуте, как вдруг вносят раненого француза. Наши сестры все три разом бросаются с французским бляньем к французу, оставив своего. Матрос разразился гневом и посыпал вслух всех самую красною русскою бранью; наши незваные сестры бросили тогда и француза, с которым, вероятно, хотелось поболтать, и больше не являлись в госпиталь, оставив и Севастополь»³⁴⁹. Видно, преклонение перед Западом всё еще не оставило «образованное меньшинство» России, как обитателей великосветских салонов в 1812 году.

Пришлось Нахимову бороться не только с неприятелем, но и с поставщиками и откупщиками. Еще в ноябре он писал в Николаев Н. Ф. Метлину, известному своей честностью, о безобразиях в интендантстве и просил его содействия в снабжении Севастополя.

В Южной армии мука, сухари, крупы, сахар и прочие запасы были в достаточном количестве, заключались контракты на поставки свежего мяса, зелени и водки, которую выдавали как «винную порцию», трудность состояла в том, чтобы доставить продовольствие в Севастополь. Поставщики жаловались на нехватку подвод, плохие дороги и недостаток всего необходимого в самом Крыму. В английской и французской армиях наблюдалась такая же ситуация с поставками, тоже не хватало транспорта. Англичане смогли решить проблему, только построив весной в Балаклаве железную дорогу от своего лагеря до порта; теперь всё необходимое стали доставлять морем из Константинополя.

А Нахимову пришлось воевать с подрядчиками, чтобы не было голода в Севастополе. Он выходил на проверку солдатских и матросских котлов, точно в крейсерство, не позволяя ворам запускать в них руку, как ранее не позволял туркам приближаться к кавказскому побережью. По бумагам и на словах всего было вдоволь, но Нахимов бумагам не верил: «...тут есть, несмотря на наше бедственное положение, какие-то грязные расчеты». Он пробовал пищу, которой кормили солдат и матросов, сравнивал и пришел к выводу, что солдатская еда хуже, после чего появилось его распоряжение: сало не срезать, мясную порцию не уменьшать. В мирное время срезанное сало шло на смазку колес, теперь — в котел. Записная книжка Нахимова испещрена записями о масле, соли, мясе и крупе. Чтобы сухари были съедобными, их решили печь в городе,

поэтому появились записи о сухарных заводах, печах, дровах и угле.

Особенно тяжело шли дела с подрядчиком Диковским, который повышал цену на мясо, но получив деньги, продукты не поставлял. Когда же удавалось добиться поставок, мясо уходило на сторону — его продавали частным лицам. Тогда Нахимов приказал «зарядить пушки картечью» — бить чиновников рублем: «...предупреждаются все... начальники как сухопутного, так и морского ведомства, что если открыто будет, что провиант продан частному лицу, то с этого лица будет взискано штрафа по 1 рублю серебром за каждую четверть...»³⁵⁰

Спустя пять дней последовал новый приказ: поскольку «от почетного гражданина Диковского... нельзя ожидать исправности» поставок мяса, начальники всех отделений имеют право забрать у него деньги, чтобы самостоятельно расходувать их для покупки провизии. Вряд ли офицеры ходили к поставщику в одиночку и без оружия.

И всё же «картечь» не помогла. Может быть, почетный гражданин решил, что адмиралу среди обстрелов не до провизии? Напрасно — он плохо знал Нахимова. Еще через пять дней Нахимов перешел к «гранатам» — издал новый приказ, согласно которому офицеры могли требовать от поставщика или денег, или зелени на ту же сумму. Диковского обязали платить неустойку за неисполнение контракта.

Боролся адмирал и с водочными откупщиками. «...претензии о водке», «...водку продают», «...о водке откупщика», «...не отливать никому водки, а давать тем, кто пьет» — это из его записной книжки. О том, насколько выгодно было заниматься поставками водки в армию, говорит такой факт: Евзелю Гинцбургу, во время войны державшему в Севастополе винный откуп, нажитое им состояние позволило после войны основать в Санкт-Петербурге собственный банкирский дом, крупнейший в России.

Вторым фронтом можно назвать войну Нахимова и Метлина за снабжение Севастополя; действия на нем увенчались успехом — голода в осажденном городе не было.

В Севастополь приезжали не только сестры милосердия — молодые выпускники кадетских корпусов писали прошения о переводе в действующую армию, было много военных добровольцев и волонтеров. «Как-то совестно жить в Петербурге, когда герои тут умирают за отечество», — сказал молодой офицер Владимир из «Севасто-

польских рассказов», написанных 26-летним поручиком артиллерии Львом Толстым.

Толстой, как и герой его рассказа, приехал в Севастополь добровольцем, в ноябре 1854 года, и был там до конца, то есть разделил вместе с защитниками все тяготы многомесячной осады. Он воевал на самом опасном участке обороны — 4-м бастионе; сегодня там стоит памятный знак с барельефом писателя. Во время второй бомбардировки города Толстой находился на Язоновском редуте перед 4-м бастионом, за проявленную храбрость был награжден орденом Святой Анны 4-й степени. По свежим впечатлениям от увиденного он написал «Севастопольские рассказы», их напечатали в журнале «Современник» еще во время войны. Литературный талант и репортажная точность передачи событий, особенно в первом рассказе «Севастополь в декабре месяце», сразу вызвали интерес у читающей публики и сделали рассказы знаменитыми.

Находиться на 4-м бастионе полтора месяца и не видеть Нахимова было невозможно, однако Толстой о нем не упомянул, как, впрочем, и о других руководителях обороны. Это и понятно: его целью было показать повседневную жизнь Севастополя, чтобы сквозь обыденность читатель увидел главное — природу подвига защитников города.

Всех, кто приезжал в Севастополь, непременно ждало разочарование: у защитников было не найти суетливости, энтузиазма, готовности к смерти и даже решительности — все относилось к происходящему вполне буднично. «Вглядитесь в лица и в движения этих людей: в каждой морщине этого загорелого скуластого лица, в каждой мышце, в ширине этих плеч, в толщине этих ног, обутих в громадные сапоги, в каждом движении, спокойном, твердом, неторопливом, видны главные черты, составляющие силу русского — простоты и упрямства». Война и перенесенные страдания лишь добавили новые черты к этому национальному портрету: «сознание своего достоинства и высокой мысли и чувства»³⁵¹, их отметил писательский взгляд, способный проникать в суть вещей сквозь бытовую оболочку повседневных событий.

Эти строки написаны зимой 1854/55 года, когда Нахимов еще был жив. И пусть на страницах «Севастопольских рассказов» для него не нашлось места — не беда. Нахимова, Толстого и всех севастопольцев той зимой объединяло главное: убежденность в том, что Севастополь взять невозможно.

Весеннее наступление

«Что Вам сказать о наших действиях? — писал Нахимов Метлину в Николаев в марте 1855 года. — Неприятели с весной при благоприятной погоде ожили, подвезли множество снарядов и долбят нас по своему произволу. Вы, конечно, уже знаете о смерти В. И. Истомина. Он возвращался со вновь возведенного против Корнилова бастиона Камчатского люнета, ему неприятельским ядром оторвало голову. Потеря незаменимая для нас. Я уступил ему последнее место в склепе подле священных для Черноморского флота прахов покойных Михаила Петровича и Владимира Алексеевича, которое так берег для себя. Что же делать, заранее загадывать ничего нельзя. На днях была сильная вылазка против Камчатского люнета под командою [генерала] Хрулева, потеря с обеих сторон значительная, но наши зарыли часть неприятельских траншей и отодвинули их работу назад». По этому письму можно составить представление о том, чем был занят Нахимов в эти дни: провизия, снаряды, которых так ждали в Севастополе, устройство печей для выпечки хлеба, рытье новых колодцев, поиск мешков для земли, нехватка антрацита; дежурство пароходов, чтобы неприятель не переправился через Черную речку; защита машин и пороховых камер пароходов и, конечно, огромные потери: «Каждые сутки выбывает из фронта до 150 человек; Камчатский редут, где убит В. И. Истомин, до той минуты стоит нам 2997 чел[овек]...»³⁵²

Нахимов отправил это письмо со своим флаг-офицером Костыревым, и сделал это не случайно. У молодого человека недавно умерла мать, осталось пять сестер, старшей из которых было 18 лет, и Нахимов просил давнего знакомца устроить Костыреву поездку домой, в Тверскую губернию, за казенный счет. Зная чрезвычайную щепетильность Метлина в финансовых вопросах, он предпослал этой в общем-то безобидной просьбе пространное предисловие, где выразил надежду, что «строгий, благородный взгляд» его друга на службу «не будет оскорблен», и сделал еще множество подобных оговорок. Роль Метлина в интендантской службе была оценена очень высоко, недаром Горчаков, представляя его к повышению, писал, что именно контр-адмиралу Метлину «мы главнейше обязаны и снабжением Севастополя и приведением Николаева в оборонительное состояние».

Камчатский редут (точнее, люнет) заложили еще в конце февраля перед Малаховым курганом, на Кривой Пятке,

столь вожделенной для французов. А уже в ночь на 3 марта противник предпринял первое нападение, но не на сам люнет, а на расположенные полукругом ложементы перед ним, предусмотрительно устроенные Тотлебенем.

«Ложементы состояли из небольших отдельных участков траншей, закладываемых летучей сапой впереди оборонительных линий, — пояснял Тотлебен. — Располагались обыкновенно в две линии... сперва закладывали передовую, а потом подкрепляли ее задней линией, располагая ту и другую в шахматном порядке»³⁵³. Устраивали ложементы, чтобы препятствовать работам неприятеля далее 100 сажень — расстояния выстрела из штуцерного ружья. Сначала в них располагались днем по четыре-пять стрелков со штуцерами, потом по ночам стали укрываться секреты, затем ложементы соединили траншеями. Неприятель называл ложементы «стрелковыми ямами», осыпал их ядрами и гранатами, которые редко попадали в цель: тяжело стрелять из пушки по воробьям.

Третьего марта атака была отбита; не удалась попытка французов захватить люнет и в ночь на 6 марта, когда они решили обойти ложементы. В рапорте Нахимов описал, как три неприятельские колонны бросились на Камчатский, намереваясь захватить его. Стрелки в ложементах ответили огнем, после чего полковник Свищевский атаковал неприятеля тремя ротами Волынского пехотного полка и штыками отбросил его к нашим ложементам. «Пользуясь расстройством и беспорядком неприятеля, храбрые якутцы (солдаты и офицеры 42-го Якутского пехотного полка. — *Н. П.*), удержавшиеся в ложементах, ударили на врагов с тыла. Поставленные между двумя рядами штыков зуавы только бегством могли найти спасение за своими траншеями». Чтобы предотвратить новое нападение на редут, полковник Бялый приготовил колонны из двух батальонов Якутского полка, по флангам построил по две роты Томского егерского полка и, едва неприятель вышел из траншей, с барабанным боем пошел ему навстречу. Не ожидавшие атаки французы бежали в свои траншеи, завязался рукопашный бой. Итог: среди защитников города — 15 убитых, 87 раненых и 68 контуженных; неприятель оставил на поле боя до пяти десятков тел, в плен попали офицер, восемь зуавов и стрелок.

Сидеть в ложементе вдали от своих позиций, под боком у неприятеля, когда льет дождь или палит солнце, могли только люди храбрые, даже отчаянные, те, кого зовут

удальцами. Одним из таких смельчаков был генерал-лейтенант С. А. Хрулев, который был дружен с Нахимовым. В ночь на 11 марта под его командованием была совершена вылазка из Камчатского люнета — французы выбиты из первой параллели; вслед за тем — новая вылазка, против англичан — и тоже с большим для них уроном. За отвагу в этом бою Хрулев был награжден орденом Святого Георгия 3-й степени.

Солдаты очень любили своего командира. В Севастополе рассказывали такую историю. Однажды на рассвете генерал отправился осматривать работы на 3-м бастионе. Там в этот час только просыпались: выходили из блиндажей, умывались, становились на молитву перед ротными иконами. Увидев Хрулева, солдаты сплотили ряды и собой, как стеной, загородили генерала, идущего по траншее. Так и шли параллельно насыпи бастиона, закрывая генерала от штуцерных пуль. Из неприятельских траншей раздались выстрелы, трое были ранены. «Мы молимся за вас! Нас убьют — ничего, сохранил бы Господь ваше превосходительство!» — говорили солдаты³⁵⁴.

Примечательно, что в Севастополе даже монахи участвовали в боевых действиях. Особенно отличились в мартовских событиях два тезки, отцы Иоанникии: один в ночь на 3 марта ходил с крестом впереди солдат и поднимал их в штыковую атаку, а потом в темноте разглядел в траншее неприятельского офицера, притворившегося мертвым. Второй в ночь на 11 марта был послан вывести из неприятельских траншей солдат, отказавшихся верить сигналу отступления. Оба иеромонаха были представлены к наградам³⁵⁵. Протоиерей Арсений Лебединцев в письме митрополиту Иннокентию отмечал, что первый из них раньше назывался не иначе как «неблагонадежный Иоанникий», даже предполагалось выслать его из Севастополя, но теперь он герой: «Говоря сие, я нисколько не защищаю нетрезвости в ком бы и где бы ни было, а осмеливаюсь только сказать свое мнение, что оказанные иеромонахом Иоанникием отличия в настоящее время выкупают его вину». А о втором рассказывал в воспоминаниях А. Д. Столыпин, отец будущего сановника Петра Столыпина:

«Перед нами стоял тот же самый монах, которого я видел в начале дела, он нес три штуцера.

— Откуда вы, батюшка?

— Как откуда? Из траншей, я был там во всё время дела.

— А что это у вас за трофеи?

— Два штуцера, вырвал я из рук зуавов, спас их, может быть, этим от греха, а вот это ружье принадлежит злому человеку, он хотел меня убить, видите, рясу всю порвал.

— Да как же вы уцелели?

— На мне была епитрахиль, — отвечал он спокойно.

Мы невольно преклонили перед ним головы».

Солдаты наотрез отказывались уходить из траншей, не веря, что поступил приказ об отступлении; поверили, только когда за ними пришел иеромонах. Матросы звали его Аника; он так привык к этому имени, что и сам так рекомендовался: «Аника 3-й!»

На бастионах обзаводились хозяйством, обживались. В блиндажах делали нары из досок — это была «спальня»; у дверей ставили самовары и медные чайники — «столовая»; за небольшой дверкой с сердечком — понятно что. При хорошей погоде или когда в блиндаже становилось душно, ставили столы на площадке батареи и, усевшись кружком — кто на принесенном из города кресле, кто на жестянке из-под картечи, положив сверху поддоны, — пили чай, как говорили в Севастополе, «под музыку пуль и снарядов». Офицеры вели совместное хозяйство, в складчину покупали на базаре провизию, разводили кур. А держать петухов, особенно красивых, даже вошло в Севастополе в моду. Ночью они пели так, что было слышно и в неприятельских траншеях, но солдатам и матросам это нравилось, потому что напоминало деревенскую жизнь.

На одной батарее произошел такой случай. Жил у них красавец-петух, совершенно ручной, матросы прозвали его Пелисеевым — по имени командующего французским 1-м армейским корпусом Ж. Ж. Пелисье. Однажды Пелисеев, испуганный взрывом бомбы, с квохтаньем перелетел через бруствер и скатился в ров. Молодой матросик впопыхах помчался за ним, не обращая внимания на сыпавшиеся пули, поймал его и вернулся. Из французских траншей доносились крики одобрения и аплодисменты — сначала петуху, потом матросу.

Солдатам приносили из города готовые обеды и ужины, матросам ежедневно поставляли провизию, они кашеварили сами. Кухня у офицеров и матросов была общая — печь и небольшая плита в вырытой здесь же, на батарее, яме. Свод над ними защищал только от пуль, если начинался артобстрел, приходилось сидеть без обеда.

Нахимов знал не только об опасностях жизни на бастионе, но и о бытовых неудобствах: тесные блиндажи,

кусачие насекомые, расстройство пищеварения от плохой воды. Бани, чистое сменное белье, лекарства — это для всех моряков и солдат. Он покупал на собственные средства и присылал офицерам свежее белье, вино, которое смешивали с водой для уменьшения желудочных расстройств; целые батареи пузырьков с каплями Иноземцева*, действие которых он опробовал на себе, наконец, передавал деньги для нуждающихся. «Слава богу, в Севастополе есть лицо, которое знает всех и каждого и готово за всякого стать заступником и посредником», — говорили о Нахимове.

После обеда кто-то спал, другие отдыхали, играя в карты или шахматы, многие читали. Грамотные матросы и солдаты читали вслух сказки и лубочные батальные истории, офицеры приносили из библиотеки книги и журналы. «Утвердительно можно сказать, — вспоминал артиллерист Ершов, — что чтение никогда не доставляло и не будет мне доставлять таких наслаждений, как на бастионе. Здесь, при возбужденных нервах, при жажде умственного отдыха, как-то яснее усвоил себе человек всё умное и поэтическое, вдаваясь порой в совершенную иллюзию очень часто по поводу произведений, неспособных в другое время произвести хоть часть такого впечатления»³⁵⁶.

Если на позициях было относительно спокойно, офицеры ходили в гости. В каземате 6-го бастиона стоял рояль, там устраивали музыкальные вечера: скрипка и кларнет приходили с 4-го бастиона, флейта — с 5-го. Сначала слушали классическую музыку, всё шло чинно и благородно; потом как-то незаметно переходили к народным песням, при хорошем настроении заканчивали «Камаринской» или бравой «В Севастополе стояли»:

В Севастополе стояли,
Горы каменны ломали.
Гоц калина, гоц малина,
Горы каменны ломали.
Батарею выкладали,
Батарею выкладали,
Мы воды мало видали.
Нам холодная вода
Слаще меду и вина.
Аржаные сухари —

* Капли Иноземцева — смесь настоек ревеня, валерианы, опия, масла перечной мяты, назначаемая для успокоения перистальтики и болей в кишечнике.

Все приятели мои.
А гречушная каша —
Родимая мати наша.
Эскадронный командир,
Во крестах его мундир,
Офицеры молодые,
Эполеты золотые,
По траншеюшкам гуляет
И в нас храбрость пробуждает.
Вот, бывало, чуть-чуть свет —
Командир наш на барбет.
Всех скликает, всех сзывает.
Песни петь нас заставляет.
Уж мы песенки певали,
Англичанку удивляли.
А как мы пустились в пляс,
Французик наш кричит: «Пас!»³⁵⁷

При тоскливом настроении запевали:

Любезный друг, уведомляю,
Что кончен наш кровавый бой;
Своих с победой поздравляю,
Себя с оторванной рукой.

Хотя мы много пострадали
От перекрестного огня,
Но всё разбили, всё забрали...
В груди две пули у меня.

Я в лазарете умираю,
И труп мой фельдшер уж купил;
Тебе червонец посылаю,
Что он за труп мне заплатил.

Признаться, скучно быть зарытым,
Далеко от родной земли!..
Умри я дома — над убитым
Друзья поплакать бы могли.

Крест деревянный на погосте
Тогда стоял бы надо мной.
А может быть, и ты бы в гости
Пришел ко мне, друг милый мой!

Собаку — верного Фингала —
Тебе на память я дарю.
Ласкай ее, и чтоб не знала
Она никак про смерть мою!

Когда я с матушкой прощался,
Старушка страх была больна;
Когда ж узнает — сын скончался,
Умрет наверно и она!..

Прощай, не плачь, я умираю,
Тебя мне больше не видать!
В полку, куда я поступаю,
Нельзя уж отпуска достать...

Уж за священником послали,
Меня готовят в дальний путь. —
И вот, маршрут мне прописали...
Прощай и друга не забудь!³⁵⁸

Постепенно обживался и противник. Французский офицер рассказывал в письме домой, как приспособился к «страшному» русскому холоду: замерзший суп, рагу и кофе разогревал над свечкой. Весной английский корреспондент «Таймс» негодовал:

«Где были эти казармы, когда землю покрывал снег, где была теплая одежда, когда ледяной дождь и пронзительный ветер пробирали наших солдат до костей? Где были свежие мясо и овощи, когда цинга и цинготная дизентерия свирепствовали в палатках под Севастополем?

После голода, скудной, малопитательной пищи и сравнительной наготы наш лагерь словно погрузился в море изобилия, на волнах которого качались овцы и овчина, деревянные казармы, меха, теплые одеяла, вязаные шарфы, сорочки из фланели, патриотические брошюры, жестянки с супом, мясом и дичью, бутылки спиртного»³⁵⁹.

С приходом весны оживились и французы. Рядом с Камышовой бухтой устроили большой лагерь, похожий на город в ярмарочный день: «Здесь можно найти всё, что угодно, и я даже видел модные магазины, торгующие парижскую парфюмерией, чепцами и шляпками для госпож маркитанток», — писал домой французский офицер. И конечно, француз не мог не сравнить лагерь соотечественников с английским — не в пользу последнего: «Посетил также Балаклаву. Какая разница против Камыша! Несколько лачуг, выстроенных около порта, изобильно снабжены разными вещами, но всё это перемешано, без всякой системы... и я не удивляюсь, что англичане предпочитают запастись всем в Камыше... Англия, живо уязвленная в своем самолюбии, приносит все жертвы, чтобы возродить свою армию и довести ее до уровня нашей...»³⁶⁰

Пасху в 1855 году и православные, и католики праздновали 27 марта; к Горчакову прислали парламентаров с просьбой о перемирии. Однако князь отказал, сославшись на то, что веры союзникам нет, потому как год назад они начали обстрел Одессы на Страстной. Теперь всю Пасхальную неделю палили не переставая, — в праздничные дни французы и англичане вместо себя сажали в траншеи турок.

Исповедующихся и причащавшихся Великим постом было много, исповеди, отмечали священники, отличались особой «искренностью и сокрушением сердечным». В Петропавловском соборе служил протоиерей отец Арсений, в Михайловской, гарнизонной церкви — флотские иеромонахи. В Херсонесе стояли французы; по свидетельству священника А. Г. Лебединцева, тамошнюю временную церковь Святого Владимира они ограбили до доски»³⁶¹.

Вторая бомбардировка

Весной неприятель начал готовиться к штурму. В марте прибыло пополнение из Франции, в апреле — с Сардинии. На пароходах доставили тяжелые осадные орудия, теперь их насчитывалось более четырехсот. У защитников города было 998 пушек, но на каждую приходилось по 150 зарядов, тогда как у противника — по 500—600. Порох и снаряды приходилось экономить, и Нахимов распорядился сократить темп стрельбы; теперь ни о какой артиллерийской дуэли речь уже не шла.

Двадцать восьмого марта, на Светлой седмице, началась вторая бомбардировка города, продолжавшаяся десять дней. Особенно сильным огонь был 30 марта — по городу было сделано около тридцати тысяч выстрелов, по большей части разрывными снарядами. Особенно старательно обстреливали 4-й бастион, эту головную боль генерала Канробера, Селенгинский и Волынский редуты, Камчатский люнет. Английская пресса писала, что снарядами, выпущенными по Севастополю, можно уже выложить всю территорию города.

Неприятель назвал мартовский обстрел «Страшным судом в большом виде»; он рассчитывал «сбрить» город, заставить, наконец, замолчать севастопольские пушки, после чего идти на штурм. «У нас в изобилии всё, что нужно для осады: пушки, повозки, платформы, порох, ядра, сна-

ряды, габионы, фашины* и штурмовые лестницы, — писал английский корреспондент из Севастополя. — Артиллерия действовала превосходно, несмотря на большое число молодой прислуги... Армия насчитывала около 20 000 штыков благодаря новым призывам и тому, что многие вернулись из госпиталей»³⁶².

Но штурм так и не состоялся. Бомбардировка не принесла неприятелю ни стратегического, ни даже тактического успеха — на месте подбитых пушек появлялись новые, укрепления за ночь чинились, и с утра всё нужно было начинать заново. Впоследствии в свое оправдание французы и англичане говорили, что штурму помешала погода, — в те дни лил дождь. Офицеры в Севастополе только усмехались: конечно, дождь помешал, а в 1812 году — мороз.

«В нашей армии дух очень хороший, — писал 2 апреля племянник и адъютант Нахимова П. В. Воеводский, — но без пороха вести войну плохо... Дело наше, вообще говоря, откровенно плохо. За 6 дней выбыло более тысячи человек одних матрос[ов]. По недостатку пороха палим мало — дозволено только по 20 выстр[елов] на орудие, а неприятель делает не менее 150, и оттого нам приходится жутко. Засыпают амбразуры, подбивают орудия, а когда по ночам начинают делать исправления, то бесчисленное множество бомб губит много людей»³⁶³.

Чем реже стреляли орудия защитников, тем больше их выбывало из строя. Всего за эти десять дней были убиты десять офицеров и 343 нижних чина, ранены соответственно 26 и 1367, 851 человек контужен³⁶⁴. Морской госпиталь из-за обстрелов был переведен в казематы Михайловской батареи, а главный перевязочный пункт — в провиантские магазины на Корабельной стороне. В Артиллерийской и Корабельной слободах целых домов уже не осталось, лишь обгорелые печные трубы торчали среди развалин. Гражданское население спешно покидало город; был отдан приказ: женщин, переправлявшихся на Северную сторону, обратно не перевозить.

Нахимов распорядился срочно устроить временные госпитали в палатках из парусины, если не хватит — сооружать деревянные. Госпитали были переполнены, вывезти раненых из Севастополя в Николаев вовремя не успели;

* Габионы — ящики из проволочной сетки, заполняемые камнями. Фашины — охапки хвороста, перевязанного веревками, сбрасывавшиеся в рвы и ямы при штурме укреплений.

«роковой час застал нас не готовыми», — докладывал в Петербург чиновник, специально присланный для организации помощи раненым. В общем, если бы не своевременные распоряжения Нахимова, лежали бы раненые снова, как после Альмы, на полу без всякого ухода.

И всё же потери были меньше, чем при первой бомбардировке, — спасали блиндажи и траверсы. Неприятель получал свежие силы, которые прибывали морем, но и севастопольцы ждали пополнений на Северной стороне. За месяцы, прошедшие с начала осады, люди многому научились; священники и офицеры в дневниках и письмах единодушно отмечали высокий дух защитников города. Стали даже шутить про бомбардировки. Когда началась вторая, матросы просили офицера, присланного Нахимовым, узнать, как идут дела на двух редутах, сильнее других подвергшихся обстрелу, «поздравить Павла Степановича с открытием канонады». Нахимов с гордостью рассказывал об этом³⁶⁵.

Однако он не строил иллюзий — если не будет пороха и снарядов, следующей бомбардировки город не выдержит. Переговорив с Горчаковым и получив от него необходимые документы, в первых числах апреля он послал своего адъютанта П. Я. Шкота на луганский завод. «Распорядитесь, чтобы снаряды шли как можно скорее и как можно в большем количестве; от поручения, которое вам делается, зависит жизнь или смерть Севастополя», — напутствовал он мичмана.

Получив подорожную и деньги, Шкот отправился в Луганск. По дороге в Симферополь он видел разбитые телеги, дохлых волов и разбросанные по степи снаряды, которых так не хватало в Севастополе. Тот же беспорядок он нашел и в Екатеринославской губернии. Пришлось ему оставлять на каждой станции письменные распоряжения командующего, назначать чиновников из губернского правления, ответственных за сбор снарядов, и наводить порядок по всей дороге протяженностью 900 верст.

Обычно обозы проходили этот путь за два-три месяца, Шкот и начальник завода решили сократить это время — они приказали писать в накладных, что если фурщик доставит снаряды на четырнадцатый день, то получит в Севастополе премию в 50 копеек, причем наградные будут выдаваться сразу, в день доставки. Ежели кто не получит своих денег, может обращаться прямо к адмиралу Нахимову — его имя гремело не только в Севастополе, но и в сте-

пи. За пять дней Шкот отправил с луганского завода восемь караванов, ежедневно отгружали по две—четыре тысячи пудов снарядов. На обратном пути в Севастополь он с удовлетворением отмечал, что караваны идут, сломанных телег и разбросанных снарядов больше нет.

Нахимов выслушал отчет адъютанта и, наученный горьким опытом, спросил, сколько денег было затрачено им на организацию этого дела. Из казны Шкот получил две тысячи рублей и еще имел открытый лист командующего на получение денег от местных властей. Но «смазывать» телеги не пришлось, благодаря его распорядительности было потрачено только 500 рублей для найма фур. Такая рачительность вызвала особое одобрение Павла Степановича, он приказал сдать остаток денег в казначейство. «Ну-с, благодарю, — сказал он, заметно повеселев, — отлично распорядились, и ежели всё это осуществится, вам будет честь и слава спасения нашего Севастополя».

Всё осуществилось: через некоторое время начали приходиться снаряды. «Теперь можно надеяться, что неприятелю не видать Севастополя, как ушей своих»³⁶⁶, — говорил Нахимов.

Нахимов и сам широко использовал тот же принцип материальной заинтересованности, что и его адъютант. Корабельным чиновникам, портовым комиссарам, шкиперам он в мирное время выдавал лес и рабочих для постройки домов, объясняя: «Они заведуют большим казенным имуществом на десятки тысяч рублей, жалованье же получают маленькое. Так, чтобы не крали и были не только исправны, но и ретивы, нужно поддержать их»³⁶⁷.

«Ретивость» в исполнении приказов была вообще его любимым качеством. Во время второй бомбардировки особенно сильно пострадал 4-й бастион — «всего разворотил», как выразились матросы. Нахимову доложили, что исправить его не представляется возможным. Получив донесение, он тотчас приехал на бастион.

— Что это за срам-с! — с гневом обратился он к матросам. — Шесть месяцев-с учат вас под огнем строиться и исправляться. Пора бы-с приноровиться, сметку иметь.

— Рады стараться! Будет сделано! — дружно вскричали матросы.

Через некоторое время всё действительно было исправлено. Влияние его на матросов было огромно, его слово, обращенное к ним, заставляло сворачивать горы. «Всегда твердый, спокойный, как ангел-утешитель, являлся он мо-

рякам, готовым в огонь и в воду по одному мановению своего отца-адмирала»³⁶⁸, — пишет А. И. Ершов.

Нахимов и во время войны доказывал, что лучший способ воздействия на подчиненных — личный пример. Он не обращался с пафосными воззваниями, не говорил красиво, зато его ежедневное присутствие на бастионах и батареях лучше всяких слов доказывало: смерть — везде, не только в опасных местах, но отдать жизнь за Севастополь не страшно, а почетно. И ему верили. «Даже не мигнет глазом, если бомба разорвется у него под носом», — восхищались офицеры. Племянник в письмах Рейнеке жаловался на «ребячество» Нахимова, сердился на батарейных командиров: «...еще хуже делают: упрасивают не ходить, где сильно бьют. А он, конечно, нарочно туда и отправляется да еще разговаривать остановится».

О ежедневном объезде Нахимовым укреплений оставили воспоминания многие офицеры. Вот рассказ инженер-полковника Е. М. Бульмеринга, который до приезда в Севастополь Нахимова не знал:

«...я увидел неизвестного мне адмирала, который, спросив меня, знаю ли я дорогу на редут Шварца, просил провести его туда кратчайшим путем... я повернул за линию, так как... счел неуместным провести адмирала со свитой его под выстрелами французских стрелков, неотступно стороживших тут каждую появляющуюся голову. Адмирал громким голосом остановил меня: “Куда вы меня ведете-с?” Я заметил, что по стенке придется идти совершенно открыто, между тем как за батареями безопаснее. “Вас извиняет, молодой человек, только то-с, что не знаете, кого вы ведете-с. Я — Нахимов-с и по трущобам не хожу-с!” Слова эти были сказаны резко. Он добавил: “Извольте идти по стенке-с!” Мы прошли по стенке, где один из боцманов, шедших за адмиралом, убит был на месте штуцерною пулею. Французские пули провожали нас учащенным огнем до самого редута. На редуте адмирал попросил у меня трубу и долго рассматривал положение неприятельских подступов, спрашивая изредка мое мнение. Затем, обратившись ко мне, ласково подал мне руку, спросил мою фамилию и сказал: “Теперь знакомы-с мы с вами — уж больше ссориться не будем-с”.

После того я встречал почти ежедневно знаменитого адмирала на 4-м бастионе... Каждый раз Павел Степанович брал у меня трубу и внимательно рассматривал новые неприятельские работы, интересуясь каждым моим заме-

чанием по ходу этих работ и обвораживая меня простую речью и меткими замечаниями. В каждой фразе Нахимова обнаруживалось понимание всех последствий неприятельских работ и стремление к изучению способов противодействия неприятелю... Я не знавал более благородного боевого труженика»³⁶⁹.

Эти воспоминания ценны тем, что показывают реальную необходимость присутствия Нахимова на передовой, ясное понимание им значения фортификационных работ. Недаром на замечания об опасности он не уставал отвечать: «Берегите Тотлебена!»

В оценках людей Нахимов был строг, но на награды щедр. Когда адмирала спрашивали, кого следует наградить, он был готов зачесть список всех, кто был на бастионах. В архиве сохранилось немало рапортов и представлений за подписью Нахимова, особенно ко дню Пасхи 27 марта и после второй бомбардировки в апреле. Месяц в Севастополе шел за год службы, Нахимов просил распространить это правило и на гражданских чиновников, и на гарнизон города. Он предлагал выдавать нижним чинам в качестве награды денежное пособие.

Помогать офицерам было сложнее, особенно имеющим большие семьи и нуждающимся. Для тех семейных офицеров, кто жил на одно жалованье и потерял во время осады имущество, Нахимов просил у великого князя Константина аренды*, среди них были контр-адмирал Панфилов, капитаны 1-го ранга Кислинский, Микрюков, Винк, капитан 2-го ранга Керн.

Фельдшеров, кондукторов, мастеровых и рабочих — всего 84 человека — Нахимов в апреле представил к денежному поощрению. Сам Нахимов 27 марта был произведен в адмиралы и в приказе благодарил своих подчиненных:

«Геройская защита Севастополя, в которой семья моряков принимает такое славное участие, была поводом для беспримерной милости монарха ко мне как к старшему в ней... Завидная участь иметь под своим начальством подчиненных, украшающих начальника своими доблестями, выпала на меня».

* Аренда — вид государственной награды в России, право на получение доходов с казенных земель, замененное в 1837 году выдачей денежных средств в течение определенного срока (обычно 12 лет). Наследники умершего продолжали получать аренду, поэтому она была особенно важна для семейных офицеров.

Нахимов считал себя не руководителем, но старшим в севастопольской семье; как отец гордится детьми, так и он видел себя украшенным доблестями своих подчиненных.

«Я надеюсь, что господа адмиралы, капитаны и офицеры позволят мне здесь выразить искренность моей признательности сознанием, что, геройски отстаивая драгоценный для государя и России Севастополь, они доставили мне милость незаслуженную. Матросы! Мне ли говорить вам о ваших подвигах на защиту родного нам Севастополя и флота? Я с юных лет был постоянным свидетелем ваших трудов и готовности умереть по первому приказанию; мы сдружились давно; я горжусь вами с детства... на бастионах Севастополя мы не забыли морского дела, а только укрепили одушевление и дисциплину, всегда украшавшие черноморских моряков»³⁷⁰.

Что же удивляться любви матросов к отцу-командиру, если он, надевая адмиральские эполеты, выразил им отдельную благодарность?!

Нахимову приходилось подписывать не только наградные листы. О смерти тех, кого он знал лично, он сообщал их родственникам. Он писал брату Истомина и вдове Лазарева о захоронении Корнилова и Истомина рядом с их учителем, вице-адмиралу Л. М. Серебрякову — о гибели его сына Марка, капитан-лейтенанта, добровольно вызвавшегося пойти на ложементы Камчатского люнета и убитого ночью случайной гранатой: «Согласившись на просьбу сына, Вы послали его в Севастополь не для наград и отличий. Движимые чувством святого долга, лежащего на каждом русском и, в особенности, моряке, Вы благословили его на подвиг, к которому призывал его пример и внушение, полученные им с детства от отца своего. Вы свято довершили свою обязанность, он с честью выполнил свою»³⁷¹.

Бомбардировки не прошли бесследно для самого Нахимова. Получив серьезный ушиб камнем в спину, он, хотя и не признавался в этом, был вынужден два дня не выходить из комнат. Князь Васильчиков, случайно узнавший о контузии — уже второй, — тщетно уговаривал Нахимова позвать врача.

Третья бомбардировка

К маю в городе уже не осталось уголка, куда не залетали снаряды и осколки. Можно было простоять под ядрами несколько часов, уцелеть на 4-м бастионе или Малаховом

кургане и погибнуть у переправы на Северной стороне, отправляясь в отпуск домой. Число прислуги на батареях уменьшалось день ото дня, все резервы флотских были исчерпаны — а ведь они составляли костяк обороны.

В людях чувствовалась усталость, в письмах всё больше говорили о том, что шлют мало новых орудий и войск — видимо, «в Петербурге не вполне оценивают тягости и опасности настоящего положения», что скоро уже и ругать начнут черноморцев, мол, худо воюете. «Это всегда так бывает — сперва хвалят, а потом перестают, да, кроме того, стараются отыскивать дурные стороны. Ну, да Бог с ними! Мы чисты перед собой, и лучшее мнение для нас — это наших же товарищей и наших начальников, т. е. моряков, а не других. Один Павел Степанович может вполне оценить наши труды, и его отзывы о нас и внимание, какое он оказывает нам, конечно, дороже всех мнений и отзывов других...»³⁷²

Павел Степанович действительно ценил труды моряков, а вот бездеятельности командующего сухопутными силами в Крыму Горчакова не понимал: зачем губить людей в пассивном стоянии? Почему армия ничего не предпринимает? Ему говорили об ожидаемых подкреплениях, а между тем неприятель явно готовился к боям у Черной речки. В мае Горчаков со штабом переехал на Мекензиевы горы, и в городе Нахимов остался командовать один — если не считать Остен-Сакена, начальника севастопольского гарнизона.

Нахимов по-прежнему делал объезд верхом, не обращая внимания на пули, которые так и роились вокруг него. «Матросы удивительно любят его... вчера он разъезжал по батареям и, когда проходил с одного фаса на другой, только и слышно было: “Наконец-то наш адмирал пришел на нас поглядеть, ведь когда пройдет, словно царь, так и душе легче!”»³⁷³. Конечно, Нахимову было лестно слышать такие слова от матросов, многих он знал в лицо, особенно ветеранов. Осмотр батарей позволял ему видеть изменение обстановки и оперативно принимать решения.

Позиции неприятеля приблизились настолько, что стрельба шла почти в упор. «В ближнем бою, — писал Нахимов в приказе, — первый выстрел решает половину дела». Потому он предписывал с рассветом проводить наблюдение, уточнять прицел, затем быстро и метко сбивать батарею. Для такого боя он разрешал делать по 60 выстрелов на орудие. Особенно отрадно было морякам услышать такие

слова из приказа: «Ближний бой — единственное средство к решительной победе на море — даст такой же результат на берегу и вознаградит бдительность, опытность и искусство доблестных моряков-артиллеристов»³⁷⁴.

Даже противник отдавал дань уважения морским артиллеристам. На вопрос, почему так мало палят, пленные отвечали: «Едва успеваем открыть огонь, как орудие бывает подбито»; «Если бы у нас были такие артиллеристы, мы бы давно срыли ваши укрепления»; «Русские пристально следили за каждым нашим шагом и принимали меры, не дожидаясь заметки в “Таймс”»³⁷⁵.

Двенадцатого мая неприятельские войска высадились на Керченском полуострове и на следующий день без боя заняли Керчь, где были богатые запасы зерна, крупы и морские склады со всем военным имуществом и снаряжением. Через три дня их корабли через Керченский пролив вошли в Азовское море, подошли к Бердянску и, не найдя там войск, сожгли город. 16 мая английская эскадра из тринадцати вымпелов бомбардировала Геническ, 22-го — Таганрог, 24-го — Мариуполь. Здесь неприятель встретил сопротивление и увел свои корабли в море.

Двадцать пятого числа началась третья усиленная бомбардировка Севастополя, а на следующий день — штурм. Пелисье выделил около сорока тысяч штыков для овладения Корабельной стороной — вдвое больше, чем имели ее защитники. Атакующие устремились к Малахову кургану, намереваясь захватить всю Корабельную сторону. Они завладели редутами у Килен-балки и в шесть часов вечера появились на Камчатском люнете.

«Ураган картечи» встретил штурмующих. Пальба была слышна уже в городе, стреляли почти в упор; в какой-то момент французам удалось водрузить над люнетом свой флаг. Один из очевидцев рассказывал, как в этот момент услышал странный звук у дверей дома — это плакала навзрыд матроска.

«— Чего, баба, разревелась? — спросил ее проходивший мимо матрос.

— О-о-ох! Сердешный ты мой, как не плакать-то головушке моей бедной, сынок-то мой на Камчатском! А вишь ты... што там за страсти!

— Э-э, баба! Да ведь и Нахимов там.

— И вправду? Ну, слава ж те, Господи! — проговорила матроска, будто оживившись и крестясь весело».

Нахимов действительно был там — он приехал на люнет во время очередного объезда. Матросы показали ему безопасный «фарватер», лейтенант А. Тимирязев встретил адмирала. И в тот же момент вахтенный офицер доложил:

— Неприятель подступает!

Нахимов был, как всегда, в сюртуке с эполетами и крестом ордена Святого Георгия на шее. Нападающие поняли, что это один из командующих, и попытались взять его в плен. Нахимов обнажил кортик и вскочил на банкет. Подоспевшие матросы банниками и гандшпугами* отбили адмирала.

После этого Тимирязев попросил Нахимова удалиться с люнета и отдал команду:

— Пушки к бою!

Матросы зарядили картечью и били до тех пор, пока неприятельский залп из пятнадцати мортир и семи орудий не вывел половину прислуги из строя и не ранил самого лейтенанта осколком в висок. Он всё же успел спустить курок орудия и выглянуть за бруствер, как штуцерная пуля ранила его в ногу.

— Заклепывай орудия, бери принадлежности, и все за прикрытие!

Матросы подхватили офицера под руки, чем спасли от плена, другие бросились выполнять команду.

Лейтенант Тимирязев описал в рапорте, как был захвачен люнет. Он полагал, что будет назначено следствие и последует наказание. Нахимов написал лейтенанту в госпиталь письмо:

«...я не только не нахожу нужным назначение какого-либо следствия, но признаю поведение Ваше в эти критические минуты в высшей степени благородным. Защищая редут до последней крайности, заклепав орудия и взявши с собой даже принадлежность, чем отняли у неприятеля возможность вредить Вам при отступлении, и, наконец, оставивши редут последним, когда были два раза ранены, Вы выказали настоящий военный характер, вполне заслуживающий награды...»³⁷⁶

* Банкет — здесь: насыпь у внутренней стороны бруствера, предназначенная для размещения стрелков, ведущих огонь поверх бруствера. Банник — жесткая щетка на длинном стержне для прочистки ствола артиллерийского орудия перед заряджением. Гандшпуг — деревянный или металлический рычаг, с помощью которого поворачивают лафеты пушек.

Многие тогда обвиняли генерала О. П. Жабокритского, который оставил на редутах всего один батальон, а сам, сказавшись больным, уехал на Северную сторону. Другие критиковали Горчакова за то, что назначил Жабокритского командовать Корабельной стороной. Поговаривали даже об измене генерала-поляка, сочувствовавшего французам.

На рассвете 27 мая Горчаков приказал увести войска из передовых траншей. Оставление укреплений, так дорого стоивших, вместе с известием о взятии неприятелем Керчи, Еникале, разорением Бердянска и Таганрога произвело в Севастополе тягостное впечатление. Впервые заговорили о возможности оставления города — точнее, того места, где он когда-то стоял. Неприятель радовался и пировал, при обмене телами убитых офицеры приглашали распить шампанское по случаю их победы и отужинать. Обстановку ухудшали установившаяся в эти дни удушающая жара и белая известковая пыль, которая слепила глаза и укрывала, словно саваном, тела павших.

Хоронили уже не только на Братском кладбище Северной стороны — и на Южной, в Ушаковой балке, везде виднелись холмики с крестами. Когда в паузах между боями происходил обмен убитыми, англичане, приезжавшие в расположение русских, сразу за нейтральной полосой видели следы своей деятельности: «Чем дальше мы продвигались, тем больше попадалось нам ядер и снарядов. Ущелье было словно вымощено ими. Они сплошь торчали из склонов, они были свалены кем-то в кучи на дне. Тут и там в земле поблескивали пули и куски свинца»³⁷⁷.

На Павла Степановича в те дни было больно смотреть: измученный невероятным напряжением сил, он постарел, был утомлен, с начала осады спал не раздеваясь, как все в Севастополе, ожидая штурма. Дали знать о себе старые хвори — болел желудок, временами начиналась рвота, мучили головокружения и даже обмороки. В июне заболел холерой. Да еще контузии прибавились — четыре или пять, спина болела, так что даже на стуле было тяжело сидеть. Флаг-офицеры говорили доктору Гюббенету о приступах у Нахимова, но адмирал и слышать не хотел о лечении. «Я держусь на ногах, потому что всё время в деле. Стоит мне лечь — завтра же впаду в совершенное изнеможение, — уверял он доктора. — Я убежден, если мы сегодня заключим мир, я завтра заболею горячкою»³⁷⁸.

Переговоры о мире велись еще с зимы, однако договориться противники не смогли — после таких колоссальных

потерь и усилий ни одна из сторон не хотела уступать. На позициях отношение было такое: «Здесь только и толков, что об мире. Другой подумает, что, наверное, севастопольцы все желают мира, потому что для нас ощутительнее, чем для прочих, война... Менее всех мы желаем мирно разойтись с французами, проведя шесть таких неприличных месяцев. Конечно, очень естественно будет, если из нас никто не согласится мирно разойтись с французами, оставив их так, как есть. Нет, голубчики!»³⁷⁹ — писал лейтенант А. А. Бутаков матери.

Четвертая бомбардировка и штурм

Пятого июня началась четвертая бомбардировка Севастополя. «Трудно себе представить что-либо ближе подходящее к аду по тем детским понятиям, которые составили мы о будущем жилище грешников, как промежуток времени от часу до четырех пополудни 5 июня! — писал генерал Меньков, наблюдая происходящее с крыши библиотеки, где были также Нахимов, Тотлебен и Васильчиков. — Над Севастополем стоял густой непроницаемый мрак... сквозь который прорывалась масса огня, как бы пламя пожара, — то были залпы батарей! Отдельного звука выстрелов не было: всё слилось в один какой-то оглушающий треск... Воздух до того был сгущен, что трудно дышалось. Испуганные птицы метались в разбитые окна библиотеки и телеграфа»³⁸⁰. Всю ночь неприятель накрывал навесным огнем укрепления и город.

Меньков вспоминал, как после бомбардировки он встретил солдата Волынского полка с окровавленным узелком.

— Что несешь, служба? — спросил он.

— Майора, ваше благородие, бомбой разнесло. Славное было начальство, ваше благородие, так вот, что могли, собрали, похоронить несую.

Нахимов говорил, что эта бомбардировка была хотя и краткой, но самой ужасной, Севастополь в тот день «испытал огонь адский».

Шестого июня с рассветом начался штурм. День французы выбрали не случайно — это была для них памятная дата: 40 лет назад, 6 (18) июня 1815 года, Наполеон I был разбит в битве при Ватерлоо, и теперь его племянник Наполеон III решил взять реванш. Дивизия Мэйрана штурмо-

вала 1-й и 2-й бастионы, дивизии д'Отмара и Брюне — Ма-
лахов курган и батарею Жерве.

Защитники давно ждали штурма, даже хотели его. «Дай хоть раз потешиться, не всё ему бить из-за угла, переведа-
емся с ним начистоту», — говорили солдаты и матросы. Ви-
деть, как каждый день выбывают из строя десятки людей от
разрывов бомб, осколков и штуцерных пуль, было невыно-
симо. «Мы девять месяцев ждали понапрасну штурма, что-
бы сцепиться с врагом. Сегодня французы были настолько
любезны, что исполнили наше желание», — записал в днев-
нике Тотлебен.

Мэйран начал штурм раньше оговоренного с англича-
нами времени. Накануне батареи 1-го и 2-го бастионов от-
вечали мало — берегли снаряды, и французы решили, что
бомбардировка достигла цели — подавила огонь противни-
ка. Но когда начали штурм, защитники левого фланга от-
крыли сильный огонь. Береговую артиллерию поддержали
пароходы, заранее поставленные Нахимовым против Ки-
лен-бухты: сначала «Владимир» под командованием Бута-
кова, а потом и остальные начали обстреливать бомбами
идущую на штурм колонну Мэйрана. Пароходные пушки
грохотали, не умолкая; даже белые линии вдоль бортов, с
которых велся огонь, в этот день почернели от копоти.

Вслед за французами англичане устремились на 3-й
бастион и Пересыпь. Они основательно подготовились
к штурму, впереди бежали специальные команды с лест-
ницами. Но огонь русских батарей был так силен, что до
лестниц дело не дошло — их побросали и повернули назад с
полдороги. Большой редан*, как они называли 3-й бастион,
снова им не дался. Французы потом обвиняли союзников в
плохой подготовке к штурму, но половина их полегла, даже
не добежав до бастионного рва. Красные мундиры убитых
англичан устилали все подходы к бастиону.

Французы в тот день действовали храбро, дошло даже
до штыкового боя. Однако, несмотря на всё упорство, взять
высоту им так и не удалось. Настроение севастопольцев за-
метно улучшилось. «Пусть еще будут штурмы, только бы
кончились доконавшие нас бомбардировки», — говорили
офицеры. А солдаты давали высокую оценку французам:

* Редан (редант) — открытое полевое укрепление, состоящее
из двух фасов, расположенных в виде угла, выступающего в сторо-
ну противника, и позволяющее вести ружейный и артиллерийский
огонь под острым углом к фронту.

«Молодцы народ драться, да великатны (деликатны. — *Н. П.*) оченно на штыки — царапаются только». Действительно, в госпиталях отмечали, что раны от французских штыков редко были опасными, тогда как пленные, получившие удар русским штыком, не выживали. Всего потери гарнизона 5 и 6 июня составили 797 убитых и более трех тысяч раненых и контуженных³⁸¹.

Напрасно «эксперт» Ф. Энгельс называл операцию «исключительно бездарной» — она была подготовлена основательно. Причины победы севастопольцев 6 июня заключались в своевременном создании артиллерийского резерва — вместо подбитых пушек быстро устанавливали новые; в правильном распределении снарядов и пороха; в постройке плавучего моста, соединявшего Корабельную и Городскую стороны, что позволило наладить сообщение между ними, а главное — в силе сопротивления, которой атакующие не ожидали после многомесячной осады, и личном мужестве защитников города³⁸².

Руководил обороной Корабельной стороны генерал-лейтенант С. А. Хрулев. Когда французы засели в домиках поселка на склоне Малахова кургана, стало ясно, что необходимо немедленно выбить их оттуда, пока они не закрепились. Но с кем? Хрулев увидел возвращающуюся с ночных работ 5-ю роту Севского полка, спешил. «Благодетели мои! В штыки! За мной!» — закричал он и сам повел севцев в атаку. Половина роты полегла на склоне, но французов всё же выбили.

Во время штурма разнеслась весть, будто Нахимов убит. В 1868 году капитан 1-го ранга А. Б. Асланбегов вспоминал рядового пехотного полка, умиравшего близ Малахова кургана:

«— Ваше благородие, — вскричал он проезжающему ординарцу начальника гарнизона, скакавшему с Малахова кургана в город, — а, ваше благородие!

Офицер, посланный с важным поручением, не останавливался.

— Пойдите, ваше благородие, я не помощи хочу просить, а важное дело есть...

Офицер возвратился к нему...

— Что нужно, любезный, говори скорее!

— Скажите, ваше благородие, адмирал Нахимов не убит?

— Нет.

— Ну, слава Богу... Я могу теперь умереть спокойно.

Солдат перекрестился, обратил очи к небу и со вздохом закрыл глаза»³⁸³.

Другой участник обороны Севастополя, И. И. Красовский, вспоминал: «Картель и батальный огонь с Корнилова бастиона произвели страшное опустошение в рядах французов. Подошва Малахова кургана и пространство до неприятельских траншей были покрыты их телами»³⁸⁴. Цифры потерь неприятеля разнятся: называют от трех с половиной до пяти тысяч человек у французов и от полутора до двух тысяч у англичан.

Настроение англо-французской армии сильно упало: штурм был отбит, у британцев 28 июня скончался главнокомандующий лорд Реглан — поговаривали, что он заболел от расстройства и несправедливых обвинений. В английской армии всё чаще задумывались о мире. «Вчера, при уборке тел, англичане бранили Наполеона и говорили, что это он один желает продолжать войну, и что им чрезвычайно тяжело, и [что] с нетерпением ждут мира», — писал домой 8 июня командующий третьей оборонительной линией А. И. Панфилов³⁸⁵.

Карл Маркс в статье «Неудача 18 июня» назвал этот день «первым серьезным поражением англо-французской армии», не преминув съязвить: «Заголовок сообщения был уже заготовлен, подвело лишь событие, которое это сообщение должно было увековечить»³⁸⁶.

Во время перемирия и обмена телами убитых уже не звучали предложения распить шампанское, никто весело не болтал и не предлагал сигар и фруктов. И если Тотлебен в дневнике записал в тот день: «Мы чувствовали наше превосходство в нравственной силе», — то Энгельс выразил общее настроение англичан: «От мысли захватить Южную сторону Севастополя в этом году отказалась даже английская пресса».

Ранение и смерть Нахимова

После 6 июня Нахимов заметно повеселел; когда приезжал на батареи и видел старых знакомых, вспоминал с ними Синоп, улыбался. За успешно отбитый 6 июня штурм его наградили арендой в две тысячи рублей. Он, конечно, благодарил за оказанную милость, но между своими ворчал: «Лучше бы снарядов и пороха прислали».

Боеприпасов по-прежнему не хватало. Между тем не-

приятель использовал уже не только обычные снаряды, но и зажигательные ракеты. В Англии в те годы разрабатывались новые средства ведения войны: стеклянные бомбы, которые, разбиваясь, воспаляли всё вокруг; бомбы с фосфором, зажигательные пули. Во время обстрела Одессы англичане опробовали бомбы с отравляющим газом. Одну из них, неразорвавшуюся, привезли в Севастополь и вскрыли, чтобы узнать содержимое: «нестерпимая вонь так сильно обдала всех, что Корнилову сделалось дурно». Та же реакция была и у канонира в Одессе: он потерял сознание и еще два дня страдал от сильной рвоты. Моряки решили больше не исследовать их сами, а отдали в аптеку для проведения анализа — «разложения», как тогда говорили³⁸⁷.

Попытка применить против севастопольцев химические отравляющие вещества была предпринята еще в начале осады. Когда английские и французские части расположились вокруг города, городской водопровод оказался перекрытым — однако ненадолго: «Неприятели наши — образованные народы, из человеколюбия пустили в город фонтанную воду, но отравленную. Пять человек умерло, поставили караул, а воду велено разложить на составные части»³⁸⁸.

Что же касается зажигательных ракет, то командир парохода «Владимир» капитан 2-го ранга Бутаков придумал действенный способ борьбы с ними: «Дав зажигательной части ракеты разгореться большим пламенем, достаточно было одной кружки воды, чтобы совершенно потушить ее». Нахимов отдал должное изобретательности Бутакова и рекомендовал всем применять этот способ борьбы с английскими техническими новинками³⁸⁹.

Всё острее ощущалась усталость от осады. Князь Васильчиков становился с каждым днем утрюмее и неразговорчивее, Хрулев не уходил с Малахова кургана ни днем ни ночью, Тотлебен ставил перед неприятелем всё новые препятствия, Нахимов восстанавливал разрушенный бомбардировкой мост между Корабельной и Городской сторонами... И конца этому не было видно. «Севастополь, — говорили офицеры, — напоминает старую бороду, которую чем больше бреешь, тем больше она растет». Англичане сравнивали осаду Севастополя с саваном, который Пенелопа, жена Одиссея, днем ткала, а ночью распускала.

В апреле стало заметно, как мало осталось в городе моряков. «...Нахимов с трудом теперь находит и своих больных, о коих он заботился более, чем отец: они стали редки

на перевязочных пунктах и в госпиталях. Много есть прекрасных сторон в этом адмирале, между прочим память о моряках-покойниках, — писал протоиерей Арсений. — В этом месяце я служил для него три панихиды: 5 числа по Корнилове, 11-го по Лазареве и 15 по Истомине, по случаю 40 дней от кончины сего последнего. Он не забывает дней кончины их. «Очень мала теперь семья наша, — говорил он мне на могиле, — и неудобно теперь добираться сюда, но должно исполнить святой долг наш»».

Сюда — это к могиле его товарищей в строящемся соборе Святого равноапостольного князя Владимира. Грустно смотрел он на эти захоронения, которые по весне залила вода, как будто упокоились они не в каменистой сева-стопольской земле, а в привычной для них водной стихии. «Владимирский храм будет теперь как бы на гробах мучеников. Два адмирала пали за веру, и третьего кончина была страдальческая»³⁹⁰, — говорил священник Нахимову (он имел в виду адмирала Лазарева, умершего в мучениях от рака желудка). Не пройдет и двух месяцев, как отец Арсений будет отпевать четвертого адмирала, чей последний корабль встанет здесь на вечный якорь.

На следующий день после панихиды по Истомину Нахимов присутствовал на похоронах лейтенанта А. А. Бутакова. Нечасто можно увидеть адмирала, несущего гроб лейтенанта; но здесь был особый случай.

Александр Бутаков, двоюродный брат знаменитого командира парохода «Владимир», «пребравый и превеселый товарищ», как говорили о нем сослуживцы, перевелся в Севастополь с Балтийского флота. Место его службы было опасное (в Севастополе других и не было) — он командовал батареей на люнете между 5-м и 6-м бастионами. На особо важные пункты обороны Нахимов старался назначать опытных офицеров, но молодой Бутаков к тому времени прекрасно проявил себя. Конечно, сослуживцы посмеивались, слушая восторженные речи молодого офицера, особенно когда он признавался в любви к своей батарее: «Как влюбленные, женившись, не могут нарадоваться своим счастьем, так я не могу нарадоваться своею батареей и с каждым днем становлюсь всё довольнее и довольнее».

Назначению командовать батареей Бутаков был несказанно горд и в письме «милрой маменьке» так описывал свою «возлюбленную»: «Вы не смотрите, что она всего о 9 орудиях, есть, что и мичмана командуют такими батарее-

ями, но то в линии, а из всех передовых отдельных батарей командиры старше меня гораздо, и на новых редутах все штаб-офицеры»³⁹¹.

Нахимов делал объезды трех оборонительных дистанций по намеченному им с утра плану, на этот люнет приезжал каждый день и старался задержаться подольше. Ему нравился храбрый юноша, наверное, в нем он видел себя в молодости: смелого, восторженного и беззаветно преданного делу.

— Ну-с, Александр Бутаков, я пришел навестить вас, — говорил Нахимов, весело поглядывая на лейтенанта. — Всё у вас благополучно-с?

Счастливым вниманием самого Нахимова, Бутаков подробно докладывал обстановку. Адмирал подносил к глазам трубу и осматривал неприятельские траншеи.

— А как сами поживаете-с? — закончив осмотр, спрашивал Нахимов. — Сильно вам штуцера надоедают-с? А бомбами они перестали-с вас беспокоить?

Об этом можно было и не спрашивать, всё вокруг было засыпано осколками, а пули роились, как пчелы.

— Вы им хорошенько отвечайте, это славная вещь — каронады. И за работами неприятеля смотрите внимательно.

И непременно при отъезде скажет:

— Прощайте, Александр Бутаков. Будьте здоровы-с.

Отпевания и похороны проходили в Севастополе всё чаще, всё меньше было радостных моментов. Может быть, поэтому редкие праздники проходили с особой торжественностью, что позволяло на время забывать о тяжелом положении. 21 мая праздновали день тезоименитства великого князя Константина Николаевича, который вместо Меншикова возглавил флот и Морское министерство. В десять часов в Михайловском соборе все свободные от службы собрались на литургию, в этот день отмечалась не только память равноапостольного князя Константина, но и праздник Владимирской иконы Божией Матери, установленный в честь спасения Москвы от нашествия крымского хана Мухаммед-Гирея в 1521 году. В тот день все, кто по три месяца не уходил с бастионов и батарей, не снимал шинелей, не бывал в городе, молились об избавлении от нового нашествия иноплеменных войск, радовались случаю увидеть друг друга живыми. По случаю праздника надели форму, эполеты, награды (Георгиевский крест на матросской белой рубашке уже не был в Севастополе редкостью). Нахимов тоже был торжествен и наряден — в новых адми-

ральских эполетах, принимал после молебна поздравления и приглашал к себе на обед адмиралов, экипажных командиров и всё флотское и городское начальство.

По сути, это был первый случай после начала осады города, когда собрались все вместе. Позабыли на время горе, ужасы войны, пировали, поднимали бокалы и пили за здоровье великого князя, затем Нахимова, звучало троекратное «ура!». «Павел Степанович хотел остановить общее приветствие, говоря, что надобно сперва отстоять Севастополь, но голос его был заглушен криком: “Отстоим! Ура!”». Как ни отмахивался Нахимов, как ни пытался унять преждевременные восторги, ему это не удалось.

Вечером по случаю праздника он даже позволил себе — впервые после объявления войны — сесть за карты со своим старинным другом контр-адмиралом Панфиловым, флигель-адъютантом Кислинским и занявшим место Истомина в командовании 35-м флотским экипажем капитаном 2-го ранга Перелешиним.

Праздник окончился, и на следующий день всё снова пошло по заведенному кругу: противник обстреливал город, севастопольцы строили новые укрепления. Леса и мешков для земли уже давно не хватало, Нахимов распорядился сначала использовать старую парусину, потом запасные комплекты, хранившиеся на складах, потом то, что осталось. Но когда для оборонительных работ попытались приспособить драгоценное рангоутное дерево — от 100 до 150 рублей серебром за штуку, — снятое с затопленных кораблей, здесь уж Нахимов воспротивился³⁹². Душа моряка восстала против того, чтобы мачтовые деревья пошли на укрепление брустверов, — для этого можно было и старые городские постройки разобрать, тем более что многие уже превратились в руины.

В июне Нахимов подал Горчакову докладную записку с просьбой прислать моряков с затопленных в Керчи пароходов и транспортов: «...весьма затруднительно и скоро совершенно будет невозможно пополнить прислугу на батареях оборонительной линии»³⁹³. Командовали на батареях артиллерийские офицеры, а вся прислуга была из моряков, и пополнять ее было уже нечем. Примечательно, что английские моряки во время осады Севастополя никакими работами на берегу не занимались, в траншеях не сидели, обстрелу не подвергались и, как говорили армейские офицеры, «были в меру счастливы и вполне здоровы, если не считать отдельных вспышек цинги». Особо предприимчи-

вые от безделья даже занялись перепродажей лошадей с большой выгодой для себя³⁹⁴.

Двадцать шестого июня в Севастополь неожиданно приехал архиепископ Херсонский и Таврический Иннокентий (Борисов). Архиерей принимал самое живое участие в делах Севастополя: он отправлял помощь для раненых, наложил на всё священство обязанность «воодушевлять словом» защитников и сам, пока вражеский флот в 1854 году обстреливал Одессу, ежедневно совершал молебен в кафедральном соборе, призывая прихожан обратиться мыслями не к врагу, а к Господу. Он внимательно следил за боевыми действиями, собирал самые подробные сведения, его рабочий стол был завален картами и газетами. «Если бы командование армией доверили Иннокентию, — говорили в народе, — Россия выиграла бы Крымскую войну».

Едва узнав о высадке неприятеля в Евпатории, Иннокентий поспешил к Бахчисараю. Но Меншиков отклонил его стремление приехать в Севастополь. Тогда архиепископ отслужил литургию и произнес проповедь о неразумных делах, проспавших прибытие жениха. Сохранилось немало писем преосвященного, в которых он задавал вопросы, неприятные для командования: «Оставленный князем Меншиковым Севастополь что имел тогда для своей необходимости?»; «В продолжение осени и зимы был ли одет наш солдат и дошло ли до него множество тулупов и других вещей?»; «Мог ли быть взят нами обратно Малахов курган и что было бы следствием, если бы он был взят?»³⁹⁵

После отбытия из Севастополя Меншикова архиепископ Иннокентий приехал в город, уже не спрашивая разрешения. Отдавая дань защитникам Севастополя, он в проповеди, перефразируя библейские слова, сказал: каждый русский, кому суждено будет приблизиться к городу, должен «изуть сапоги от ног своих, ибо место сие свято есть». Этот день запомнился в Севастополе всем; когда в храме запели «Спаси, Господи, люди Твоя!», у многих выступили слезы. А вскоре по городу разнеслась горестная весть — Нахимов тяжело ранен.

Двадцать восьмого июня в четыре часа пополудни Павел Степанович начал свой обычный объезд бастионов и батарей в сопровождении адъютантов и флаг-офицеров Колтовского и Фельдгаузена. Чувствовал он себя все эти дни неважно — сказывалась непомерная усталость, но все усилия племянника остановить его оказались напрасными. «Как едешь на бастион, так веселее дышишь», — заявил он.

На третьей оборонительной дистанции осмотрели батарею, затем зашли в блиндаж А. И. Панфилова, у него отдохнули, выпили лимонаду — день был жаркий и безветренный, потом поехали на 3-й бастион, откуда слышалась ожесточенная перестрелка. «В 6 часов вечера приехал ко мне Нахимов, — писал Панфилов домой. — А когда он сел на лошадь и я попрощался с ним, мне попала пуля в левую сторону груди, но не пробила даже сюртука — странный случай при прощании!»³⁹⁶

Нахимов всю дорогу беседовал — в этот день он вообще был чрезвычайно весел и любезен — и на предложения Колтовского укрыться возразил:

— Как приятно ехать такими молодцами, как мы с вами. Так нужно, друг мой, ведь на всё воля Бога, и ежели Ему угодно будет, то всё может случиться: что бы вы тут ни делали, за что бы ни прятались, чем бы ни укрывались, ничто бы не противостояло Его велению, а этим показали бы мы только слабость характера своего. Чистый душой и благородный человек будет всегда ожидать смерти спокойно и весело, а трус боится смерти...

Адмирал задумался, но лицо его сохраняло спокойную и веселую улыбку.

Они подъехали к батарее Жерве, спешили. Адмирал осмотрелся и приказал собрать артиллерийскую прислугу.

— Здорово, наши молодцы! — обратился он к матросам и улыбнулся, услышав громовое приветствие.

— Ну, друзья, осмотрел я вашу батарею, она далеко не та, какую была прежде. Она теперь хорошо укреплена. Неприятель не должен знать и думать, что здесь можно каким бы ни было способом вторично прорваться. Смотрите ж, друзья, докажите французу, что вы такие же молодцы, какими я вас знаю, а за новые работы и за то, что вы хорошо деретесь, спасибо, ребята!

— Рады стараться! — прозвучало в ответ.

Дальше путь адмирала с сопровождающими лежал на Малахов курган. Было шесть часов вечера, жара спадала. Они оставили лошадей у вала и стали подниматься на курган. Из башни доносилось церковное песнопение — там шла служба. Нахимов перекрестился и пошел на бастион. Его догнал капитан 1-го ранга Ф. С. Керн, отрапортовал, что всё в порядке, беспокоиться не стоит. Нахимов желал сам осмотреть новые работы неприятеля. Подойдя к banquetу — внутренней насыпи, — он встал на нее, взял у сигнальщика подзорную трубу и стал смотреть, но не через амбра-

зуру из мешков, специально для того сделанную, а прямо через бруствер, высунувшись почти по пояс.

— Ваше высокопревосходительство, лучше через амбразуру, — обратился к нему Керн.

В этот момент штуцерная пуля угодила в мешок рядом с левым локтем адмирала, вторая в бруствер; отлетевшим от бруствера камешком у Колтовского разорвало козырек фуражки. Стало ясно, что это не случайные пули — целятся в адмирала.

— Ваше высокопревосходительство, — обратился к адмиралу Керн, не теряя надежды увести его, — завтра праздник Петра и Павла, у нас сейчас служат в башне вечерню. Не желаете ли пройти?

— Вы идите, помолитесь, — отвечал Нахимов, продолжая смотреть в трубу. — Однако они сегодня довольно метко стреляют, — только и успел он произнести и в следующее мгновение беззвучно упал. Керн кинулся к Нахимову: штуцерная пуля попала ему в левый висок навывлет, он был без сознания, но еще жив³⁹⁷.

Наскоро сделали перевязку, положили на окровавленные солдатские носилки и на катере перевезли на Северную сторону. В госпитале врачи извлекли из раны многочисленные осколки кости, наложили повязку. Доктор Гюббенет был в это время занят перевязкой раненого Тотлебена; вечером он приехал в госпиталь, чтобы осмотреть Нахимова. «Он был совершенно бледен и, по-видимому, без всякого самосознания, не владел языком и лежал на спине, склонившись несколько на правый бок... левою рукою он постоянно хватался за рану». Вечером пульс стал учащаться, появилась испарина, ему давали ложечкой холодную воду, которую он с трудом глотал. Левою рукою он всё чаще проводил по ране, раз проговорил: «Эх, боже мой, что за вздор!»

Утром он открывал глаза. В этот день, 29 июня, был праздник Святых апостолов Петра и Павла — именины Павла Степановича. Ему как будто стало лучше, и даже казалось, что он хочет что-то сказать. По городу немедленно разнеслась радостная весть. Врачи собрали консилиум, присланный Горчаковым прусский лейб-хирург объявил: есть шанс спасти адмирала, нужно только дать ему бараньей травы — она восстановит его силы. Траву дали, но к вечеру дыхание стало хриплым. 30 июня в 11 часов 10 минут Нахимова не стало. Шел 290-й день осады. Адмирал разделил участь Корнилова, Истомина и тысяч других защитников Севастополя.

Горе севастопольцев было велико. «Нахимов умер!.. Уныло звонит колокол единственной севастопольской церкви, ему жалобно вторит колокол Корабельной стороны; эти печальные звуки, сливаясь в один общий потрясающий звук с редкими выстрелами орудий, несутся по бухте, будто стоны Севастополя над свежим прахом своего славного вождя стремятся на ту сторону бухты, чтобы пронестись по обширному пространству нашего отечества, везде вызывая сердечные слезы, везде потрясая души горем и печалью...»³⁹⁸ — сообщали севастопольцы домой горькую весть.

Офицеры вспоминали, как матросы, прошедшие ад бомбардировок и штурмов, герои Синопа, не скрывали слез, узнав о гибели «нашего старика», «отца-адмирала».

В тот же день тело его перевезли на квартиру, где флотские иеромонахи по собственному желанию читали молитвы у гроба, накрытого простреленным в Синопском сражении флагом с корабля «Императрица Мария». Моряки стояли в почетном карауле. Когда гроб с останками адмирала провозили мимо кораблей на рейде, на них приспустили флаги.

Первого июля гроб перенесли в Михайловскую церковь. Вдоль улицы стояли солдаты с ружьями на караул. Все, кто остался в живых, пришли проститься с адмиралом. Вечером его похоронили рядом с учителем Лазаревым и товарищами — Корниловым и Истоминым в соборе Святого равноапостольного князя Владимира.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

После гибели Нахимова город сопротивлялся еще два месяца. 24—26 августа пережили шестую бомбардировку. 27-го числа начался новый штурм. Шесть атак последовали одна за другой по всей линии обороны; все были успешно отбиты — кроме первой, когда французы захватили Малахов курган. Горчаков принял решение оставить Южную сторону. В седьмом часу вечера взорвали укрепления и склады и за одну ночь по заранее наведенному мосту перевели все войска на Северную сторону. Одновременно на рейде были затоплены оставшиеся корабли Черноморского флота. Завершился 349-й день обороны. Как знать, останься в живых Нахимов, не получи тяжелое ранение Тотлебен и Хрулев, возможно, Горчаков и не отдал бы приказа отступить с Южной стороны. Моряки не скрывали недовольства принятым решением, не желая покидать город.

Неприятель два дня не решался занимать Южную сторону, опасаясь, что она может быть заминирована, и зимовать в городе не остался — ушел в Байдарскую долину. Горчаков расположил войска недалеко от Северной стороны, на Инкерманских и Мекензиевых высотах, а остальную часть армии отвел в окрестности Бахчисарая и Симферополя. Так и стояли до подписания мира.

Теперь всё внимание перенесли на Балтику и Кавказ. Весь июль англо-французский флот усиленно обстреливал Свеаборг, только за три дня — с 28 по 30 июля — выпустив по крепости 21 тысячу снарядов, однако захватить крепость и подойти к столице так и не смог. На Кавказе 14 ноября 1855 года после длительной осады генерал Муравьев при-

нял капитуляцию Карса с гарнизоном в 16 тысяч человек. Это победа приблизила окончание войны.

Шестнадцатого марта 1856 года в Париже подписали мирный договор. Россия отказывалась от права держать на Черном море военный флот, а также от устья Дуная и крепости Карс, но возвращала себе Севастополь, Кинбурн, Керчь и Балаклаву. Британия и Австрия остались крайне недовольны столь мягкими условиями договора, иностранные газеты писали, что, прочитав его, нельзя понять, кто тут победитель, а кто побежденный.

Пройдет полтора десятка лет, Франция Наполеона III потерпит сокрушительное поражение от Пруссии, а на карте Европы появится новое государство — Второй рейх. Появление единой Германии нарушало условия Венского договора, но никакой реакции в Европе не последовало. Тогда Россия объявила, что не считает себя обязанной выполнять условия Парижского договора, и начала строить на Черном море новый военный флот. Теперь это были не деревянные парусные корабли, а броненосные паровые; к ним примыкали эскадры минных катеров, которые успешно действовали на Балтике и в Черном море. Адмирал Г. И. Бутаков, защитник Севастополя, воспитал и обучил пароходной тактике ведения боя целую плеяду моряков. Это был лучший памятник адмиралу Нахимову.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: *Лобанов-Ростовский А. Б.* Русская родословная книга: В 2 т. СПб., 1895. Т. 2. С. 18, 464—465.

² См.: Запись в метрической книге о рождении Нахимова // П. С. Нахимов: Документы и материалы: В 2 т. СПб., 2003. Т. 1. С. 35.

³ См.: Аким Николаевич Нахимов, писатель-сатирик, 1782—1814 гг.: Очерк литературной деятельности и неизданные его сочинения / Сообщил Г. С. Чириков // Русская старина (далее — РС). 1880. Т. 29. Вып. 9—12. С. 731, 732; 972; *Маслович В.* Память о харьковском стихотворце А. Н. Нахимове. СПб., 1818.

⁴ *Чичерин Б. Н.* Москва сороковых годов. М., 1929. С. 32—33.

⁵ См.: Описание имения братьев Нахимовых, представленное в Опекунский совет // П. С. Нахимов: Документы и материалы. Т. 2. С. 355—356; Прощение Ивана и Павла Нахимовых см.: Там же. С. 36.

⁶ Уведомление Московской сохранной казны. 25 января 1871 г. // Там же. С. 358—359.

⁷ См.: Отношение Кадниковского уездного суда в Морской кадетский корпус. 30 марта 1857 г. // Там же. С. 358.

⁸ *Кротов А. С.* Морской кадетский корпус: Краткий исторический очерк. СПб., 1901. С. 118.

⁹ Воспоминания Бестужевых. М.; Л., 1951. С. 229—230.

¹⁰ *Веселаго Ф. Ф.* Очерк истории Морского кадетского корпуса. СПб., 1872. С. 173—175.

¹¹ Прощение Ивана и Павла Нахимовых // П. С. Нахимов: Документы и материалы. Т. 1. С. 35—36.

¹² Рапорт директора Морского кадетского корпуса // Там же. С. 37.

¹³ См.: Из списка волонтеров, командированных в учебное плавание на бриге «Симеон и Анна» // П. С. Нахимов: Документы и материалы. М., 1954. С. 34.

¹⁴ См.: Формулярный список о службе и достоинстве начальника 5-й флотской дивизии вице-адмирала Павла Нахимова. 1852 г. // П. С. Нахимов: Документы и материалы. СПб., 2003. Т. 1. С. 406—407.

¹⁵ Замечания П. С. Нахимова на проект Морского устава // Там же. С. 193.

¹⁶ Инструкция П. К. Карцова преподавателю Морского кадетского корпуса капитан-поручику М. М. Геннингу о проведении учебного плавания кадетов в кампанию 1815 г. // Там же. С. 38—39.

¹⁷ Из письма М. П. Лазарева А. А. Шестакову // М. П. Лазарев: Документы: В 3 т. Т. 1. М., 1952. С. 403.

¹⁸ Воспоминания Д. Б. Броневского // РС. 1908. Т. 134. № 6. С. 545—555.

¹⁹ *Завалишин Д. И.* Воспоминания. М., 2003. С. 29.

²⁰ *Он же.* По поводу публикации автобиографических заметок В. И. Даля // Московские ведомости. 1872. № 290. 16 ноября.

²¹ *Он же.* Воспоминания о Морском кадетском корпусе с 1816 по 1822 год // Русский вестник (далее — РВ). 1873. Т. 105. № 6. С. 623—655.

²² См.: *Пасецкий В. М.* Михаил Францевич Рейнеке. М., 1978. С. 12—13.

²³ *Завалишин Д. И.* Воспоминания о Морском кадетском корпусе с 1816 по 1822 год. С. 623—655.

²⁴ Цит. по: *Михайлов А. А.* Российские кадетские корпуса // Вопросы истории. 1997. № 12. С. 126.

²⁵ *Завалишин Д. И.* Воспоминания. С. 31.

²⁶ См.: Дневник и журнал гардемарина С. Лихонина, дневник гардемарина П. Новосильского // Российский государственный архив Военно-Морского Флота (далее — РГАВМФ). Ф. 315. Оп. 1. Д. 159, 160; *Даль В. И.* Дневной журнал, веденный на бриге «Феникс», идущи из Санкт-Петербурга в различные порты Балтийского моря // Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (далее — ОР РГБ). Ф. 473. К. 1. Л. 168—194; *Завалишин Д. И.* Поход гардемарин в Швецию и Данию в 1817 г. // РВ. 1874. № 4. С. 112—148.

²⁷ См.: Предписание морского министра И. И. Траверсе // П. С. Нахимов: Документы и материалы. СПб., 2003. Т. 1. С. 40—41.

²⁸ Предписание П. К. Карцова // Там же. С. 41.

²⁹ *Даль В. И.* Указ. соч. Л. 169—192.

³⁰ См.: Рапорты С. А. Шихматова П. К. Карцову о плавании брига «Феникс» от 2 июня, 11 июня, 2 июля, 25 августа 1817 г. // П. С. Нахимов: Документы и материалы. СПб., 2003. Т. 1. С. 43—49.

³¹ Замечания П. С. Нахимова на проект Морского устава. С. 194—195.

³² Из воспоминаний бывшего старшего адъютанта командира Севастопольского порта Л. А. Ухтомского // П. С. Нахимов: Документы и материалы. СПб., 2003. Т. 2. С. 300.

³³ Рапорт С. А. Шихматова П. К. Карцову. 2 июля // Там же. Т. 1. С. 44—45.

³⁴ *Завалишин Д. И.* Воспоминания. С. 35.

³⁵ Рапорт П. А. Дохтурова Ф. В. Моллеру. 20 июля 1817 г. // П. С. Нахимов: Документы и материалы. СПб., 2003. Т. 1. С. 45—46.

³⁶ См.: Рапорт С. А. Шихматова П. К. Карцову о возвращении брига «Феникс» с гардемаринами в Ревель. 7 сентября // П. С. Нахимов: Документы и материалы. М., 1954. С. 41.

³⁷ *Завалишин Д. И.* Воспоминания. С. 41—44.

³⁸ *Он же.* Воспоминания о Морском кадетском корпусе с 1816 по 1822 год. С. 623—655.

³⁹ Протокол комиссии, экзаменовавшей выпускников Морского кадетского корпуса // П. С. Нахимов: Документы и материалы. СПб., 2003. Т. 1. С. 53—54.

- ⁴⁰ Из послужного списка П. С. Нахимова о его службе и плаваниях в 1818—1822 гг. // Там же. С. 55.
- ⁴¹ Из письма М. А. Бестужева М. Ф. Рейнеке. 1 января 1856 г. // Там же. Т. 2. С. 265.
- ⁴² Письмо Нахимова Рейнеке. 4 января 1824 г. // Там же Т. 1. С. 66.
- ⁴³ Инструкция М. П. Лазареву от А. В. Моллера // М. П. Лазарев: Документы. Т. 1. С. 236—237.
- ⁴⁴ Из «Истинных записок моей жизни» лейтенанта С. Я. Унковского // Там же. С. 11.
- ⁴⁵ Инструкция М. П. Лазареву от А. В. Моллера // Там же. С. 237.
- ⁴⁶ См.: Там же. С. 231.
- ⁴⁷ См.: Санкт-Петербургские ведомости. 1822. 18 августа.
- ⁴⁸ *Чичагов П. В.* Записки. М., 2002. С. 30.
- ⁴⁹ Собственноручная черновая записка великого князя Константина Николаевича государю Николаю Павловичу // *Зайончковский А. М.* Восточная война. 1853—1856: В 2 т. СПб., 2002. Т. 1. Приложение 191. С. 837.
- ⁵⁰ См.: Ведомость о служителях, находившихся на фрегате «Крейсер», с показанием окладов и прибавочного за бытность в дальнем вояже каждому по званию жалованья // М. П. Лазарев: Документы. Т. 1. С. 232—233.
- ⁵¹ См.: *Шатрова Г. П.* Декабрист Завалишин. Красноярск, 1984. С. 135.
- ⁵² Письмо Нахимова Рейнеке о возвращении из Архангельска в Кронштадт // П. С. Нахимов: Документы и материалы. СПб., 2003. Т. 1. С. 56.
- ⁵³ Записка М. П. Лазарева Ф. В. Моллеру // М. П. Лазарев: Документы. Т. 1. С. 225—226.
- ⁵⁴ *Завалишин Д. И.* Воспоминания. С. 79.
- ⁵⁵ *Зайончковский А. М.* Указ. соч. Т. 1. С. 542.
- ⁵⁶ Письмо Нахимова Рейнеке о пребывании в Кронштадте // П. С. Нахимов: Документы и материалы. СПб., 2003. Т. 1. С. 57.
- ⁵⁷ *Завалишин Д. И.* Кругосветное плавание фрегата «Крейсер» // Древняя и новая Россия (далее — ДиНР). 1877. Кн. 10. Т. 3. № 5. С. 59.
- ⁵⁸ Там же.
- ⁵⁹ Письмо Нахимова лейтенанту М. Ф. Рейнеке о плавании фрегата «Крейсер» к берегам Русской Америки. 4 января 1824 г. Сан-Франциско // П. С. Нахимов: Документы и материалы. Т. 1. С. 66.
- ⁶⁰ См.: *Завалишин Д. И.* Воспоминания.
- ⁶¹ В. З. [Зарудный В. И.] Об адмирале Павле Степановиче Нахимове // Морской сборник. 1855. № 10. IV. Отдел учено-литературный. С. 470.
- ⁶² *Гончаров И. А.* Фрегат «Паллада» // *Гончаров И. А.* Собрание сочинений: В 8 т. Т. 2. М., 1978. С. 30.

- ⁶³ *Завалишин Д. И.* Кругосветное плавание фрегата «Крейсер» // ДиНР. 1877. Кн. 10. Т. 3. № 6. С. 116.
- ⁶⁴ Там же. С. 117.
- ⁶⁵ Там же. С. 119.
- ⁶⁶ Рапорт командира фрегата «Крейсер» капитана 2 ранга М. П. Лазарева А. В. Моллеру о плавании фрегата от Копенгагена к северо-западным берегам Америки // П. С. Нахимов: Документы и материалы. СПб., 2003. Т. 1. С. 58.
- ⁶⁷ См.: *Зайончковский А. М.* Указ. соч. Т. 1. С. 607.
- ⁶⁸ *Завалишин Д. И.* Кругосветное плавание фрегата «Крейсер» // ДиНР. 1877. Кн. 10. Т. 3. № 6. С. 121.
- ⁶⁹ *Диккенс Ч.* Большие надежды. СПб., 2012. С. 181.
- ⁷⁰ См.: *Завалишин Д. И.* Кругосветное плавание фрегата «Крейсер» // ДиНР. 1877. Кн. 10. Т. 3. № 6. С. 121.
- ⁷¹ *Гончаров И. А.* Указ. соч. С. 51—54.
- ⁷² Цит. по: Из воспоминаний Л. А. Ухтомского // П. С. Нахимов: Документы и материалы. СПб., 2003. Т. 2. С. 300—301.
- ⁷³ *Лисянский Ю. Ф.* Путешествие вокруг света на корабле «Нева» в 1803—1806 годах [Электронный ресурс] // URL: <https://www.litmir.me/br/?b=122786&p=1>
- ⁷⁴ Письмо Нахимова лейтенанту М. Ф. Рейнеке о плавании фрегата «Крейсер» к берегам Русской Америки. С. 67.
- ⁷⁵ См.: Метеорологические наблюдения, произведенные во время кругосветного плавания фрегата «Крейсер» в 1822—1825 гг. СПб., 1882.
- ⁷⁶ *Новосильский П. М.* Южный полюс: Из записок бывшего морского офицера // М. П. Лазарев: Документы. Т. 1. С. 141—142.
- ⁷⁷ См.: Список книг, затребованных для фрегата «Крейсер» и шлюпа «Ладога» // Там же. С. 233.
- ⁷⁸ *Завалишин Д. И.* Калифорния в 1824 году // РВ. 1865. Т. 60. С. 338.
- ⁷⁹ Цит. по: *Фирсов И. И.* Лисянский. М., 2002. С. 96.
- ⁸⁰ Письмо Нахимова лейтенанту М. Ф. Рейнеке о плавании фрегата «Крейсер» к берегам Русской Америки. С. 67.
- ⁸¹ *Лисянский Ю. Ф.* Указ. соч.
- ⁸² Письмо Нахимова лейтенанту М. Ф. Рейнеке о плавании фрегата «Крейсер» к берегам Русской Америки. С. 67.
- ⁸³ Из послужного списка П. С. Нахимова о его службе и плаваниях в 1818—1822 гг. С. 55.
- ⁸⁴ Журнал священника Иоанна Вениаминова, веденный им во время проживания на острове Ситха, Новоархангельск, с 20 октября 1823 г. до 1 мая 1824 г. // Святитель Иннокентий Московский, просветитель Америки и Сибири: Собрание сочинений и писем: В 7 т. Т. 7. М., 2015. С. 127.
- ⁸⁵ *Завалишин Д. И.* Кругосветное плавание фрегата «Крейсер» // ДиНР. 1877. Кн. 10. Т. 3. № 11. С. 219.
- ⁸⁶ Рапорт М. П. Лазарева в Адмиралтейств-коллегию // М. П. Лазарев: Документы. Т. 1. С. 257—258.
- ⁸⁷ Из письма М. Лазарева // Там же. С. 151.

⁸⁸ Из доклада А. В. Моллера Александру I // Там же. С. 260; Крашенинников С. Замечания на статью «Из записок севастопольца» // Материалы для истории Крымской войны и обороны Севастополя / Под ред. Н. Дубровина. Вып. 1. СПб., 1871. Приложение. С. 157—158.

⁸⁹ Цит. по: Шешин А. Б. «Морская управа» Северного общества // Вопросы истории. 1979. № 2. С. 127.

⁹⁰ Завалишин Д. И. Калифорния в 1824 году. С. 363.

⁹¹ Рапорт Лазарева в Адмиралтейств-коллегию об откомандировании Завалишина в Петербург // М. П. Лазарев: Документы. Т. 1. С. 256.

⁹² Завалишин Д. И. Воспоминания. С. 111—112.

⁹³ Там же. С. 68.

⁹⁴ Цит. по: Шешин А. Б. Указ. соч. С. 121—122.

⁹⁵ Завалишин Д. И. Воспоминания. С. 70.

⁹⁶ Письмо Нахимова Рейнеке о нежелании переходить на службу в Гвардейский экипаж. 1 февраля 1826 г. // П. С. Нахимов: Документы и материалы. СПб., 2003. Т. 1. С. 69.

⁹⁷ Там же. С. 68—69.

⁹⁸ Завалишин Д. И. Воспоминания. С. 182.

⁹⁹ Из рапорта командира корабля «Азов» Лазарева // М. П. Лазарев: Документы. Т. 1. С. 269—271; Рапорт вице-адмирала С. А. Пустошкина в Адмиралтейств-коллегию // Там же. С. 282; Из записки о некоторых переменах, сделанных против штатного положения на корабле «Азов» // Там же. С. 283—287.

¹⁰⁰ Из письма Лазарева А. А. Шестакову о неблагоприятном для него исходе дела о столкновении кораблей «Азов» и «Великий князь Михаил». 20 декабря 1830 г. // Там же. С. 381.

¹⁰¹ Письмо Нахимова Рейнеке о работе по достройке корабля «Азов» и плавании из Архангельска в Кронштадт. 25 января 1827 г. // П. С. Нахимов: Документы и материалы. СПб., 2003. Т. 1. С. 69—72.

¹⁰² См.: Из воспоминаний бывшего старшего адъютанта командира Севастопольского порта Л. А. Ухтомского. С. 299.

¹⁰³ Письмо Нахимова С. С. и А. С. Нахимовым о своем прибытии на лечение в Германию. 19 (7) августа 1838 г. // П. С. Нахимов: Документы и материалы. СПб., 2003. Т. 1. С. 124.

¹⁰⁴ Цит. по: Выскочков Л. Николай I. М., 2003. С. 127.

¹⁰⁵ Цит. по: Там же. С. 124.

¹⁰⁶ Документы дополнительного следствия по делу Д. И. Завалишина были выявлены Л. П. Петровским в Центральном государственном военно-историческом архиве СССР (Ф. 36. Оп. 4/847) в 1975 году. Ныне они хранятся в Государственном архиве Российской Федерации (далее — ГАРФ).

¹⁰⁷ ГАРФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 47. Л. 138—139.

¹⁰⁸ См.: Там же. Д. 48.

¹⁰⁹ Максимов С. В. Дмитрий Иринархович Завалишин (из литературных воспоминаний) // Декабристы в воспоминаниях современников. М., 1988. С. 428—430.

- ¹¹⁰ Цит. по: *Пасецкий В. М.* Указ. соч. С. 116.
- ¹¹¹ Цит. по: *Каллистов Н. Д.* Флот при императоре Николае I // История русской армии и флота: В 15 т. Т. 9. М., 1913. С. 185.
- ¹¹² Приказ Д. Н. Сенявина по эскадре. 29 июля 1827 г. // РГАВМФ. Ф. 315. Оп. 1-1. Д. 568. Л. 12—13.
- ¹¹³ *В. З. Фрегат «Бальчик»* // Морской сборник. 1856. Т. 25. № 13. III. Неофициальная часть. С. 193—194.
- ¹¹⁴ Наставление Д. Н. Сенявина Л. П. Гейдену в связи с отправлением эскадры Гейдена из Портсмута в Средиземное море // М. П. Лазарев: Документы. Т. 1. С. 301—302.
- ¹¹⁵ Из протокола конференции, происходившей между президентом Греции и архиепископами, в присутствии г. контр-адмирала Лазарева, капитана Крафтона и капитана Леблана. 1828 г. // *Палеолог Г., Сивинис М.* Исторический очерк народной войны за независимость Греции. СПб., 1867. Приложения. С. 99.
- ¹¹⁶ *Дююи Р. Э., Дююи Т. И.* Харперская энциклопедия военной истории / Пер. с англ. Г. С. Усова и др.: В 4 кн. Кн. 3. М.; СПб., 1998. С. 203.
- ¹¹⁷ Предписание Николая I Л. П. Гейдену. 19 июня 1827 г. // М. П. Лазарев: Документы. Т. 1. С. 296—297.
- ¹¹⁸ См.: *Рыкачев А. П.* Год Наваринской кампании 1827—1828 гг. Кронштадт, 1878; Письмо Нахимова Рейнке о сражении в Наваринской бухте. 4 ноября 1828 г. // П. С. Нахимов: Документы и материалы. СПб., 2003. Т. 1. С. 74—83; Из шканечного журнала корабля «Азов». 7—12 октября 1827 г. // М. П. Лазарев: Документы. Т. 1. С. 304—320; Из рапортов Л. П. Гейдена Николаю I о Наваринском сражении // Там же. С. 320—323, 326.
- ¹¹⁹ Цит. по: *Богданович Е. В.* Адмирал Павел Степанович Нахимов. СПб., 1902. С. 41.
- ¹²⁰ Наваринский бой: Рассказ участника / Пер. с англ. П. Д. Погодина. М., 1900. С. 4.
- ¹²¹ *Чичагов П. В.* Указ. соч. С. 588—589.
- ¹²² Цит. по: *Богданович Е. В.* Указ. соч. С. 40.
- ¹²³ Цит. по: Там же. С. 53.
- ¹²⁴ См.: *Палеолог Г., Сивинис М.* Указ. соч. С. 43.
- ¹²⁵ Из записок участника Наваринского боя лейтенанта фрегата «Константин» Л. Л. Гейдена // М. П. Лазарев: Документы. Т. 1. С. 366—372.
- ¹²⁶ Наваринский бой. С. 25.
- ¹²⁷ См.: *Палеолог Г., Сивинис М.* Указ. соч. С. 43.
- ¹²⁸ Наваринский бой. С. 15, 19.
- ¹²⁹ Из рапортов Л. П. Гейдена Николаю I о некоторых подробностях Наваринского сражения. С. 326.
- ¹³⁰ Из записок очевидца о церемонии поднятия Георгиевского флага на корабле «Азов» // М. П. Лазарев: Документы. Т. 1. С. 336—337.
- ¹³¹ См.: *Богданович Е. В.* Указ. соч. С. 55.
- ¹³² Там же. Приложения. С. 48—49.
- ¹³³ Там же. Приложения. С. 54.

¹³⁴ См.: Из исторического журнала русской эскадры в Средиземном море... // П. С. Нахимов: Документы и материалы. СПб., 2003. Т. 1. С. 83—87.

¹³⁵ *Богданович Е. В.* Указ. соч. Приложения. С. 47.

¹³⁶ См. например: *Поликарпов В.* Нахимов. М., 1960; *Давыдов Ю.* Нахимов. М., 1970; *Ляхов В. А.* Русская армия и флот в войне с Османской Турцией в 1828—1829 гг. Ярославль, 1972.

¹³⁷ См.: Will Smiley. War without war: the battle of Navarino, the Ottoman Empire and pacific blockade // Journal of the history of international law. 2016. № 18. P. 42—69.

¹³⁸ *Палеолог Г., Сивинис М.* Указ. соч. Приложения. С. 61—62.

¹³⁹ Там же. С. 26—27.

¹⁴⁰ *Богданович Е. В.* Указ. соч. Приложения. С. 44—45.

¹⁴¹ Цит. по: *Григорьев Б.* Повседневная жизнь царских дипломатов в XIX в. М., 2010. С. 6—7.

¹⁴² См.: Из депеши К. В. Нессельроде Л. П. Гейдену с изложением задач, возложенных русским правительством на эскадру // М. П. Лазарев: Документы. Т. 1. С. 338—341.

¹⁴³ Цит. по: *Феоктистов Е. М.* Русская дипломатия в борьбе Греции за независимость // РВ. 1868. Т. 75. С. 194.

¹⁴⁴ См.: *Татищев С. С.* Из прошлого русской дипломатии: Исторические исследования и полемические статьи. СПб., 1890. С. 52.

¹⁴⁵ *Богданович Е. В.* Указ. соч. Приложения. С. 13—14.

¹⁴⁶ См.: *Каллистов Н. Д.* Указ. соч. С. 197.

¹⁴⁷ Рапорт Гейдена А. В. Моллеру о взятии кораблем «Иезекииль» турецкого корвета «Восточная Звезда» // П. С. Нахимов: Документы и материалы. СПб., 2003. Т. 1. С. 91—92.

¹⁴⁸ Из воспоминаний Рыкачева о Нахимове // Там же. С. 102.

¹⁴⁹ См.: *Тарле Е. В.* Крымская война: В 2 т. М.; Л., 1950. Т. 1. С. 87.

¹⁵⁰ Из вахтенного журнала корвета «Наварин» // П. С. Нахимов: Документы и материалы. СПб., 2003. Т. 1. С. 96.

¹⁵¹ См.: Из письма Лазарева А. А. Шестакову о переходе его эскадры из Средиземного моря в Кронштадт // М. П. Лазарев: Документы. Т. 1. С. 372—373.

^{151a} См.: *Даниил (Сычев), иером.* Торжества в честь юбилея П. С. Нахимова на Вяземской земле // Московский журнал. 2002. № 10. С. 53.

¹⁵² Формулярный список о службе и достоинстве начальника 5-й флотской дивизии вице-адмирала Павла Нахимова. 1852 г. С. 406—418.

¹⁵³ *Федоров М. Р.* Кораблестроительная деятельность П. С. Нахимова // Судостроение. 1977. № 2. С. 41.

¹⁵⁴ Рапорты Нахимова в Кораблестроительный департамент Морского министерства о необходимости увеличения числа гребных судов фрегата «Паллада» // П. С. Нахимов: Документы и материалы. СПб., 2003. Т. 1. С. 108—110; Ведомость о ходе работ по оборудованию фрегата «Паллада» // Там же. С. 112—115.

- ¹⁵⁵ *Афанасьев Д. М.* К истории Черноморского флота // Русский архив (далее — РА). 1902. № 3. С. 419.
- ¹⁵⁶ Из шканечного журнала фрегата «Паллада» о предотвращении Нахимовым опасности, грозившей эскадре в.-а. Ф. Ф. Беллинсгаузена // П. С. Нахимов: Документы и материалы. СПб., 2003. Т. 1. С. 115.
- ¹⁵⁷ См.: *Исаков И.* Адмирал Нахимов // Новый мир. 1952. № 7. С. 214.
- ¹⁵⁸ *Афанасьев Д. М.* Ответ моряка «Русскому архиву» // С.-Петербургские ведомости. 1868. № 25.
- ¹⁵⁹ Письмо М. П. Лазарева А. А. Шестакову // М. П. Лазарев: Документы. Т. 2. М., 1955. С. 6—7.
- ¹⁶⁰ Из письма Лазарева Меншикову о казнокрадстве в Черноморском флоте. 1836 г. // Там же. Т. 3. М., 1961. С. 329.
- ¹⁶¹ Письмо Лазарева Меншикову о злоупотреблениях и казнокрадстве интендантских чиновников Черноморского флота // Там же. Т. 2. С. 40—41.
- ¹⁶² Из «Заметок неизвестного о декабристах и о русских моряках прежнего времени» // П. С. Нахимов: Документы и материалы. СПб., 2003. Т. 2. С. 297—298.
- ¹⁶³ Из письма Лазарева Меншикову о награждении лейтенантов В. А. Корнилова, В. И. Истомина, Е. М. Богданова и других офицеров и испытании корабля «Варшава» // М. П. Лазарев: Документы. Т. 3. С. 162.
- ¹⁶⁴ Письмо В. Н. Арефьеву от 25 декабря 1834 г. // Морской сборник. 1902. № 5. Неофициальная часть. С. 26.
- ¹⁶⁵ См.: Докладная записка А. С. Меншикова Николаю I // Там же. С. 160—161.
- ¹⁶⁶ Из письма Лазарева А. А. Шестакову о ходе строительства судов Черноморского флота и улучшении кораблестроения // Там же. С. 155.
- ¹⁶⁷ Из письма Лазарева А. А. Шестакову о своем участии в постройке корабля «Варшава». 1834 г. // Там же. С. 178.
- ¹⁶⁸ Письмо Лазарева А. А. Шестакову о поведении его сына мичмана Н. А. Шестакова // Там же. С. 327—328.
- ¹⁶⁹ Из письма Лазарева Меншикову с отзывом английского посла о кораблях Черноморского флота и о мореходных качествах построенных в Николаеве палубных ботов. 1835 г. // Там же. С. 183.
- ¹⁷⁰ Рапорт П. М. Юхарина С. П. Хрущову о боевых качествах корабля «Силистрия» после его многолетнего нахождения в строю // П. С. Нахимов: Документы и материалы. СПб., 2003. Т. 1. С. 184.
- ¹⁷¹ *Афанасьев Д. М.* Ответ моряка «Русскому архиву» // С.-Петербургские ведомости. 1868. № 25. 26 января.
- ¹⁷² См.: Доклад начальника штаба Черноморского флота и портов контр-адмирала Авинова // М. П. Лазарев: Документы. Т. 3. С. 345—347.

- ¹⁷³ См.: Там же. С. 353, 373, 375, 383.
- ¹⁷⁴ См.: ГКУ Архив города Севастополя. Ф. 20. Оп. 1. Д. 73. Л. 467.
- ¹⁷⁵ *Асланбегов А.* Адмирал П. С. Нахимов // Русский инвалид. 1868. № 32. 3 февраля.
- ¹⁷⁶ Письмо Лазарева А. А. Шестакову о назначении И. А. Шестакова на суда, которыми командуют П. С. Нахимов и Е. А. Путьятин // М. П. Лазарев: Документы. Т. 3. С. 334.
- ¹⁷⁷ Из письма Лазарева Меншикову с отзывом о В. А. Корнилове и о представлении к наградам отличившихся по службе офицеров и чиновников Черноморского флота // Там же. С. 312—314.
- ¹⁷⁸ *В. З. Фрегат «Бальчик».* С. 179.
- ¹⁷⁹ См.: Артиллерийское учение, составленное по правилам, принятым на английских военных судах. СПб., 1847.
- ¹⁸⁰ Заключение Нахимова о недостатках в правилах проведения артиллерийских учений, принятых в английском флоте // П. С. Нахимов: Документы и материалы. СПб., 2003. Т. 1. С. 182—183.
- ¹⁸¹ *Афанасьев Д. М.* К истории Черноморского флота. С. 449.
- ¹⁸² *В. З.* Об адмирале Павле Степановиче Нахимове. С. 472—473.
- ¹⁸³ См.: П. С. Нахимов: Документы и материалы. СПб., 2003. Т. 1. С. 123—135.
- ¹⁸⁴ *Порудоминский В.* Пирогов. М., 1965. С. 81.
- ¹⁸⁵ См.: Из записок И. А. Шестакова о Черноморском флоте // М. П. Лазарев: Документы. Т. 3. С. 487.
- ¹⁸⁶ *Даль В. И.* Мичман Поцелуев [Электронный ресурс] // URL: <http://web.petsu.ru/~dahl/html/pdf/MICHM61.pdf>.
- ¹⁸⁷ *Кудрявцева Е. П.* Россия и восточный вопрос в 30—40-е гг. XIX в. // Балканские исследования. Вып. 15. Россия и славяне: Политика и дипломатия. М., 1992. С. 79—80.
- ¹⁸⁸ См.: *Чичагов П. В.* Указ. соч. С. 662—663.
- ¹⁸⁹ Из письма В. А. Корнилова М. П. Лазареву об открытии Морской офицерской библиотеки в Севастополе 13 апреля 1844 г. // Вице-адмирал Корнилов: Сборник документов. М., 1947. С. 77.
- ¹⁹⁰ Из записки Н. Н. Раевского // М. П. Лазарев: Документы. Т. 2. С. 494.
- ¹⁹¹ См.: *Бушуев С.* Англо-русский инцидент со шхуной «Виксен» // Красный архив. 1940. № 5. С. 190—195.
- ¹⁹² Из рапорта Н. Н. Раевского командиру отдельного Кавказского корпуса генерал-лейтенанту Е. А. Головину о подстрекательстве англичанами горцев к выступлениям против России. 8 апреля 1838 г. // М. П. Лазарев: Документы. Т. 2. С. 296.
- ¹⁹³ Цит. по: *Бушуев С.* Указ. соч. С. 190.
- ¹⁹⁴ См.: *Тарле Е. В.* Указ. соч. Т. 1. С. 83.
- ¹⁹⁵ См.: Из записки лейтенанта И. Н. Сущева // М. П. Лазарев: Документы. Т. 2. С. 614—629.

- ¹⁹⁶ Воспоминания Г. И. Филипсона // РА. 1883. № 6. С. 324—325.
- ¹⁹⁷ Донесение Г. И. Филипсона, полковника Генерального штаба, М. П. Лазареву // М. П. Лазарев: Документы. Т. 2. С. 562—563.
- ¹⁹⁸ *Рассел У. Х.* Британская экспедиция в Крым: В 2 т. / Пер. с англ. О. Н. Исаевой. М., 2014. Т. 2. С. 601.
- ¹⁹⁹ См.: Приказ Лазарева с наставлением о действиях гребных судов и сводного морского батальона при высадке десанта в устье реки Туапсе // М. П. Лазарев: Документы. Т. 2. С. 422—423.
- ²⁰⁰ Письмо Лазарева Меншикову об участии Нахимова в работе по установке мертвых якорей в Цемесской бухте // П. С. Нахимов: Документы и материалы. СПб., 2003. Т. 1. С. 141.
- ²⁰¹ Отношение Е. А. Головина М. П. Лазареву // М. П. Лазарев: Документы. Т. 2. С. 572.
- ²⁰² См.: *Никульченко К. И.* Введение // Там же. С. XXXVI—XXXVII.
- ²⁰³ В РГАВМФ хранится машинописная копия рукописи воспоминаний. Их фрагменты опубликованы: Там же. С. 366—369.
- ²⁰⁴ См.: Из записки лейтенанта Н. Н. Сушева о крейсерстве судов Черноморского флота у кавказских берегов // Там же. С. 355—356.
- ²⁰⁵ Письмо М. Ю. Лермонтова А. А. Лопухину. Пятигорск. 12 сентября 1840 г. // *Лермонтов М. Ю.* Собрание сочинений: В 4 т. Т. 4. М., 1976. С. 456—457.
- ²⁰⁶ Воспоминания Г. И. Филипсона. С. 264.
- ²⁰⁷ *Зайончковский А. М.* Указ. соч. Т. 1. С. 573—574.
- ²⁰⁸ Рапорт Корнилова Меншикову о перевозке 13-й пехотной дивизии эскадрой Нахимова // П. С. Нахимов: Документы и материалы. СПб., 2003. Т. 1. С. 252—253.
- ²⁰⁹ Из дневника Рейнеке о деятельности Нахимова по подготовке обороны Севастополя // Там же. Т. 2. С. 34.
- ²¹⁰ Из воспоминаний адмирала И. А. Шестакова // М. П. Лазарев: Документы. Т. 2. С. 366—367.
- ²¹¹ Письмо Лазарева Меншикову об участии Нахимова в работе по установке мертвых якорей в Цемесской бухте. С. 140—141.
- ²¹² Рапорт Нахимова С. П. Хрушову о ходе работ по подъему тендера «Струя». 12 октября 1848 г. // П. С. Нахимов: Документы и материалы. СПб., 2003. Т. 1. С. 178—179.
- ²¹³ Рапорт Лазарева Меншикову о необходимости построить новое здание Севастопольской морской библиотеки // М. П. Лазарев: Документы. Т. 3. С. 7—8.
- ²¹⁴ Об «Истории Пугачевского бунта» // Современник. 1836. Т. 3. С. 134.
- ²¹⁵ Цит. по: *В.З.* Фрегат «Бальчик». С. 227—228.
- ²¹⁶ Цит. по: Там же.
- ²¹⁷ Из письма Корнилова Лазареву с изложением проекта изменений правил управления Морской офицерской библиотекой. 2 ноября 1842 г. // Вице-адмирал Корнилов. С. 50.
- ²¹⁸ Из письма Корнилова Лазареву о покупке книг для Морской офицерской библиотеки. 21 февраля 1843 г. // Там же. С. 56.

- ²¹⁹ См.: Из писем Корнилова Лазареву о закупке книг для Морской офицерской библиотеки. 12 и 21 февраля 1843 г. // Там же.
- ²²⁰ См.: П. С. Нахимов: Документы и материалы. СПб., 2003. Т. 1. С. 190—209.
- ²²¹ Воспоминания Г. И. Филипсона. С. 265.
- ²²² Приказ Нахимова об исправлении недостатков на бриге «Эней» // П. С. Нахимов: Документы и материалы. СПб., 2003. Т. 1. С. 161.
- ²²³ Исторический обзор плавания отряда судов под командованием Нахимова у восточного побережья Черного моря с 8 марта по 20 августа 1846 г. // Там же. С. 159; Приказ Нахимова от 29 июня 1846 г. // Там же. С. 163—166.
- ²²⁴ Цит. по: Из письма Лазарева А. И. Веревкину об отзывах главного сарваера и кораблестроителя английского флота В. Саймондса о качестве постройки судов Черноморского флота // М. П. Лазарев: Документы. Т. 3. С. 230—231.
- ²²⁵ См.: *Шершов А. П.* К истории военного кораблестроения. М., 1952. С. 297.
- ²²⁶ См.: РГАВМФ. Ф. 315. Оп. 1. Д. 101. Л. 38—42.
- ²²⁷ *Зайончковский А. М.* Указ. соч. Т. 1. С. 550—551.
- ²²⁸ Письмо Нахимова Рейнеке с просьбой сделать копию иконы св. Николая Чудотворца // П. С. Нахимов: Документы и материалы. СПб., 2003. Т. 2. С. 26.
- ²²⁹ Высочайший манифест // Материалы для истории Крымской войны и обороны Севастополя. Вып. 1. С. 30.
- ²³⁰ Приказ Нахимова о приведении судов эскадры в боевую готовность // П. С. Нахимов: Документы и материалы. СПб., 2003. Т. 1. С. 259—260.
- ²³¹ *Палеолог В. Д.* Плавание брига «Язон» // Морской сборник. 1854. Т. 11. № 3. II. Отдел учено-литературный. С. 257.
- ²³² *Богданович Е. В.* Указ. соч. Приложение. С. 70.
- ²³³ См.: *Сатин А.* Синоп: Из записок черноморского офицера // РВ. 1872. № 8. С. 771—782.
- ²³⁴ См.: *Тотлебен Э. И.* Описание обороны Севастополя: В 2 ч. М., 2017. Ч. 1. Кн. 1. С. 80.
- ²³⁵ Предписание Корнилова Нахимову об активизации действий эскадры в связи с обстрелом турецкими батареями русских судов на Дунае // П. С. Нахимов: Документы и материалы. СПб., 2003. Т. 1. С. 260—261.
- ²³⁶ Там же. С. 262.
- ²³⁷ Там же. С. 263.
- ²³⁸ *Палеолог В. Д.* Указ. соч. С. 268.
- ²³⁹ Письмо Корнилова брату Александру Алексеевичу о бое пароходо-фрегата «Владимир» с турецко-египетским пароходом «Перваз-Бахри» // Вице-адмирал Корнилов. С. 205.
- ²⁴⁰ Рапорт Нахимова Станюковичу о продвижении к Синопу и отсутствии достаточных запасов угля на кораблях эскадры // П. С. Нахимов: Документы и материалы. СПб., 2003. Т. 1. С. 274.

²⁴¹ *Палеолог В. Д.* Указ. соч. С. 270.

²⁴² См.: Сравнительная таблица сил судов, сражавшихся на синопском рейде 18 ноября 1853 г. // П. С. Нахимов: Документы и материалы. СПб., 2003. Т. 1. С. 308—309.

²⁴³ Рапорт Нахимова Станюковичу о блокировании Синопа и необходимости присылки подкреплений // Там же. С. 275—276.

²⁴⁴ См.: Приказ Нахимова о готовности кораблей к боевым действиям // Там же. С. 267—268.

²⁴⁵ Предписание Меншикова Нахимову о нежелательности причинения вреда турецким портовым городам // Там же. С. 278.

²⁴⁶ См.: *Мазунин Н. П.* Адмирал П. С. Нахимов. М., 1952. С. 20; *Кухарук А.* Мнимый больной // Родина. 1995. № 3—4. С. 22.

²⁴⁷ См.: РГАВМФ. Ф. 315. Оп. 1. Д. 704. Л. 5—26.

²⁴⁸ См.: Рапорт Нахимова Корнилову о Синопском морском сражении. 29 ноября 1853 г. // П. С. Нахимов: Документы и материалы. СПб., 2003. Т. 1. С. 324—328.

²⁴⁹ Приказ Нахимова об атаке неприятельского флота, находящегося на синопском рейде // Там же. С. 280—282.

²⁵⁰ *Сатин А.* Указ. соч. С. 775.

²⁵¹ Цит. по: *Сокольский Н.* Синопское сражение. 18 ноября 1853 года: Рассказ матроса Антона Майстренко // Современник. 1856. № 3. С. 73.

²⁵² Цит. по: *Вышеславский А.* Севастополь в последние месяцы осады: Из записок медика // Русская беседа. 1860. Кн. 2. Смесь. С. 63.

²⁵³ Рапорт Нахимова Корнилову о Синопском морском сражении. С. 325.

²⁵⁴ Из воспоминаний князя Виктора Ивановича Барятинского // РА. 1905. № 1. С. 98—99.

²⁵⁵ Письмо Нахимова австрийскому консулу в Синопе после разгрома турецкого флота на синопском рейде // П. С. Нахимов: Документы и материалы. СПб., 2003. Т. 1. С. 313.

²⁵⁶ *Крашенинников С.* Указ. соч. С. 171.

²⁵⁷ См.: *Пасецкий В. М.* Указ. соч. С. 117.

²⁵⁸ Письмо генерал-майора Рейнеке о Синопском сражении и встрече эскадры Нахимова в Севастополе // П. С. Нахимов: Документы и материалы. СПб., 2003. Т. 1. С. 350—351.

²⁵⁹ Цит. по: *Тарле Е. В.* Указ. соч. Т. 1. С. 401.

²⁶⁰ *Шестаков И.* Обзор действий на море в течение настоящей войны // Морской сборник. 1855. № 2. Неофициальная часть. С. 239.

²⁶¹ Русский перевод см.: *Энгельс Ф.* *Ход турецкой войны* // *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. 2-е изд. Т. 9. М., 1958. С. 571—572.

²⁶² *Он же.* Европейская война // Там же. Т. 10. С. 3—4.

²⁶³ Публикация газеты «Таймс» от 9 января 1854 г. цит. по: Материалы для истории Крымской войны и обороны Севастополя. Вып. 1. С. 184.

²⁶⁴ Письмо настоятеля Сергиевой пустыни архимандрита Игнатия (Брянчанинова) // П. С. Нахимов: Документы и материалы. СПб., 2003. Т. 2. С. 13—14.

²⁶⁵ Ответ Игнатию (Брянчанинову) // Там же. Комментарии. С. 331.

²⁶⁶ Из дневника Рейнеке о деятельности Нахимова по подготовке обороны Севастополя. С. 35.

²⁶⁷ Из письма Воеводского Рейнеке о деятельности Нахимова в Севастополе // П. С. Нахимов: Документы и материалы. СПб., 2003. Т. 2. С. 95.

²⁶⁸ Из воспоминаний адъютанта Нахимова П. Я. Шкота // Там же. С. 288.

²⁶⁹ Письмо Нахимова двоюродному брату А. М. Нахимову в ответ на поздравление с победой при Синопе // Там же. С. 24—25.

²⁷⁰ См.: Письмо Меншикова Лазареву с просьбой прислать переписку с Н. Н. Муравьевым о подготовке и высадке десанта на берегах Босфора и сообщить свои предложения о способах обороны Черноморского побережья России // М. П. Лазарев: Документы. Т. 2. С. 152.

²⁷¹ Из письма М. П. Лазарева А. А. Шестакову о военно-политической обстановке на Ближнем Востоке и о готовности Черноморского флота к походу в Босфор // Там же. С. 185—186.

²⁷² Письмо Лазарева адмиралу Меншикову о средствах и способах обороны Севастополя в случае нападения английского флота и о необходимости укрепления Севастопольского порта. 6 февраля 1834 г. // Там же. С. 145—146.

²⁷³ Цит. по: *Алабин П. В.* Четыре войны: Походные записки в 1849, 1854—1856, 1877—1878 гг. Ч. 3. Защита Севастополя (1854—1856). М., 1892. С. 236.

²⁷⁴ См.: *Зайончковский А. М.* Указ. соч. Т. 1. С. 538—539.

²⁷⁵ Письмо Корнилова брату Александру Алексеевичу о действиях неприятельских пароходов в Черном море // Вице-адмирал Корнилов. С. 238.

²⁷⁶ *Афанасьев Д. М.* Ответ моряка «Русскому архиву».

²⁷⁷ Письмо Нахимова Рейнеке об отношениях с В. А. Корниловым // П. С. Нахимов: Документы и материалы. СПб., 2003. Т. 2. С. 22.

²⁷⁸ *Лебединцев А. Г.* Из дневника священника в осажденном Севастополе. М., 1908. С. 9—10.

²⁷⁹ *Энгельс Ф.* Знаменитая победа // *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. 2-е изд. Т. 10. М., 1958. С. 228.

²⁸⁰ Письмо Корнилова Метлину о действиях неприятельского флота под Севастополем // Вице-адмирал Корнилов. С. 240—241.

²⁸¹ Пленные англичане в России: Рассказ старшего лейтенанта королевского парового фрегата «Тигр» Альфреда Ройера // Родина. 1995. № 3—4. С. 125.

²⁸² Иностранные известия. Турецкие дела // Русский инвалид. 1854. № 94. С. 427; Иностранные известия. Великобритания // Там же. № 100. С. 460.

- ²⁸³ Из дневника Рейнеке о деятельности Нахимова по подготовке обороны Севастополя. С. 45.
- ²⁸⁴ *Аргайльский, герцог*. Ответственность Англии в Восточном вопросе: Факты и воспоминания за 40 лет / Пер. М. К. Брянчиной. СПб., 1908. С. 12—13.
- ²⁸⁵ Цит. по: *Зайончковский А. М.* Указ. соч. Т. 1. С. 547.
- ²⁸⁶ Цит. по: *Александр Ф., Л'Онуа Б. де*. Королева Виктория / Пер. с фр. И. А. Сосфеновой. М., 2018. С. 213.
- ²⁸⁷ См.: Боевая летопись русского флота. М., 1948. С. 239, 241.
- ²⁸⁸ См.: Из дневника Рейнеке // П. С. Нахимов: Документы и материалы. СПб., 2003. Т. 2. С. 42.
- ²⁸⁹ *Зайончковский А. М.* Указ. соч. Т. 1. С. 599.
- ²⁹⁰ Воспоминания кн. В. И. Барятинского. М., 1905. С. 29.
- ²⁹¹ Из дневника Рейнеке о деятельности Нахимова по подготовке обороны Севастополя. С. 46.
- ²⁹² Письмо Корнилова Метлину о подготовке эскадры к предстоящим боевым действиям и усилению обороны Севастополя. 24 февраля 1854 г. // Вице-адмирал Корнилов. С. 224.
- ²⁹³ Из вахтенного журнала корабля «Три святителя» // П. С. Нахимов: Документы и материалы. СПб., 2003. Т. 2. С. 62.
- ²⁹⁴ *Лихачев И.* Роль Черноморского флота в Крымскую войну и затопление наших военных судов в Северной бухте в 1854 г. // Морской сборник. 1913. № 11. Неофициальная часть. С. 24.
- ²⁹⁵ *Он же*. В Севастополе 50 лет назад // Там же. С. 5.
- ²⁹⁶ Приказ Корнилова по флоту о необходимости затопления кораблей для защиты Севастополя // Вице-адмирал Корнилов. С. 258.
- ^{296а} Цит. по: *Шестаков И. А.* Полвека обыкновенной жизни. СПб., 2006. С. 190.
- ²⁹⁷ Цит. по: Записки Петра Кононовича Менькова: В 3 т. СПб., 1898. Т. 1. С. 269—270.
- ²⁹⁸ Там же. С. 272.
- ²⁹⁹ Рапорт Нахимова М. Н. Станюковичу о невозможности совмещения командования эскадрой с должностью начальника морских команд в южной части Севастополя // П. С. Нахимов: Документы и материалы. СПб., 2003. Т. 2. С. 63.
- ³⁰⁰ *Рассел У. Х.* Указ. соч. Т. 2. С. 609.
- ³⁰¹ Севастополь: Записки начальника штаба севастопольского гарнизона князя В. И. Васильчикова // РА. 1891. № 6. С. 189.
- ³⁰² Докладная записка Корнилова Меншикову о необходимости увеличения гарнизона Севастополя в целях усиления его обороноспособности. 19 сентября 1854 г. // Вице-адмирал Корнилов. С. 262—263.
- ³⁰³ Приказ Нахимова о затоплении кораблей и использовании их команд для защиты Севастополя с суши // П. С. Нахимов: Документы и материалы. СПб., 2003. Т. 2. С. 64.
- ³⁰⁴ Воспоминания кн. В. И. Барятинского. С. 34—35.
- ³⁰⁵ Из воспоминаний адъютанта Нахимова П. Я. Шкота. С. 288—289.

- ³⁰⁶ Цит. по: Последний «военный корреспондент» // Родина. 1995. № 3—4. С. 65.
- ³⁰⁷ Воспоминания кн. В. И. Барятинского. С. 38.
- ³⁰⁸ Французы и русские в Крыму: Письма французского офицера. Минск, 1894. С. 92—93.
- ³⁰⁹ См.: *Салом Л.* Адмирал Павел Степанович Нахимов // Морской сборник. 1902. № 6. Неофициальная часть. С. 10—11.
- ³¹⁰ Воспоминания кн. В. И. Барятинского. С. 41.
- ³¹¹ Французы и русские в Крыму. С. 164.
- ³¹² *Шильдер Н. К.* Граф Эдуард Иванович Тотлебен, его жизнь и деятельность: В 2 т. Т. 1. СПб., 1885. Приложение к главе 5. С. 54.
- ³¹³ *Зайончковский А. М.* Батарея Костомарова // Русский инвалид. 1901. 18 февраля.
- ³¹⁴ Письма П. И. Лесли // Сборник рукописей, представленных его императорскому высочеству государю наследнику цесаревичу о Севастопольской обороне севастопольцами: В 3 т. Т. 2. СПб., 1872. С. 363—364.
- ³¹⁵ См.: Из воспоминаний адъютанта Нахимова П. Я. Шкота. С. 287—291.
- ³¹⁶ Письмо капитана 2 ранга М. М. Коцебу Рейнеке о мужестве и отваге Нахимова // П. С. Нахимов: Документы и материалы. СПб., 2003. Т. 2. С. 75.
- ³¹⁷ Письмо Нахимова Н. Ф. Метлину о снабжении севастопольского гарнизона провиантом и положении Севастополя // Там же. С. 79.
- ³¹⁸ *Красовский И. И.* Из воспоминаний о войне 1853—1856 годов. М., 1874. С. 14.
- ³¹⁹ Севастополь: Записки... В. И. Васильчикова. С. 210.
- ³²⁰ *Ершов А. И.* Севастопольские воспоминания артиллерийского офицера. СПб., 1891. С. 31.
- ³²¹ Французы и русские в Крыму. С. 14.
- ³²² Из воспоминаний бывшего командира 4-го бастиона капитана 1 ранга Реймерса В. Г. // П. С. Нахимов: Документы и материалы. СПб., 2003. Т. 2. С. 286—287.
- ³²³ Последний «военный корреспондент». С. 66.
- ³²⁴ *Асланбегов А.* Биографический очерк о П. С. Нахимове // П. С. Нахимов: Документы и материалы. СПб., 2003. Т. 2. С. 279.
- ³²⁵ Французы и русские в Крыму. С. 117.
- ³²⁶ Из письма П. В. Воеводского Рейнеке о деятельности Нахимова в Севастополе // П. С. Нахимов: Документы и материалы. СПб., 2003. Т. 2. С. 95.
- ³²⁷ Французы и русские в Крыму. С. 153.
- ³²⁸ *Рассел У. Х.* Указ. соч. Т. 2. С. 592.
- ³²⁹ *Энгельс Ф.* Британская катастрофа в Крыму // *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. 2-е изд. Т. 10. М., 1958. С. 594.
- ³³⁰ Донесение английской следственной комиссии // Материалы для истории Крымской войны и обороны Севастополя. Вып. 5. СПб., 1874. С. 245—247.

- ³³¹ Севастопольские письма Н. И. Пирогова. 1854—1855. СПб., 1899. С. 61.
- ³³² *Рассел У. Х.* Указ. соч. Т. 2. С. 802.
- ³³³ См.: *Ершов А. И.* Указ. соч. С. 148—149.
- ³³⁴ Материалы для истории Крымской войны и обороны Севастополя. Вып. 2. СПб., 1871. Приложение. С. 91—92.
- ³³⁵ Докладная записка П. С. Нахимова А. С. Меншикову о мерах по охране входа в Севастопольскую бухту. 29 января 1855 г. // П. С. Нахимов: Документы и материалы. СПб., 2003. Т. 2. С. 97.
- ³³⁶ *Ершов А. И.* Указ. соч. С. 101.
- ³³⁷ Приказ Нахимова по севастопольскому гарнизону о необходимости беречь личный состав батарей во время неприятельских бомбардировок // П. С. Нахимов: Документы и материалы. СПб., 2003. Т. 2. С. 116—117.
- ³³⁸ *Ершов А. И.* Указ. соч. С. 167—168.
- ³³⁹ Воспоминания кн. В. И. Барятинского. С. 32—34.
- ³⁴⁰ *Лебединцев А. Г.* Указ. соч. С. 6.
- ³⁴¹ См.: *Айрапетов О.* 15 из 1000: Небоевые потери российской армии // Родина. 1995. № 3—4. С. 114.
- ³⁴² Севастопольские письма Н. И. Пирогова. С. 33.
- ³⁴³ См.: *Сорокина Т.* История медицины. М., 2009. С. 439—447.
- ³⁴⁴ Из воспоминаний бывшего старшего адъютанта командира Севастопольского порта Л. А. Ухтомского. С. 305.
- ³⁴⁵ Статья профессора Гюббенета // Материалы для истории Крымской войны и обороны Севастополя. Вып. 1. Приложение. С. 55.
- ³⁴⁶ Из рапорта Мансурова в. кн. Константину Николаевичу об учреждении Нахимовым комитета по выдаче пособий раненым и заботе Нахимова о раненых // П. С. Нахимов: Документы и материалы. СПб., 2003. Т. 2. С. 108—109.
- ³⁴⁷ Там же. С. 136.
- ³⁴⁸ См.: Севастопольские письма Н. И. Пирогова. С. 97, 100.
- ³⁴⁹ *Лебединцев А. Г.* Письма протоиерея Арсения Лебединцева, б[ывшего] благочинного церковью Южного берега Крыма, к преосвященному Иннокентию, архиепископу Херсонскому и Таврическому, с донесением о ходе военных действий и состоянии церковью и духовенства во время 11-тимесячной осады Севастополя. Киев, 1896. С. 69.
- ³⁵⁰ Приказ Нахимова о взыскании штрафов за злоупотребления в снабжении личного состава продовольствием. 23 февраля 1855 г. // П. С. Нахимов: Документы и материалы. СПб., 2003. Т. 2. С. 112—113.
- ³⁵¹ *Толстой Л. Н.* Севастополь в декабре месяце // *Толстой Л. Н.* Собрание сочинений: В 22 т. Т. 2. М., 1979. С. 98.
- ³⁵² Письмо Нахимова и. д. начальника штаба Черноморского флота контр-адмиралу Метлину о снабжении Севастополя провизией, топливом и боеприпасами, о смерти Истомина и военных действиях под Севастополем // П. С. Нахимов: Документы и материалы. СПб., 2003. Т. 2. С. 143—145.

- ³⁵³ *Тотлебен Э. И.* Указ. соч. Ч. 1. Кн. 2. С. 633.
- ³⁵⁴ Цит. по: Записки Петра Кононовича Менькова. Т. 1. С. 384.
- ³⁵⁵ См.: *Лебединцев А. Г.* Письма протоиерея Арсения Лебединцева... С. 87.
- ³⁵⁶ *Ершов А. И.* Указ. соч. С. 192—193.
- ³⁵⁷ Исторические песни. Баллады // Сост., подг. текстов, вступ. ст. и прим. С. Н. Азбелева. М., 1991. С. 659—670.
- ³⁵⁸ Песенник анархиста-подпольщика [Электронный ресурс] // URL: <http://a-pesni.org/army/lubezndrug.php>
- ³⁵⁹ *Рассел У. Х.* Указ. соч. Т. 2. С. 604.
- ³⁶⁰ Французы и русские в Крыму. С. 182—183.
- ³⁶¹ *Лебединцев А. Г.* Из дневника священника в осажденном Севастополе. С. 8.
- ³⁶² *Рассел У. Х.* Указ. соч. Т. 2. С. 602.
- ³⁶³ Письмо П. В. Воеводского Рейнеке об обстановке в Севастополе // П. С. Нахимов: Документы и материалы. СПб., 2003. Т. 2. С. 145.
- ³⁶⁴ См.: Из рапорта Мансурова в. кн. Константину Николаевичу о потерях моряков — защитников Севастополя в период с 28 марта по 5 апреля 1855 г. и эвакуации раненых // Там же. С. 149—150.
- ³⁶⁵ См.: Письмо П. И. Лесли от 31 марта 1855 г. // Сборник рукописей, представленных его императорскому высочеству... Т. 2. С. 346.
- ³⁶⁶ Из воспоминаний адъютанта Нахимова П. Я. Шкота. С. 293—295.
- ³⁶⁷ Из воспоминаний бывшего старшего адъютанта командира Севастопольского порта Л. А. Ухтомского. С. 298.
- ³⁶⁸ *Ершов А. И.* Указ. соч. С. 166.
- ³⁶⁹ Из воспоминаний инженер-полковника Е. М. Бульмеринга // П. С. Нахимов: Документы и материалы. СПб., 2003. Т. 2. С. 283—284.
- ³⁷⁰ Приказ Нахимова по Севастопольскому порту в связи с производством его в адмиралы и выражением благодарности личному составу севастопольского гарнизона // Там же. С. 152.
- ³⁷¹ Письмо Нахимова начальнику Черноморской береговой линии вице-адмиралу Л. М. Серебрякову о смерти его сына капитан-лейтенанта М. Л. Серебрякова // Там же. С. 137—138.
- ³⁷² Письмо П. И. Лесли от 18 апреля 1855 г. // Сборник рукописей, представленных его императорскому высочеству... Т. 2. С. 362—363.
- ³⁷³ Письмо П. И. Лесли от 16 мая 1855 г. // Там же. С. 375.
- ³⁷⁴ Приказ Нахимова о необходимости бдительного наблюдения за амбразурой противника при ведении ближнего артиллерийского боя от 3 мая 1855 г. // П. С. Нахимов: Документы и материалы. СПб., 2003. Т. 2. С. 172.
- ³⁷⁵ *Рассел У. Х.* Указ. соч. Т. 2. С. 601.
- ³⁷⁶ Письмо Нахимова А. П. Тимирязеву с отзывом о проявленной им храбрости при защите Камчатского люнета // П. С. Нахимов: Документы и материалы. СПб., 2003. Т. 2. С. 189.

- ³⁷⁷ *Рассел У. Х.* Указ. соч. Т. 2. С. 719.
- ³⁷⁸ Цит. по: Статья профессора Гюббенета. С. 56.
- ³⁷⁹ Из письма лейтенанта А. А. Бутакова матери // П. С. Нахимов: Документы и материалы. СПб., 2003. Т. 2. С. 133.
- ³⁸⁰ Записки Петра Кононовича Менькова. Т. 1. С. 378.
- ³⁸¹ См.: *Красовский И. И.* Отбитый штурм Севастополя 6 июня 1855 г. М., 1884. С. 10.
- ³⁸² См.: *Горев Л.* Война 1853—1856 гг. и оборона Севастополя. М., 1955. С. 410.
- ³⁸³ *Асланбегов А. Б.* Адмирал П. С. Нахимов.
- ³⁸⁴ *Красовский И. И.* Отбитый штурм Севастополя 6 июня 1855 г. С. 8.
- ³⁸⁵ 15 писем адмирала А. И. Панфилова // РС. 1910. Т. 143. № 7. С. 96.
- ³⁸⁶ *Маркс К.* Неудача 18 июня // *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. 2-е изд. Т. 11. М., 1958. С. 333.
- ³⁸⁷ См.: Из дневника Рейнеке о деятельности Нахимова по подготовке обороны Севастополя // П. С. Нахимов: Документы и материалы. СПб., 2003. Т. 2. С. 46.
- ³⁸⁸ *Лебединцев А. Г.* Письма протоиерея Арсения Лебединцева... С. 60.
- ³⁸⁹ См.: Приказ по штабу Севастопольского порта о применении на кораблях эскадры нового способа тушения неприятельских ракет. 7 апреля 1855 г. // П. С. Нахимов: Документы и материалы. СПб., 2003. Т. 2. С. 150.
- ³⁹⁰ *Лебединцев А. Г.* Письма протоиерея Арсения Лебединцева... С. 107.
- ³⁹¹ Письмо лейтенанта А. А. Бутакова матери // П. С. Нахимов: Документы и материалы. СПб., 2003. Т. 2. С. 133—134.
- ³⁹² См.: Рапорт Нахимова Горчакову об использовании корабельного леса для строительства севастопольских укреплений. 25 мая 1855 г. // Там же. С. 179.
- ³⁹³ Докладная записка Нахимова М. Д. Горчакову с просьбой прислать в Севастополь людей для восполнения убыли прислуги на батареях // Там же. С. 194.
- ³⁹⁴ См.: *Рассел У. Х.* Указ. соч. Т. 2. С. 603.
- ³⁹⁵ *Мельникова Л. В.* Патриотическая деятельность свт. Иннокентия (Борисова) в годы Крымской войны // Вестник церковной истории. 2007. № 4 (8). С. 85—86.
- ³⁹⁶ 15 писем адмирала А. И. Панфилова. С. 102.
- ³⁹⁷ См.: Последние минуты адмирала Нахимова // П. С. Нахимов: Документы и материалы. СПб., 2003. Т. 2. С. 229—230.
- ³⁹⁸ Цит. по: *Алабин П.* Указ. соч. Ч. 3. С. 439.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

П. С. НАХИМОВА*

- 1802, 23 июня — родился в сельце Городок Вяземского уезда Смоленской губернии.
- 1813, 11 августа — определен кандидатом на вакансию в Морской корпус.
- 1815, июнь—июль — волонтером на бриге «Симеон и Анна» участвовал в учебном плавании в Финском заливе от Санкт-Петербурга до Кронштадта.
24 (26?) июля — зачислен в кадеты Морского корпуса.
Произведен в гардемарины.
- 1816, июнь—июль — на бриге «Симеон и Анна» участвовал в учебном плавании в Финском заливе.
- 1817, 13 мая— 17 сентября — на бриге «Феникс» ходил в учебное плавание по маршруту Кронштадт—Роченсальм—Свеаборг—Ревель—Рига—Стокгольм—Карлскрон—Копенгаген и обратно.
- 1818, 20 января — после окончания экзаменов произведен в унтер-офицеры.
9 февраля — произведен в мичманы с назначением во 2-й флотский экипаж на Балтийском море.
- 1818—1819 — находился в Санкт-Петербурге «при берегу».
- 1820 — служил мичманом на тендере «Янус».
23 мая — 15 октября — участвовал в плавании на «Янусе» по Финскому заливу.
- 1821 — переведен в 23-й флотский экипаж на Балтийском море.
Переехал из Кронштадта в Архангельск.
- 1822, апрель—май — отправился берегом из Архангельска в Санкт-Петербург для участия в кругосветном плавании.
- 1822, 17 августа — 1825, 5 августа — участвовал в кругосветном плавании на фрегате «Крейсер».
- 1823, 23 марта — во время кругосветного плавания произведен в лейтенанты.
1 сентября — награжден орденом Святого Владимира 4-й степени «за вояж кругом света».
- 1826, начало года — назначен в команду строящегося в Архангельске линейного корабля «Азов».
5 октября — переведен в 13-й флотский экипаж на Балтийском море.
- 1827, 21 мая — 1828, 27 июля — в составе экипажа «Азова» отправился в плавание по маршруту Кронштадт—Ревель—Копенгаген—Портсмут—Палермо—Мессина—Наварин—Мальта.
- 1827, 8 октября — в Наваринском сражении против турецкой эскадры командовал батареей на «Азове».

* По юлианскому календарю, действовавшему тогда в России.

- Декабрь* — за проявленную в Наваринском сражении храбрость награжден орденом Святого Георгия 4-й степени и произведен в капитан-лейтенанты.
- 1828, *16 июня* — назначен командиром корвета «Наварин».
- 1828, *август* — 1829, *февраль* — руководил работами по вооружению и оснащению корвета «Наварин».
- 1829, *февраль* — *конец года* — во время Русско-турецкой войны в составе эскадры осуществлял блокаду пролива Дарданеллы.
- 1830, *17 января* — *30 мая* — на «Наварине» в составе эскадры под командованием М. П. Лазарева совершил переход из Эгейского моря в Кронштадт.
- Май—сентябрь* — командуя «Наварином», ходил из Кронштадта в Свеаборг и Ревель.
- Июнь* — награжден орденом Святой Анны 2-й степени.
- 18 сентября* — переведен в 23-й флотский экипаж на Балтийском море.
- 1831, *май—июль* — на корвете «Наварин» нес карантинную брандвахту во время эпидемии холеры.
- 31 декабря* — назначен командиром строящегося фрегата «Паллада» с переводом в 4-й флотский экипаж на Балтийском море.
- 1832 — руководил постройкой и вооружением «Паллады».
- 1833 — командовал фрегатом «Паллада», в составе эскадры крейсировавшим в Балтийском море.
- 1834, *24 января* — переведен в 41-й флотский экипаж на Черном море. Назначен командиром строящегося линейного корабля «Силистрия».
- 30 августа* — произведен в капитаны 2-го ранга.
- 1834—1836 — руководил постройкой, оснащением и вооружением «Силистрии».
- 1835, *октябрь* — за участие в истреблении турецко-египетского флота при Наварине награжден греческим орденом Спасителя.
- 1837, *май—сентябрь* — командовал «Силистрией», крейсировавшей в Черном море.
- Сентябрь* — за ревностную службу получил знак ордена Святой Анны 2-й степени с императорской короной.
- 6 декабря* — произведен в капитаны 1-го ранга.
- 1838, *23 марта* — 1839, *18 августа* — находился в отпуске по болезни.
- 1840, *май* — участвовал в организации и высадке десантов на Черноморском побережье Кавказа в устье рек Туапсе и Псеуапсе, при высадке десантного отряда командовал левым флангом 1-го отделения.
- Июнь—сентябрь* — командуя «Силистрией», занимался крейсерованием между Анапой и Новороссийском.
- Июль—сентябрь* — руководил работами по установке мертвых якорей в Новороссийской бухте.

- 1841, май—август — руководил работами по переложению мертвых якорей, крейсировал на «Силистрии» между Севастополем и Одессой.
- 1842, апрель — за усердную службу награжден орденом Святого Владимира 3-й степени.
Июль—август — находился «в практическом плавании» на «Силистрии» по Черному морю.
- 1843, июнь—октябрь — командуя «Силистрией», перевозил сухопутные войска из Одессы в Севастополь и обратно.
- 1844, июль — руководил работами по замене бочек у мертвых якорей в Новороссийской бухте.
Командуя «Силистрией», содействовал отражению нападения горцев на форт Головинский Черноморской береговой линии.
- 1845, май—сентябрь — на «Силистрии» находился «в практическом плавании» по Черному морю.
13 сентября — произведен в контр-адмиралы и назначен командиром 1-й бригады 4-й флотской дивизии.
- 1846 — 1851 — командовал отрядом судов, крейсировавших вдоль Черноморского побережья Кавказа. Держал флаг на фрегате «Кагул», линейном корабле «Ягудиил», фрегате «Коварна».
- 1846 — награжден знаком отличия за 25 лет беспорочной службы.
- 1847, декабрь — награжден орденом Святого Станислава 1-й степени.
- 1848, 5—23 июля — руководил подъемом затонувшего тендера «Струя».
- 1849, декабрь — награжден орденом Святой Анны 1-й степени.
- 1851 — назначен вторым флагманом 1-й практической эскадры Черноморского флота.
Получил знак ордена Святой Анны 1-й степени с императорской короной.
- 1852, 30 марта — назначен командующим 5-й флотской дивизией.
4 июля — 25 октября — командовал эскадрой, дважды перевозившей сухопутные войска из Севастополя в Одессу.
2 октября — произведен в вице-адмиралы.
Держал флаг на корабле «Двенадцать апостолов».
- 1853, 17—24 сентября — командуя эскадрой, перевозил из Севастополя на кавказское побережье 13-ю пехотную дивизию. Держал флаг на линейном корабле «Великий князь Константин».
7 октября — за успешное выполнение операции награжден орденом Святого Владимира 2-й степени.
18 ноября — командовал эскадрой, уничтожившей турецкий флот в Синопской бухте. Держал флаг на линейном корабле «Императрица Мария».
28 ноября — за победу в сражении награжден орденом Святого Георгия 2-й степени.

- 1854, 2 января* — вступил в командование эскадрой, стоявшей на севастопольском рейде. Держал флаг на корабле «Двенадцать апостолов».
- Сентябрь* — руководил формированием морских батальонов.
- 5 октября* — во время первой бомбардировки Севастополя легко ранен в голову.
- 1855, январь* — за заслуги во время обороны Севастополя награжден орденом Белого орла.
- 25 февраля* — назначен помощником начальника севастопольского гарнизона, командиром порта и временным военным губернатором Севастополя.
- 27 марта* — за отличие при обороне Севастополя произведен в адмиралы.
- 26 мая* — контужен во время штурма неприятелем Камчатского люнета.
- Май—июнь* — руководил постройкой моста на бочках через Южную бухту.
- Июнь* — во время штурма войсками неприятеля руководил обороной Корабельной стороны Севастополя.
- 28 июня* — ранен в висок штуцерной пулей на Корниловском бастионе Малахова кургана.
- 30 июня* — скончался.
- 1 июля* — после отпевания в Михайловской церкви похоронен в склепе строящегося собора Святого равноапостольного князя Владимира рядом с М. П. Лазаревым, В. А. Корниловым и В. И. Истоминым.

ИСТОЧНИКИ И БИБЛИОГРАФИЯ

Архивные фонды

Государственное казенное учреждение Архив города Севастополя. Ф. 20. Балаклавский Георгиевский монастырь.

Государственный архив Российской Федерации. Ф. 48. Следственное дело лейтенанта Завалишина.

Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 473. Дневной журнал В. И. Даля.

Российский государственный архив Военно-Морского Флота. Ф. 315. Материалы по истории русского флота; Ф. 1166. М. Ф. Рейнеке.

Опубликованные источники

15 писем адмирала А. И. Панфилова // Русская старина. 1910. Т. 143. № 7. С. 87—105.

Алабин П. В. Четыре войны: Походные записки в 1849, 1853, 1854—56, 1877—78 гг.: В 3 ч. Ч. 3. Защита Севастополя (1854—1856). М., 1892.

Барятинский В. И. Воспоминания князя В. И. Барятинского. М., 1905.

Вице-адмирал Корнилов: Сборник документов / Под ред. Н. В. Новикова, П. Г. Софонова. М., 1947.

Воспоминания Бестужевых. М.; Л., 1951.

Воспоминания Григория Ивановича Филиппсона // Русский архив. 1883. № 6. С. 241—356.

Вышеславский А. Севастополь в последние месяцы осады (Из записок медика) // Русская беседа. 1860. Кн. 2. Смесь.

Ершов А. И. Севастопольские воспоминания артиллерийского офицера. СПб., 1891.

Завалишин Д. И. Воспоминания о Морском кадетском корпусе с 1816 по 1822 год // Русский вестник. 1873. Т. 105. № 6. С. 623—655.

Завалишин Д. И. Воспоминания. М., 2003.

Завалишин Д. И. Калифорния в 1824 году // Русский вестник. 1865. Т. 60. С. 322—368.

Завалишин Д. И. Кругосветное плавание фрегата «Крейсер» // Древняя и новая Россия. 1877. Кн. 10. Т. 3. № 5, 6, 7, 11.

Завалишин Д. И. Поход гардемаринов в Швецию и Данию в 1817 г. // Русский вестник. 1874. № 7. С. 112—148.

Из воспоминаний князя Виктора Ивановича Барятинского // Русский архив. 1905. № 1. С. 86—108.

Красовский И. И. Из воспоминаний о войне 1853—1856 годов. М., 1874.

- Красовский И. И.* Отбитый штурм Севастополя. 6 июня 1855 г. М., 1880.
- Лебединцев А. Г.* Из дневника священника в осажденном Севастополе. М., 1908.
- Лебединцев А. Г.* Письма протоиерея Арсения Лебединцева, б[ывшего] благочинного церковью Южного берега Крыма, к преосвященному Иннокентию, архиепископу Херсонскому и Таврическому, с донесением о ходе военных действий и состоянии церковью и духовенства во время 11-месячной осады Севастополя. Киев, 1896.
- М. П. Лазарев: Документы / Под ред. К. И. Никульченкова: В 3 т. М., 1952, 1955, 1961.
- Материалы для истории Крымской войны и обороны Севастополя: В 5 вып. / Под ред. Н. Дубровина. СПб., 1871—1874.
- Меньков П.* Записки Петра Кононовича Менькова: В 3 т. СПб., 1898. Т. 1.
- Наваринский бой: Рассказ участника / Пер. с англ.; предисл. П. Д. Погодина. М., 1900.
- П. С. Нахимов: Документы и материалы / Под ред. А. А. Самарова. М., 1954.
- П. С. Нахимов: Документы и материалы: В 2 т. / Под ред. В. С. Соболева. СПб., 2003.
- Палеолог В. Д.* Плавание брига «Язон» в 1853 году // Морской сборник. 1854. Т. 11. № 3. II. Отдел учено-литературный. С. 255—271.
- Рассел У. Х.* Британская экспедиция в Крым / Пер. с англ. О. Н. Исаевой: В 2 т. М., 2014.
- Рыкачев А. П.* Год Наваринской кампании 1827—1828 гг. Кронштадт, 1878.
- Сатин А.* Синоп: Из записок черноморского офицера // Русский вестник. 1872. № 8. С. 770—782.
- Сборник рукописей, представленных его императорскому высочеству государю наследнику цесаревичу о Севастопольской обороне севастопольцами. СПб., 1872—1872 (репринт — М., 1998).
- Севастополь: Записки начальника штаба севастопольского гарнизона князя В. И. Васильчикова // Русский архив. 1891. № 6. С. 167—256.
- Севастопольские письма Н. И. Пирогова. 1854—1855. СПб., 1899.
- Толстой Л. Н.* Севастополь в декабре месяце // *Толстой Л. Н.* Собрание сочинений: В 22 т. Т. 2. М., 1979.
- Тотлебен Э. И.* Описание обороны Севастополя: В 4 т. М., 2017.
- Французы и русские в Крыму: Письма французского офицера к своей семье во время Восточной войны 1853—1855 гг. Минск, 1894.
- Чичагов П. В.* Записки. М., 2002.

Литература

Белавенец П. И. Адмирал Павел Степанович Нахимов. Севастополь, 1902.

Богданович Е. В. Адмирал Павел Степанович Нахимов. СПб., 1902.

Давыдов Ю. Нахимов. М., 1970 (серия «ЖЗЛ»).

Дружинин Н. Синопский бой. М.; Л., 1944.

Зайончковский А. Синопское сражение и Черноморский флот осенью 1853 года. СПб., 1903.

Мазунин Н. Адмирал П. С. Нахимов. М., 1952.

Найда С. Адмирал Нахимов. М., 1945.

Новиков Н. Адмирал Нахимов. М., 1944.

Поликарпов В. Павел Степанович Нахимов. М., 1960.

Салом Л. Адмирал Павел Степанович Нахимов. СПб., 1902.

Тарле Е. Нахимов. М., 1940; М., 1944 (серия «ЖЗЛ»).

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
<i>Глава первая. Детство и юность</i>	7
Семья	7
Корпус	12
На бриге «Феникс»	24
Экзамены	37
<i>Глава вторая. Кругосветное плавание</i>	41
Фрегат «Крейсер»	41
Капитан и его команда	42
Строительство и вооружение	47
Из Кронштадта в Копенгаген	55
Из Скагеррака в Портсмут	58
На родине порядка и машин	60
От Канарских островов до Рио-де-Жанейро	66
Из Рио-де-Жанейро к Вандименовой Земле	73
Русская Америка	77
Возвращение	86
<i>Глава третья. «Азов»</i>	89
Четырнадцатое декабря	89
И вновь Архангельск	95
Допрос	103
<i>Глава четвертая. Наварин и «Наварин»</i>	114
В поход!	114
Дипломатическая прелюдия	118
Сражение глазами участников	121
Сражение глазами современников и историков	139
Русско-турецкая война и блокада Дарданелл	146
Корвет «Наварин»	152
<i>Глава пятая. Фрегат «Паллада» и корабль «Силистрия»</i>	156
«Скучный поход»	156
«Флот идет к опасности»	159
На Черном море	163
Николаев	169
Морской Суворов	176
История болезни	181
<i>Глава шестая. Командир бригады и командующий дивизией</i>	195
Десанты	195
Крейсерство	208
Установка якорей	218
Морская библиотека	223
Морской устав	228
<i>Глава седьмая. Восточная война. Синоп</i>	235
«Там пахнет морской нацией»	235

Парус или винт?	236
Политический ландшафт накануне войны	240
В поисках неприятеля	242
Объявление войны	247
Лебединая песнь парусного флота	251
«...Не имея противника, ударили в дробь»	257
Эхо Синопского сражения	266
<i>Глава восьмая. Восточная война. Севастополь</i>	279
Перед большой войной	279
Начало	291
Волохова башня	300
Неприятель	303
Затопление кораблей	307
Начало осады	316
Первая бомбардировка	319
«Русская Троя»	324
Второй месяц осады	328
Третий месяц осады	332
120 дней осады	339
Душа обороны	341
Весеннее наступление	355
Вторая бомбардировка	362
Третья бомбардировка	370
Четвертая бомбардировка и штурм	375
Ранение и смерть Нахимова	378
Послесловие	387
Примечания	389
Основные даты жизни и деятельности П. С. Нахимова ...	407
Источники и библиография	411

Петрова Н. Г.
П 30 Нахимов / Наталья Петрова. — М.: Молодая гвардия, 2019. — 415[1] с.: ил. — (Жизнь замечательных людей: сер. биогр.; вып. 1796).

ISBN 978-5-235-04312-1

Имя адмирала Павла Степановича Нахимова (1802—1855) вписано в историю воинской славы России. Выпускник Морского корпуса участвовал в трехгодичном кругосветном плавании, получил боевое крещение в Наваринском сражении против турецкого флота, строил и вооружал корабли в Архангельске, Кронштадте и Николаеве, защищал Черноморское побережье Кавказа от турок и горцев, руководил инженерными работами в Новороссийской бухте, одержал блестящую победу над турецкой эскадрой при Синопе. Нахимова называли душой обороны Севастополя — «русской Трои» — в Крымскую войну. Его жизнь и гибель являют собой яркий образец исполнения воинского долга.

Каким образом уроженец сухопутной Смоленской губернии стал моряком? Как он был связан с русскими колониями в Северной Америке и почему привлечен к следствию по делу декабристов? За что его прозвали морским Суворовым? На эти вопросы отвечает книга историка и писателя Натальи Петровой, на основании опубликованных и архивных документов рассказывающая о жизненном пути флотоводца, ставшего национальным символом стойкости и мужества.

УДК 94(47)(092)“18”
ББК 63.3(2)521

знак информационной
продукции

16+

Петрова Наталья Георгиевна
НАХИМОВ

Редактор **Е. А. Никулина**
Художественный редактор **А. В. Никитин**
Технический редактор **М. П. Качурина**
Корректоры **Л. С. Барышникова, Г. В. Платова**

Слано в набор 19.04.2019. Подписано в печать 17.06.2019. Формат 84x108/32.
Бумага офсетная № 1. Печать офсетная. Гарнитура «Newton». Усл. печ. л.
21,84+1,68 вкл. Тираж 3000 экз. Заказ № 1908690.

Издательство АО «Молодая гвардия». Адрес издательства: 127055, Москва,
Сущевская ул., 21. Internet: <http://gvardiya.ru>. E-mail: dsej@gvardiya.ru

arvato
BERTELSMANN

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного электронного оригинал-макета
в ООО «Ярославский полиграфический комбинат»
150049, Ярославль, ул. Свободы, 97

ISBN 978-5-235-04312-1

Наталья Петрова

Наталья Петрова — историк и писатель. Основная сфера интересов — отечественная история. Автор биографии Скопина-Шуйского в серии «ЖЗЛ», ставшей лауреатом конкурса изданий «Просвещение через книгу» в номинации «Лучшая историческая книга».

ISBN 978-5-235-04312-1

9 785235 043121 >

Имя адмирала Павла Степановича Нахимова (1802—1855) навеки вписано в историю воинской славы России. Он участвовал в трехгодичном кругосветном плавании, получил боевое крещение в Наваринском сражении, строил корабли в Архангельске, Кронштадте и Николаеве, защищал Черноморское побережье Кавказа от турок и горцев, одержал блестящую победу при Синопе и стал душой обороны Севастополя — «русской Трои» — в Крымскую войну. Как уроженец сухопутной Смоленской губернии смог стать моряком? Почему он был привлечен к следствию по делу декабристов? За что его прозвали морским Суворовым? Книга, написанная с привлечением большого количества не изученных ранее архивных документов, рассказывает о жизненном пути флотоводца, ставшего национальным символом стойкости и мужества.

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ